Г.Л. СОБОЛЕВ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Солдаты! Рабочіе! Граждане!

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Г.Л. СОБОЛЕВ

ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ

Под редакцией
академика И. И. МИНЦА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

В монографии рассматриваются такие малоизученные вопросы, как революционное творчество солдат после свержения самодержавия, формирование их политических представлений, роль столичного гарнизона в возникновении и разрешении политических кризисов 1917 г. Особое внимание уделено процессу большевизации Петроградского гарнизона и участию солдатских масс в Октябрьской революции.

Книга рассчитана на историков.

Рецензенты:

А. П. КРЮКОВСКИХ, М. Н. ПОТЕХИН, З. В. СТЕПАНОВ

Д $\frac{0505030100-690}{042(02)-85}$ 38-85-*III*

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

«Без „дезорганизации“ армии, — писал в 1918 г. В. И. Ленин, — ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может. Ибо армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся».[1] Глубокая правота этого ленинского положения основывалась на опыте трех революций в России. Первая же из них показала со всей определенностью, что пролетариату для победы над своими главными противниками — самодержавием и буржуазией — необходимо во что бы то ни стало привлечь на свою сторону армию. Тогда царизму еще удалось удержать в повиновении вооруженные силы и широко использовать их для подавления первой русской революции.

С началом империалистической войны большевики особенно настойчиво повели борьбу за отвоевание у своего классового врага армии, в которую были мобилизованы миллионы крестьян и рабочих. Только таким путем можно было свергнуть царизм. «Эпоха *штыка* наступила, — писал В. И. Ленин в ноябре 1914 г. — Это факт, значит, и *таким оружием* надо бороться».[2] Всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 г. большевики подготовили переход армии на сторону рабочего класса России, выступившего в роли гегемона всех угнетенных масс в борьбе против самодержавия. Начав в февральские дни 1917 г. восстание против царизма, питерские рабочие сумели героизмом и самоотверженностью привлечь в свои ряды тысячи солдат гарнизона столицы. Переход армии на сторону революционного народа решил судьбу самодержавного строя в России.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции, когда оружие оказалось под контролем солдатской массы, «способной по своей силе *решить все*»,[3] перед партией большевиков встала гигантски трудная задача по прояснению политического сознания одетых в серые шинели многих миллионов крестьян, по вовлечению их в единый революционный поток, по их мобилизации на борьбу против буржуазии, за победу социалистической революции. При этом В. И. Ленин обращал особое внимание на необходимость «подготовить *свои* военные силы для свержения Керенского».[4] «История, — писал он, — сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос *военный*».[5] И партия большевиков блестяще справилась с этой сложной задачей, сумев в канун Октябрьского вооруженного восстания обеспечить в решающих местах подавляющий перевес сил революции, важной составной частью которых являлись солдатские массы. Так было прежде всего в Петрограде, где столичный гарнизон вместе с питерскими рабочими и матросами Балтийского флота принял активное участие в свержении власти Временного правительства.

* * *

Изучение роли армии в борьбе за победу Великого Октября началось с первых лет Советской власти, и к настоящему времени по данной проблеме, по подсчетам историков, имеется уже более 300 специальных работ.[6] Наличие в новейшей историографии Октябрьской революции обстоятельного разбора этой литературы[7] избавляет автора от необходимости подробно останавливаться на ее характеристике. Здесь же отметим только отрадный факт появления первых обобщающих трудов по этой важной в научном и политическом отношении теме.[8]

Существенной особенностью современного этапа изучения борьбы за русскую армию в 1917 г. является глубокий интерес к истории революционного движения в тыловых гарнизонах России, солдатские массы которых оказали заметное влияние как на действующую армию, так и на исход классовых боев в целом. Появились специальные исследования о многих тыловых гарнизонах и о революционном движении солдат в важнейших регионах России.[9]

Активно изучалась в последние годы и деятельность солдатских масс Петроградского гарнизона, находившегося в решающем пункте борьбы сил революции и контр-

революции. Различные аспекты этой проблемы нашли свое освещение в фундаментальном исследовании И. И. Минца,[10] в монографиях Э. Н. Бурджалова,[11] О. Н. Знаменского,[12] Е. Ф. Ерыкалова,[13] в коллективных трудах «Октябрьское вооруженное восстание»[14] и «Революционный Петроград»[15] и др. В 50—60-е гг. на эту тему были опубликованы также содержательные статьи Б. М. Кочакова,[16] О. Н. Чаадаевой,[17] А. А. Питулько,[18] брошюра А. Ионова.[19]

Вместе с тем нужно отметить, что целый ряд важных вопросов борьбы Петроградского гарнизона за победу Великого Октября — революционное творчество солдатских масс, формирование их политических представлений, роль столичного гарнизона в возникновении и разрешении политических кризисов, процесс его большевизации, участие солдат в Октябрьском вооруженном восстании и др. — требуют дальнейшего изучения. Освещению этих вопросов уделено главное внимание в настоящей работе, подготовленной на основе широкого круга источников, в том числе и новых архивных материалов.

Глава первая

ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Численность, состав, вооружение и размещение Петроградского гарнизона

Петроградский гарнизон накануне Февральской революции представлял собой внушительную силу, хотя по вопросу о его численности в нашей литературе содержатся довольно разноречивые данные. Если в 20—30-е гг. историки определяли ее в пределах 150—160 тыс. человек,[1] то в последующее время в исследовательской литературе появляются новые данные, значительно отличающиеся от этой цифры. Согласно Б. М. Кочакову, опубликовавшему ценную статью о составе Петроградского гарнизона, войска, расквартированные в столице Российской империи, насчитывали на 1 февраля 1917 г. более 270 тыс. человек, а вместе с войсками, находившимися в ее ближайших пригородах, численность столичного гарнизона превышала 460 тыс. человек.[2] В книге «Октябрьское вооруженное восстание» отмечается, что в Петрограде к этому времени находилось около 200 тыс. солдат и офицеров.[3] Э. Н. Бурджалов приводит в своей монографии цифру 170 тыс. человек в самом Петрограде и 152 тыс. человек в его окрестностях.[4] Близкие к этим данные опубликованы в книге Д. А. Гаркавенко.[5] Здесь попутно отметим, что численность всех войск, входивших в состав Петроградского военного округа на 1 февраля 1917 г., определяется в нашей литературе примерно в 700 тыс. человек.[6]

Такая пестрота сведений о численности Петроградского гарнизона в канун Февральской революции объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, различной трак-

товкой исследователями самого понятия «Петроградский гарнизон». Одни историки понимают под ним войска, находившиеся только в Петрограде, другие включают сюда и гарнизоны ближайших пригородов столицы, третьи отождествляют гарнизон Петрограда с войсками Петроградского военного округа, в состав которого входили войска, расположенные не только в Петроградской губернии, но и в Архангельской, Олонецкой, Псковской, Новгородской, Витебской, Смоленской, Лифляндской, Эстляндской, но зато не входили размещавшиеся в Петрограде многие воинские части и учреждения, подчинявшиеся непосредственно Северному фронту или Военному министерству. Между тем само понятие гарнизона как объединения воинских частей, штабов, учреждений и заведений всех родов войск, расположенных в городе, населенном пункте или укрепленном районе, обязывает нас включать в состав Петроградского гарнизона все находившиеся в столице воинские части и учреждения независимо от их ведомственного подчинения. Столичный гарнизон входил в состав войск Петроградского военного округа и подчинялся непосредственно его главнокомандующему.[7] При этом следует иметь в виду, что в период революционных событий 1917 г. вместе с солдатами Петроградского гарнизона выступали согласованно и воинские части, дислоцировавшиеся в ближайших пригородах столицы: Царском Селе, Павловске, Гатчине, Стрельне, Ораниенбауме, Петергофе и Красном Селе. К тому же некоторые из воинских частей располагались одновременно и в Петрограде, и в его окрестностях.

Другая причина расхождения данных о численности Петроградского гарнизона кроется в характере используемых историками источников. Дело в том, что документация воинских частей, содержащая относительно точные сведения о численности войск, сохранилась далеко не полно. Поэтому исследователям приходится обращаться к сводкам, исходившим из различных управлений Петроградского военного округа, к статистическим материалам мобилизационного отдела Генерального штаба, Ставки верховного главнокомандующего и т. д. При этом историки оперируют в своих работах, как правило, без всяких оговорок совершенно различными данными этих документов: одни — данными о штатной численности, другие — о списочном составе, третьи — о наличии солдат и офицеров.[8] Так, Б. М. Кочаков при определении чис-

ленности гарнизона Петрограда пользуется данными окружного интендантского управления, которые в отличие от сводок войсковых соединений и штаба Петроградского военного округа охватывали все воинские части и учреждения, находившиеся в Петрограде и его пригородах, в том числе и не подчиненные штабу округа. Но сопоставляя сводки интендантского управления с теми сведениями, которые поступали от воинских частей в штаб Петроградского округа, можно видеть, что первые были сильно завышены, в них, как правило, не проводилось различия между списочным и наличным составом, в результате в них фигурировали командировочные, а больные и раненые могли быть сосчитаны дважды — частями, в которых они служили, и лазаретами. Если иметь в виду, что число находившихся на излечении в Петрограде больных и раненых достигало в 1917 г. почти 100 тыс. человек,[9] то станет понятным, почему данные Кочакова так отличаются от сведений других исследователей.

Вместе с тем при определении численности и состава Петроградского гарнизона накануне Февральской революции было бы неправильно принимать во внимание только строевые части, как это иногда делается в нашей литературе. В его состав необходимо включать и все другие подразделения, дислоцированные в столице: военные школы, училища, академии, интендантские и другие службы, госпитали и т. д. Наиболее полные в этом отношении сведения содержат материалы Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, в составе которой в дни Февральской революции был образован специальный отдел учета всех воинских частей Петроградского гарнизона.[10] К середине марта 1917 г. этот отдел зарегистрировал 380 воинских частей, управлений и учреждений, расположенных в Петрограде и его пригородах, в том числе 68 пехотных частей, 36 артиллерийских, 34 инженерных, 27 кавалерийских, 10 авиационных, 83 военно-административных управления, 58 санитарных учреждений, 40 военно-учебных заведений и др. О полноте учета можно судить по тому факту, что среди зарегистрированных частей и организаций фигурировали такие военные единицы, как солдатская команда при городской скотобойне. В Военную комиссию поступали по преимуществу сведения о наличном составе воинских частей. Всего в Петрограде в марте 1917 г. было учтено 171 020 солдат и офицеров, а в его окрестностях —

151 786 военных.[11] Сопоставление приведенных выше данных позволяет определить численность гарнизона столицы накануне Февральской революции примерно в 180 тыс. человек, а вместе с войсками ее ближайших пригородов она достигала не менее 300 тыс. человек.

Основной силой войск Петроградского гарнизона была гвардейская и армейская пехота, общая численность которой на февраль 1917 г. составляла более 200 тыс. человек.[12] В Петрограде и его окрестностях располагались четыре запасные гвардейские пехотные бригады, каждая из которых состояла из четырех запасных батальонов, готовивших пополнение для гвардейских полков, отправленных из столицы на фронт в начале первой мировой войны. В 1-ю запасную гвардейскую пехотную бригаду входили запасные батальоны Преображенского, Семеновского, Измайловского и Егерского гвардейских полков, во 2-ю — запасные батальоны Московского, Гренадерского, Павловского и Финляндского гвардейских полков, в 3-ю — запасные батальоны Литовского, Кексгольмского, Петроградского и Волынского гвардейских полков. В составе 4-й запасной гвардейской стрелковой бригады, дислоцировавшейся в Петрограде и Царском Селе, находились запасные батальоны 1—4-го гвардейских стрелковых полков. Общая численность всех 16 запасных батальонов гвардейской пехоты на 15 февраля 1917 г. достигала почти 100 тыс. человек.[13]

В каждом запасном батальоне гвардейского пехотного полка имелись четыре «нумерные» роты. Первые три из них готовили пополнение для фронта и состояли из строевой части (примерно 98 % всего количества людей в роте) и обслуживающей ее (нестроевой части — 2 %). Строевая часть «нумерной» роты делилась в свою очередь на три «литерные» роты, состоящие из четырех взводов по четыре отделения в каждом. В «литерной» роте находилось 350 обучаемых солдат, из которых готовилась рота пополнения. Обучающий персонал «литерной» роты включал фельдфебеля, четырех взводных и 16 отделенных, составлявших так называемый постоянный кадр роты. Всего в «нумерной» роте насчитывалось 1200 человек, из них 1050 обучаемых солдат. 4-я «нумерная» рота запасного батальона гвардейского полка состояла из эвакуированных с фронта раненых солдат и прибывавших в батальон военнослужащих из отпусков после болезни. Помимо того, в запасном батальоне имелись различные

специальные подразделения: команда пулеметчиков, команда связи, разведки, санитарная и др. В учебной команде готовились обучающие кадры для отправки с ротами пополнения. Отбор в учебную команду осуществлялся через так называемую подготовительную роту, куда попадали наиболее ревностные к службе солдаты.

Запасные батальоны гвардейских полков, многие из которых находились под «высочайшим» покровительством,[14] накануне Февральской революции были далеки от парадного блеска. В них было значительное количество необученных солдат, а также раненых, больных и слабых.[15] Как справедливо подчеркивает И. И. Минц, немаловажное значение для судеб царской армии имело то обстоятельство, что срок подготовки, а следовательно, и муштра будущих солдат были сокращены в войну до шести недель.[16]

Помимо гвардейской пехоты в составе Петроградского гарнизона находилась 19-я запасная пехотная бригада, в которую входил ряд запасных пехотных и пулеметных полков. В Петрограде размещались 1-й и 180-й запасные пехотные полки; в Петергофе — 3-й запасный пехотный полк, в Красном Селе — 176-й запасный пехотный полк; в Ораниенбауме — 1-й запасный пулеметный полк, в Стрельне — 2-й запасный пулеметный полк. После Февральской революции многие подразделения 176-го запасного пехотного полка и 1-го запасного пулеметного полка располагались в самом Петрограде. Списочный состав 19-й запасной пехотной бригады превышал 80 тыс. человек, однако наличный состав был значительно меньше, о чем судить можно по данным самих полков. Из 15 тыс. солдат, числившихся по списку в 1-м пулеметном полку, на 15 февраля 1917 г. в наличии имелось только около 10 тыс. человек, во 2-м пулеметном полку из 17 500 солдат — лишь 7700.[17]

В состав Петроградского гарнизона входили также 10 пеших дружин (численностью не более 1 тыс. каждая), сформированных из ратников государственного ополчения и не представлявших сколько-нибудь крупной боевой силы. Девять из них находились в Петрограде — 85—87-я, 89—90-я, 148-я и 348-я Вологодские пешие дружины, 16-я Ярославская и 308-я Петроградская пешие дружины, в Царском Селе — 343-я Новгородская пешая дружина. К пехотным частям можно условно отнести располагавшийся в столице Второй Балтийский флотский экипаж,

подчинявшийся командующему Петроградским военным округом и насчитывавший в марте 1917 г. свыше 6 тыс. матросов.[18] В Петрограде квартировали и два батальона гвардейского флотского экипажа, готовившие пополнение для кораблей и сухопутных частей.

Запасные пехотные части Петроградского гарнизона были плохо вооружены. В феврале 1917 г. в запасных гвардейских батальонах, насчитывавших почти 100 тыс. человек, имелось всего немногим более 40 тыс. винтовок,[19] т. е. в среднем на двух солдат не приходилось и одной винтовки. В запасном батальоне Павловского полка на 6573 солдата имелось лишь 2626 винтовок, в запасном батальоне Литовского полка на 6553 солдата — 2743 винтовки, в запасном батальоне Петроградского полка на 6775 солдат — 2206 винтовок; в запасном батальоне Финляндского полка на 7011 солдат — 2313 винтовок, в запасном батальоне Егерского полка на 6582 солдата — 1704 винтовки, в запасном батальоне Измайловского полка на 5325 солдат — 2780 винтовок и т. д.[20] Значительная часть имевшихся на вооружении в гвардейских частях винтовок была устаревших образцов. Даже в запасном батальоне Семеновского полка, находившегося на привилегированном положении, наряду с 3149 трехлинейными винтовками и 850 карабинами насчитывалось около 500 берданок и свыше 100 винтовок устаревших иностранных образцов.[21]

Еще хуже обстояло дело с вооружением в армейских пехотных частях. В 180-м запасном пехотном полку на 11 720 солдат приходилось 2242 годных к стрельбе винтовок и 1319 неисправных винтовок.[22] Сравнительно лучше был вооружен Второй Балтийский флотский экипаж, располагавший более 5 тыс. винтовок и 10 пулеметами.[23] Пешие дружины государственного ополчения имели на вооружении главным образом берданки.

Более основательно были вооружены запасные пулеметные полки. В марте 1917 г. на вооружении 1-го пулеметного полка находилось 374 пулемета системы «Максим», два пулемета системы «Кольт» и 4343 винтовки.[24] При наличии больших запасов оружия на петроградских складах проблема вооружения Петроградского гарнизона стрелковым оружием (как показали потом события в дни февральских боев 1917 г.) могла быть решена довольно легко.

Значительное место в составе Петроградского гар-

низона занимали инженерно-технические войска. Они состояли из 6-го запасного саперного батальона, насчитывавшего в марте 1917 г. около 4 тыс. человек и располагавшего почти 2 тыс. винтовок,[25] запасной роты гвардейского саперного полка (839 человек и 282 винтовки),[26] запасного моторно-понтонного батальона с технической ротой (1600 человек).[27] Электротехнические войска, в состав которых входили запасный электротехнический батальон при офицерской электротехнической школе, команды Петроградского военного телеграфа и Петроградской станции искрового телеграфа, насчитывали около 5 тыс. человек.

Автомобильные войска были представлены в Петрограде запасным броневым автомобильным дивизионом, 1-й и 3-й запасными автомобильными ротами (каждая из которых имела в своем составе до 40 бронированных машин), петроградской автомобильной командой и автомобильно-авиационной дружиной. Вместе с автомобильными и мотоциклетными мастерскими численность этих частей достигала 17 тыс. человек.[28] Наиболее значительной из них силой являлся броневой автомобильный дивизион (2269 солдат), в составе которого имелись семь пулеметных отделений, школа шоферов, школа разведчиков-мотоциклистов, броневая автомобильная мастерская, броневой автомобильный склад.[29] В авиационные части гарнизона столицы входили запасный воздухоплавательный батальон (2125 человек),[30] запасный авиационный батальон и Воздухоплавательный парк Северного фронта и Петроградский склад воздухоплавания (около 1000 человек). Химические войска Петроградского гарнизона состояли из запасного огнеметно-химического батальона, запасной химической роты и химической мастерской. В составе инженерно-технических войск находились также 1—5-й железнодорожные батальоны. Все они, за исключением 2-го батальона, размещавшегося в Царском Селе, квартировали в Петрограде.

Основную силу кавалерии Петроградского гарнизона составляли 1-й, 4-й, 14-й Донские казачьи полки (3200 человек), а также 9-й запасный кавалерийский полк (4700 человек). Всего в кавалерийских частях служило 8400 человек.[31] Казачьи полки, в которых царское правительство и военное командование видели свою опору,[32] были сравнительно хорошо вооружены. В 4-м Донском казачьем полку на 1000 казаков приходилось около

1000 винтовок, почти 400 пик и свыше 1000 штыков.[33]

Артиллерийские части Петроградского гарнизона насчитывали около 20 тыс. человек. В Петрограде располагались запасная тяжелая артиллерийская батарея (6.5 тыс. солдат), отдельная рота петроградской крепостной артиллерии, артиллерийская рота главного артиллерийского полигона и др. Довольно многочисленными (до 3 тыс. солдат) были команды Петроградского артиллерийского склада и Петроградского склада огнестрельных припасов, под контролем которых находились все боеприпасы гарнизона. Кроме того, в Петергофе располагался запасный гвардейский артиллерийский дивизион, в Красном Селе — 1-й конно-артиллерийский дивизион, в Царском Селе и Гатчине — два дивизиона 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады и т. д.[34]

В Петрограде в 1917 г. действовало около 40 военно-учебных заведений.[35] Хотя доля военных училищ в численном составе гарнизона столицы была незначительной, готовившиеся в них кадры были опорой царского правительства. Подготовка офицеров для войск Петроградского гарнизона осуществлялась через Владимирское и Павловское пехотные училища, Константиновское и Михайловское артиллерийские, Николаевское кавалерийское, Военно-топографическое, Николаевское инженерное, специальные классы Пажеского корпуса. Помимо этих училищ, располагавшихся в Петрограде, были открыты еще семь школ прапорщиков: 1—3-я Петергофские, 1-я и 2-я Ораниенбаумские, школа прапорщиков Северного фронта (в Гатчине) и школа прапорщиков инженерных войск (в Красном Селе). В училищах обучалось около 7 тыс. юнкеров, обслуживанием которых занимались солдатские команды, насчитывавшие более 2 тыс. человек.[36] В состав солдатских команд, формировавшихся в основном из солдат запасных гвардейских частей Петроградского гарнизона, входили столяры, портные, сапожники, истопники, повара, писари, конюхи, барабанщики, горнисты, оружейники, пулеметчики и др. Как правило, это были солдаты старших возрастов, многие из которых побывали на фронте.[37]

Кроме вышеназванных училищ в Петрограде находились различные военные академии (Генерального штаба, Артиллерийская, Инженерная, Военно-юридическая, Интендантская, Военно-медицинская), Пажеский корпус,[38] 1-й и 2-й кадетские корпуса, а также офицерские школы

(военно-автомобильная, воздухоплавательная, артиллерийская, электротехническая и др.). В офицерских школах обучалось более 1000 человек, а в командах, обслуживающих эти школы, было около 3.5 тыс. солдат.[39]

Выяснение социального состава Петроградского гарнизона в 1917 г. вызывает большие затруднения. Отсутствие сколько-нибудь полных и тем более сводных данных о социальном составе гарнизона столицы на 1917 г. вынуждает исследователей пользоваться отрывочными и не всегда репрезентативными сведениями. Материалы официальной военной статистики предвоенного времени дают общее представление о том, на каких принципах и из каких слоев населения формировалась армия царской России, ее отдельные военные округа, в том числе и Петербургский.[40] Политика комплектования столичного округа, как видно даже из этих материалов, была направлена прежде всего на изоляцию солдатских масс от революционного влияния. В 1913 г. доля фабрично-заводских рабочих (3.06 %) в его составе была даже ниже, чем во всей русской армии (3.43 %).[41] В главных родах войск Петербургского военного округа — пехоте, кавалерии и артиллерии — основную массу солдат составляли крестьяне — более 60 %, в то время как процент крестьянства в составе русской армии в целом достигал 58. Только в инженерных войсках, где требовались более высокий уровень образования и умение обращаться с машинами и приборами, почти половину всех солдат составляли промышленные рабочие, ремесленники и мастеровые.[42]

Массовые мобилизации в период первой мировой войны привели к расширению социального состава армии царской России, к вовлечению в нее многих промышленных рабочих. Царское правительство, предпочитавшее в мирное время иметь армию из крестьян, теперь было вынуждено пополнять ее «нежелательными элементами» — рабочими. При призыве первых 6 млн. обученных военному делу, даже по данным официальной статистики того времени, из каждой тысячи промышленных рабочих 182 должны были уйти на фронт.[43] Изучение материалов о новобранцах русской армии в период первой мировой войны приводит современных исследователей к выводу о том, что только среди них было около 700 тыс. рабочих и в их числе не менее 250 тыс. фабрично-заводских.[44]

В армию была мобилизована и значительная часть петроградского пролетариата. Однако процент мобилизованных рабочих Петрограда был ниже, чем по стране в целом. Высказанное некоторыми исследователями мнение о том, что первые мобилизации вовлекли 40 % промышленных рабочих Петрограда, никак не аргументировано.[45] Как показывают подсчеты И. П. Лейберова и О. И. Шкаратана, в 1914—1916 гг. из числа довоенных рабочих Петрограда могло быть призвано не более 40 тыс. человек, что составляло около 17 % от общего количества промышленного пролетариата столицы накануне войны.[46] Если в первые мобилизации на фронт были отправлены рабочие младших возрастных групп и недавно пришедшие на производство, то в период 1915—1916 гг. мобилизации подверглись и опытные кадровые рабочие. Но при всем желании отправить на фронт как можно больше рабочих Петрограда царское правительство вынуждено было давать отсрочки занятым на выполнении военных заказов. На 1 октября 1916 г. отсрочки имели почти 115 тыс. фабрично-заводских рабочих столицы.[47] Только на одном Путиловском заводе насчитывалось 16 тыс. военнообязанных рабочих в возрасте от 20 до 45 лет.[48]

Осуществляя свою мобилизационную политику в отношении петроградского пролетариата, самодержавие стремилось прежде всего лишить его революционно настроенных рабочих. Например, после февральской стачки 1916 г. в армию были призваны 2 тыс. рабочих Путиловского завода. Всего же за участие в массовых и отдельных антивоенных стачках, экономических забастовках было мобилизовано около 6 тыс. рабочих Петрограда.[49]

Мобилизованные петроградские рабочие, прежде чем попасть на фронт, обучались, как правило, в запасных частях Петроградского военного округа, расположенных большей частью в самом Петрограде и его ближайших пригородах. Петроградский гарнизон, направивший на фронт в первые месяцы войны бо́льшую часть своих формирований, в том числе и гвардейские полки, стал крупным центром по подготовке нового пополнения, в состав которого правительство вынуждено было включить и призванных в армию рабочих столицы, не имея в условиях войны возможности «распылить» их по другим военным округам. Доля Петрограда в призывах Петро-

градской местной бригады, через которую проходило пополнение гарнизона столицы новобранцами и ратниками, была весьма значительной. Из 13 440 ратников 2-го разряда, призванных в армию в 1915 г., 9750 были взяты из Петрограда и Петроградского уезда.[50] Наиболее революционно настроенных рабочих царские власти старались держать подальше от Петрограда: 2 тыс. рабочих Путиловского завода, мобилизованных за активное участие в февральской стачке 1916 г., были направлены в 177-й и 178-й запасные пехотные полки, расположенные соответственно в Новгороде и Старой Руссе.[51] Петроградские рабочие, призванные в армию после октябрьской стачки 1916 г., также служили в запасных частях Петроградского гарнизона и, не успев пройти курс обучения, еще находились в них к февралю 1917 г.[52]

Мобилизованные рабочие Петрограда попадали в основном в армейскую пехоту и инженерно-технические части. Из 15 469 солдат 180-го запасного пехотного полка было мобилизовано петроградским уездным начальником 4960 человек, т. е. 32 % всего состава полка.[53] Среди 2791 солдат 1-й и 2-й рот этого полка 99 были фабрично-заводскими рабочими, 170 — строительными рабочими, 618 — мастеровыми и ремесленниками (слесари, столяры, кузнецы, бондари, кожевники, сапожники, шорники, портные и т. д.), 509 — чернорабочими; хлебопашцы, огородники, скотоводы и рыболовы (941 человек) составляли только около 34 %, в то время как на долю рабочих и ремесленников приходилось почти 60 % всего солдатского состава. Еще выше был процент рабочих и ремесленников в 6-м запасном саперном батальоне — почти 80.[54]

Подтверждением наличия значительной прослойки рабочих в составе Петроградского гарнизона служит большое количество солдат, работавших на заводах и фабриках Петрограда. К январю 1917 г. только на предприятиях, полностью занятых военными заказами, работали 3695 военнослужащих и 1143 рабочих, возвращенных из армии.[55] В 1917 г. командование Петроградским военным округом разрешило послать на Путиловский завод 3 тыс. солдат-мастеровых.[56] На предприятиях, подчиненных Главному артиллерийскому управлению, в 1917 г. работали свыше 11 тыс. солдат. Немало солдат было прикомандировано к заводам Морского ведомства, а также к частным предприятиям, выполнявшим военные заказы. При этом нужно отметить, что команды солдат,

направляемые некоторыми частями для работы в петроградской промышленности, были довольно многочисленными. Из 1-го запасного пехотного полка было прикомандировано к заводам и фабрикам столицы 1872 солдата,[57] что составляло четвертую часть всего наличного состава полка. Это еще раз показывает, что в армейской пехоте доля рабочих и ремесленников была значительной.

Что же касается гвардейских пехотных частей, занимавших в составе Петроградского гарнизона первое место по численности, то они, как и раньше, продолжали пополняться за счет крестьян других губерний. Показательно, что из почти 70 тыс. новобранцев, направленных для прохождения службы в запасные гвардейские батальоны гарнизона столицы, только 4.5 тыс. человек были призваны из Петроградского военного округа, а остальные — из других округов.[58] Однако некоторые данные дают возможность полагать, что и в комплектовании гвардейской пехоты военному командованию пришлось в ряде случаев отказаться от принятых ранее правил отбора. Среди 6925 новобранцев, призванных в гвардейские пехотные части в 1916 и 1917 гг., 1624 человека были рабочими, в том числе 285 — фабрично-заводскими.[59] Вместе с тем значительный рост пролетарской прослойки в новом пополнении Петроградского гарнизона в годы первой мировой войны, по нашему мнению, не дает оснований говорить о коренном изменении его социальной структуры. Петроградский гарнизон по своему социальному составу в 1917 г. продолжал оставаться преимущественно крестьянским. По нашей оценке, процент крестьян в нем даже несколько увеличился по сравнению с довоенным временем. Об этом можно судить по тому факту, что в мае 1917 г. в выборах делегатов на Всероссийский съезд крестьянских депутатов от Петроградского гарнизона участвовало 230 депутатов, представлявших 246 тыс. солдат-крестьян.[60] Даже если допустить, что эта цифра несколько завышена (по всей видимости, она получена на основе расчетов по нормам представительства от военных частей), доля крестьян в составе Петроградского гарнизона в 1917 г. выросла примерно до 70—75 %; в 1913 г. она равнялась 60 %. Здесь нет ничего парадоксального, поскольку численность Петроградского гарнизона к 1917 г. увеличилась по сравнению с довоенным временем более чем вдвое, а основным

источником пополнения продолжало служить крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения страны. Поэтому этот процесс был характерен и для России в целом. Если до войны в армии находилось 1.7 % сельского населения России, то в 1917 г. уже 11.1 %, т. е. почти в семь раз больше.[61] Из 15 млн. 798 тыс. человек, мобилизованных в 1914—1917 гг., на долю крестьян приходилось 12 млн. 861 тыс.,[62] т. е. более 80 % всех мобилизованных, в то время как в 1913 г. процент крестьян в армии не превышал 60. При этом, конечно, следует особенно учитывать тот факт, что в годы первой мировой войны процесс социальной дифференциации особенно усилился. Среди крестьян, призванных в армию, значительно возрос удельный вес деревенской бедноты. В 1917 г. даже в Донских казачьих полках, расквартированных в Петрограде, казачьей бедноты было значительно больше, чем в довоенное время.[63]

Специфика Петроградского гарнизона, запасные части которого готовили пополнение для действующей армии, во многом определяла его возрастной состав. Значительную часть составляла молодежь ранних призывных возрастов. Вместе с тем накануне Февральской революции и число старослужащих в Петроградском гарнизоне было довольно велико. В начале 1917 г. в запасном батальоне Кексгольмского полка находилось 5368 старослужащих и 1145 молодых солдат.[64] Во Втором Балтийском флотском экипаже из 6 тыс. солдат старослужащие составляли более 2 тыс. человек.[65] В основном солдатами старших возрастов были укомплектованы пешие дружины, сформированные из ратников государственного ополчения, не проходивших ранее военного обучения.

Среди старослужащих Петроградского гарнизона особое место занимали так называемые эвакуированные, т. е. солдаты, получившие на фронте ранения и после излечения в госпитале направленные служить в запасную часть. Они представляли большую опасность для царской власти, поскольку приносили с собой антивоенные настроения, были особенно восприимчивы к революционной пропаганде, оказывали «дурное» влияние на молодых солдат. Четвертые роты гвардейских и армейских запасных пехотных батальонов и полков были, как правило, целиком укомплектованы эвакуированными солдатами. Именно эти роты прежде всего влияли на революционный настрой той или иной воинской части.[66] Если учесть, что в каждой

роте эвакуированных было свыше 1000 человек,[67] то получится, что в 16 гвардейских запасных батальонах и в четырех пехотных запасных полках гарнизона столицы находилось не менее 20 тыс. солдат, прошедших на фронте суровую школу войны.

Что же касается национального состава Петроградского гарнизона, то данные, которыми мы располагаем, позволяют сделать вывод о том, что столичный гарнизон был сформирован примерно по тому же принципу, что и вся армия, — 75 % приходилось на долю русских, украинцев и белорусов и 25 % на долю других народов, входивших в состав царской России. В Петроградском гарнизоне после русских второе место по численности занимали украинцы, которые, по некоторым сведениям, насчитывали в 1917 г. около 70 тыс. человек.[68] В состав Петроградского гарнизона входили также представители других национальностей — евреи, латыши, литовцы, эстонцы, поляки, армяне, грузины и др.

Уровень грамотности среди солдат Петроградского гарнизона был выше, чем в русской армии в целом. В 1913 г. неграмотные составляли 34 % всех военнообязанных в царской России.[69] На 1000 человек призывного возраста приходилось 322 неграмотных, причем шестая часть грамотных умела только читать. Грамотные новобранцы, в том числе и умеющие только читать, составляли, таким образом, 67.8 %.[70] В Петербургском военном округе, по данным на 1912 г., на долю грамотных солдат приходилось 61.33 %, малограмотных — 18.13 %, неграмотных — 20.54 %.[71] Между тем процент грамотности рабочих-мужчин Петрограда, значительная часть которых в годы первой мировой войны оказалась на военной службе в Петроградском гарнизоне, был гораздо выше.[72] Рабочие направлялись, как правило, в инженерно-технические войска, где требовался более высокий образовательный уровень, и в армейские пехотные части.

Характеристика Петроградского гарнизона будет неполной, если мы хотя бы кратко не остановимся на состоянии его офицерского корпуса. Формирование командных кадров на строго классовой основе было одним из важнейших условий сохранения контроля над солдатами. В 1913 г. в столичном военном округе дворяне составляли 86 % всего офицерского состава, а разночинцы — только 14 %.[73] В годы первой мировой войны

процент разночинских элементов среди офицеров несколько повысился. Необходимость ускоренной подготовки офицерского пополнения привела к отмене сословных ограничений при приеме в военные училища и вновь открытые школы прапорщиков. Среди новых офицеров, выпущенных посредством сокращенного обучения, было много выходцев из демократических слоев интеллигенции и студенчества.[74] Изменение социального состава офицеров сказалось на политических настроениях офицерского корпуса, среди которого в результате военных поражений начинало расти недовольство политикой царизма. Генерал Адлерберг в своем докладе Николаю II об осмотре запасных пехотных батальонов писал, что «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, полотеров и буфетчиков».[75] Но в целом социальный состав петроградских военных училищ, готовивших кадры для гарнизона столицы, оставался по преимуществу дворянско-буржуазным.[76]

Накануне Февральской революции офицерский корпус Петроградского гарнизона ни в количественном, ни в моральном отношении не представлял серьезной боевой силы. На 1 февраля 1917 г. в гвардейских и армейских частях, расположенных непосредственно в Петрограде, находилось немногим более 3 тыс. офицеров.[77] В среднем на 50—60 солдат приходился один офицер (в запасном батальоне гвардейского Финляндского полка, например, на 7731 солдата имелось около 150 офицеров, в 1-м запасном пехотном полку на 17 294 солдата приходилось 274 офицера [78]). Среди ротных и взводных командиров преобладали прапорщики, которые прошли только ускоренные курсы военных училищ и школы прапорщиков.[79] Начальник Петроградского охранного отделения, сообщая в апреле 1916 г. в Департамент полиции об усилении большевистской пропаганды среди солдат школы военных шоферов, сетовал на неудовлетворительное руководство младших офицеров, «большинство коих состоит в чине прапорщиков и совершенно не пользуется авторитетом среди нижних чинов».[80]

В отсутствии опытных командных кадров председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко видел едва ли не главную причину «разложения» Петроградского гарнизона и его перехода на сторону восставшего народа. «Запасные батальоны, достигавшие иногда небыва-

лой цифры, от 12 до 19 тысяч человек в каждом, — сокрушался он впоследствии, — были очень недостаточно оборудованы надежными инструкторами: кадровое офицерство почему-то задерживалось на фронте, и лучшие опытные бойцы оставались в действующей армии в тылу огня. Между тем частыми, усиленными наборами призывался под знамена в запасные батальоны необученный и совершенно сырой материал, который еще требовал тщательной и внимательной обработки, а сверх того требовалась разумная пропаганда в целях внушения призванным смысла и значения войны, а также объема долга и обязанностей, сопряженных с этим для призываемых на службу. Ничего этого не было».[81]

В действительности же командный состав предпринимал отчаянные попытки обработать этот «совершенно сырой материал» в нужном направлении, оградить его от революционного влияния. Понимая опасность контактов солдат с рабочими, командование стремилось изолировать воинские части от внешнего мира. Однако в условиях начавшейся первой мировой войны эта попытка оказалась совершенно нереальной по причине резко увеличившейся численности гарнизона столицы. Солдат стали размещать не только в специально построенных казармах, но и в других помещениях, в рабочих районах, по соседству с крупнейшими петроградскими предприятиями, что создавало возможность непосредственного общения солдат с рабочими. На Выборгской стороне располагались 1-й запасный пехотный полк, запасный батальон Московского полка, 3-й и 4-й запасные железнодорожные батальоны (в окружении таких предприятий, как Металлический и Патронный заводы, «Русский Рено», «Новый Лесснер», «Эриксон», «Феникс», «Новый Парвиайнен» и др.); на Петроградской стороне — гарнизон Петропавловской крепости, запасный батальон Гренадерского полка, запасный огнеметно-химический батальон, запасный броневой автомобильный дивизион (рядом с заводом военно-врачебных заготовлений, «Лангензиппен», «Вулкан» и др.); на Васильевском острове — 180-й запасный пехотный полк и запасный батальон Финляндского полка, 89-я и 90-я Вологодские пешие дружины и др. (по соседству с Балтийским судостроительным и Трубочным заводами, «Дюмо», Военно-подковным заводом, «Сименс-Гальске» и др.); в Нарвском районе — запасные батальоны Измайловского и Петроградского полков, 5-й запасный железнодорожный батальон (поблизости от «Треуголь-

ника», Экспедиции заготовления государственных бумаг, завода «Противогаз»).

Тысячи солдат-мастеровых, возвращаясь с работы на военных предприятиях обратно в казармы, приносили в солдатскую массу революционные настроения рабочих. Несение охраны предприятий, к которой была привлечена значительная часть гвардейской и армейской пехоты, также способствовало сближению солдат с рабочими.[82] В гуще всех событий оказывались и расквартированные в центре города запасные батальоны Волынского, Литовского и Павловского полков, 6-й запасный саперный батальон, Второй Балтийский флотский экипаж. Командование Петроградского гарнизона было не в силах уже уберечь солдатские массы от «разлагающего» влияния рабочих. К тому же казармы многих воинских частей были расположены в непосредственной близости друг от друга. Например, в районе Кирочной и Таврической улиц, Гродненского, Саперного и Виленского переулков были расквартированы запасные батальоны Литовского, Волынского и Преображенского полков, 6-й запасный саперный батальон. Такое соседство позволяло солдатам иметь представление о настроениях в других воинских частях, развивало в них чувство солидарности.

В силу отмеченных выше особенностей социального состава, комплектования и размещения Петроградского гарнизона его солдатские массы могли из орудия расправы с революционными рабочими превратиться в их союзника в борьбе с царизмом. Но для того чтобы реализовать эту возможность, чтобы увлечь за собой солдат на штурм самодержавия, питерскому пролетариату во главе с партией большевиков пришлось приложить максимум усилий, проявить чудеса героизма и самоотверженности.

В годы империалистической войны

В отличие от питерского пролетариата, шедшего в авангарде борьбы с самодержавием и капиталистами, солдаты столичного гарнизона, мелкобуржуазные в своей массе по социальному происхождению и мировоззрению, не имели прочных революционных традиций. В годы первой русской революции Петербургский гарнизон

участвовал в подавлении выступлений рабочих, хотя революционное брожение захватило тогда и его солдатские массы.[83] Если 9 января 1905 г. Преображенский полк расстреливал безоружных демонстрантов на Дворцовой площади, то уже в 1906 г. около 200 солдат-преображенцев были привлечены к суду за выступления против офицеров и подачу петиции за солдатские права.[84] Смутно и подчас еще неосознанно солдаты выражали тогда свой протест против существующего строя.

Но со времени первой русской революции армия в своем политическом развитии шагнула далеко вперед. Участие в империалистической войне, усилившееся разорение деревни, повседневное общение с рабочими, идеологическая работа партии большевиков сделали солдат наиболее организованной и передовой частью крестьянства. Борясь за привлечение солдатских масс на сторону рабочего класса, большевики «все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против „своей", „национальной" буржуазии».[85]

Работа большевиков в Петроградском гарнизоне была сопряжена с преодолением громадных препятствий. Налаживание связей с солдатскими массами в первое время происходило через большевиков, мобилизованных в армию, через рабочих, имевших в воинских частях своих земляков и знакомых. Трудности организационной работы в столичном гарнизоне, помимо полицейской слежки, осложнялись также его текучим составом. Для руководства революционной пропагандой среди солдат Петербургский комитет РСДРП выделил опытных партийных работников — К. Орлова (И. Н. Егорова), С. Г. Рошаля, В. В. Шмидта. Весной 1915 г. в Петрограде стала действовать Военная организация большевиков, которая спустя год насчитывала 150 человек из различных воинских частей.[86] Располагая сведениями о существовании Военной организации, полиция отмечала ее «обширные связи с несколькими ротными и полковыми автономными социал-демократическими ячейками».[87]

За годы войны Петербургский комитет РСДРП выпустил целый ряд листовок, обращенных непосредственно

к солдатам и матросам. «Солдаты и рабочие! — говорилось в листовке ПК в связи с началом империалистической войны. — Вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, рабочих, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. Нет, мы не хотим войны, — должны заявить вы. — Мы хотим свободы России! Вот должен быть ваш клич».[88] Большевистские листовки призывали солдат к вступлению в ряды РСДРП(б), к созданию собственных организаций в воинских частях, к солидарности с рабочими, подводили к мысли о необходимости совместного выступления армии и народа против царизма.[89] «. . .только революционное выступление пролетариата и революционной армии сможет положить конец этой кровавой, ненужной войне, несущей с собой разорение и порабощение трудящимся массам — крестьянам и рабочим. Только совместной борьбой мы завоюем себе лучшую долю», — отмечалось в одной из листовок ПК.[90] Факт широкого распространения большевистских прокламаций в столичном гарнизоне и их воздействия на солдатские массы неоднократно отмечался Петроградским охранным отделением.[91] Листовки имели хождение даже среди солдат, расквартированных в Царском Селе, о чем знала и жившая там царица, которая в связи с этим требовала во что бы то ни стало положить конец этой «крамоле».[92]

Бесправное положение солдата создавало благоприятную почву для ведения революционной работы в гарнизоне. В воинских частях процветало рукоприкладство, солдат постоянно обворовывали и унижали. Получив увольнение из казармы на несколько часов, солдат не имел право ехать даже на площадке трамвая. На трамвайных остановках дежурили военно-полицейские посты, изгонявшие и ловившие солдат за пользование трамваем. «Долго ли мы будем сносить жестокости и оскорбления военной службы, будем терпеть кулачные бои да розги, будем голодать или есть ту гадость, которой нас кормят, будем гнить по тесным вонючим казармам да грязным окопам?», — такой наболевший вопрос содержался в одной из листовок, написанной накануне Февральской революции.[93]

Полицейские и военные власти вели самую беспощадную борьбу против революционной пропаганды в воинских частях, направляя на передовые позиции всех замеченных в проявлении недовольства. Наряду с этим командующий столичным военным округом обратился в 1915 г. к петро-

градскому митрополиту с просьбой назначить в запасные батальоны «опытных священнослужителей» «для совершения богослужений, ведения бесед и пасторского надзора за нижними чинами».[94] Однако эта мера не возымела действия, поскольку, по признанию самих церковников, «солдатская масса в воспитательном отношении стала неподатливее и черствее».[95]

Становившаяся все более глухой к «божьему слову» солдатская масса проявляла зато повышенный интерес к революционным выступлениям рабочих. Во время стачек и демонстраций питерского пролетариата солдат не выпускали из казарм, не давали увольнительных. Но такие попытки держать солдат в полном неведении относительно событий в городе приводили к прямо противоположным результатам. И по мере нарастания революционной борьбы рабочих солдаты не оставались уже к ней безучастными, вовлекались постепенно в борьбу против царизма. В августе 1915 г. в забастовке рабочих авиационного завода акционерного общества воздухоплавания участвовали прикомандированные к заводу солдаты.[96] В сентябре 1915 г. на Николаевском вокзале произошло столкновение направлявшейся на фронт партии ратников в 500 человек с полицией. С криками «Бей фараонов и дармоедов!» безоружные ратники пытались расправиться с ненавистными городовыми. При этом, как констатировал начальник Петроградского охранного отделения, сопровождавшая ратников вооруженная солдатская команда «в усмирении беспорядка» никакого участия не принимала.[97]

Забастовочное движение, принявшее с начала 1916 г. в Петрограде исключительный размах, способствовало дальнейшему сближению передовой части солдат с революционными рабочими. В канун 11-й годовщины Кровавого воскресенья, которую питерский пролетариат готовился отметить массовой забастовкой и демонстрациями, ПК РСДРП обратился к армии и флоту со специальной листовкой. «Товарищи солдаты! — призывала она. — В день 9 января рабочий класс снова оставит фабрики и заводы и выйдет на улицу с красными знаменами и провозгласит свои революционные требования. И может статься, что вас снова пошлют расстреливать народные толпы. . . Но вы уже не те, что были одиннадцать лет тому назад. Вы — плоть от плоти и кровь от крови народной — чувствуете свою кровную связь с ним и знаете, что его боль — ваша боль, его рабство — ваше рабство. Никакие усилия

царских слуг не заставят вас обратить свое оружие против народа, выступившего на борьбу за свое право на жизнь и свободу. И на приказание стрелять в народ вы должны ответить выстрелами в преступных начальников, отдавших вам эти приказания».[98] О своей готовности поддержать рабочие демонстрации заявили солдаты 1-го запасного пехотного полка, 1-й запасной автомобильной и 4-й запасной самокатной рот.[99]

Политическая стачка 9 января 1916 г., проведенная под лозунгом «Долой войну, да здравствует революция!», показала, насколько прочно традиции 1905 г. завладели сознанием масс. Даже по полицейским данным в этой стачке участвовало около 70 тыс. рабочих столицы.[100] В Выборгском районе стачка была всеобщей. Здесь рабочие многих предприятий, выйдя на демонстрацию, несли с собой красные флаги с лозунгами «РСДРП — долой войну! Да здравствует революция!», «Да здравствует 9 января, да здравствует революция!». Полиции пока еще без особого труда удалось рассеять демонстрантов, отобрать у них флаги с лозунгами и не допустить соединения рабочих в общие демонстрации. Однако во время «рассеивания» рабочих «Нового Лесснера» произошел весьма симптоматичный инцидент. Проезжавший в это время по Большому Сампсониевскому проспекту военный автомобиль врезался во взвод конных жандармов, разгонявших демонстрацию. Находившиеся в автомобиле солдаты на приветствия рабочих ответили криками «Ура!».[101]

По свидетельству очевидцев, солдаты, встречая 9 января на улицах столицы демонстрантов, дружески их приветствовали, а при виде красных знамен кричали «Ура!» и «Долой войну!». Вечером 10 января в Выборгском районе состоялась демонстрация, в которой вместе с рабочими приняли участие и солдаты. «Пели революционные песни, были речи и крики „Долой войну!“, — писала в отчете об этой демонстрации газета «Социал-демократ». — Полиция все время держалась в сторонке, уговаривала ходивших разойтись. Присутствие в более чем тысячной толпе 300—400 солдат действовало на полицию „успокоительно“ — она не только не пыталась разгонять, но даже не угрожала словами».[102] Участие в рабочей демонстрации солдат, пока еще неорганизованных, было едва ли не первым за время войны открытым проявлением солидарности рабочих и солдат, союз которых мог обес-

печить победу над самодержавием. Но пока это были только первые признаки того, что в случае восстания народа армия примет его сторону или по крайней мере не выступит в роли карателя.

Активную попытку привлечь на свою сторону армию предпринял питерский пролетариат в октябре 1916 г. Забастовав 17 октября, рабочие «Русского Рено», «Нового Лесснера» и чугунолитейного заводов первыми сделали шаг навстречу солдатам. Выйдя на Большой Сампсониевский проспект, рабочие направились к находившимся неподалеку казармам 181-го запасного пехотного полка. Чтобы соединиться, им нужно было преодолеть не только разделявший их забор, но и веками возводимый царизмом барьер между ними. Обе стороны шумно приветствовали друг друга. Когда же прибывший наряд полиции стал оттеснять рабочих от казарм, то солдаты обрушили на полицейских град камней, при этом многие из солдат бросились на помощь рабочим. Стихийно возникшее движение охватило весь 181-й полк, который, однако не был еще поддержан другими частями, хотя посланные на его усмирение казаки не проявили рвения и их пришлось заменить другими частями. Только поздно вечером командованию удалось усмирить вышедший из повиновения полк и арестовать большую группу солдат. Весть об аресте солдат за солидарность с рабочими распространилась по всему городу. На многих предприятиях рабочие в знак протеста требовали устроить всеобщую забастовку совместно с солдатами.[103] Опасаясь «нежелательного сближения солдат с рабочими», Департамент полиции по поручению министра внутренних дел А. Д. Протопопова настоял на переводе «взбунтовавшегося полка» «в какое-либо иное, не находящееся в непосредственной близости с фабриками и заводами помещение».[104] В ноябре 1916 г. командование поспешило передислоцировать 181-й пехотный полк в Галич.[105]

Октябрьская стачка, в ходе которой рабочими была предпринята попытка склонить на свою сторону армию, способствовала росту большевистского влияния на передовую часть солдат столичного гарнизона. Петербургский комитет РСДРП в своем письме в Центральный Комитет РСДРП(б) в конце октября 1916 г. сообщал, что в последнее время группы солдат и матросов Петроградского и Финляндского гарнизонов активно ищут связи с большевистскими организациями.[106] Антивоенные настроения все

более захватывали солдатские массы. Начальник Петроградского охранного отделения в одном из своих донесений в Департамент полиции в 1916 г. отмечал, что «Петроградский гарнизон не верит в успех русского оружия и находит, что продолжение войны бесполезно».[107] Империалистический характер продолжавшейся войны становился очевидным и тем, кто в первое время поддался шовинистическому угару. «Теперь все перевернулось вверх дном, — писал солдат из Петрограда в начале 1916 г. — Теперь карты раскрыты, маски сняты и из-под этих масок глянуло звериное лицо промышленника с цепкими руками. Из освободительной войны она превратилась в разбой».[108] В конце 1916 г. более половины всех подготовленных солдат в запасном воздухоплавательном батальоне были отправлены на фронт как «неблагонадежные».[109] Среди солдат гарнизона, особенно его пролетарских элементов, присяга на верность царю и отечеству стала утрачивать свою силу. Когда командование гарнизона, сомневаясь в благонадежности солдат автомобильной роты, в которой ведущую роль играли находившиеся ранее на фронте рабочие и крестьяне, решило незадолго до Февральской революции привести солдат к повторной присяге, то встретило протест со стороны солдат-автомобилистов.[110]

Наблюдая нарастание революционной борьбы рабочих, солдаты все чаще задумывались над своей ролью в этой борьбе. У многих из них перед глазами еще стоял опыт 1905 г., когда армия помогла расправиться с революцией. Как вспоминал солдат запасного батальона Московского полка И. И. Козлов, наиболее революционно настроенные солдаты, обсуждая обстановку в Петрограде, разъясняли остальным, что нельзя допустить того, чтобы повторился 1905 г., и стрелять по рабочим. Смыть пятно с армии, искупить вину перед рабочими — эта тема была предметом обсуждения солдатских масс в канун свержения самодержавия.[111] Надвигавшаяся революция должна была ответить на вопрос о том, смогут ли новые настроения и изменения, которые происходили в сознании солдатских масс и были большей частью скрыты от посторонних глаз казармой, возобладать над веками складывавшимися традициями воинской дисциплины и подчинения царизму.

Наблюдая грозные признаки приближения революции в стране, царские власти готовились расправиться с ней прежде всего в Петрограде, рабочий класс которого шел

в авангарде всех революционных сил России. В начале февраля 1917 г. Петроградский военный округ был изъят из ведения командования Северного фронта и передан в подчинение непосредственно военному министру М. А. Беляеву. Командующий округом генерал С. С. Хабалов получил чрезвычайные полномочия для подавления революции. 8 февраля был уточнен разработанный ранее план охраны столицы «на случай возникновения беспорядков». По этому плану город разбивался на 16 районов. Главная роль в «наведении порядка» отводилась полиции, казакам и тем частям, которые считались еще «благонадежными». Всего для этой цели было отобрано 23 сотни и эскадрона кавалерии и 55 рот пехоты общей численностью в 12 тыс. человек.[112]

В уточненном плане охраны столицы наряду с полицейскими силами и казаками большая роль отводилась запасным гвардейским батальонам, каждый из которых имел свой район действия. На запасный батальон Преображенского полка была возложена охрана Адмиралтейской и Дворцовой набережных, Михайловского, Певческого и Полицейского мостов, Зимнего дворца, Министерства иностранных дел, дворцов вел. кн. Марии Павловны, вел. кн. Михаила Николаевича, принца Ольденбургского. Запасный батальон Павловского полка отвечал за порядок в районе Французской набережной, Литейного и части Невского проспектов, а также охранял Мраморный и Аничков дворцы, дворец вел. кн. Николая Николаевича, дом министра внутренних дел и Департамента полиции. В районе действия запасного батальона Семеновского полка были Невский проспект от р. Фонтанки до Знаменской площади, Лиговская улица, Забалканский проспект, Царскосельский вокзал, Аничков, Семеновский, Обуховский и Рузовский мосты. Запасному батальону Волынского полка было поручено контролировать Литейный, Суворовский и Шлиссельбургский проспекты, Таврическую, Кирочную, Потемкинскую и Шпалерную улицы, охранять окружной суд, дом предварительного заключения, пересыльную тюрьму, Николаевский вокзал, Обуховский завод. Усиленные наряды войск (не менее роты солдат) планировалось направить на все крупнейшие предприятия столицы: на Путиловский — рота измайловцев, на Балтийский — рота финляндцев, на Вагоностроительный завод и фабрику «Скороход» — рота запасного батальона Петроградского полка.[113]

В разработанном плане подавления революции властями был учтен каждый сколько-нибудь важный объект, не учли они только одного — настроения солдатских масс, на которые возлагалось осуществление этого плана. Министр внутренних дел А. Д. Протопопов потом признавался: «Я думал, что настроение запасных батальонов и других войск, стоящих в Петрограде, мне более известно; считал благонадежными учебные команды и все войска, за исключением частей, пополняемых из рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что и тут был не осведомлен. . . Я докладывал царю, что оппозиционно настроены высший командный состав и низший, что в прапорщики произведены многие из учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны, что офицеры Генерального штаба полевели, что оппозиция не искала бы опоры в рабочем классе, если бы войско было революционно настроено».[114]

Но рабочий класс, выступивший в роли вождя всех угнетенных и эксплуатируемых масс, видел свою опору именно в армии. Глубокий революционный подъем, новым проявлением которого в Петрограде в феврале 1917 г. стала забастовка путиловцев, совпал с резким обострением продовольственного кризиса. Нехватка продуктов питания, спекулятивный рост цен, постоянные очереди за хлебом, а главное — сознание непримиримости классовых интересов и невозможности жить далее при самодержавном строе настроили питерский пролетариат на самые решительные действия. Его уже не могли остановить угрозы командующего Петроградским военным округом С. С. Хабалова, который в своем обращении к рабочим 9 февраля предупреждал, что «Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилий и сопротивления законной власти будет немедленно прекращена силой оружия».[115] Но, как отмечал в эти дни начальник Петроградского губернского жандармского управления, «среди рабочих высказывается мнение, что в настоящее время нет основания опасаться репрессий, так как, по их мнению, войска в рабочих стрелять не будут».[116]

14 февраля, по сведениям полиции, на 58 предприятиях столицы бастовало около 90 тыс. человек, которые со своими требованиями вышли на улицу. Основная часть демонстрантов из рабочих районов направлялась с революционными лозунгами к центру города. Забастовавшие пути-

ловцы шли по Петергофскому шоссе с лозунгами: «Да здравствует демократическая республика!», «Долой войну!», «Долой изменническое правительство!», «Да здравствует вторая русская революция!». Рабочие «Нового Лесснера» пробились с Выборгской стороны на Невский, где были разогнаны полицией.[117] 14 февраля в многочисленных стычках рабочих с полицией дело не доходило до применения оружия. Властям в этот день лишь в редких случаях пришлось прибегнуть к помощи воинских частей. Направленная на Ижорский завод для разгона митинга сотня казаков 4-го Донского полка вела себя совсем не так, как подобало карателям. Осведомитель охранки сообщал: казаки «относились к рабочим дружелюбно и, видимо, признавали, что требования рабочих основательны и что принимать меры в отношении возникшего движения власти не должны, вообще осталось впечатление, что казаки были на стороне рабочих».[118]

Само выступление 14 февраля по своему характеру еще не означало перехода к решительному бою. Но волна забастовок с этого дня фактически не прерывалась. 15 февраля на 20 предприятиях бастовало 24 840 человек,[119] в стачку втягивались предприятия, которые 14 февраля в ней не участвовали. Выступление рабочих 14—15 февраля позволило партии большевиков сделать вывод о том, что «настало время открытой борьбы». Об этом прямо говорилось в выпущенной в эти дни Бюро ЦК РСДРП листовке, призвавшей рабочих и солдат выступить совместно против царизма.[120] «Ждать и молчать больше нельзя! — обращались большевики к революционным массам. — Рабочий класс и крестьяне, одетые в серую шинель и синюю блузу, подав друг другу руки, должны вести борьбу со всей царской системой и разом навсегда покончить с давящим Россию позором».[121]

Петроградский гарнизон переходит на сторону восставшего народа

Февральская революция разразилась в обстановке резко обострившегося продовольственного кризиса, который ударил прежде всего по трудовым массам. Появившиеся в печати сообщения о введении в ближайшее время карточек на хлеб и циркулировавшие в связи с этим самые

различные слухи и вызвали, с одной стороны, панику среди мелкобуржуазных слоев населения, обывателей, а с другой — подтолкнули основную массу рабочих на более решительные действия. 22 февраля «впредь до особого разрешения» был закрыт Путиловский завод. Путиловцы, избрав стачечный комитет, обращаются за поддержкой ко всему пролетариату столицы. К солидарности с рабочими-путиловцами призвал Петербургский комитет РСДРП. Петроградские рабочие, видевшие в путиловцах застрельщиков революционной борьбы, горячо откликнулись на этот призыв.

В такой обстановке отмечали 23 февраля рабочие и работницы столицы Международный женский день, которому суждено было стать первым днем второй русской революции. Начавшиеся в этот день с утра митинги на текстильных фабриках Выборгской стороны носили бурный характер, всколыхнули на борьбу широкие массы трудящихся. Выступление женщин-работниц было поддержано прежде всего рабочими-металлистами. Устремившиеся 23 февраля со всех концов города на Невский проспект рабочие были встречены усиленными нарядами полиции и жандармов. Хотя в этот день оружия в борьбе с демонстрантами еще не применялось, схватки рабочих с полицией и жандармами носили ожесточенный характер. Рабочие не отступали перед нагайками и обнаженными шашками, при этом если их удавалось рассеять в одном месте, они собирались в другом и снова вступали в борьбу с прислужниками царизма. К середине дня властям стало ясно, что овладеть положением в городе с помощью полиции и жандармов не удается, в связи с чем было решено ввести в действие разработанный план «на случай возникновения беспорядков».[122] На улицы города из казарм были вызваны подразделения 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков, гвардейского сводно-казачьего полка, 9-го запасного кавалерийского полка, запасного батальона Кексгольмского полка.[123]

Вызванные для усмирения «бунтовщиков» казаки и солдаты сразу же стали объектом страстной революционной агитации рабочих. Особую смелость проявили женщины-работницы, призывавшие солдат не подчиняться их командирам, не применять оружие против своих братьев по классу. Хотя казачьи и кавалерийские части и не проявляли особого усердия при разгоне демонстрантов, властям все же удалось справиться с прорывавшимися на Невский группами рабочих. Демонстрации и митинги продолжа-

лись в различных концах города до позднего вечера. По приказу военного командования на территорию ряда предприятий, выступивших застрельщиками забастовочного движения, были введены войска. На Франко-Русский завод, где вечером состоялся митинг с участием 3 тыс. рабочих, была послана рота запасного батальона Кексгольмского полка.[124] Не остались без «внимания» и солдатские казармы, которые стали охраняться военными и полицейскими патрулями с целью изолировать солдат от «вредного» влияния улицы, не допустить проникновения рабочих агитаторов в казармы.

На состоявшемся вечером 23 февраля экстренном заседании Выборгского райкома большевиков совместно с представителями Бюро ЦК и ПК РСДРП были намечены конкретные меры по организации и расширению выступления пролетариата столицы, по привлечению на его сторону солдатских масс гарнизона. Было принято решение о продолжении забастовки, усилении агитации среди солдат, приобретении оружия, о проведении 24 февраля демонстрации на Невском.[125]

24 февраля, когда в забастовочное движение и уличную борьбу были вовлечены десятки тысяч новых рабочих, борьба за привлечение солдатских масс на сторону восставшего пролетариата приобрела еще более широкий и систематический характер. На проходивших с раннего утра митингах ораторы призывали рабочих к братанию с солдатами, призывали использовать все средства для проникновения в солдатские казармы. Особое внимание было уделено вовлечению в революцию солдат, работавших на предприятиях Военного ведомства. Беззаветный героизм рабочих и страстная агитация постепенно победили в этих солдатах чувство страха, убедили их в необходимости соединиться со своими братьями по классу для борьбы с общим врагом. Именно солдаты-мастеровые, число которых, как отмечалось выше, достигало нескольких тысяч, приносили в казармы вести о расширявшейся революции, становились верными помощниками рабочих в борьбе за гарнизон столицы. Работавшие на Путиловском заводе солдаты запасного батальона Павловского полка под влиянием революционной агитации в свою очередь стали призывать солдат-павловцев не выступать против восставших рабочих.[126]

24 февраля колонны демонстрантов появились на улицах Петрограда с самого раннего утра, многие из рабочих в этот день впервые вышли открыто и организованно

со своими требованиями, впервые встретились так близко с полицией и казаками. Революционный порыв передовых рабочих, их сплоченность и решительность увлекали колеблющихся, вселяли уверенность в их силе, побуждали к активным действиям, заглушали страх перед расправой, о которой многие помнили по 1905 г. Застрельщики революции — рабочие Выборгской стороны стекались колоннами по предприятиям на Большой Сампсониевский проспект, чтобы затем по Литейному мосту направиться на Невский проспект. Путь демонстрантам, насчитывавшим 30—40 тыс., преградили полиция и казаки, которым удалось разъединить эту огромную колонну, оттеснив ее значительную часть с моста. Однако столкновения с казаками 24 февраля вселяли в рабочих надежду на благоприятный исход в борьбе, в возможность если не присоединения армии, то ее нейтрализации. В. Н. Каюров описывает встречу с казаками колонны выборжцев: «Становилось жутко. . . Деваться некуда в случае нападения казаков, взоры положительно всех были направлены в одну точку. . . Сердце сжалось, глаза наполнились ужасом, мысль усиленно работает: защититься нечем, бежать некуда, что останется от нашей колонны. Грудью коней пробивая себе дорогу, с глазами, налитыми кровью, первыми врезались в толпу офицеры; за ними скачут во всю ширину проспекта казаки. . . Но, о радость! Казаки бросились гуськом в только что пробитую офицерами „дыру". Некоторые из них улыбались, а один хорошо подмигнул рабочим. Радости не было конца. Крики „Ура!" казакам неслись из тысячи грудей».[127]

Образовывавшиеся с утра 24 февраля колонны демонстрантов и отдельные группы направлялись в центр города. Стремление во что бы то ни стало попасть на Невский проспект придало в этот день демонстрациям более организованный характер. Первые группы демонстрантов появились на Невском к середине дня. Полиция и казаки оказались не в силах сдержать напор масс, и с середины дня на важнейшие магистрали, ведущие к центру, были выведены войсковые наряды многих гвардейских запасных частей: Гренадерского, Кексгольмского, Московского, Финляндского, 3-го стрелкового полков и др.[128] Вся полнота власти в так называемых районах охраны с этого времени перешла в руки командиров тех частей, которые отвечали за порядок в этих районах.[129] Однако движение к Невскому во второй половине дня приняло настолько широкий размах и отличалось таким упорством, что,

несмотря на военно-полицейские кордоны, на Невском проспекте и прилегающих к нему магистралях побывало в этот день около 40 тыс. демонстрантов, подавляющую массу которых составляли рабочие.[130] Прорывавшиеся из различных районов рабочие группами и поодиночке на Невском проспекте соединялись в колонны, вступали в схватку с полицией и казаками.

Поведение солдат и казаков, действовавших вместе с полицией против демонстрантов, настраивало рабочих на оптимистический лад. Командующий Петроградским военным округом С. С. Хабалов отмечал, что казаки 1-го Донского полка «очень плохо разгоняли толпу, атаковывали вяло, т. е. подойдут к толпе и остановятся, вместо того чтобы гнать», что у них «не оказывалось нужных в данном случае нагаек».[131] Симптоматичный инцидент произошел на Знаменской площади, где днем, по сообщению полицейского пристава, в присутствии казаков «у памятника императора Александра III произошло митинговое собрание, откуда слышались возгласы: „Да здравствует республика, долой войну, долой полицию!", а также крики „Ура!" по адресу бездействовавших казаков, которые отвечали толпе поклонами».[132] По свидетельству одного из участников этого митинга, казаки передали выступавшему оратору записку, которая здесь и была зачитана: «Вы не глядите на нас, как на волков, мы не те казаки, какими были в пятом году, мы такие же братья, как и вы, и мы с вами».[133] Во время другого многолюдного митинга, состоявшегося вечером на Невском, казачий эскадрон полностью устранился от разгона демонстрантов. Подобный же случай произошел и на Среднем проспекте Васильевского острова.[134]

На проходившем вечером 24 февраля совещании у командующего Петроградским военным округом Хабалова было решено вызвать запасную артиллерийскую часть в помощь казакам, которые «вяло разгоняли толпу».[135] Министр внутренних дел А. Д. Протопопов настаивал на использовании против демонстрантов броневых автомобилей, но Хабалов ввиду ненадежности их состава пойти на это не решился. «Нужно сказать, что про эти броневые автомобили, — признавался он, — я был такого мнения, что это прекрасная вещь, если я знаю, кто там сидит и кто ими управляет, если я отвечаю за него: ведь ничего не значит повернуть направо, кругом, — нет ничего проще!».[136] Однако, выведя к этому времени на

улицы столицы для борьбы с революцией другие ненадежные части, прежде всего запасные пехотные батальоны, царские власти уже оказались не в состоянии воспрепятствовать борьбе рабочих за солдатские массы. Об этом убедительно свидетельствовал весь ход дальнейших событий.

25 февраля Бюро ЦК большевиков призвало питерский пролетариат к всеобщей политической стачке. В выпущенной в этот день листовке большевиков содержались призывы к решительной борьбе с самодержавием, к сплочению вокруг РСДРП, к поддержке рабочих столицы, к всероссийской политической стачке. Листовка страстно убеждала, что в сложившейся обстановке «прятать голову и не смотреть вперед недостойно», настраивала на бескомпромиссную борьбу, вселяя в массы уверенность в победу над царизмом.[137] В целях усиления революционной агитации среди солдат Петербургский комитет обратился к ним со специальной листовкой. «Братья солдаты! — говорилось в ней. — Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев. Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному народу и конец братоубийственной бессмысленной бойне».[138]

Активную деятельность в воинских частях Петроградского гарнизона развернули работники большевистской организации столицы А. К. Скороходов, К. И. Шутко, Н. И. Подвойский, Н. Г. Толмачев, А. П. Тайми, И. А. Рахья, В. Н. Каюров, Ф. З. Евсеев, И. И. Худяков, Н. А. Милютин, большевики-солдаты Г. В. Елин, А. И. Жилин, С. И. Петриковский, А. С. Енукидзе, К. А. Мехоношин, С. А. Черепанов, А. Д. Садовский и др.[139] Днем 25 февраля А. К. Скороходов и И. И. Худяков, переодевшись солдатами, проникли в расположенную на Петроградской стороне пулеметную команду. В ответ на призыв большевистских агитаторов переходить на сторону восставшего народа пулеметчики обещали помочь рабочим в борьбе с полицией. Служивший в 1-м запасном пехотном полку бывший питерский рабочий П. М. Ершов сумел пронести в казармы полка около полусотни выпущенных в этот день листовок ПК РСДРП и распространить их среди солдат.[140] Путиловские большевики направили своих представителей с листов-

ками к солдатам запасного батальона Измайловского полка, в воинские части Ораниенбаума и Стрельны.[141]

Хотя 25 февраля на петроградские предприятия были направлены усиленные воинские наряды,[142] общее число забастовщиков в этот день превысило 300 тыс.[143] Всеобщая политическая стачка парализовала промышленную жизнь столицы. Вышедшие с утра 25 февраля на улицу десятки тысяч рабочих по известным уже маршрутам стали пробиваться к центру города, вступая в ожесточенные схватки с полицией, применяя при этом камни, палки, бутылки, болты, гайки и даже ручные гранаты и огнестрельное оружие.[144] Более организованные колонны демонстрантов преодолевали многочисленные усиленные наряды полиции, казачьих и пехотных частей и заполняли Невский проспект, где были в этот день хозяевами положения. Упорная борьба питерского пролетариата в течение двух предыдущих дней, необыкновенный подъем настроения заражали и вовлекали в движение мелкобуржуазные слои населения столицы. 25 февраля к демонстрантам стали присоединяться ремесленники, служащие, интеллигенция, студенчество и — что особенно важно — революционно настроенные солдаты. Как сообщал в этот день пристав первого участка Литейной части, в колоннах демонстрантов «иногда попадались и лица в форме нижних воинских чинов и прапорщиков».[145] Но это были еще первые представители армии, за которую рабочие боролись особенно настойчиво, поскольку от ее поведения во многом зависел успех борьбы с царизмом.

Хотя в ряде случаев 25 февраля солдаты по команде своих офицеров начали уже применять оружие,[146] от внимания демонстрантов и прежде всего от рабочих руководителей не ускользнуло, что среди солдат воинских нарядов идет борьба. Выведенные в этот день на улицу солдаты, находясь в состоянии душевного разлада, старались уклониться от соприкосновения с демонстрантами, заняли выжидательную позицию. Полицейские власти сообщали о многочисленных случаях отказа воинских нарядов участвовать в разгоне демонстраций, тем более отказа стрелять по безоружным рабочим. Стоявшие в наряде у Троицкого моста солдаты-гренадеры, несмотря на направленные в их сторону орудия Петропавловской крепости, отказались стрелять в демонстрантов, двигавшихся с Каменноостровского проспекта. Подобный же факт имел место и у Тучкова моста.[147] 25 февраля отказалась стрелять в рабочих

2-я рота учебной команды запасного батальона Волынского полка. Назначенный солдатским командиром роты фельдфебель Т. И. Кирпичников, обходя солдатскую цепь, просил солдат подумать, прежде чем открывать огонь по своим братьям. Поведение 2-й роты, не сделавшей в этот день ни одного выстрела, взбесило командование батальона. Сообщив о «недостойном» поведении 2-й роты, командир 1-й роты призвал своих солдат «смыть позорное пятно є волынцев».[148]

Встреча солдат с демонстрантами вносила смятение в ряды первых и ободряла последних. Описывая встречу рабочих с воинским нарядом на углу Невского и Садовой, В. Н. Каюров вспоминал: «Солдаты волнуются, бросают быстрые взгляды на своих товарищей, еще секунда и штык полегонечку поднимается, скользит по плечам наступающих передних рядов. Громовое „Ура!" потрясает воздух — то ликующая толпа приветствует своих братьев в серых шинелях».[149]

Беспокойство и волнение проникли в казармы воинских частей, командование которых принимало отчаянные усилия изолировать солдат от «крамолы». Чтобы удержать солдат от общения с восставшими, командование многих частей не выдавало солдатам шинели и обувь.[150] Но уличные настроения и вести о происходивших в городе событиях передавались в казармы по многим каналам: через солдат, участвовавших в воинских нарядах и караулах, через контакты с рабочими, начавшими вести агитацию за привлечение солдат на свою сторону, через самовольные отлучки из казармы самих солдат, через рабочих-большевиков, находившихся в армии. Зерно сомнения в солдатские умы было заронено. «Робкие волнующие слухи долетали до нас и, как клещи, впивались в мозг и точили, точили его и сердце»,[151] — рассказывал о сомнениях тех дней солдат запасного батальона Финляндского полка. В ночь на 26 февраля матросы 1-й кадровой роты Второго Балтийского флотского экипажа устроили тайное собрание в подвале, на котором было решено утром 27 февраля разобрать из пирамид оружие, занять все выходы, отобрать у караула патроны и снабдить ими матросов, затем направиться на квартиру командира экипажа, чтобы «потребовать от него отчет в том, что делается». В дальнейшем матросы предполагали поступить, «как покажут обстоятельства».[152]

Большее брожение шло в казачьих частях. Поведение казаков, действовавших против демонстрантов на протяже-

нии трех дней, свидетельствовало об усилении их симпатий к восставшему народу. 25 февраля на Знаменской площади разъезд 1-го Донского полка не только отказался стрелять в рабочих, но и обратил в бегство полицейский отряд, врезавшийся в многотысячную толпу демонстрантов. Один из казаков М. Г. Филатов, фронтовик, полный георгиевский кавалер, возмущенный жестокой расправой полиции над безоружным народом, зарубил шашкой полицейского пристава Крылова, зверски расправлявшегося нагайкой с демонстрантами. Рабочие с ликованием встретили переход первых представителей казаков на свою сторону.[153] Взвод казаков 4-го Донского полка отбил у городовых 25 арестованных за участие в демонстрации на Невском проспекте.[154] Отказываясь разгонять демонстрантов, казаки говорили: «Сейчас не 1905 год, нагаек у нас нет. . . против своих, против народа мы не пойдем».[155] 25 февраля было отмечено семь случаев отказа казаков участвовать в разгоне рабочих демонстраций, а в двух случаях казаки присоединились к демонстрантам.[156] Действия казаков против полиции имели большое моральное значение для дальнейшего развертывания событий, более активного и решительного участия масс в революции, вовлечения в нее новых борцов. Слухи о том, что «казаки бьют полицию» мгновенно распространились по городу, достигли солдатских казарм, из единичных случаев трансформировались в сознании восставших в массовое явление. «Стычка казаков с полицией имела колоссальное влияние на психику массы, — писал В. Н. Каюров, — „казаки за нас“ — вот определение поведения казаков».[157] Новые моменты в настроении рабочих были отмечены и представителями военно-полицейских властей. «Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, — отмечал один из многочисленных полицейских агентов, — то массы получили уверенность в своей безнаказанности и ныне после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги „Долой войну!“ и „Долой правительство!“, народ укрепился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части не на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня завтра выступят открыто на стороне революционных сил, что начавшееся движение уже

не стихнет, а будет без перерыва расти до конечной победы и государственного переворота».[158]

Вечером 25 февраля петроградское градоначальство, где находился штаб контрреволюции, потеряло телефонную связь с Выборгской стороной и не имело даже представления о том, в чьих же руках находится там власть. В направленной в этот день в Ставку телеграмме А. Д. Протопопов впервые сообщил, что в Петрограде вспыхнула «забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками», что «наряду с эксцессами противоправительственного свойства буйствующие местами приветствуют войска».[159] Около 9 часов вечера С. С. Хабалов получил переданную по прямому проводу телеграмму царя с требованием «завтра же прекратить в столице беспорядки». Собрав в градоначальстве начальников участков и командиров запасных частей, Хабалов зачитал полученную телеграмму и приказал применять самые решительные меры в борьбе с «беспорядками», в том числе и стрельбу по демонстрантам после троекратного предупреждения.[160]

Революция углублялась, и теперь, когда после получения телеграммы царя из Ставки царское правительство перешло в наступление, оно встретило решительное сопротивление со стороны рабочих. Попытки лишить восставших руководящего ядра — в ночь на 26 февраля полиция арестовала около 100 революционных деятелей, в том числе несколько членов Петербургского комитета РСДРП, — не дали желаемого результата. Обязанности ПК в тот же день были возложены на Выборгский районный комитет большевиков как на наиболее влиятельный и организованный районный большевистский коллектив.

Расклеенное с утра 26 февраля по всему городу объявление командующего Петроградским военным округом Хабалова, воспрещавшее «всякое скопление на улицах» и угрожавшее применением оружия «для водворения порядка в столице», не возымело на восставших рабочих никакого действия. Вышедшие в этот воскресный день на улицу рабочие попросту их срывали. В подкрепление своих угроз царское правительство распорядилось вывести на улицы войска, которые получили приказ стрелять по безоружным демонстрантам. Улицы столицы обагрились кровью. Массовый расстрел восставших рабочих 26 февраля стал переломным моментом революции.

В этот день командованию Петроградского военного

округа и офицерам, выведшим воинские части на улицы, в целом ряде случаев еще удалось победить зароненные в солдатах в предыдущие дни сомнения и тревогу и заставить их стрелять по безоружным демонстрантам. К тому же, зная о брожении среди солдат гарнизона, командование использовало прежде всего учебные команды запасных гвардейских батальонов. Как уже отмечалось, в этих командах, готовивших обучающие кадры для фронтовых пополнений, были собраны наиболее ревностные к службе солдаты, прошедшие через специальные подготовительные роты. Офицеры от уговоров перешли к запугиванию, и на забитых солдат в первый момент это произвело должное впечатление. Командир 6-й сотни 4-го Донского полка В. И. Петров, перед тем как выступить на Невский для расправы с демонстрантами, обратился к казакам со следующими словами: «Где нагайки? Вы знаете, какой сегодня день? Вы должны показать, что вы казаки. Довольно мягкости! Сегодня вы должны будете поработать!».[161]

Устремившиеся 26 февраля со всех концов города на Невский рабочие были встречены залпами учебных команд запасных батальонов Павловского, Преображенского, Волынского, Литовского и других гвардейских полков. В районе Мойки дорогу демонстрантам преградила учебная команда запасного батальона Павловского полка. «Когда масса оказалась не в далеком расстоянии от солдат Павловского полка, — вспоминал очевидец, — солдаты по команде присели на колено и взяли ружья наперевес. Толпа остановилась, но задние ряды напирали. Положение было некоторое время неопределенное, но скоро оно разрешилось залпом павловцев. За ним последовал другой. Демонстрации больше не было: большинство разбежалось, некоторые полегли, из них часть — навсегда. На мостовой и тротуарах валялись убитые и раненые. Приходилось не раз наступать на лужи крови. Убитые и раненые были тут же схвачены и отнесены в сторону, большей частью в здание Городской думы. На всех лицах было озлобление и негодование».[162] И все же рассеять восставших, как это делалось прежде, даже при помощи огнестрельного оружия уже было невозможно. «Во время беспорядков, — сообщала в этот день охранка, — наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа, в ответ на пред-

ложение разойтись, бросала каменьями и комьями сколотого с улиц льда. При предварительной стрельбе войсками вверх толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу».[163] Рискуя жизнью, рабочие продолжали делать попытки привлечь на свою сторону выведенных на улицу солдат, обезоруживали их самоотверженностью и энтузиазмом. В целом ряде случаев солдаты отказывались стрелять и смешивались с демонстрантами. Не сделали ни одного выстрела по демонстрантам солдаты запасного батальона Семеновского полка, в результате командованию пришлось увести семеновцев в казармы.[164] Не стали стрелять в рабочих Балтийского судостроительного завода и солдаты 180-го пехотного полка. И здесь офицеры вынуждены были поскорее упрятать солдат в казармы, чтобы предотвратить начавшееся их братание с рабочими.[165] В колоннах демонстрантов все чаще можно было видеть отдельных солдат. Петроградское охранное отделение в своей сводке о событиях за 26 февраля отмечало, что среди убитых на Знаменской площади было два солдата, которых унесла с собою толпа.[166]

Массовый расстрел 26 февраля дал эффект, противоположный тому, на который рассчитывали власти. Революционный порыв и ненависть к самодержавию, чувство коллективизма и укрепившаяся вера рабочих в свои силы заглушили чувство страха перед расправой и даже смертью, убеждали их в необходимости вооруженного восстания против царизма. Общее настроение, несмотря на присутствие в нем различных оттенков, было за продолжение борьбы, пусть даже на смерть. «Товарищи! — призывал оратор на одном из митингов 26 февраля. — Мы вышли безоружными, с песнями и знаменами. Они вышли с разрывными пулями и пулеметами. Но кто победил? Разве мы рассеяны, разъединены, уничтожены? Разве мы не окрепли, не набрались сил и злобы под их пулями? Товарищи! Завтра решительный день. Не будем больше наивными. Пойдем с оружием в руках. Будем рушить их крепости. В арсенале и в ружейных мастерских мы найдем револьверы, ружья и патроны».[167]

Растерянность и тревога за исход дальнейшей борьбы, вызванные расстрелом на Невском среди части демонстрантов,[168] рассеивались в рабочих кварталах, где рабочие, допуская возможность расправы, не собирались сдаваться. «На Выборгской народ до поздней ночи не расходился по домам, — вспоминал И. Мильчик. — Всеми владела уверенность, что завтра войска и полиция явятся и сюда... Обсуждались события прошедшего дня, строились планы завтрашнего, собирались сооружать баррикады, измышляли способы вооружения. Общение друг с другом возрождало бодрость. Жуть, навеянная расстрелом в центре, рассеялась в своем рабочем лагере. Возможность „сложить оружие", прекратить борьбу никому и в голову не приходила. Настроение, созданное успехом первых трех дней уличного рабочего движения, не было уничтожено поражением четвертого дня».[169]

26 февраля произошло еще одно событие, которое свидетельствовало о начале перелома в сознании солдатских масс, хотя оно и не стало еще толчком к переходу армии на сторону восставшего народа. В 3 часа дня располагавшаяся в казармах на Конюшенной площади 4-я рота запасного батальона Павловского полка, состоявшая из так называемых эвакуированных солдат, узнав от проникших в казармы рабочих о том, что их учебная команда участвует в расстреле демонстрантов на Невском, потребовала прекращения стрельбы и возвращения павловцев в казармы. Захватив в ротном цейхгаузе 30 винтовок, рота (около 1500 человек) выступила на улицу. Столкнувшись в районе Екатерининского канала с полицейским отрядом, павловцы залегли в цепь и открыли огонь. Первая преграда на пути к восставшим рабочим была сметена, но далее их ожидала встреча с высланной против них ротой запасного батальона Преображенского полка. Обескураженные такой встречей преображенцы отказались стрелять в своих почти безоружных братьев и были уведены в казармы. Однако и рота павловцев, не сумев соединиться с восставшими и израсходовав немногочисленный запас патронов, заколебалась и вернулась в свои казармы, где она была разоружена, а 19 зачинщиков были отправлены в Петропавловскую крепость.[170] При разоружении роты обнаружилось, что 21 солдат скрылся из казармы вместе с винтовками.[171] Перестрелка павловцев с поли-

цией и воинскими частями, исчезновение из казармы первых смельчаков, присоединившихся к восставшим,[172] не могли остаться незамеченными совсем, хотя вечером 26 февраля широко об этом лагерь революции еще не знал.

Состоявшееся вечером 26 февраля заседание Выборгского районного комитета с участием представителей Бюро ЦК и ПК отразило твердость духа и непреклонную волю восставших, приняв решение о продолжении забастовки и о переводе ее в вооруженное восстание. Намеченный план действий предусматривал усиление борьбы за армию, захват складов с оружием и вооружением рабочих и др.[173] Привлечение солдатских масс гарнизона на сторону восставшего народа становилось неотложной задачей дня, одним из главнейших условий для победы над царизмом. За переход солдат на сторону революции в воинских частях усиленно агитировали находившиеся тогда в армии большевики А. К. Беляков, П. В. Дашкевич, Г. В. Елин, А. Ф. Ильин-Женевский, К. А. Мехоношин, Н. А. Милютин, А. Н. Падерин, С. И. Петриковский, А. Д. Садовский, С. А. Черепанов и др.[174]

Решение этой важнейшей задачи облегчалось не только тем, что между солдатами, расстреливавшими в 1905 г. по приказу своих командиров мирные манифестации рабочих, и теми, кого царские власти пытались направить в дни февральского восстания против рабочих, была дистанция огромного размера.[175] Каждый новый день революции оказывал глубокое воздействие на психологию солдатских масс. Упорство и бесстрашие рабочих, проявленные ими в уличных схватках, «заразили» солдат, утверждали их в мысли о переходе на сторону восставших. Их сомнения и колебания вылились наружу, и, по выражению одного из солдат, они «начали тогда сильно волноваться и обсуждать между собой, в среде наиболее надежных товарищей вопрос о том, как присоединиться к революционерам».[176]

И тем не менее переступить через присягу и воинскую дисциплину солдатской массе было мучительно трудно. Угроза расстрела, каторги, отправки на фронт в составе штрафной роты висела над солдатами. Эта угроза продолжала угнетать часть солдат даже и после того, как они присоединились к рабочим. «Царь не простит

бунта, повторится 1905 год, только с большим зверством черной сотни. Пример 1905 года на солдат действовал как электричество, солдаты кричали: „Лучше все умрем, но не сдадимся“», — вспоминал участник февральских боев в Петрограде солдат А. Ручьевский.[177] Характерно, что и после свержения самодержавия вопрос о нарушении присяги продолжал волновать солдат. Выступая в марте 1917 г. на заседании солдатской секции Петроградского Совета, один из ораторов говорил: «Я, старый солдат, теперь живу в новой свободной России и при новом строе, без старого правительства, и хочу спросить себя, нарушил ли я присягу, являюсь ли я клятвопреступником? Нет. Я присягал вере, царю и отечеству. Я видел, что отечество было в опасности, что старое царское правительство вело его к гибели, и ухватил в прежней присяге одно слово „отечество“ и примкнул к новому строю».[178] Конечно, лишь немногие из солдат думали в те дни подобным образом. Подавляющее же большинство из них до последней минуты боялось более реальной опасности — опасности расправы за нарушение присяги. Но разворачивавшиеся события с неизбежностью толкали солдат навстречу восставшим рабочим.

Массовый расстрел рабочих 26 февраля учебными командами возмутил всех солдат, по-новому заставил многих из них взглянуть на присягу и воинскую дисциплину, помог им перейти от колебаний и сомнений к решительным действиям. По свидетельству одного из солдат, «их всю ночь мучила совесть; много злобы накопилось у них против командиров, приказывавших стрелять».[179] И классовая близость к рабочим победила в солдатах преданность царизму, которому они присягали.

Толчком к переходу гарнизона столицы на сторону восставших стало выступление учебной команды запасного батальона Волынского полка, участвовавшей 26 февраля в расстреле демонстрантов в районе Знаменской площади. В этом далеко не стихийном выступлении были свои руководители — командиры взводов учебной команды, среди которых выделялись унтер-офицеры Т. И. Кирпичников и М. Марков. Собравшись в ночь на 27 февраля, командиры взводов и отделений, выяснив полную солидарность мнений о нежелании солдат участвовать в расправе с рабочими, решили присоединиться к восставшему народу. Поднятые рано утром по их команде 400 солдат

учебной команды единодушно согласились с принятым решением и, разобрав оружие, выстроились во дворе. Прибывший на построение учебной команды ее командир Лашкевич, который накануне буквально силой заставлял солдат стрелять по демонстрантам, вместо обычного приветствия был встречен криками «Ура!», а затем убит. В отличие от «взбунтовавшейся» накануне 4-й роты павловцев учебная команда волынцев, прежде чем выступить на улицу, сумела привлечь на свою сторону не только солдат своего батальона, но и соседних частей, направив предварительно туда своих делегатов. На призыв учебной команды к выступлению сразу же откликнулась 4-я рота, затем 1-я и 2-я роты, подготовительные команды. 5 тыс. вооруженных волынцев представляли уже внушительную силу и весьма убедительный аргумент для присоединения к ним солдат расположенных по соседству запасных батальонов преображенцев, литовцев и саперов. Характерно, что первыми примкнули к волынцам роты эвакуированных солдат этих частей. При появлении волынцев в Таврических казармах преображенцы прекратили строевые занятия и присоединились к восставшим. В батальонном цейхгаузе они захватили 1000 винтовок, 4 пулемета и 30 тыс. патронов.[180] Объединившись, волынцы и преображенцы устремились к расположенным рядом казармам запасного батальона Литовского полка. Основная масса литовцев сразу же примкнула к восставшим, и лишь небольшая часть солдат, поддавшись на уговоры офицеров, забаррикадировалась в казармах, но после ожесточенной перестрелки также присоединилась к восставшим.[181] После этого огромная масса солдат, в полном еще беспорядке, двинулась далее по Кирочной, к казармам 6-го саперного батальона. Саперы не заставили себя долго уговаривать и, взломав цейхгауз и добыв оружие, направились вместе со всеми на Литейный проспект, соединявший центр города с Выборгской стороной, ставшей с первых же дней восстания против царизма оплотом всех революционных сил.

Первая встреча восставших солдат с рабочими состоялась у казарм Волынского и Преображенского полков. Теперь рабочие сражались плечом к плечу с революционными и, главное, вооруженными солдатами. К 12 часам их совместными усилиями были смяты полицейская застава на Литейном мосту и заслон из учебной команды Москов-

ского полка. Тем самым центр рабочего восстания соединился с центром солдатского восстания, и это стало переломным моментом в развитии революции. Развивая успех, солдаты и рабочие расположенных по соседству заводов «Арсенал» и Патронного направились на Выборгскую сторону.

Соединение солдатских масс с рабочими помогло первым преодолеть беспокойство и тревогу, вызванную неопределенностью положения, страхом перед возможной расправой, незнанием положения в других воинских частях.

Узнав о начавшемся солдатском восстании, Хабалов приказал сформировать для его подавления карательный отряд, который должен был «оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и все, что будет в этом районе, загнать к Неве и привести там в порядок».[182] Наступая от Невского проспекта в направлении Литейного и Суворовского проспектов, правительственные войска должны были охватить восставших в клещи, любыми средствами не допустить распространения восстания. Назначенный командовать отрядом полковник Преображенского полка А. П. Кутепов, находившийся в отпуске в Петрограде, заверил командование, что он не остановится «перед расстрелом всей этой толпы»,[183] но потребовал для выполнения данной задачи не менее бригады, на что Хабалов раздраженно заметил: «Дадим то, что есть под руками».[184] Под руками оказалось не так уж много: шесть рот солдат при 15 пулеметах и полтора эскадрона — всего около 1000 человек. Тем не менее это была серьезная военная сила, которая в другое время и в других условиях могла бы без больших затруднений осуществить свою карательную миссию. Но теперь, когда улицами города завладели сотни тысяч рабочих, на сторону которых перешли уже первые воинские части, любые попытки «привести в порядок» революционные массы были обречены на неудачу. Но понять это представители царских властей не могли ни тогда, во время революции, ни потом. «Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное! — удивлялся и впоследствии Хабалов. — А именно: отряд двинут, двинут с храбрым офицером, решительным. Но как-то ушел, и результатов нет. . . Что-нибудь должно быть одно: если он действует решительно, то должен был бы столкнуться с этой наэлектризованной толпой: организованные войска должны были разбить эту толпу и загнать эту толпу

в угол к Неве, к Таврическому саду. А тут: ни да, ни нет!».[185]

Никакие решительные действия, даже массовые расстрелы, к которым прибегли карательные войска на Литейном проспекте и на прилегающих к нему Спасской, Кирочной, Сергиевской и Захарьевской улицах, не могли рассеять соединившихся рабочих и солдат. Более того, людское море революции грозило теперь поглотить отряд Кутепова, подчиненные которого стали переходить на сторону восставших. Сообщив о невозможности продвинуться вперед по Кирочной и Спасской улицам, Кутепов потребовал от командования подкреплений, которых так и не дождался.[186] К вечеру 27 февраля, признавался потом Кутепов, «большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может».[187]

Слухи о присоединении к революции первых воинских частей быстро распространились по всему гарнизону, несмотря на отчаянные усилия командования изолировать солдат от влияния уличной борьбы. Соединившись с передовыми отрядами солдат, рабочие в свою очередь еще решительнее повели борьбу за привлечение на свою сторону всего гарнизона, с успехом применив при этом тактику «снятия». Добыв оружие у солдат, восставшие буквально осаждали казармы тех воинских частей, где офицеры еще пытались удержать солдат от выступления, присоединяли к революции все новые и новые части. Авангардную роль по-прежнему играли рабочие Выборгской стороны, куда еще с утра стали прорываться восставшие солдаты. Днем огромная толпа рабочих-выборжцев и солдат подступила к казармам запасного батальона Московского полка на Большом Сампсониевском проспекте. Какое-то время обе стороны, разделенные забором, находились в нерешительности, но затем забор был разрушен и восставшие смешались с солдатами-московцами, подавив сопротивление учебной команды и офицеров батальона. На Петроградской стороне рабочим удалось «снять» запасный батальон Гренадерского полка.

В целом ряде случаев солдаты при приближении рабочих выбегали из своих казарм, часто под огнем своих офицеров, и через забор уходили к восставшим. К вечеру 27 февраля рабочие проникли в казармы запасного батальона Семеновского полка на Загородном проспекте и тем самым решили колебания запертых в помещения солдат

в пользу революции. Вместе с семеновцами они направились к расположенным по соседству казармам запасного батальона Измайловского полка и привлекли значительную часть измайловцев на свою сторону.[188]

Большое значение в развитии событий 27 февраля имел переход на сторону восставшего народа броневого автомобильного дивизиона, располагавшегося на Петроградской стороне. Если утром попытка Хабалова использовать бронемашины в борьбе с восставшими солдатами запасного батальона Волынского полка окончилась полным провалом, то днем солдаты бронедивизиона под руководством Г. В. Елина сумели вывести на улицы несколько броневиков, которые участвовали в подавлении полицейских засад, в осаде казарм воинских частей.[189] Днем 27 февраля была предпринята попытка привлечь на сторону восставших команду крейсера «Аврора», ремонтировавшегося у стенки Франко-Русского завода. Однако в этот день командованию еще удалось удержать матросов в повиновении при помощи вооруженного караула.[190]

Перешедшие на сторону революции солдатские массы действовали на улицах, как правило, под руководством тех передовых солдат и унтер-офицеров, которые подняли их на выступление в казармах и, соединяясь с рабочими, на деле осуществляли союз рабочего класса с крестьянством, решали совместные задачи по овладению опорными пунктами царизма и дальнейшему вовлечению в восстание гарнизона. Солдаты признали в рабочих своих вожаков и часто сами требовали от них указаний, что делать. Яркий пример приводит М. И. Калинин, рассказывая об эпизоде, имевшем место 27 февраля у Финляндского вокзала: «Когда мы в толпе подошли к вокзалу, как раз в это время там же появилась какая-то военная часть. Вокзальная охрана была разоружена в одно мгновение. Но толпа еще в нерешительности. Что же дальше? И солдаты кричат: „Где вожаки? Ведите нас!“. Я сам в нерешительности, я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас, вот здесь поблизости, можно сделать. Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса по существу переживает такое же состояние и ждет действия. Я поднялся на площадку вокзала и крикнул: „Если хотите иметь вождей, то вон, рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить“. В один миг мысль подхвачена, расширена».[191] И так было повсюду. Показательно, что представители буржуазной интеллиген-

ции, еще не веря в конечный успех революции, тем не менее сразу же обратили внимание на важность соединения восставших рабочих и солдат. Профессор Ю. В. Ломоносов, активно сотрудничавший в дни Февральской революции с Думским комитетом, писал в своем дневнике 27 февраля: «А все-таки, несмотря на безрассудство этих вооруженных столкновений, какое-то радостное чувство колышется в груди. Ведь все-таки часть солдат за народ».[192]

Поддерживая боевой дух рабочих и придавая исключительное значение началу перехода армии на сторону революции, партия большевиков выпустила 27 февраля листовку, которая звала к решительной борьбе с царизмом. «Вернуться назад нельзя, — говорилось в ней, — вернуться назад — это значит предать восставших солдат и обречь их к расстрелу. Мы должны завершить начатое дело. Петербургские рабочие, продолжайте и распространяйте всеобщую забастовку, демонстрации, братание с солдатами и казармами, готовьтесь к вооруженной борьбе!».[193]

Военные силы царизма таяли с каждым часом, и днем 27 февраля командование Петроградского гарнизона по существу уже не имело надежных частей для борьбы с революцией. «Дать что-нибудь в подкрепление, — признавал позднее Хабалов, — становилось трудным: к кому я ни обращался — везде говорят, что у них свободных рот нет, что дать не могут».[194] Командир запасного батальона Финляндского полка на просьбу прислать роту для подкрепления ответил, что у него всего две надежные роты, которые сдерживают пока остальные роты. Когда военным командованием была сделана попытка достать патроны в 180-м запасном пехотном полку, то оказалось, что командир полка уже не хозяин положения.[195] Путем угроз командованию удавалось еще удерживать в подчинении отдельные роты запасных батальонов Кексгольмского, Егерского, Литовского, Измайловского и Павловского полков. Теперь властям приходилось уже думать о том, чтобы продержаться до прибытия в Петроград затребованных ими из Ставки надежных частей с фронта. С этой целью на Дворцовую площадь были стянуты воинские части, не перешедшие еще открыто на сторону революции. Таковых оказалось немного даже для удержания Зимнего дворца. Тогда вел. кн. Кирилл Владимирович предложил Хабалову две роты учебной команды гвардейского флотского экипажа, которые и прибыли вечером на Дворцовую

площадь.[196] После беседы с прибывшими солдатами начальник резерва генерал М. И. Занкевич пришел к заключению, что «на них рассчитывать нельзя». К ночи сильно поредевшие правительственные войска были переведены в Адмиралтейство. К этому времени их ряды покинули матросы гвардейского флотского экипажа, павловцы, а затем и кексгольмцы, которые оставили Адмиралтейство ночью и с дозорами вернулись к себе в казармы. В телеграмме, отправленной утром 28 февраля в Ставку, Хабалов сообщал, что в Адмиралтействе «число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 всадников при 15 пулеметах, 12 орудиях, с 80 патронами всего».[197]

Если «число оставшихся верных долгу» к исходу 27 февраля определялось всего несколькими сотнями солдат и казаков, то число солдат, примкнувших к восставшему народу, достигало уже нескольких десятков тысяч. Увеличение военных сил революции происходило в течение 27 февраля следующим образом: утром число восставших солдат было 10 200, днем — 25 700, вечером — 66 700.[198] Основная часть гвардейской пехоты, располагавшейся в Петрограде, в этот день выступила активно против старой власти либо отказалась ее защищать. Этот факт чрезвычайной важности в значительной степени повлиял на дальнейшее развитие событий.

Вовлечение в революцию многотысячных солдатских масс, мелкобуржуазных по своему положению и взглядам, способствовало оживлению Государственной думы, находившейся в первые дни борьбы с царизмом на положении растерянного наблюдателя. Царский указ о роспуске Думы, слухи о том, что она не подчинилась этому указу, и появившееся 27 февраля в «Известиях Комитета петроградских журналистов» сообщение, в котором Дума представлялась как оппозиционный центр, все это подняло авторитет Государственной думы в глазах мелкобуржуазных слоев населения столицы и солдат гарнизона. Неопытные в политическом отношении эти слои рассматривали Думу как подобие народного представительства, а ее лидеров — как борцов против самодержавия. Для солдатских масс, нарушивших присягу царю, Государственная дума стала «законным учреждением», от которого они хотели получить одобрение своим действиям.[199] Именно этим объясняется тот факт, что днем 27 февраля к Таврическому дворцу, где находилась Дума, устремились многочислен-

ные людские потоки, прежде всего солдаты, сначала неорганизованные, а затем и целыми воинскими частями. В то время как активная часть солдат, явившаяся инициатором перехода на сторону рабочих, сражалась на улицах города, основная масса солдат не без влияния младших офицеров спешила засвидетельствовать свою верность новой власти и «законно» вступить в революцию.

Первая колонна солдат и рабочих появилась у Таврического дворца около часа дня. Перед прибывшими выступали А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев. «Где новая власть? Где новое правительство?», — вот что волновало массы и вот что они хотели узнать прежде всего от выступавших, призывавших к организации и порядку. К вечеру 27 февраля движение восставших к Таврическому дворцу усилилось. Солдаты и рабочие заполнили его залы. Горячее дыхание революции заставило думцев поторопиться с захватом власти. В ночь на 28 февраля Временный комитет Государственной думы «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». Вечером 27 февраля состоялось первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов, на котором была образована Военная комиссия для связи с воинскими частями, перешедшими на сторону народа. В состав этой комиссии вошли демократически настроенные офицеры: подполковник С. Д. Масловский (Мстиславский), старший лейтенант флота В. Н. Филипповский, а также ряд младших офицеров-прапорщиков.[200]

Судьба революции во многом зависела и от того, какую позицию по отношению к восстанию в Петрограде займут довольно многочисленные гарнизоны его пригородов. Вести о событиях в столице достигли пригородных гарнизонов к вечеру 27 февраля и сразу же стали бурно обсуждаться солдатами. Инициатива выступления везде исходила от революционных групп и солдат-большевиков.[201] Солдаты квартировавшей в Петергофе артиллерийской батареи отказались подчиниться приказу следовать в Петроград, куда батарея вызывалась с целью подавления восстания.[202] В Ораниенбауме переход гарнизона на сторону революции начался с выступления солдат школы оружейных мастеров, которые захватили оружейный склад и призвали другие части присоединиться к ним. После этого восстала одна из рот 2-го пулеметного полка, кото-

рую затем поддержал весь Ораниенбаумский гарнизон. Вооруженные солдаты собрались у казарм 1-го пулеметного полка, где было принято решение идти на помощь восставшим в Петрограде. Попытки офицеров отговорить солдат от выступления успеха не имели, и многотысячная колонна направилась к вокзалу, на подходе к которому она была обстреляна из засады. Захватив вокзал, восставшие стали готовить к отправке в столицу поезда, однако, опасаясь возможности умышленного крушения со стороны царских властей, решили следовать в Петроград пешком. В ночь на 28 февраля многотысячный гарнизон Ораниенбаума выступил в путь, имея в своих рядах всего несколько офицеров, добровольно присоединившихся к солдатам. Следуя через Мартышкино, Петергоф, Стрельну, Сергиево и Лигово, восставшие привлекали на свою сторону расположенные там воинские части. По свидетельству участника этого грандиозного похода, колонна растянулась на 20 верст.[203] Переход солдат пригородных гарнизонов на сторону революции в значительной степени предотвращал возможность подавления восстания в Петрограде путем вызова карательных войск с Северного фронта и из Финляндии.

Рано утром 28 февраля началась ликвидация последних очагов сопротивления старой власти. Отряды революционных рабочих и солдат, преодолев сопротивление последних охранных постов запасного батальона Финляндского полка у Тучкова и Биржевого мостов, устремились через Дворцовый мост к Зимнему дворцу и Адмиралтейству, где к этому времени оставалось всего несколько сот казаков и солдат. Здание Адмиралтейства было блокировано революционными силами.[204]

На Выборгской стороне рабочие совместно с солдатами запасного батальона Московского полка оцепили казармы самокатного батальона, офицеры которого, продолжая удерживать в помещениях своих солдат, оказали накануне ожесточенное сопротивление восставшим, отбив все их попытки «снять» самокатчиков. К тому же состав самокатного батальона значительно отличался от состава большинства частей: в самокатчики брали прежде всего умевших ездить на велосипеде, а это были тогда, как правило, дети зажиточных родителей. Но теперь наступавшая сторона имела в своем распоряжении даже броневики и артиллерию. К 12 часам дня восставшие ворвались в казармы самокатного батальона, присоединив к себе сол-

дат-самокатчиков и захватив более 2 тыс. винтовок и свыше 100 тыс. патронов.[205] В это время на Васильевском острове рабочие Балтийского, Трубочного, Кабельного и других заводов осадили казармы 180-го запасного пехотного полка и запасного батальона Финляндского полка. И в том и в другом случае дело обошлось без кровопролития. Отвечая на призыв рабочих к совместной борьбе, солдаты, несмотря на угрозы офицеров, захватили оружие и покинули казармы.[206]

Днем 28 февраля была взята Петропавловская крепость, которая осаждалась рабочими, солдатами и матросами всю ночь. После длительных колебаний солдаты крепостного гарнизона отказались подчиняться командованию и открыли ворота крепости. Восставшие освободили заключенных солдат-павловцев, захватили Арсенал и стали раздавать оружие. Прибывший в крепость представитель Думского комитета В. В. Шульгин тщетно пытался помешать этому.[207] С падением Петропавловской крепости положение остатков правительственных войск, находившихся в Адмиралтействе, стало безнадежным, и они, сложив оружие, разошлись по своим казармам. Подавление последних очагов сопротивления контрреволюции 28 февраля проходило при активном участии солдат пригородных гарнизонов, прибывавших из Ораниенбаума, Красного Села, Петергофа, Стрельны и др. Вечером 28 февраля находившийся в Царском Селе батальон гвардейского флотского экипажа, сняв армейские части в Пулкове, направился в полном составе и вооружении в Петроград. Вслед за ним снялись из Александровского дворца и остальные роты гвардейского флотского экипажа.[208] В этот же день восставшими был поставлен вопрос об овладении и разоружении морского и сухопутного артиллерийских полигонов, располагавших большим количеством орудий и боеприпасов.[209]

В результате резко изменившейся обстановки в Петрограде в пользу сил революции 28 февраля подавляющее большинство воинских частей столичного гарнизона переходило на сторону народа добровольно. Сопротивление оказывали, как правило, офицеры, которым в некоторых частях удалось удержать в подчинении учебные команды. Рано утром матросы крейсера «Аврора» под руководством своих большевистских вожаков и при помощи восставших рабочих Франко-Русского и Адмиралтейского заводов обезоружили и арестовали своих офице-

ров. Тогда же перешли на сторону революционных масс матросы гвардейского флотского экипажа и Второго Балтийского флотского экипажа. Солдаты запасного батальона Егерского полка, электротехнического и воздухоплавательного батальонов, соединившись с революционными силами, несли уже в этот день охрану винных погребов в Петрограде.[210] К вечеру 28 февраля к революционным войскам присоединился 1-й запасный пехотный полк, располагавшийся на Охте. В течение этого дня на сторону восставшего народа перешли 60 тыс. солдат, и теперь революционный лагерь мог опираться уже на поддержку 127 тыс. солдат.[211] Основные гвардейские и армейские пехотные части, составлявшие ударную силу Петроградского гарнизона, были теперь с восставшими рабочими, и тем самым исход борьбы в столице был решен в пользу революции.

В обращении к солдатам, опубликованном 28 февраля в первом номере «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов», Совет призывал присоединиться к народу те воинские части, которые еще не успели сделать это. «За всеми сведениями, справками и приказаниями» солдаты призывались обращаться в Государственную думу, «где все время находится Военная комиссия всех полков города Петрограда».[212] Однако эта Военная комиссия уже не была больше органом Петроградского Совета. С утра 28 февраля руководство Военной комиссии перешло в руки представителей Временного комитета Государственной думы во главе с полковником генерального штаба Б. А. Энгельгардтом, а представители Совета были оттеснены на второй план.[213] Возглавив Военную комиссию, думцы попытались добиться возвращения солдат в казармы и восстановления прежнего внутреннего порядка в частях. С этой целью Временный комитет Государственной думы издал приказ по Петроградскому гарнизону: «1) всем отдельным нижним чинам и воинским частям немедленно возвратиться в свои казармы; 2) всем офицерским чинам возвратиться к своим частям и принять все меры к водворению порядка; 3) командирам частей прибыть в Государственную думу для получения распоряжений в 11 час. утра 28 февраля».[214]

Таврический дворец становится местом паломничества солдатских масс, направлявшихся теперь в организованном порядке со всех концов города к Государственной думе, правда, в основной массе еще без своих офицеров.

Обращаясь к прибывшим солдатам запасных батальонов Преображенского и Гренадерского полков, думцы призывали их слушаться своих командиров, к восстановлению порядка, к подчинению власти Временного комитета Государственной думы. «Полки по-прежнему прибывают, чтобы поклониться, — писал со смешанным чувством об этом дне В. В. Шульгин. — Все они требуют Родзянко... Родзянко идет, ему командуют „на караул"; тогда он произносит речь громовым голосом... Кричат „ура!". Играют Марсельезу, которая режет нервы... Почти все части без офицеров... Где офицеры?».[215]

Вопрос об офицерах волновал, как мы видели, не только Шульгина, но и Временный комитет Государственной думы в целом, его Военную комиссию. Прибывший с Кавказа в Петроград и находившийся в эти дни в Таврическом дворце генерал П. А. Половцов писал: «Много возни в комиссии с депутациями от разных частей с выражением верноподданничества революции. В некоторых старое начальство удержалось, в других разбежалось или перестреляно, в некоторых арестовано и нужно уговорить выпустить. Почти везде нужно назначать временно исполняющих дела».[216] Пытаясь овладеть положением в Петроградском гарнизоне, Военная комиссия направляет в воинские части своих представителей, по преимуществу младших офицеров, но в целом ряде случаев она прибегает к услугам и прежних командиров этих частей.[217] Утром 28 февраля (в 8 часов 30 минут) председатель Военной комиссии Б. А. Энгельгардт отдал приказ прапорщикам Пономаренко и Бобрицкому вступить во временное командование запасным батальоном Волынского полка. Однако буквально через час он же отдает распоряжение о том, что командование этим батальоном должен принять штабс-капитан Мягков.[218] Ротмистру Сиверсу было поручено принять командование 9-м запасным кавалерийским полком «со всеми правами полкового командира» и приказано «немедленно привести возможно большее число эскадронов в полном боевом вооружении и пулеметную команду для охраны Таврического дворца при надлежащем количестве офицеров».[219] Капитан Халиль-Беков получил от Военной комиссии приказ «принять запасный броневой дивизион, набрать офицеров и водворить там порядок».[220] В. В. Маяковский, служивший в это время в военно-автомобильной школе и явившийся в этот день в Военную комиссию с группой солдат школы,

получил от Б. А. Энгельгардта следующее распоряжение: «. . .рядовому Маяковскому Владимиру произвести выборы в военно-автомобильной школе, организовать ремонт машин».[221]

Ничего не изменив в управлении военными училищами, оставив там прежних начальников, Военная комиссия направила свои циркуляры во Владимирское, Михайловское, Николаевское, Кавалерийское, Павловское и другие училища с требованием «возобновить занятия с юнкерами для подготовки будущих офицеров».[222]

Уступив думцам руководство Военной комиссией, эсеро-меньшевистский Исполком Петроградского Совета занял соглашательскую позицию и в вопросе об отношении солдат к распоряжениям Военной комиссии. Об этом свидетельствовало, в частности, принятое им обращение к солдатам: «Временный комитет Государственной думы при помощи Военной комиссии организует армию и назначает начальников ее частей. Не желая мешать борьбе со старой властью, Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов не рекомендует солдатам отказываться от сохранения прочной организации и от подчинения распоряжениям Военной комиссии и назначенных ею начальников. Но вместе с тем он советует всем войсковым частям немедленно избрать от каждого полка по одному представителю в Совет рабочих депутатов для создания единой сплоченной воли всех слоев рабочего класса».[223]

Попытки Думского комитета подчинить своему влиянию Петроградский гарнизон решительно осуждали большевики. Выступая 28 февраля на заседании Петроградского Совета, член Русского Бюро РСДРП(б) В. М. Молотов отмечал, что в столь ответственный момент революции все внимание должно быть направлено на укрепление союза рабочих с революционной армией.[224] На многочисленных митингах, собраниях большевики разъясняли, что только руководство рабочего класса солдатскими массами может обеспечить конечный успех борьбы с самодержавием. Направляя борьбу рабочих в организационное русло, выдвигая лозунги, определяя их задачи на каждом этапе революции, увлекая массы личным примером, большевики сумели сплотить питерский пролетариат в его решающей схватке с царизмом. В результате героического поведения пролетариата на улице, страстной агитации рабочих вожаков и под влиянием наиболее революционных элементов из своей среды на сторону восставшего народа

перешел Петроградский гарнизон, солдатские массы которого выступили за союз с рабочим классом, против существующих порядков в армии. Наиболее революционная часть столичного гарнизона активно сражалась на улицах города на стороне рабочих с правительственными войсками. В ходе февральского восстания в Петрограде было убито около 100 солдат и матросов и около 500 ранено.[225] «Петербургские рабочие победили царскую монархию, — писал В. И. Ленин в марте 1917 г. — В геройской борьбе против полиции и царских войск, начав безоружными восстание против пулеметов, рабочие привлекли на свою сторону бо́льшую часть солдат петербургского гарнизона».[226]

Глава вторая

В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ СТАРОЙ АРМИИ (МАРТ—АПРЕЛЬ 1917 г.)

Солдатский вопрос в Петроградском Совете

Выступив в дни февральского восстания вместе с рабочими против царизма, солдатские массы столичного гарнизона порвали с прежней системой военной организации и дисциплины, первыми начали борьбу за демократизацию старой армии. Необходимость демократизации вытекала из самого социального состава старой армии, из социального антагонизма между командными верхами и солдатскими низами. Основное содержание процесса демократизации армии состояло в стремлении солдатских масс ограничить власть командования как представителя и защитника интересов господствующих классов, расширить права солдат, добиться такой организации армии, которая позволила бы противопоставить контрреволюционным тенденциям сверху революционную волю солдатских масс.[1] Однако в условиях сложившегося в России после победы над царизмом двоевластия процесс демократизации старой армии носил непоследовательный и противоречивый характер.

Возглавив борьбу солдатских масс за революционное переустройство армии, партия большевиков выступила за организацию войск на принципах выборности и самоуправления, за создание подлинных солдатских организаций, за ликвидацию всех ограничений гражданских и политических прав солдат, за сближение и слияние армии с революционным народом.[2]

Борьба за демократизацию армии была начата солдатами Петроградского гарнизона еще в ходе Февральской революции. Изданный 28 февраля приказ Временного комитета Государственной думы, предписывавший солдатам «немедленно возвратиться в свои казармы», а офицерам — «возвратиться в свои части и принять все меры к водворению порядка», они справедливо расценили как выступление против революции. Предписание вернуться в казармы вызвало у солдат не только возмущение, но и опасения быть разоруженными и арестованными по возвращении в свои казармы. Эти опасения усиливались слухами о том, что в некоторых частях уже идет разоружение солдат.[3]

Попытки думцев установить контроль над Петроградским гарнизоном встретили решительное противодействие пролетариата столицы и созданного его революционным творчеством Совета рабочих депутатов, сразу же увидевшего в солдатах вооруженную опору революции. Показательно, что даже меньшевистский Временный исполком Совета в своем воззвании 27 февраля, извещая о предстоящем вечером того же дня открытии первого заседания Совета, предлагал «всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту». В принятом на этом заседании Петроградского Совета обращении «К населению Петрограда и России» отмечалось, что «27 февраля в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп».[4] На первом заседании Совета присутствовали лишь отдельные представители запасных батальонов, и они даже не принимали участия в выборах Исполкома,[5] но именно через них солдатские массы узнали о том, что в лице Совета они имеют надежного защитника их интересов.

Возмущенные приказом Думского комитета, солдаты теперь обращаются за помощью в Петроградский Совет. Явившись вечером 28 февраля в Таврический дворец, солдатские делегаты информировали Исполком о том чрезвычайном положении, которое вызвал думский приказ.[6] Это побудило Исполком поставить 1 марта солдатский вопрос на обсуждение в Петроградском Совете. На заседании присутствовали представители целого ряда воинских частей, выдвинувших уже своих депутатов

в Петроградский Совет. После доклада Н. Д. Соколова, который, не исключая возможности конфликта Петроградского Совета с Временным комитетом Государственной думы, видел выход в достижении компромиссного соглашения, на обсуждение Совета были вынесены три вопроса: 1) отношение солдат к возвращающимся в части офицерам; 2) выдача им оружия; 3) компетенция Военной комиссии.[7] Как видно из выдержки протокола заседания, опубликованной в «Известиях», «по всем этим вопросам слово предоставляется только представителям гарнизона».[8] В их обсуждении участвовало не менее 20 представителей воинских частей Петрограда.[9] В центре внимания оказался вопрос об отношении к офицерам. Многие из выступавших солдат с гневом говорили о грубом произволе офицеров в дореволюционное время. При обсуждении вопроса о том, допускать ли в части сбежавших во время Февральской революции офицеров, мнения солдат разделились. Одни выступали за безоговорочное устранение таковых из части, другие предлагали оставить офицеров в частях в качестве инструкторов военного дела.

Говоря об отношении к Военной комиссии, солдатские представители указывали на факт захвата ее Думским комитетом, предлагали не подчиняться ее приказам и слушаться только распоряжений Петроградского Совета, ратовали за образование общего Совета рабочих и солдатских депутатов, за единство действий солдат и рабочих. Активными и последовательными сторонниками объединения рабочих и солдатских депутатов выступали большевики, видевшие в таком объединении важное средство осуществления союза пролетариата с крестьянством. Выражая настроение большинства депутатов, общее собрание высказалось за создание единого рабоче-солдатского Совета. В состав Исполкома были включены десять солдатских представителей: А. Д. Садовский (большевик, от 6-го саперного батальона), А. Н. Падерин (большевик, от запасного батальона Преображенского полка), В. И. Баденко (меньшевик-интернационалист, от 1-го пехотного полка), Ф. Ф. Линде (меньшевик-интернационалист, от запасного батальона Финляндского полка), А. П. Борисов (меньшевик, от запасного батальона Литовского полка), Ю. А. Кудрявцев (эсер, от автомобильного отдела Красного Креста), Соколов (беспартийный, от Второго Балтийского флотского экипажа), И. Г. Барков (беспартийный, от 1-го стрелкового полка), Вакуленко

(беспартийный, от запасного батальона Егерского полка), Климчинский (беспартийный, от запасного батальона Измайловского полка).[10]

В результате обсуждения солдатского вопроса на заседании Петроградского Совета 1 марта было принято решение обратиться к гарнизону столицы со следующим воззванием: «Не выдавать оружия. Выбирать ротные и батальонные комитеты, которые бы заведовали всем внутренним распорядком полков. Организовать солдатскую массу в Совете солдатских и рабочих представителей. Подчиняться распоряжениям Военной комиссии лишь до той поры, пока они не расходятся с постановлениями Совета рабочих депутатов. Делегировать в состав Военного комитета представителей от солдат».[11]

Поздно вечером того же дня был выработан приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов,[12] которому было суждено сыграть огромную роль в переустройстве всего внутреннего уклада не только гарнизона столицы, но и всей армии.

Опубликованный 2 марта в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» приказ № 1 стал для революционных солдат руководящим началом в их борьбе за демократизацию старой армии. В семи пунктах этого приказа были закреплены основные требования солдатских масс, исключавшие возврат к прежней системе организации армии. Первый пункт предписывал всем воинским частям «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Выборные солдатские организации наделялись широкими полномочиями: правом распоряжаться политическими выступлениями воинской части, контролировать оружие, разрешать возникающие недоразумения между солдатами и офицерами. Приказ подчеркивал руководящую роль Петроградского Совета в политических выступлениях солдатских масс, а приказы Военной комиссии рекомендовалось выполнять лишь в той степени, в какой они не противоречили приказам и постановлениям Совета. Приказ № 1 устанавливал новые отношения между солдатами и офицерами: «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Запрещая грубое обращение с солдатами

и, в частности, обращение к ним на «ты», приказ поднимал человеческое достоинство солдата, делал его полноправным гражданином.

С публикацией приказа № 1 выборы в Совет в частях Петроградского гарнизона приобрели массовый характер. По нормам, установленным временным Исполкомом Совета и подтвержденным приказом № 1, солдаты избирали одного депутата от роты. Установленный принцип представительства от роты, являвшейся основной единицей солдатской организации, имел важное значение в борьбе за победу над силами реакции, за укрепление союза рабочих и крестьян. Крупные воинские единицы — запасные пехотные и пулеметные полки, запасные батальоны гвардейских пехотных полков, инженерные и железнодорожные части — имели в Совете от 15 до 36 депутатов каждый.[13] Если учесть, что таких крупных единиц в Петроградском гарнизоне насчитывалось не менее 40, то количество направленных ими в Совет делегатов составляло примерно половину всех депутатов, избранных от гарнизона столицы и его пригородов. Вместе с тем в Петрограде находилось и множество мелких частей, военно-административных управлений, санитарных и других тыловых учреждений, военно-учебных заведений, которые избрали своих депутатов от гораздо меньшего количества солдат. 16 военно-учебных заведений, например, имели в Совете 67 депутатов, в том числе девять из них послали 40 депутатов от 4293 избирателей.[14]

На 5 марта 1917 г. в составе Петроградского Совета было 700 представителей от рабочих и 600 — от солдат,[15] а к середине марта в нем насчитывалось уже около 2 тыс. солдатских депутатов и только 800 рабочих депутатов.[16]

Установленные нормы представительства объективно способствовали преобладанию солдатских депутатов в Петроградском Совете, мелкобуржуазных элементов в целом. Но главная причина такого соотношения сил в Совете заключалась в недостаточной политической зрелости масс, разбуженных революцией. Состав и деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов отражали прежде всего уровень сознательности и организованности рабочих и солдат, степень понимания ими своих классовых интересов.

В самом деле, кого посылали солдаты в Совет? В действительности ли выбранные ими депутаты выражали их интересы? Подробных данных о большинстве солдат-

ских депутатов Совета нет. Однако с полной определенностью можно утверждать, что эти представители в своем большинстве выражали интересы избирателей лишь в той мере, в какой последние понимали их сами. Первый состав Петроградского Совета, пошедшего в своем большинстве за эсеро-меньшевистским Исполкомом, отразил господство мелкобуржуазных взглядов на политику и в первую очередь среди солдатских масс гарнизона столицы. Депутаты от воинских частей, будучи сами, как правило, беспартийными, в первое время шли за эсерами и меньшевиками. Среди солдатских депутатов оказалось немало выходцев из кулацкой верхушки деревни, буржуазной и мелкобуржуазной среды города. Особенно это относилось к представителям многочисленных нестроевых частей, на долю которых приходилось довольно значительное количество мест в солдатской секции Совета.[17] Как писал впоследствии В. Н. Залежский, «среди мелких частей никакой революционной работы не велось, политическая сознательность здесь была весьма низкая. Естественно поэтому, что отсюда посылались депутаты-«говоруны» в лице писарей, вольноопределяющихся, прапорщиков и прочей мелкобуржуазной братии. Эти депутаты потянулись к более им родственным по психологии партиям эсеров и меньшевиков».[18] Данная характеристика в значительной степени относится и к крупным воинским частям — запасным пехотным полкам и батальонам, солдаты которых посылали в Совет наряду с такими подлинными организаторами масс, как А. Н. Падерин, А. Д. Садовский, К. Е. Ворошилов и др., много «говорунов». Подчас умение говорить перед солдатами было единственным достоинством такого депутата. Не случайно в Совете было много писарей, вольноопределяющихся, ратников, унтер-офицеров, образовательный уровень которых был выше, чем солдат. Среди десяти депутатов, избранных в Петроградский Совет солдатами запасного батальона Гренадерского полка, было два старших унтер-офицера, два младших унтер-офицера, два ефрейтора, два ратника, один фельдфебель, один писарь и ни одного рядового солдата![19] Из 768 солдатских депутатов, служебное положение которых было определено на основании анкетных листов, 387 были рядовыми, 250 — унтер-офицерами, 58 — офицерами, 36 — юнкерами, 35 — писарями.[20]

При всех издержках первого состава солдатских представителей в Петроградском Совете создание объединен-

ного рабоче-солдатского выборного органа имело важное значение для сплочения революционных сил, послужило руководящим примером для образования таких советов в масштабах всей страны. Но необходимость совместной работы рабочих и солдатских депутатов была осознана далеко не всеми даже в Петроградском гарнизоне. 3 марта в цирке Чинизелли собрались 400 представителей воинских частей, которые избрали временную комиссию для оформления отдельной солдатской организации. Эсер С. А. Кливанский, выступая в тот же день на заседании Петроградского Совета, утверждал, что перестройка солдатской жизни «ни одного рабочего не интересует», и потому предлагал солдатам «образовать свой солдатский парламент, солдатский Совет».[21] Однако это предложение не встретило поддержки большинства депутатов Совета, выступивших за создание рабочей и солдатской секций в рамках единого Совета.[22]

Солдатская секция избрала свой руководящий орган — Исполнительную комиссию Совета солдатских депутатов. Численность этой «Солдатской комиссии» еще в марте превысила 100 человек,[23] и ей пришлось выделить из своего состава президиум. Доминирующее положение в «Солдатской комиссии» занимали в течение длительного времени правые, откровенно оборонческие элементы. Ее председателем был ярый шовинист Б. С. Звинятский. В руководящую группу комиссии входили трудовик А. В. Сомов, эсеры В. С. Завадье, Р. С. Вербо и В. Г. Заварин, меньшевики М. С. Бинасик, А. П. Борисов, В. С. Венгеров и Г. Б. Скалов.[24] В составе «Солдатской комиссии» в марте—апреле 1917 г. были образованы подкомиссии — агитационная (по организации связи между представителями различных гарнизонов), по обороне (вопросы отправки маршевых рот, вывоз боеприпасов и др.), финансовая, хозяйственная и справочная.[25]

4 марта состоялось первое заседание солдатской секции Петроградского Совета, на котором обсуждалась организация внутреннего порядка в столичном гарнизоне на основе приказа № 1. Как отмечалось в опубликованном на следующий день в «Известиях» отчете об этом заседании, оно длилось около 7 часов, при этом прения носили «чрезвычайно страстный характер». Солдатские депутаты вносили свои предложения по организации армии на демократических началах, настаивали на передаче всей полноты власти в руки ротных, батальонных и полковых

комитетов, на выборном начале командного состава «вплоть до командующего народной армией». Против последнего категорически возражали члены Исполнительного комитета Совета, утверждавшие, что установление выборного начала командного состава находится в противоречии с приказом № 1. Именно с этим-то и не желали соглашаться солдатские представители. Главной темой выступлений солдатских ораторов был вопрос об отношении к офицерству. Представитель 6-го саперного батальона Захаревский, обращая внимание на необходимость принятия эффективных мер против контрреволюционных действий офицеров, предлагал передать всю полноту власти солдатским комитетам, которые должны «распространить нити влияния на все, направлять и выполнять солдатские пожелания неукоснительно».[26] Пытаясь сдержать напор демократических требований солдат, член Исполкома Совета меньшевик Б. О. Богданов призывал их, «пока не подошли к победе, всякой силой дорожить. С Временным правительством не рвать, поддерживать его. С офицерами не рвать, установить приемлемые отношения. Не увлекаться».[27] Согласившись не требовать распространения приказа № 1 на действующую армию, солдатская секция вместе с тем в своем постановлении от 4 марта со всей определенностью заявила, что новые правила регулирования солдатской жизни должны быть введены не только в Петроградском гарнизоне, но и во всех тыловых частях.[28]

Среди главных проблем, горячо обсуждавшихся солдатами Петроградского гарнизона после победы над царизмом, был вопрос о правовом положении военнослужащих, который в приказе № 1 был решен в самом общем виде. Прозвучавшие на заседании солдатской секции 4 марта предложения о введении новых «этикетных отношений» между солдатами и офицерами со всей очевидностью показали, что солдатские массы требуют конкретизации и развития тех положений о правах солдат, которые содержались в приказе № 1. «Офицеры пусть [рассчитывают] на наемную прислугу, — говорил на этом заседании представитель запасного батальона Литовского полка Попов. — Кадр денщиков отпал. Кто [теперь] захочет быть [ими]? Это остатки крепостного права».[29]

6 марта солдатская секция специально рассматривала вопрос «о распространении на солдат гражданских прав». По поручению Исполнительной комиссии солдатской

секции докладчиком по вопросу о гражданских правах солдат выступил эсер В. Л. Утгоф, избранный ранее председателем комиссии по организации полковых и ротных комитетов. Докладчик прежде всего отметил, что поскольку на собрании солдатских депутатов 4 марта всех интересовал вопрос о том, какие права необходимо предоставить всем солдатам армии (как в тылу, так и на фронте), то Исполнительная комиссия предложила вынести этот вопрос на обсуждение солдатских представителей, «чтобы не получилось разногласий». Больше всего, конечно, эсеро-меньшевистское руководство Совета и его солдатской секции было обеспокоено тем, чтобы не было больших разногласий с Временным правительством, и поэтому стремилось всячески ограничить инициативу солдатских масс и следовать той политике, начало которой было положено на переговорах с Думским комитетом в ночь на 2 марта.

Намеченные в докладе В. Л. Утгофа основные положения проекта приказа о правах солдата хотя и исходили в целом из приказа № 1, но далеко не полностью отразили солдатские требования.[30] В результате обсуждения этого доклада солдатская секция постановила учесть при составлении проекта нового приказа о правах солдата такие важные вопросы, как вопрос о денщиках, об увольнении солдат, о разрешении носить штатское платье и жить на частных квартирах, об «обязательном обучении грамоте во время прохождения солдатской службы впредь до установления общей грамотности».[31] Специальная комиссия под председательством Утгофа должна была рассмотреть все эти предложения и представить к следующему заседанию солдатской секции окончательный вариант проекта приказа о правах солдат.

Обстоятельства революционного момента, и прежде всего настойчивые требования солдатских масс, заставляли спешить с подготовкой нового документа. 9 марта 1917 г. этот документ под названием «Общие права солдат» был представлен от имени Исполнительной комиссии солдатской секции Совета на утверждение солдатских представителей и был принят в виде «Постановления общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 года», которое было опубликовано 15 марта в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». Однако это постановление, принятое под напором солдатских депутатов как революционный приказ

об общих правах солдата, в жизнь проведено не было. 17 марта в «Известиях» на первой полосе была помещена «важная поправка», которая гласила: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до всеобщего сведения, что напечатанное в № 15 на стр. 6 постановление общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 года представляет лишь проект, подлежащий еще дальнейшей разработке и еще не обсуждавшийся общим собранием Совета рабочих и солдатских депутатов».[32]

Что же конкретно могло не устраивать эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома Совета в постановлении солдатской секции от 9 марта и побудить их в спешном порядке выступить публично с «важной поправкой»? Прежде всего то, что документ отражал стремление и решимость солдатских масс развивать процесс демократизации старой армии, намечал дальнейшие шаги на этом пути, хотя в формулировках целого ряда его положений было достаточно заметно, что его составители постарались смягчить солдатские требования различного рода оговорками. Постановление об общих правах солдат, принятое 9 марта 1917 г. солдатской секцией, состояло из шести частей, разработанных с неодинаковой степенью полноты. Первая часть документа имела пять параграфов и определяла гражданские права солдат, конкретизируя положение приказа № 1 о том, что военнослужащие «ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». Она провозглашала право солдат состоять в любой политической партии, быть членом какой угодно организации, союза, общества (национальной, религиозной, экономической, профессиональной и т. д.). Солдаты получали право свободно и открыто, письменно и устно высказывать свои взгляды. Наряду со всеми ограничениями свободы совести в воинских частях отменялась обязательная ранее общая молитва. Упразднялась также политическая цензура переписки и направляемых в армию печатных изданий, но военная цензура сохранялась. Солдатам и офицерам тыловых гарнизонов и частей предоставлялось право носить вне службы штатское платье.

Вторая часть постановления регулировала взаимоотношения между солдатами и офицерами, развивая известные пункты приказа № 1. «Обращение офицеров с солдатами и солдат с офицерами, — подчеркивалось в этой части, — должно соответствовать их достоинству

граждан». Наряду с изъятием из обращения термина «нижний чин» и заменой его наименованием «солдат», введением упрощенной и более демократичной формы ответов начальникам, отменой отдания чести и титулования постановление упраздняло институт денщиков, но небезусловно, как того требовали солдатские представители, а только в тыловых районах. Далее же следовала оговорка о том, что «в виде исключения в частях действующей армии и флота разрешается вступать в добровольные соглашения с солдатами своей части, желающими помогать офицерам по хозяйству, но не иначе, как за плату по соглашению и не более одного на офицера». Мы еще увидим, как эта поправка, будучи заново отредактированной и дополненной в приказе военного министра А. Ф. Керенского, фактически сведет на нет важное достижение солдатских масс. Постановление еще раз напоминало о необходимости соблюдения офицерами и солдатами взаимной вежливости, запрещало обращение на «ты».

Третья часть постановления утверждала за солдатами «право внутренней организации», т. е. право избирать в частях свои комитеты. Но принципы этой внутренней организации, права и обязанности солдатских комитетов раскрыты не были, так как разрабатывавшийся в солдатской секции проект положения о ротных и полковых комитетах еще не был тогда готов, а его многие положения вызывали сильные возражения со стороны солдатских депутатов.

В четвертой части рассматривался вопрос о наказаниях и взысканиях в армии. Отныне солдат мог быть наказан только в судебном порядке, что ликвидировало право командиров налагать на солдат взыскания по их собственному усмотрению. Отменялись все наказания, оскорблявшие честь и унижавшие достоинство солдата, и прежде всего телесные наказания. «Ни один случай применения телесного наказания не должен оставаться безнаказанным, — гласил один из пунктов этой части. — Всякий офицер, отдавший со дня распубликования настоящего приказа распоряжение о телесном наказании солдата, должен быть, независимо от чина, предан суду по обвинению в истязании подчиненного и немедленно отстранен от должности».

Пятая часть содержала лишь пункт о том, что поверка в воинских частях производится по утрам, хотя, по всей

видимости, эта часть должна была определить правила внутреннего распорядка в целом, но сформулировать правила на основе практики Петроградского гарнизона, где внутренний распорядок в каждом полку и батальоне устанавливался, как правило, комитетами этих частей, представлялось делом весьма затруднительным.

В шестой, заключительной части подтверждалось, что правила воинской дисциплины, как они изложены в уставах внутренней службы, дисциплинарном и строевом, сохраняются лишь на службе и в служебных отношениях. Статьи же этих уставов и всех без исключения приказов, приказаний и распоряжений, противоречившие постановлению солдатской секции от 9 марта, приказам и распоряжениям Совета рабочих и солдатских депутатов, отменялись.

Высказанные на заседании солдатской секции 6 марта предложения о том, чтобы особо выделить пункт о руководящей роли Советов в организации солдатских масс и обязательности их постановлений, оказались нереализованными. И тем не менее следует признать, что постановление солдатской секции от 9 марта означало новый существенный шаг на пути демократизации старой армии, продолжало, хотя и в более умеренном духе, линию приказа № 1, предлагало целую систему мер, осуществление которых никак не связывалось с их одобрением буржуазной властью и военным командованием. Не случайно этот документ, как мы видели, был задуман с самого начала как приказ, что и нашло свое отражение в целом ряде пунктов постановления солдатской секции от 9 марта. Но теперь этому всячески противились эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома Петроградского Совета, напуганные размахом революции и осуществлявшие сдачу государственной власти Временному правительству.

Вот почему соглашатели стали воздвигать один заслон за другим на пути революционного творчества солдатских масс, вот почему постановлению солдатской секции от 9 марта суждено было стать не революционным приказом «Об общих правах солдат», а проектом приказа военного министра, в котором многие его первоначальные положения были изменены до неузнаваемости.

Подобная же метаморфоза произошла и с солдатскими требованиями относительно общих принципов деятельности выборных организаций в армии. Многочисленные предложения, высказанные по этому вопросу солдатскими

депутатами на заседаниях солдатской секции 4 и 6 марта, были переданы в комиссию по организации ротных и полковых комитетов. Разработанный комиссией «Проект положения о ротных и полковых комитетах» рассматривался 19 марта на общем собрании солдатской секции, которая постановила ввиду важности проекта напечатать его в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» с целью его широкого обсуждения в войсковых частях, а затем снова вынести этот документ на рассмотрение солдатской секции.[33]

Опубликованный 22 марта «Проект положения о ротных и полковых комитетах» был довольно умеренным. Содержавшиеся в нем принципы создания выборных организаций и их задачи были значительно у́же тех функций, которые выполняли комитеты Петроградского гарнизона на практике. Не случайно этот проект подвергся такой ожесточенной критике на заседаниях солдатской секции Петроградского Совета 19, 24 и 26 марта 1917 г. Особенное недовольство со стороны солдатских депутатов вызвала в «Проекте положения» трактовка вопроса о взаимоотношениях выборных организаций и командного состава. Если в приказе № 1 делался акцент на политическую роль комитетов, то в «Проекте положения» на первом плане стояли их хозяйственные функции. Пункт о контроле комитетов над оружием отсутствовал вовсе. Эти задачи были далеки от контроля над командным составом, осуществлявшегося комитетами в частях Петроградского гарнизона сразу же после Февральской революции. Не случайно при обсуждении «Проекта положения» депутаты требовали внести в него пункт о праве комитетов заменять офицеров.[34] Как отмечалось на общем собрании солдатской секции Петроградского Совета 24 марта, при обсуждении «Проекта положения» в частях гарнизона столицы солдаты высказывались за решающую роль комитетов в руководстве воинскими подразделениями.[35]

«Проект положения» не только не усиливал контрольных функций выборных организаций над командным составом, но и, опираясь на существующую практику, узаконивал участие офицеров в солдатских комитетах. По «Проекту положения» в ротный комитет могли быть избраны все чины роты; в полковой комитет входили как представители от общих собраний, солдат рот, батарей и команд (по одному от каждой), так и представители офицерства, которые должны были составлять четвертую

часть всего комитета и избираться только офицерами. Выступая против усиления влияния командного состава в комитетах, солдатские депутаты предлагали на заседании солдатской секции Петроградского Совета пересмотреть этот пункт «Проекта положения», ограничив представительство офицеров в полковом комитете одним человеком с правом решающего голоса. Не соглашаясь с подобными мнениями, председатель комиссии по организации ротных и полковых комитетов эсер В. Л. Утгоф отмечал, что офицеры — это «примирительная инстанция» и потому их нужно как можно больше избирать в комитеты.[36] Таким образом, комитеты, по «Проекту положения», становились не классовым органом, а объединенным органом солдат и офицеров.

Вопрос о связи комитетов с Советами рабочих и солдатских депутатов был выделен в «Проекте положения» в особый раздел. В трактовке этой принципиально важной проблемы авторы «Проекта положения» также проявили умеренность и осторожность. Если в приказе № 1 говорилось о подчинении воинской части в политических выступлениях Совету, то в «Проекте положения» — лишь о «праве поддерживать постоянную связь с Всероссийским и местными Советами рабочих и солдатских депутатов».

Несмотря на резкую критику солдатскими представителями многих пунктов «Проекта положения», руководству Исполнительной комиссии солдатской секции удалось добиться одобрения этого документа в целом. Под различными предлогами соглашатели сумели отклонить требования солдат о контроле комитетов над боевой, учебной и технической подготовкой в частях, над деятельностью командного состава. Поправки же, принятые к отдельным пунктам «Проекта положения», за исключением статьи о порядке выборов в полковые комитеты (солдатские депутаты добились отмены высокой нормы представительства офицеров в полковых комитетах), не имели принципиального характера.

Таким образом, выработанные в марте 1917 г. солдатской секцией документы отражали солдатские требования о коренной перестройке старой армии весьма неполно и непоследовательно. Но в своей борьбе против ненавистных порядков царской военной машины солдатские массы гарнизона столицы руководствовались прежде всего приказом № 1, самым первым и бескомпромиссным актом.

Петроградского Совета в области демократизации армии. Остановить этот процесс оказалось не по силам и Временному правительству и командным верхам.

Петроградский гарнизон и Временное правительство

С первых же часов своего существования буржуазная власть предприняла отчаянные попытки не допустить сколько-нибудь радикального переустройства старой армии, воспрепятствовать революционному творчеству солдатских масс Петроградского гарнизона. На состоявшихся в ночь на 2 марта 1917 г. переговорах между Временным комитетом Государственной думы и делегацией Исполкома Петроградского Совета по вопросу об образовании Временного правительства думцы самым решительным образом выступили против требования об устройстве армии на началах самоуправления, в особенности против выборности командного состава. Делегация эсеро-меньшевистского Исполкома, взявшего курс на добровольную сдачу государственной власти буржуазии, проявила на этих переговорах большую уступчивость. Выступая 2 марта на общем собрании Петроградского Совета, Ю. М. Стеклов, касаясь предъявленных Думскому комитету требований, признал, что члены Исполкома, «намечая эти требования, считались с тем, что Думский комитет не все примет».[37] Вот почему делегация Исполкома без особой борьбы согласилась снять требования о введении самоуправления в армии, ограничившись принятием требования об уравнении в правах солдат со всеми гражданами России. В опубликованном 3 марта отчете об этих переговорах отмечалось, что требование о введении самоуправления в армии было отвергнуто Временным комитетом Государственной думы на том основании, что нельзя во время войны вводить в армии порядок, «неиспробованный ни в одной армии мира».[38] По вопросу о распространении политических свобод на военнослужащих было принято следующее соглашение: «При сохранении строгой воинской дисциплины в строю — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам России».[39] Эта формулировка почти дословно была воспроизведена затем в декларации Временного правительства 2 марта.[40]

Отказ делегации Исполкома от требования о выборности командного состава на переговорах с думцами, по авторитетному мнению Ю. С. Токарева, «послужил, по всей вероятности, главной причиной того, что это требование было изъято и из первоначального текста приказа № 1».[41] В результате пособничества эсеро-меньшевистских лидеров Совета Думскому комитету удалось наложить вето на правовое признание одного из самых радикальных требований солдатских масс. Последовавшая далее история с изданием приказов № 2 и № 3[42] со всей определенностью показала, что соглашательское руководство Петроградского Совета предоставило буржуазной власти самой решать вопрос о том, в каких пределах распространять политические права на армию в условиях военного времени.

Временное правительство и командные верхи достаточно отчетливо понимали, что овладение положением в армии в целом невозможно без укрощения беспокойного столичного гарнизона, оказывающего «разлагающее» влияние на фронт и тыловые гарнизоны. Учитывая реальное соотношение сил, Временное правительство было вынуждено обещать в своей декларации 2 марта не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в Февральской революции.[43] Реагируя на это обещание Временного правительства, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев заявил А. И. Гучкову, что Петроградский гарнизон «бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда» и потому предлагал срочные меры к его «обузданию».[44]

Первые же контакты представителей буржуазной власти с гарнизоном столицы показали, что об «обуздании» пока не может быть и речи. 3 марта 1917 г. штаб Петроградского военного округа собрал представителей воинских частей для обсуждения вопроса о назначенном военным министром Гучковым на 4 марта параде, который должны были принимать члены Временного правительства. Призыв исполнявшего обязанности главнокомандующего округом генерала Анохина вывести революционные войска для представления новой власти встретил решительные возражения солдатских представителей. «Мы сделали революцию, — заявил один из них, — мы и организовались, и наш старший орган — это Совет. Говорили ли вы с ним, я не знаю, но зато мне известно, что Совет

против всяких контрреволюционных и старорежимных парадов».[45] И хотя Петроградский Совет, обсуждая в тот день на своем собрании вопрос о параде, решил уклониться от вмешательства в акцию военных властей,[46] последним все же пришлось парад отменить: настолько было велико возмущение солдатских масс, не желавших «представляться» Временному правительству.

В своих попытках усмирить столичный гарнизон Временное правительство возлагало особые надежды на нового главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Л. Г. Корнилова. Еще 2 марта 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко телеграфировал начальнику штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексееву: «Необходимо для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения. Комитет Государственной думы признает таким лицом доблестного, известного всей России героя — командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова».[47] Ответив согласием на это назначение, Корнилов 5 марта уже был в Петрограде.

Буржуазная пресса постаралась представить Корнилова «вождем народной армии», расписывала его ратные подвиги, рассказывала о всех подробностях побега «доблестного генерала» из плена, публиковала его портреты. Командные круги пели Корнилову дифирамбы. Генерал Н. А. Медзвецкий в интервью газете «Русский инвалид» заявил: «Простой, доступный, умеющий говорить с солдатами, он всегда внушал им доверие и любовь. . . Генералу Корнилову только 46 лет, и он горит юношеским задором. Я твердо уверен, что под его начальством все непорядки, все недоразумения уладятся и стойкая дисциплинированная армия сумеет удержать свое славное победное знамя».[48]

Новому главнокомандующему действительно нельзя было отказать в энергии и задоре. Он проводил много времени в частях гарнизона, устраивал парады, смотры, бывал на солдатских собраниях и заседаниях комитетов, сумел даже войти в доверие эсеро-меньшевистского Исполкома Петроградского Совета.[49] Но завоевать доверие солдатских масс, решительно выступивших против старых

порядков в армии, генералу Корнилову так и не удалось. Ореол боевого величия, который ему пытались создать, не имел больше магической силы. Вступив на путь революционного воспитания, солдаты уже не исполняли безропотно все приказы, исходившие от их главнокомандующего. Очень часто они соразмеряли эти приказы с интересами революции. Выступая на заседании солдатской секции Петроградского Совета, представитель 1-го пулеметного полка большевик А. И. Жилин так выразил отношение солдат к распоряжениям командующего Петроградским военным округом: «Приказы им издаются под нашим носом. Хорошо, что мы Корнилова не слушаем».[50]

Сознавая, что изданием приказа № 1 Петроградский Совет обеспечил себе руководящее положение в гарнизоне столицы и обрел в нем могущественную поддержку, Временное правительство попыталось нейтрализовать это влияние путем приведения воинских частей к присяге на верность «Российскому государству». 7 марта без согласования с Исполкомом Петроградского Совета оно утвердило форму присяги,[51] которая обязывала «повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство. . . повиноваться всем поставленным надо мною начальникам, чиня им послушание во всех случаях, когда этого требует мой долг офицера (солдата) и гражданина перед отечеством».[52] Возобновление присяги было расценено солдатами как возвращение к старым порядкам и потому вызвало резкий протест. «Присяга, — писал член Петроградского Совета солдат М. И. Дроздов, — обломок недавно рухнувшего царизма — не должна при воздвигаемом ныне свободном строе оскорблять и позорить его».[53] Солдаты правильно расценили присягу как попытку Временного правительства вырвать армию из-под влияния Совета. Обсуждая форму новой воинской присяги, комитеты многих частей высказались против ее принятия, указывая при этом, что форма присяги не была согласована с Петроградским Советом, что своим содержанием она направлена против интересов революционных солдатских масс.[54] Разъясняя смысл предпринятой буржуазной властью акции и разделяя возмущение солдат, большевистская «Правда» писала: «Присяга направлена к тому, чтобы Временное правительство могло направить несознательную массу против Советов рабочих и солдатских депутатов, когда оно сочтет нужным».[55]

Вопрос о присяге рассматривался 12 марта на заседании солдатской секции Петроградского Совета. Выступавшие особенно возмущались тем, что в предложенной форме присяги не говорилось «ничего о защите революции и свободы, о защите интересов революционного народа, которые должны быть на первом плане у Временного правительства».[56] Объясняя, почему нельзя соглашаться на принятие присяги Временному правительству, один из солдатских представителей отмечал, что буржуазная власть, подчинив себе армию, захочет с ее помощью разогнать Советы.[57] Солдат Квятковский выразил опасение: в случае принятия присяги «может создаться такое положение, что мы образуем революционную армию, а они монархическую какую-нибудь».[58] Особенно решительно выступил солдат Данилов. «Я думаю, — говорил он, — что те люди, которые две недели тому назад не пускали нас в трамваи, которые давили все живое, не могут требовать верности присяге. Мы, сбившие эти оковы, вырвавшие для всех свободу, станем присягать этим людям? Ваша совесть, товарищи, должна вам подсказать, что теперь о присяге не может быть и речи».[59] Однако прозвучавшая в выступлении Данилова мысль о том, что Временному правительству не надо подчиняться, не получила поддержки у большинства депутатов солдатской секции, стоявшей в вопросе о власти на эсеро-меньшевистских позициях. Председательствовавший на этом заседании представитель Исполкома, предлагая резолюцию о неприемлемости текста присяги, одновременно призывал солдатских представителей: «. . .не делайте, ради бога, вывода, что Совет депутатов зовет вас к какому-то двоевластью, к какой-то анархии. Мы этого не желаем, считаем опасным».[60] В принятой резолюции указывалось на недопустимость приведения к присяге до выработки ее нового текста. В тех же частях, где приведение к присяге состоялось, она была объявлена недействительной.[61] Под давлением Исполкома Совета, который не мог не считаться с волей солдатских масс, Временное правительство было вынуждено согласиться на отмену присяги до созыва Учредительного собрания.[62] Тем более что, несмотря на все старания военных властей, к этому времени в Петроградском гарнизоне удалось привести к присяге только 1-й и 4-й Донские полки. Обсуждая провал затеи с приведением к присяге, военный министр А. И. Гучков, по свидетельству П. А. Половцова, призывал не придавать

этому большого значения, заметив: «Революция показала нам цену присяги».[63]

В целях противодействия революционному правотворчеству солдатских масс и нейтрализации «вредного» влияния приказа № 1 Временное правительство создало специальную комиссию под председательством генерала А. А. Поливанова. На первом же заседании комиссия, выражая свое отношение к приказу №1, констатировала: «Зло сделано. Идти против течения невозможно, нужно канализировать».[64] Первым результатом этой «канализации» стал разработанный в комиссии и подписанный 5 марта 1917 г. военным министром А. И. Гучковым «Приказ по военному ведомству № 114», представлявший жалкую попытку внести некоторые элементы демократизации в прежнюю систему управления армией. Этот приказ требовал от офицеров вежливого обращения с солдатами, отменял наименование «нижний чин», титулование, а также ограничения ряда статей устава внутренней службы, воспрещавших солдатам посещение клубов и собраний, участие в политических союзах и обществах, езду в трамваях, курение на улицах и в общественных местах.[65] Даже институт денщиков этим приказом не был отменен. Сколько-нибудь серьезного значения в развернувшемся процессе демократизации изданный Гучковым приказ не имел: для офицерства он казался слишком революционным, а солдатские массы были всецело под влиянием приказа № 1. Если последний был у всех на устах, его горячо обсуждали и приветствовали на митингах, собраниях и заседаниях выборных солдатских организаций, то о приказе № 114 в документах воинских частей за этот период почти нет упоминания.

Поставив своей задачей «канализировать» революционное творчество солдатских масс, комиссия Поливанова сразу же нашла себе союзников как в Исполкоме Петроградского Совета, так и в руководстве его солдатской секции. По свидетельству одного из меньшевистских лидеров Исполкома И. Г. Церетели, «генерал Поливанов и приглашенные им членами комиссии офицеры работали в полном согласии с представителями Совета».[66] Наиболее характерным примером этого сотрудничества явилась разработка «Положения о ротных и полковых комитетах», проект которого, как отмечалось выше, был подготовлен в солдатской секции Совета, а в конце марта 1917 г. передан на рассмотрение в комиссию Поливанова.

С этого времени уже шла совместная работа над его «улучшением», и прежде всего по линии выхолащивания его революционного содержания.[67]

16 апреля 1917 г. военный министр А. И. Гучков утвердил представленное комиссией Поливанова «Положение о ротных и полковых комитетах» и подписал приказ № 213 о выборных организациях в армии и флоте. В основу этого приказа был положен разработанный в солдатской секции «Проект положения о ротных и полковых комитетах».[68] Был сохранен количественный состав ротных и полковых комитетов, а норма представительства офицеров в полковом комитете была даже сокращена с 25 до 20 %. Раскрывая замаскированный пункт «Проекта положения» о том, что в ротный комитет могут быть избраны все чины роты, приказ гласил: «Право быть избранным в ротный комитет предоставляется всем офицерам и солдатам».[69] Предложенный в опубликованном 22 марта «Проекте положения» порядок выборов в полковые комитеты — отдельно от солдат и отдельно от офицеров — был сохранен в приказе военного министра. Принятая на заседании солдатской секции 25 марта к этому пункту поправка — выбирать в полковые комитеты от совместных собраний солдат и офицеров — была отвергнута. Приказ № 213 создавал впечатление, что военный министр солидаризировался в целом с теми задачами, которые возлагались на выборные организации по «Проекту положения». К ним был лишь добавлен пункт о содействии комитетов просвещению и развитию спорта среди солдат и матросов. Однако формулировка одной из задач комитетов («Принятие мер против злоупотреблений и превышения власти со стороны должностных лиц») была существенно изменена: в приказе военного министра акцент делался на «принятие законных мер». Эта поправка имела принципиальное значение, так как никакого положения о том, что считать «законными» мерами, не было издано, поэтому командир фактически получил право опротестовать любое решение комитета. Незаконные действия выборных организаций и их членов, предупреждал приказ, караются военным судом.[70]

В приказе военного министра от 16 апреля 1917 г. имелись — по сравнению с «Проектом положения» — и другие существенные дополнения, расхождения и разночтения, которые свидетельствовали о том, что в процессе прохождения «Проекта положения» в комиссии Поли-

ванова соглашатели пошли на целый ряд уступок принципиального характера. Если в объяснительной записке к этому проекту специально подчеркивалось, что он имеет в виду главным образом действующую армию, то приказ военного министра от 16 апреля 1917 г. всеми своими пунктами относился как к подразделениям действующей армии, так и к запасным частям. Лишь в одном пункте — о нормах представительства от рот и команд в полковой комитет — новое положение отличало запасные части от действующей армии; эти нормы были увеличены запасным частям вдвое. Приказом военного министра делалась таким образом попытка строго регламентировать деятельность не только вновь создаваемых выборных организаций в действующей армии, но и уже существующих комитетов запасных частей, в первую очередь Петроградского гарнизона.

Узаконивая систему выборных войсковых организаций, «обеспечивающих каждому воину осуществление его гражданских прав», приказ от 16 апреля объявлял «незыблемыми основы боевой подготовки и боевой деятельности войск, требующих точного и беспрекословного исполнения приказаний начальников».[71] Трактуя взаимоотношения комитетов с командирами частей, приказ делал в пользу последних еще большую уступку, чем «Проект положения». Если по проекту командир роты имел право присутствовать на заседаниях ротного комитета с правом совещательного голоса, но только по приглашению ротного комитета, то теперь командир роты мог приостановить все постановления ротного комитета, затрагивающие внутренний распорядок в роте, и передать их на рассмотрение полкового комитета.

Содержавшийся в «Проекте положения» раздел о связях комитетов с Советами рабочих и солдатских депутатов был отредактирован таким образом, что Советы ставились в один ряд с «разными общественными и политическими организациями», с которыми, как отмечалось в утвержденном положении, «комитеты могут поддерживать связь по своему выбору».[72]

Таким образом, приказ военного министра от 16 апреля в еще большей степени, чем «Проект положения», сковывал деятельность комитетов, полностью исключал из-под их контроля боевую подготовку частей, усиливал роль командного состава. Распространением этого приказа на Петроградский гарнизон Временное правительство

надеялось хотя бы затормозить бурно развивавшийся процесс демократизации, но революционное творчество солдатских масс опрокинуло эти надежды.

Казарма на обновленных началах

«Казарма в России, — писал В. И. Ленин в 1905 г., — была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком. И эта казарма становится очагом революции».[73] И хотя в годы первой русской революции солдатским массам еще не удалось покончить с царской казармой, они никогда не смирялись с палочной дисциплиной, не расставались с мыслью о переустройстве армии на демократических началах. Особенно ярко это подтвердилось в ходе февральского восстания против царизма.

Огромным завоеванием солдатских масс в их борьбе за демократизацию старой армии стало создание своих выборных организаций, в которых они видели гарантию против восстановления прежних порядков. Показательно, что в ряде частей Петроградского гарнизона — в запасных батальонах Литовского, Егерского, Преображенского полков, в 176-м пехотном полку, во Втором Балтийском флотском экипаже — солдатские комитеты были образованы к концу дня 28 февраля,[74] до заседания Петроградского Совета 1 марта и выработки приказа № 1, узаконившего созданные революционным творчеством солдат свои органы власти. Однако эта организация солдатских масс до появления приказа № 1 находилась в основном на уровне ротных и командных комитетов.[75] Организация же солдат в масштабе воинской части, образование полковых, батальонных и дивизионных комитетов, как показывают документы этих выборных органов, проходила в гарнизоне 1—2 марта под влиянием обсуждения солдатского вопроса в Петроградском Совете и непосредственно приказа № 1. Инициаторами создания первых солдатских комитетов в частях столичного гарнизона стали наиболее революционно настроенные солдаты.

Порядок выборов в эти комитеты, их численность и структура определялись самими солдатами. В пехотных частях выборы проходили по ротам, в артиллерийских

и инженерных частях — по командам, в кавалерии — по эскадронам. Численный состав ротных и командных комитетов, как это видно из их протоколов, колебался от пяти (в запасном батальоне Волынского полка) до 15 человек (в запасном батальоне Преображенского полка).[76] Батальонные и полковые комитеты формировались из представителей рот и команд. Поскольку норма представительства нигде точно не была установлена, число выборных от рот и команд в эти комитеты составляло от одного до 20. По этой причине количественный состав батальонных и полковых комитетов был различным. В ряде воинских частей (запасных батальонах Измайловского, Кексгольмского полков и др.) в батальонные комитеты входило только по одному представителю от каждой роты и команды и число членов комитета не превышало, таким образом, 15.[77] Комитеты запасных батальонов Егерского, Московского, Петроградского, Семеновского полков состояли из 48 членов[78] и являлись наиболее распространенным типом батальонного комитета в Петроградском гарнизоне. Наконец, в некоторых запасных батальонах численность их комитетов достигала почти 100 человек (в Гренадерском— 83, Волынском — 79, Преображенском — 100).[79] Разумеется, комитеты последнего типа были громоздки и малоэффективны и потому с самого начала были вынуждены выделять из своего состава дополнительные органы. Наиболее важные вопросы решались в воинских частях на объединенном заседании ротных, командных, батальонных и полковых комитетов.

Кого же выбирали солдаты в эти комитеты, кто пользовался среди них авторитетом и доверием? На эти вопросы, важные для характеристики сознательности солдатских масс, ответить непросто. Дело в том, что в списках членов выборных комитетов, прилагаемых к протоколам их заседаний, указывались лишь фамилия, воинское звание или должность членов комитетов, сведения же о партийном и социальном составе, как правило, отсутствовали. Только в одном из обнаруженных нами списков членов комитетов — списке членов батальонного комитета Гренадерского полка — почти каждый член комитета указал на свое занятие до военной службы. Из 83 членов комитета свыше 20 человек назвали себя «хлебопашцами», около 10 человек были промышленными рабочими разных специальностей и рабочими-кустарями, остальные были главным образом служащие — писари, конторщики, бух-

галтеры, учителя, студенты и т. д.,[80] т. е. люди достаточно грамотные для того, чтобы выступить перед солдатской аудиторией, сформулировать ее мнение в виде резолюции и постановления. Среди членов комитета запасного батальона Егерского полка значительную часть также составляли бывшие студенты, журналисты, артисты.[81] Служивший в 1-м пехотном полку С. С. Венгеров свидетельствовал, что в полковом комитете руководящее положение заняли три его члена, имевшие высшее образование.[82] По выражению комиссара запасного батальона Петроградского полка, в комитеты избиралась «солдатская интеллигенция».[83] Анализируя протоколы первых заседаний комитетов, можно действительно заключить, что в комитеты выдвигались наиболее образованные солдаты, пользовавшиеся у остальной солдатской массы еще до Февральской революции определенным авторитетом. Политические взгляды этих представителей, как правило, не были еще известны солдатам — слишком был короток для этого срок. Выбирая их в комитеты, солдаты поручали им защиту своих интересов, но в какой мере политические взгляды представителей солдат в комитетах отвечали их классовым интересам — в этом солдатские массы в силу своей политической неопытности в марте 1917 г. разобраться еще не могли. Лишь позднее отчетливо обозначится тот факт, что многие комитеты занимают позиции, которые расходятся со взглядами солдат.

Представляет интерес вопрос о том, как назывались выборные органы воинских частей. В подавляющем большинстве они именовались просто ротными, командными, батальонными, полковыми комитетами. В отдельных случаях, как например в броневом автомобильном дивизионе, это был «распорядительный комитет»,[84] а в Измайловском батальоне — «комитет делегатов».[85] Просматривая протоколы выборных органов, можно заметить, что они, как правило, не называют себя солдатскими комитетами, хотя в представлении революционных масс Петрограда,[86] в первую очередь самих солдат, они были именно таковыми. На заседании батальонного комитета Петроградского полка 8 марта 1917 г. специально рассматривался вопрос, именовать ли избранный орган «солдатским батальонным комитетом» или просто «батальонным комитетом». Было решено называть комитет батальонным и «лишь в отдельных случаях, когда это понадобится, подчеркивать: солдатский батальонный комитет».[87]

Вопрос о названии выборных организаций Петроградского гарнизона тесно связан с вопросом о том, кто мог быть выбран в эти комитеты. Как уже отмечалось выше, приказ № 1 предлагал создавать комитеты из представителей от нижних чинов, которыми в царской армии назывались военнослужащие от рядовых до унтер-офицеров включительно. Участие в этих выборных органах представителей офицерства не предусматривалось. В основу создания выборных организаций был положен, таким образом, классовый принцип. Только что возникшие комитеты в некоторых воинских частях категорически высказывались против вхождения офицеров в выборные солдатские органы. Бригадный комитет 15-й ополченской бригады постановил: «Участие офицеров в комитетах признать недопустимым, но в случае надобности присутствие их желательно, однако только с правом совещательного голоса».[88] Еще дальше пошел экипажный комитет Второго Балтийского флотского экипажа, запретивший офицерам даже входить в канцелярию комитета.[89]

Однако принцип выборности только от нижних чинов соблюдался лишь в первые дни. В списках присутствовавших на заседаниях членов комитетов 1 и 2 марта, т. е. в те дни, когда в большинстве воинских частей были созданы выборные органы, нам не удалось обнаружить ни одного офицера. Правда, в состав комитетов входили в довольно большом количестве унтер-офицеры (в запасном батальоне Егерского полка, например, из 48 членов батальонного комитета 12 были унтер-офицерами,[90] в броневом автомобильном дивизионе из 31 члена распорядительного комитета 16 являлись унтер-офицерами [91]), но они были лишь старшими среди нижних чинов и пользовались в солдатской среде определенным доверием и уважением.

Возникшие в гарнизоне комитеты, в особенности в первые дни после Февральской революции, пользовались исключительным доверием солдатских масс. В одном из заседаний комитета запасного батальона Литовского полка отмечалось, что «комитет является единственным выразителем воли батальона... направляет жизнь батальона применительно к новым завоеванным условиям самоуправления солдат».[92] В отчете комиссии, знакомившейся с положением дел в 6-м саперном батальоне, прямо указывалось, что солдаты «комитету доверяют, а к командиру батальона относятся подозрительно».[93]

В своих выборных организациях наиболее сознательная часть солдат видела замену командному составу. Выступая на заседании солдатской секции Совета 6 марта, один из солдатских ораторов говорил: «Ротные комитеты вместо ротных командиров. [Командиры] подчас капризничают. Ротные комитеты из нашей среды. [Они сделают] как мы говорим. . . Ротный командир [не] как в прежнее время, учитель, инструктор. Если он не знаток, не человек науки — не ротный командир. [Он] не воспитывает. Мы сами люди. Если недостаточно созрели, есть ротный комитет — он воспитатель».[94]

С первых же дней своего существования солдатские комитеты весьма недвусмысленно заявили о намерении играть руководящую роль в жизни воинских коллективов, избравших их. Когда офицеры запасного батальона Егерского полка предложили комитету именовать его распоряжения по батальону «известиями», то члены комитета ответили категорическим отказом, подчеркнув при этом, что распоряжения комитета имеют силу приказа.[95] Руководящая роль комитетов подкреплялась военной силой: в пятом пункте приказа № 1 прямо указывалось, что все оружие частей находится в распоряжении и под контролем комитетов. Не случайно поэтому одной из главнейших задач выборных организаций становится вооружение солдат, которое, как отмечалось выше, оставляло желать много лучшего. Принимая во внимание тревожное время и то, что монархия низвергнута, но не побеждена, подавляющее большинство комитетов требует у командования пополнить вооружение своих частей и добивается в этом определенных успехов.[96]

Каждый комитет воинской части имел свою печать, которой скреплял все исходившие от него документы. Члены комитетов имели специальные удостоверения, подписанные председателем комитета и заверенные командиром или его адъютантом. В отдельных частях члены комитета носили нарукавные повязки. Избранные в комитет солдаты относились к своим обязанностям с большой добросовестностью, поддерживали звание члена комитета, как правило, безукоризненным поведением. Когда в электротехническом батальоне один из офицеров, желая увеличить продолжительность своего отпуска, предложил секретарю батальонного комитета взятку, чтобы тот повлиял на членов комитета, последний потребовал принять меры «для предупреждения подобных оскорбитель-

ных предложений в будущем». В связи с этим батальонный комитет разъяснял «всем несознательным товарищам», что «взяточничество — проклятое наследие старого самодержавного режима и таким поступкам не место в свободной революционной России».[97]

Первым вопросом, с которого начинали свою деятельность солдатские комитеты, был вопрос об отношении к командному составу. В дни февральского восстания лишь небольшая часть офицеров столичного гарнизона оставалась до конца на стороне царского правительства. Большинство из них, увидев, что чаша весов склоняется в пользу восставшего народа, разбежалось по своим квартирам. Соединившись с рабочими, солдаты приступили к смещению старого и выборам нового командного состава. Солдаты Воздухоплавательного парка, перейдя на сторону восставших, первым делом арестовали «нежелательных офицеров».[98] Так поступали с офицерами и во многих других воинских частях, о чем было хорошо известно думской Военной комиссии.[99] Выступавший на собрании Петроградского Совета 1 марта солдат-преображенец отмечал, что в одной из рот батальона, отказавшейся принять офицеров, управляет комитет из четырех лиц.[100] 1 марта устранили прежних командиров и избрали новых солдаты запасного батальона Егерского полка, Петроградского конного дивизиона, Охтинской пехотной команды и др.[101] В запасном батальоне Московского полка избрали четырех ротных командиров из своих товарищей-солдат.[102]

Вопрос об отношении к старому командному составу стоял особенно остро в первые мартовские дни. На общих собраниях и заседаниях комитетов солдаты прямо и подчас в самой резкой форме высказывали офицерам то, что накопилось и наболело у них на душе за многие годы обид и унижений. Ненависть солдат вызывали те командиры, которые в дни Февральской революции заставляли их стрелять по безоружной толпе.[103]

Удаление «нежелательных офицеров» в дни Февральской революции было прежде всего проявлением стихийного протеста солдат против произвола и жестокости командного состава, против наиболее ревностных слуг самодержавия. Практика тех дней опровергает утверждения командных верхов гарнизона столицы о том, будто солдаты, стремясь полностью освободиться от командиров, прогнали не только офицеров, выступивших на сто-

роне старой власти, но и тех, кто примкнул к восставшим солдатам, но был известен в прежнее время как строгий начальник.

Солдатские массы не настаивали на устранении всех прежних офицеров и выборе командиров только из своей среды; об этом, в частности, свидетельствовали выступления солдатских представителей на заседании солдатской секции 4 марта. Большинство ораторов, сходясь на необходимости выборов командного состава, высказалось за оставление офицеров в частях.[104]

Протоколы общих собраний воинских частей и заседаний их комитетов показывают, что солдаты удалили главным образом контрреволюционно настроенных офицеров, а также тех, кто отличался грубостью, произволом и высокомерным отношением к своим подчиненным. Объясняя, почему солдаты-преображенцы не хотят оставить у себя многих офицеров, их представитель отмечал на заседании Петроградского Совета 1 марта, что их офицеры «первые аристократы старых родов», что солдаты слишком хорошо помнят, как «о наши морды» разбивались их кулаки.[105] 3 марта 1917 г. на заседании комитета запасного батальона Преображенского полка было принято решение об аресте 18 офицеров, в том числе и командира батальона полковника князя Аргутинского-Долгорукова.[106]

В подавляющем числе воинских частей старые командиры, отличавшиеся при царском строе жестоким обращением с солдатами, были устранены от командования. Из командиров 16 запасных батальонов гвардейской пехоты лишь одному — командиру запасного батальона Семеновского полка полковнику Назимову удалось сохранить свой пост. К лету 1917 г. в резерве штаба Петроградского военного округа находилось около 500 офицеров, отчисленных из частей столичного гарнизона после Февральской революции.[107]

Авторитет офицера в царской армии оказался настолько подорванным, что в отдельных частях вообще предлагали не принимать их на службу. 6 марта солдаты запасного батальона Волынского полка на своем общем собрании заявили о нежелании иметь кадровых офицеров и постановили в связи с этим послать делегацию к командующему Петроградским военным округом.[108] Удалив прежних командиров, солдатский комитет 5-го отдела 1-й автомобильной роты одновременно назначил «началь-

ствующими лицами солдат: рядового Григорьева Павла, ратника Евпака Бориса, Васильева Алексея».[109] Во многих частях солдаты выдвигали предложение о подготовке офицеров из своей среды. В ряде воинских частей были выработаны специальные инструкции по выдвижению солдат в офицеры. Подготовленная в запасном батальоне Семеновского полка инструкция предлагала ротам и командам выдвинуть кандидатов в офицеры из солдат, наиболее отличившихся в период Февральской революции; инструкция разъясняла, что нужно выдвигать солдат, «усвоивших демократический принцип организации армии». Образовательный ценз по инструкции отменялся. Кандидат в офицеры должен был «безусловно обладать честностью, трезвостью и безупречной нравственностью».[110] Комитет запасного батальона 1-го стрелкового полка, считая, что армия должна быть построена на принципах равенства и выборности командного состава, обратился к Царскосельскому Совету рабочих и солдатских депутатов за содействием в свободном доступе солдат в школу прапорщиков независимо от образовательного ценза.[111]

В опубликованном тексте приказа № 1 не было пункта о выборности офицеров, но в нем равным образом и не осуждалась практика выборов нового командного состава. Протоколы заседаний комитетов частей гарнизона столицы ярко показывают, как явочным порядком осуществлялась выборность офицеров. Выборы нового командного состава, как правило, проходили на собраниях батальонных комитетов, на которых присутствовали часто почти все солдаты батальона. В одних случаях на этих собраниях избирали всех офицеров. Так было, например, в запасном батальоне Гренадерского полка, где 3 марта «для установления порядка, дисциплины и выполнения нарядов по предписанию Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной думы как солидарных один другому» были избраны не только командир батальона и командиры рот и команд, но и младшие офицеры, «коим доверяют все члены комитета».[112] Выборы обыкновенно начинались с избрания командира части, а затем уже собрание переходило к избранию офицеров. Собрания комитетов по выборам командного состава проходили бурно, при горячем обсуждении кандидатов, выдвигавшихся иногда по нескольку на одну командную должность. Например, в запас-

ном батальоне Измайловского полка на должность командира батальона были предложены кандидатуры полковников Козеко и Глотова. Большинством голосов комитет избрал командиром Козеко.[113] В гвардейском флотском экипаже на должность командира экипажа претендовали сразу трое: прежний командир вел. кн. Кирилл Владимирович, капитан первого ранга Лямин и лейтенант Кузьмин, принявший активное участие в выступлении той части экипажа, которая находилась в Царском Селе. Великому князю не помог и красный бант, нацепленный им в февральские дни. Командиром экипажа был избран капитан первого ранга Лямин как «порядочный человек вообще и знающий дело офицер».[114]

Судя по протоколам заседаний батальонных комитетов, в первые дни после революции в части были приняты лишь немногие офицеры, главным образом те из них, кто не отличался до революции жестоким обращением с солдатами, а в дни революции примкнул или не мешал выступлению солдатских масс. Избрав 2 марта командиром батальона полковника Долуханова, комитет запасного батальона Егерского полка принял решение «для осведомления революционных гвардейских войск объявить, что официальным лицом, ставшим во главе запасного батальона гвардии Егерского полка, который примкнул к революционной армии в защиту нового правительства и новых порядков на Руси, является полковник Долуханов».[115] Вместе с командиром запасного батальона Егерского полка, где служило в это время свыше 6 тыс. солдат, 2 марта 1917 г. было избрано всего 25 офицеров.[116]

Иногда батальонный комитет лишь намечал кандидатов на командные должности, а их утверждение проходило на общем собрании батальона. 3 марта 1917 г. общее собрание моторно-понтонного батальона утвердило 66 офицеров, намеченных батальонным комитетом; 44 офицера были признаны «нежелательными для батальона».[117] В некоторых запасных батальонах (Измайловского, Волынского и других полков) комитет избирал только командира батальона, его помощника и начальника хозяйственной части, остальные офицеры выбирались в ротах и командах. В ряде воинских частей выбранные командиры сумели сохранить доминирующее положение и получили право предлагать офицеров для утверждения на комитетах, которые, однако, принимали далеко не всех предложенных кандидатов. Например, из 21 офицера, ко-

торых командир запасного батальона Преображенского полка предложил призвать «на помощь уже выбранным офицерам», батальонный комитет оставил только восемь.[118] При избрании на командные должности солдаты отдавали предпочтение младшим офицерам, ближе к ним стоявшим. Командиром запасного батальона Преображенского полка комитет единогласно избрал подпоручика Заринга. Командиром запасного батальона Павловского полка стал 25-летний штабс-капитан Е. И. Козловский, который «за энергичные и полезные труды с начала революции» по постановлению солдат всех рот и команд был представлен батальонным комитетом к званию полковника.[119] 3-м стрелковым полком стал командовать поручик Любимов, по отзывам солдат, «очень деятельный и энергичный человек».[120]

Запасный батальон Волынского полка возглавил выбранный комитетом прапорщик Кониченко, против кандидатуры которого пытался протестовать главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Корнилов, так как, по его мнению, прапорщик не мог быть командиром 6 тыс. солдат. Предложение генерала Корнилова о выборе нового командира батальона обсуждалось на совместном заседании представителей от рот и команд и офицеров. Характерно, что никто из офицеров не выступил в защиту предложения командующего округом; участники заседания постановили: «Просить генерала Корнилова оставить прапорщика Кониченко командиром батальона и ходатайствовать о производстве его в соответствующий чин».[121]

Выборы командного состава проходили в подавляющем большинстве случаев из среды офицеров, хотя представители воинских частей в солдатской секции и ставили вопрос о том, что «командирами могут быть избираемы не только прежние офицеры, а и какие-нибудь рядовые».[122] На хозяйственные же должности часто выбирались солдаты. Выбранные на офицерские должности солдаты уравнивались в правах с офицерами. 7 марта комитет запасного батальона Измайловского полка постановил: «Допустить в собрание столоваться всех выбранных на офицерские должности солдат наравне с прочими офицерами».[123]

Какая же часть офицеров была оставлена служить в Петроградском гарнизоне в результате выборной кампании? Этот вопрос чрезвычайно волновал Военную

комиссию Временного комитета Государственной думы, которая 3 марта 1917 г. предложила воинским частям гарнизона представить списки о количестве солдат и офицеров.[124] К сожалению, в поступивших в Военную комиссию сведениях на 5—10 марта 1917 г. в одних случаях указано общее количество офицеров по списку, в других — только принятых в часть и лишь иногда сообщаются полностью данные о списочном составе офицеров, количестве принятых в часть, оставленных в резерве, удаленных солдатами. Но даже и из приведенных неполных сведений видно, что в эти дни в частях гарнизона была выбрана в лучшем случае половина всех офицеров, имевшихся в частях к моменту Февральской революции. Из 75 офицеров, служивших в запасном батальоне Московского полка до Февральской революции, специальная комиссия поначалу нашла возможным оставить в батальоне только семь.[125] В запасном батальоне Литовского полка был оставлен 21 офицер, в запасном батальоне Егерского полка — 39, в запасном батальоне Кексгольмского полка — 48.[126] В запасном батальоне Финляндского полка на 6 марта было выбрано 83 офицера, оставлено в резерве при батальоне 43, не принято в батальон 14.[127] Для сравнения укажем, что на 1 августа в запасном батальоне Литовского полка служили уже 54 офицера, в запасном батальоне Егерского полка — 75, в запасном батальоне Кексгольмского полка — 83 и т. д. К августу 1917 г. на 100 тыс. солдат гвардейской и армейской пехоты приходилось около 2 тыс. офицеров,[128] т. е. соотношение солдат и офицеров не только достигло уровня кануна Февральской революции, но даже изменилось в пользу последних.

Избирая командиров, солдатские комитеты сразу же брали их деятельность под свой контроль. Это отнюдь не означало, что командиры не обладали теперь никакой властью, как это пытались представить командные верхи. Но это значило, что отныне командир не мог превышать свою власть, употреблять ее в ущерб интересам солдат. Весьма показательна в этом плане эволюция отношений командира и комитета в запасном батальоне Измайловского полка. 2 марта комитет на своем заседании постановил, что «командир батальона получает полную власть по своей должности. Его приказания, как исходящие с одобрения делегатов (членов комитета, — *Г. С.*), должны исполняться беспрекословно всеми офицерами

и нижними чинами батальона. Это единственный путь к полной организации нашего батальона».[129] 6 марта комитет измайловцев заявил своему командиру, что все его приказы, касающиеся «внутреннего устройства и жизни батальона», должны предварительно зачитываться на заседаниях комитета.[130] Несколько позднее батальонный комитет измайловцев, учитывая недовольство солдат выступлением полковника Козеко по вопросам политического положения в стране после свержения царизма, отметил нежелательность подобных выступлений командира батальона.[131]

Контроль устанавливается не только над действиями командиров, но и всех офицеров. 3 марта 1917 г. комитет запасного батальона Егерского полка единогласно постановил командировать на офицерские собрания по одному представителю от каждой роты и команды.[132] В запасном батальоне Гренадерского полка с 6 марта 1917 г. установилось ежедневное дежурство двух членов комитета при офицерском собрании, которым вменялось в обязанность присутствовать на всех собраниях офицеров.[133] В запасных батальонах Измайловского и Литовского полков офицерам было разрешено собираться при непременном участии представителей батальонного комитета.[134]

Чтобы уменьшить недоверие солдат к командному составу, выбранные офицеры были обязаны публично заявлять о переходе на сторону революционного народа. 6 марта на собрании офицеров запасного батальона Егерского полка была принята резолюция, в которой отмечалось, что «все присутствующие на собрании офицеры одобряют все совершившееся, присоединяются всецело к создавшемуся положению и принимают на себя полную ответственность за совершенное».[135] 8 марта собрание офицеров-егерей выработало и утвердило документ, который определял, как должны были вести себя офицеры в новых условиях.[136] Однако бо́льшая часть столичного офицерства заняла враждебную к революции позицию, полностью устранилась от дел в своих частях, обвиняя солдат в разложении. Инспектируя 6-й саперный батальон, представители штаба военного округа вынуждены были констатировать, что «офицеры относятся к жизни батальона безучастно и равнодушно, не помогают комитету, редко посещают занятия».[137] Член Исполкома Петроградского Совета трудовик В. Б. Станкевич

впоследствии признавал: «Сами солдаты почувствовали неуютность такого положения, и мне неоднократно присылали резолюции рот, иногда повторные, с требованием, чтобы офицеры являлись на занятия».[138] Лишь небольшая часть офицеров сумела войти в контакт с комитетами и солдатами, содействуя установлению порядка в своих частях.

Осуществив в первые дни после Февральской революции на практике принцип выборности командного состава, солдатские массы и их комитеты под давлением эсеро-меньшевистских лидеров Совета и в результате противодействия Временного правительства вынуждены были впоследствии пойти в этом вопросе на уступки. В приказе № 2, принятом Исполкомом Петроградского Совета в качестве разъяснения и дополнения к приказу № 1, в частности, отмечалось, что комитеты созданы не для того, чтобы избирать офицеров. Однако все произведенные выборы офицеров в частях Петроградского гарнизона оставлялись в силе. Приказ № 2 признавал за комитетами право возражать против назначений того или иного офицера.[139] С этого времени назначение офицеров в части Петроградского гарнизона постепенно переходит к штабу округа.[140]

Утрата многими комитетами своей ведущей роли в вопросе о приеме офицеров была связана не только с противодействием военных властей и соглашательской политикой эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома и солдатской секции Петроградского Совета, но и с изменением их состава. Как показывает анализ протоколов заседаний комитетов выборных организаций, буквально на второй-третий день после их создания выбранные солдатами офицеры ставят вопрос о допущении своих представителей в солдатские комитеты и в силу целого ряда причин и прежде всего позиции, занятой эсеро-меньшевистскими лидерами и самими комитетами, этот вопрос почти везде был решен положительно. 3 марта, т. е. на следующий день после публикации приказа № 1, Исполком Совета, указывая на опасность контрреволюции, обратился с призывом «обеспечить дружную и согласованную работу солдат с офицерами». Исполком призвал солдат «помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию».[141] Классовый характер противоречий в армии подменялся в этом обращении

рассуждениями о хороших и дурных командирах, стремлением сгладить остроту отношений между солдатами и офицерами в первые дни после свержения самодержавия.

Выступая на заседании солдатской секции Совета 6 марта 1917 г., председатель комиссии по организации ротных и полковых комитетов эсер В. Л. Утгоф призывал создать в воинских частях «общие солдатско-офицерские Советы».[142] При этом он опирался на уже существующую практику вхождения офицеров в солдатские комитеты. Делегаты от офицеров в количестве от одного до трех человек были избраны в комитеты запасных батальонов Гренадерского, Егерского, Литовского, Петроградского, Финляндского и других полков.[143] В первом составе комитета запасного батальона Кексгольмского полка было уже пять офицеров.[144]

Войдя в состав солдатских комитетов, офицеры сумели во многих из них занять руководящее положение. 4 марта комитет запасного батальона Егерского полка постановил считать председателя комитета прапорщика Матушевского «выразителем идейных и нравственных интересов лейб-егерей (офицеров и солдат)».[145] В запасном батальоне 3-го стрелкового полка председателем батальонного комитета стал капитан Семенов,[146] в запасном батальоне Волынского полка — прапорщик Ставровский,[147] в запасном батальоне Семеновского полка — прапорщик Скоморохов.[148] Лишь в немногих частях во главе комитетов остались солдаты. Так, в запасном батальоне Преображенского полка председателем батальонного комитета был избран солдат-большевик А. Н. Падерин, а в запасном батальоне Гренадерского полка — солдат Ярославцев.[149] Таким образом, в создании своих выборных организаций солдатские массы в отличие от рабочих отступили от классового подхода, проявили непоследовательность и колебания, что объяснялось не только их политической неопытностью, но и мелкобуржуазной психологией крестьянских масс, составлявших основу столичного гарнизона. Вхождение офицеров в состав комитетов, подчеркивает И. И. Минц, не могло не повлиять отрицательно на характер последних в отстаивании интересов солдат.[150]

Одной из главных задач комитетов стало установление нормальной жизни в столичном гарнизоне. Энергичная деятельность выборных организаций по налаживанию и поддержанию внутреннего распорядка в воинских частях

убедительно опровергает широко распространенное в белоэмигрантской и буржуазной литературе утверждение о том, что демократизация Петроградского гарнизона привела к его полному развалу и беспорядку. Еще 4 марта комитет запасного батальона Егерского полка принял решение «немедля приступить к занятиям в батальоне по строевой и нестроевой частям», заявил о необходимости поддерживать порядок «самым твердым и решительным образом».[151] В течение первой недели марта такие занятия возобновились почти во всех запасных батальонах гвардейской и армейской пехоты.

Сознавая, что борьба еще далеко не закончилась, комитеты в первые мартовские дни строго следят за тем, чтобы солдаты самовольно не отлучались из воинской части, принимают решения о временном запрещении отпусков. Мотивируя принятое постановление не разрешать солдатам отпуск, комитет запасного батальона Финляндского полка на заседании 6 марта отмечал, что «слуги старого режима могут иметь попытку к возврату к прошлому, и каждый солдат, как часовой, должен быть на месте, готовый во всякую минуту встать грудью на защиту прав и свободы народа».[152]

С первых же дней существования комитеты вводят строгий внутренний распорядок в своих частях. Утвержденное комитетом расписание занятий имело силу приказа. Уборка помещений и территории, занятия по строевой подготовке и тактике, политическое просвещение солдат и др. — все эти пункты внутреннего распорядка неоднократно обсуждались на заседаниях комитетов и после их утверждения подлежали обязательному исполнению.[153]

Одной из важнейших обязанностей Петроградского гарнизона стало обеспечение революционного порядка в столице и ее пригородах, несение караульной службы. Если до революции численность военного караула не превышала 2 тыс. человек, то в марте 1917 г. она достигала 12 тыс.[154] Несение караульной службы было возложено на армейскую и гвардейскую пехоту, запасные батальоны которых выделяли ежедневно для этой цели четвертую часть своего наличного состава. В 176-м запасном пехотном полку в нарядах было занято каждый день около 1200 человек.[155] Охраной Александровского дворца в Царском Селе, где находился Николай II со своей семьей и свитой, было занято около 1000 солдат 1-го гвардейского стрелкового полка.[156] Солдаты Петроградского гарнизона

охраняли важнейшие объекты столицы. Запасный батальон Семеновского полка, например, выставлял караулы в Таврическом дворце, Государственном банке, Главном казначействе, Временном суде, Доме военного министра, городском ломбарде, Путиловском заводе.[157]

В свободное от нарядов и занятий время солдаты получали увольнение. В первое время в большинстве воинских частей комитеты разрешали уход из части без всяких удостоверений и без оружия, но при желании солдаты могли с ведома дежурного по роте захватить с собой и винтовки. Однако ежедневно в каждом запасном батальоне выделялась дежурная рота, из которой никто не мог отлучаться в город. В дальнейшем многие комитеты переходят на практику увольнения солдат по запискам.[158] Подавляющее большинство солдат после революции находилось постоянно в казармах. Налаживание нормальной жизни гарнизона столицы на новых началах было прежде всего заслугой комитетов, влияние которых на солдатские массы в марте 1917 г. было огромным.

Таким образом, в ходе развернувшейся после победы над царизмом борьбы за демократизацию старой армии солдатские массы Петроградского гарнизона сумели создать свои выборные организации, удалили наиболее ненавистных им офицеров и выбрали себе новых командиров, установили в своих частях революционный порядок. Однако в силу своей политической неопытности, слабого понимания классовой солидарности, недостаточной сознательности и преобладания мелкобуржуазной психологии солдаты допустили в свои комитеты представителей офицерства, пошли на целый ряд существенных уступок и ограничений в процессе революционного переустройства армии, доверившись в первое время эсеро-меньшевистским лидерам Исполкома Петроградского Совета и его солдатской секции. На высвобождение солдатских масс из-под влияния соглашателей и направила свои усилия партия большевиков, которой в первое время пришлось вести свою деятельность в столичном гарнизоне в исключительно неблагоприятной обстановке. Солдаты еще не понимали, что спасти армию можно только в результате перехода всей власти к Советам. Как позднее отмечал В. И. Ленин, «единственный шанс» сохранить армию в интересах революции «представлялся в марте—апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии».[159]

Глава третья

НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Особенности формирования политических представлений солдат после свержения самодержавия

В первые дни марта 1917 г. Петроград жил в атмосфере всеобщего ликования. Революционные массы, расценивая низвержение царизма как свою великую победу, находились в состоянии небывалого восторга, энтузиазма и праздничного настроения. Еще вчера политически бесправные, они восприняли завоеванные ими демократические свободы как факт огромной важности, видели в них залог осуществления своих чаяний и идеалов. Солдаты столичного гарнизона, изолированные ранее от населения в своих казармах, заполнили улицы, соединились с рабочими, со всеми жителями, чувствуя себя полноправными гражданами. «Солдат, пожалуй, тоже как будто опьянел: из сволочи острожной он в граждане влетел», — писал в те дни солдатский поэт.[1] «Народ переживает опьянение совершенным великим актом, — сообщала А. М. Коллонтай из Петрограда в марте 1917 г. В. И. Ленину и Н. К. Крупской. — Говорю народ, потому что на первом плане сейчас не рабочий, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждения сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем. Среди лихора-

дочной сутолоки, среди стремления создать, построить что-то новое, отличное от прежнего, слишком громко звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, закончено».[2]

В новых условиях особое значение приобретало повышение уровня политического сознания солдатских масс, постигавших свои классовые интересы через революционную практику, через собственный опыт. Но именно такого опыта и не хватало солдатам в первое время после Февральской революции. В этой обстановке неизмеримо выросла роль политических партий, развернувших борьбу за Петроградский гарнизон. Особенность борьбы в мартовские дни 1917 г. состояла в том, что солдатские массы, всецело захваченные ломкой ненавистных порядков старой армии, еще не определили в этот период своего отношения к политическим партиям. Партийное влияние на солдат осуществлялось главным образом через Исполком Петроградского Совета, солдатскую секцию Совета и комитеты воинских частей, где преобладали эсеро-меньшевистские настроения. Солдаты, в большинстве своем крестьяне, не имели сколько-нибудь ясного представления о политических партиях, плохо разбирались в политике, стояли на позициях бессознательно-доверчивого отношения к Временному правительству.

Особую активность по отношению к Петроградскому гарнизону проявили в первое время эсеры. Солдатским массам были привлекательны их лозунги передачи всей земли в собственность государства и распределения ее между всеми, кто будет ее обрабатывать сам своим трудом. Однако реализацию этой заманчивой программы эсеры связывали с созывом Учредительного собрания. Состоявшаяся 2 марта Петроградская городская конференция эсеров, подтвердив в своей резолюции, что «вся земля должна принадлежать обрабатывающему ее трудовому народу», вместе с тем отмечала, что «полновластным выразителем народной воли может явиться только Учредительное собрание, что всякие попытки к немедленному захвату частновладельческих земель могут гибельно отразиться на нормальном течении сельскохозяйственной жизни и нарушить правильную поставку хлеба для проливающей за всю Россию кровь армии и заставить голодать революционный народ».[3]

Солдаты столичного гарнизона, будучи «добросовестными оборонцами» и не имея еще в марте 1917 г. по-

стоянных контактов с деревней, не смогли сразу разобраться в революционной фразеологии эсеров и пошли поначалу за их лозунгами. Однако влияние эсеров на солдатские массы Петроградского гарнизона не было прочным и осуществлялось главным образом через комитеты. Показательно, что эсерам удалось создать свою военную организацию в гарнизоне столицы только к июлю 1917 г.[4]

Представители наиболее революционных частей столичного гарнизона стремились сразу же установить контакт с большевиками. За руководящими указаниями в Петербургский комитет обращаются делегаты целого ряда полков. В целях укрепления связей с воинскими частями Петербургский комитет большевиков образовал 10 марта 1917 г. Военную комиссию.[5] Ее работники на первых порах столкнулись с немалыми трудностями: противодействием эсеро-меньшевистских комитетов и командного состава, угаром «революционного оборончества», захватившим солдатские массы. По словам одного из руководителей Военной комиссии большевиков Н. И. Подвойского, большевистским агитаторам, «чтобы проникнуть в казармы приходилось пробивать „двойные стены" — несознательность солдат и цепи караульщиков».[6] Проводя разъяснительную работу с солдатами, офицеры, по выражению одного из них, «старались убедить их в непригодности программы большевиков».[7] Несмотря на эти препятствия, в марте 1917 г. большевикам удалось организовать свои партийные коллективы в целом ряде воинских частей, прежде всего в пехотных и в инженерно-технических, где пролетарская прослойка была наиболее значительной, а также в некоторых запасных батальонах гвардейской пехоты. Первые большевистские ячейки были созданы в броневом автомобильном дивизионе, 6-м саперном батальоне, 1-м пулеметном полку, 180-м пехотном полку, запасных батальонах Московского, Петроградского, Павловского, Измайловского, Гренадерского и Финляндского полков.[8]

Организаторами первых большевистских ячеек в гарнизоне были большевики, призванные в армию с петроградских, московских и нижегородских предприятий.[9] Они сумели сплотить вокруг себя пролетарские элементы, составившие костяк первых организаций большевиков.[10] Хотя части, в которых возникли большевистские коллективы, в марте 1917 г. в целом еще и стояли на позициях эсеро-меньшевистского Исполкома Совета, большевики

получили возможность систематически вести в них агитационно-пропагандистскую деятельность. Наиболее прочные позиции большевики имели в запасных батальонах Финляндского, Гренадерского и Московского полков и особенно в 180-м пехотном полку, где сложилась немногочисленная, но крепкая большевистская группа. Ядро этой группы составили молодые прапорщики Ю. М. Коцюбинский, Н. П. Вишневецкий, И. В. Куделько, М. К. Тер-Арутюнянц, Б. И. Занько, Д. И. Далматов, Д. П. Клим. В частях, где возникли большевистские коллективы, усилилось большевистское влияние на комитеты.[11]

22 марта 1917 г. Военная комиссия при ПК РСДРП(б) обсуждала на своем заседании вопрос о создании Военной организации большевиков, которая должна была состоять из представителей большевиков воинских частей (по одному от каждой) и трех представителей ПК. На этом заседании была утверждена структура внутренней организации большевистских коллективов в гарнизоне, установлены вступительные взносы в размере 75 копеек и членские взносы 25 копеек в месяц (позднее взносы были понижены соответственно до 25 и 5 копеек). Было также постановлено «немедленно приступить к организации коллективов во всех частях Петроградского округа».[12] На учредительном собрании Военной организации большевиков 31 марта присутствовали 97 представителей от 48 воинских частей столичного гарнизона. Хотя только 13 воинских частей послали выборных от организованных партийных коллективов, а от остальных частей присутствовали еще необъединенные в коллективы большевики и им сочувствующие, такое представительное собрание свидетельствовало о значительном интересе, который стали проявлять солдатские массы к большевикам и их взглядам. На собрании была сформулирована основная цель учрежденной Военной организации — «Объединение всех тов. солдат и офицеров соц.-дем. для организованной борьбы под знаменем Рос. социал-демократической рабочей партии большевиков».[13] Были также определены задачи большевистских коллективов в воинских частях, которые в протоколе собрания излагались следующим образом: «1) Поддерживать самую близкую связь с Военной организацией. 2) На собраниях коллектива обсуждать все текущие вопросы. 3) Привлекать новых членов в свою среду. 4) Читать и распространять наши газеты и книги. 5) Выступать на всех батальон-

ных и ротных собраниях, проводя в них наши взгляды; предлагать наши резолюции, разоблачать все противореволюционные попытки. 6) При выборах в ротные и батальонные комитеты, в суды чести и другие общественные организации проводить наших единомышленников. 7) Внимательно следить за деятельностью комитетов и отдельных выборных, критикуя их на собраниях. 8) Особенное внимание обратить на контроль за делегатами в Советах рабочих и солдатских депутатов, организуя, в случае надобности, перевыборы их. 9) Призывать товарищей к крайней осторожности при всяких выборах, предлагая в важных случаях тайное голосование. 10) Давать наказы всем выборным с требованием неуклонного выполнения наказа. 11) Призывать товарищей к организованной борьбе, предостерегая от несогласованных выступлений».[14]

Эти точно сформулированные задачи стали боевой программой деятельности большевиков в гарнизоне. И хотя в рядах Военной организации большевиков к началу апреля насчитывалось всего около 200 членов,[15] это была уже влиятельная сила в гарнизоне, спаянная дисциплиной, единством воли и целей. В Военную организацию вошли такие талантливые руководители солдатских масс, как К. А. Мехоношин — от запасного батальона Гренадерского полка, Н. К. Беляков — от 6-го саперного батальона, Г. В. Елин — от броневого автомобильного дивизиона, А. Ф. Ильин-Женевский — от огнеметно-химического батальона, И. Н. Ильинский — от 1-го пулеметного полка, А. А. Киселев — от 1-й автомобильной роты и др.[16] С этого времени в частях столичного гарнизона началась систематическая работа большевиков по завоеванию солдатских масс. Представителей Военной организации большевиков, вспоминал впоследствии Н. И. Подвойский, часто не пускали в казармы, арестовывали, угрожали расстрелами, но они упорно и терпеливо преодолевали подозрительность и несознательность солдатских масс, пользовались любым случаем для укрепления своего влияния в воинских частях.[17] Через запасные полки, поставлявшие пополнение для действующей армии, Военная организация большевиков установила прочные связи с фронтом.[18]

Попытки эсеро-меньшевистского Исполкома и комитетов воинских частей «оградить» солдат от большевистского влияния, свести политическое образование в воинских

частях к культурно-просветительным мероприятиям успеха не имели. Чрезвычайно показателен в этом отношении пример запасного батальона Московского полка, где в первое время, по словам председателя агитационной комиссии батальонного комитета М. А. Феофанова, «партийные агитации не допускались и потому агитационная деятельность сводилась к просвещению».[19] Однако на одном из заседаний батальонного комитета в марте 1917 г. представитель нестроевой команды Фоменко внес на обсуждение предложение о приглашении в батальон ораторов для проведения ежедневных бесед с солдатами с целью ознакомления их с «задачами текущего момента» и «с программами левых партий — социал-демократов, трудовиков, социал-революционеров». В связи с этим на заседании возникли «длинные и горячие прения», в ходе которых одни настаивали только на обучении солдат грамоте, другие высказывались за приглашение представителей всех партий, третьи — только за ораторов «левых партий», реализация программ которых «даст наибольшие выгоды рабочим и крестьянам». Последнее предложение и было принято подавляющим большинством членов батальонного комитета.[20] С этого времени просвещение солдат-московцев приобретает действительно политический характер. «Партийное дробление» среди солдат стало совершившимся фактом.

Борясь за влияние на солдатские массы, политические партии в марте 1917 г. особенно широко использовали митинги, собрания, демонстрации, печать и другие средства массовой информации. Ведь революция пробудила в массах исключительный интерес к политической жизни, проявила в них неутомимую жажду знания, потребность общаться и высказываться. Отсюда небывалая популярность и посещаемость митингов и собраний, проходивших в Петрограде в мартовские дни везде и всюду.

Солдатским массам особенно пришлись по душе зажигательные речи «заложника революционной демократии» А. Ф. Керенского. В марте 1917 г. доверие солдат еще можно было завоевать «революционными речами», и Керенский не упускал случая выступить перед солдатской аудиторией. 25 марта он вместе с другими министрами Временного правительства присутствовал на митинге в запасном батальоне Волынского полка. На этом митинге произошел инцидент, который назавтра расписывали все столичные газеты, восхваляя при этом всячески «мини-

стра-социалиста». Когда один из офицеров стал возмущаться речью выступавшего перед ним председателя Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе, в зале раздались крики: «Довольно! Долой!». Появившийся на сцене Керенский театральным жестом восстановил спокойствие: «Свобода слова! Дайте человеку говорить!». Митинг был продолжен.[21]

Своей показной простотой и обходительностью Керенский очаровал солдатских представителей. «Я, сельский народный учитель, был у министра. Он меня встретил — садитесь, товарищ, — говорил восторженно солдат Северного фронта на заседании солдатской секции 12 марта. — Было ли, чтобы министр звал простого солдата товарищем? Этот министр — Керенский. Он сделал великое дело не только для русских. Оно далеко выйдет за пределы нашего отечества и опередит весь мир».[22]

Однако такая популярность была возможна лишь в обстановке всеобщего энтузиазма и опьянения только что достигнутой победой, в условиях господства мелкобуржуазных иллюзий. Как только солдатские массы начнут понимать, что за громкими речами Керенского ничего нет, как только они начнут постигать классовый характер политики Временного правительства, популярности «вождя революционной демократии» придет конец.

В марте 1917 г. в Петрограде получают широкое распространение политические рабочие и солдатские клубы, инициатором создания которых выступил Исполком Петросовета.[23] Поощряя их организацию, эсеро-меньшевистские лидеры Совета тем самым хотели не только предупредить и нейтрализовать буржуазное влияние на рабочих и солдат, но и полностью поставить под контроль эту форму политического просвещения масс. В свою очередь партия большевиков также выступила с призывом создавать политические клубы. В статье «Что нам нужно делать теперь», опубликованной «Правдой», указывалось на необходимость «всюду устраивать клубы, чтобы в них могли собираться все желающие для бесед, для чтения газет и журналов, для обсуждения всех политических вопросов».[24]

Постоянными посетителями рабочих политических клубов стали солдаты, которые, входя в тесный контакт с рабочими, испытывали на себе большое влияние последних, приносили в казармы боевой дух питерского пролетариата, создавали свои солдатские клубы. В отдельных

случаях клубы были объединенными. В марте 1917 г. возник рабочий клуб «Наука и жизнь», постоянными членами которого состояло свыше 1000 человек.[25] Каждый клуб, как правило, имел свой устав, который определял направление деятельности этого клуба. Устав обсуждался и утверждался общим собранием членов клуба. Политическое просвещение масс было одной из главных задач клубов, что находило свое отражение и в их уставах. Созданное, например, во 2-м пулеметном полку «Собрание воинских чинов» ставило своей целью «разобраться в острых и требующих своего разрешения вопросах текущего политического момента».[26]

В воинских частях Петроградского гарнизона наряду с солдатскими клубами были образованы культурно-просветительные комиссии. Одной из первых возникла просветительная комиссия в запасном батальоне Гренадерского полка, которая призвала создавать такие же комиссии в других частях.[27] К середине мая число просветительных комиссий в столичном гарнизоне достигло 80.[28] Свою главную задачу комиссии видели в повышении уровня политического развития солдат. Созданная 12 марта в запасном батальоне Егерского полка просветительная комиссия поставила своей целью «постоянно углублять сознание солдат, непрерывно разрабатывать их гражданское и правовое самосознание».[29] Просветительная комиссия 180-го пехотного полка стремилась объединить все «культурные силы» полка, чтобы они «своими знаниями помогли массе разобраться во всем происшедшем, разъясняли тот мрак, в котором масса находилась раньше, и сумели бы пробудить в ней хоть зачаток критического отношения ко всему окружающему».[30] В какой степени культурно-просветительные комиссии могли справиться с этой задачей, во многом зависело от того, в чьих руках находилось руководство этими комиссиями. В первое время деятельность культурно-просветительных комиссий находилась под контролем Исполнительной комиссии солдатской секции Петроградского Совета, где преобладали эсеры и меньшевики. Их влияние отчетливо заметно в тематике лекций, которые читались в Петроградском гарнизоне в марте 1917 г.[31]

Исключительное значение после свержения самодержавия приобрело печатное слово. В первые дни революции солдаты ловили каждый печатный клочок бумаги, гонялись за газетами, с живейшим интересом обсуждали прочитан-

ное. Особой популярностью пользовались «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», в которых солдаты видели не только авторитетный источник информации, но и руководство в развернувшейся борьбе за революционное переустройство армии. В руках эсеро-меньшевистских лидеров Совета «Известия» стали важным средством распространения мелкобуржуазных взглядов среди солдатских масс.

С 5 марта начала выходить большевистская «Правда». Большевики первыми среди политических партий и групп сумели возобновить и наладить издание своего печатного органа. Первый номер «Правды» вышел небывалым в истории большевистской печати тиражом — 100 тыс. экземпляров и был бесплатно распространен в считанные часы среди рабочих и солдат Петрограда. Выход «Правды» 5 марта имел большое значение еще и потому, что именно в этот день появилась «большая пресса», обрушившая на массы потоки буржуазной пропаганды.

Буржуазная печать сразу же развернула клеветническую кампанию против «Правды», пыталась всеми способами дискредитировать большевистскую газету. И если питерские рабочие были невосприимчивы к этим выходкам буржуазной прессы, то солдатские массы столичного гарнизона оказались более податливыми. Значительно отставая от рабочих в политическом и культурном развитии, они не смогли сразу справиться с массой информации, вернее дезинформации, которую обрушила на них буржуазная пресса, не смогли отличить правду от ложных слухов и домыслов. Но наиболее сознательная часть солдат, в особенности те, кто побывал на фронте и познал на собственном опыте все тяготы войны, не поддалась всеобщему настроению. Когда в 4-й роте запасного батальона Павловского полка, состоявшей главным образом из эвакуированных, было выдвинуто предложение не читать «Правды», многие солдаты запротестовали.[32] Группа солдат-измайловцев, приветствуя выход центрального органа большевиков, писала: «Два с лишним года „Правда“ проповедовала те лозунги, которые теперь начинают осуществляться и проводиться в жизнь... Мы надеемся, что русский пролетариат не забыл и никогда не забудет всего того, что сделала „Правда“ для просвещения забитых и загнанных масс. Со своей стороны мы будем всячески поддерживать газету „Правда“ и распространять проповедуемые ею идеи... Да здравствует свобода и да

живет газета „Правда", расчистившая тернистый путь к свободе! Старые друзья „Правды"».[33]

«Правда» сыграла огромную роль в привлечении лучших представителей солдатских масс в ряды большевиков. «Что касается моих большевистских убеждений, — отмечал солдат броневого автомобильного дивизиона П. Иванов, — то они образовались так: читая газеты, в частности и „Правду", я пришел к заключению, что большевики стоят ближе к пониманию и защите народных интересов, пошел и записался».[34]

Заботясь о политическом просвещении солдат, питерский пролетариат провел в марте—апреле 1917 г. широкую кампанию по сбору средств на приобретение и распространение большевистской литературы среди солдат. Рабочие «Нового Лесснера» передали в ПК РСДРП(б) на эти цели 33 871 рубль.[35] Благодаря собранным рабочими Балтийского завода средствам большевистская «Правда» распространялась бесплатно в большом количестве среди солдат 180-го пехотного полка и Второго Балтийского флотского экипажа.[36]

Однако основная масса солдат Петроградского гарнизона оказалась в марте 1917 г. под сильным влиянием мелкобуржуазной и буржуазной прессы. Специфика казарменной жизни облегчала идеологическое воздействие на солдат, политическое просвещение которых находилось под контролем комитетов, стоявших в это время на платформе эсеро-меньшевистского большинства Совета. Комитеты определяли, какие газеты и в каком количестве должны выписываться для солдат их частей. Как видно из протоколов заседаний комитетов, на которых обсуждались эти вопросы, предпочтение в первую очередь отдавалось органам Совета — газетам «Известия» и «Голос солдата».[37] Каждая часть получала по 100—200 экземпляров этих газет, причем «Голос солдата» рассылался, как правило, бесплатно.[38] Далее шли газеты «социалистического направления», в которое зачислялись как большевистские «Правда» и «Солдатская правда», так и эсеро-меньшевистские «Рабочая газета», «Дело народа», «Воля народа», «Земля и воля» и др. Эти газеты поступали к солдатам также в большом количестве. Запасный батальон Московского полка получал, например, по 100 экземпляров «Правды» и «Солдатской правды»,[39] запасный батальон Кексгольмского полка получал этих газет по 40 экземпляров.[40] Наряду с этим в части Петро-

градского гарнизона, особенно в первое время, поступали в значительном количестве газеты буржуазного направления. Не последнюю роль играло то обстоятельство, что эти газеты присылались солдатам бесплатно. Постановив выписать газеты «социалистического направления», комитет моторно-понтонного батальона решил также «воспользоваться предложениями других газет, соглашающихся присылать экземпляры бесплатно».[41] Запасный батальон Московского полка получал бесплатно такие буржуазные газеты, как «Речь», «Биржевые ведомости», «День».[42] В запасный батальон Кексгольмского полка поступали газеты 14 наименований — от «Правды», «Солдатской правды» и «Известий» до «Вестника Временного правительства», «Речи» и «Современного слова».[43]

Такая позиция комитетов в вопросе о печати облегчала распространение в солдатских массах буржуазных и мелкобуржуазных взглядов на политику, затрудняла процесс освобождения солдат от эсеро-меньшевистского влияния.

Буржуазная печать приложила немало усилий, чтобы посеять рознь между рабочими и солдатами, обвиняя первых в нежелании работать «на оборону». Указывая на клеветнический характер слухов, побывавшие на фабриках и заводах солдатские делегации выступали с их опровержением в печати, призывали остальные воинские части послать своих представителей на предприятия столицы, чтобы «утвердиться в сознании, что там не враги ваши, а братья».[44] Общее собрание солдат мастерских броневого автомобильного дивизиона, заслушав солдат, побывавших на ряде заводов, заявило, что никакие происки тайных сил не могут вызвать раздор между рабочими и солдатами, «спаянными навеки святой кровью, пролитой во имя свободы».[45] В своих письмах в Петроградский Совет солдаты требовали строго наказывать за распространение ложных слухов о том, что петроградские предприятия бездействуют по вине рабочих.[46] Объясняя, почему капиталисты натравливают солдат на рабочих, один из солдат 180-го пехотного полка писал: «Если им удастся воспользоваться нашей темнотой, то рабочие будут закабалены, буржуи по-прежнему будут грабить, пока рабочие будут самоотверженно голодать во имя родины».[47]

Борясь с буржуазной клеветой, петроградские рабочие выступали на солдатских митингах, устраивали совместные собрания. Участники собрания рабочих Металлического завода и солдат 3-го железнодорожного батальона

постановили «всякого, кто осмеливается вносить рознь между рабочими и солдатами, считать врагом революции, врагом свободы».[48] После митинга в запасном батальоне Финляндского полка, в котором участвовали рабочие Васильевского острова, солдаты заявили, что они никогда не направят штыки против братьев-рабочих.[49]

Под влиянием буржуазной и мелкобуржуазной пропаганды солдаты Петроградского гарнизона восприняли чуждые им представления о характере государственной власти, утвердившейся в стране после победы Февральской буржуазно-демократической революции. В отличие от петроградских рабочих солдатские массы столичного гарнизона в своем отношении к Временному правительству в марте 1917 г. целиком и полностью одобряли платформу Исполкома Совета. И это объяснялось не только их мелкобуржуазной сущностью и отсутствием политического опыта. Всецело захваченные борьбой за демократизацию армии, солдаты обратились к выяснению своего отношения к Временному правительству позднее рабочих. Как видно из резолюций солдатских митингов и собраний, из протоколов заседаний комитетов, в большинстве воинских частей вопрос об отношении к новой власти ставится на обсуждение только во второй половине марта. А к этому времени и Военная комиссия, и командование Петроградского военного округа, и Исполком Совета, и офицерский состав воинских частей уже сумели настроить солдатскую массу соответствующим образом.

Проводниками взглядов на Временное правительство как на единственную законную власть выступили прежде всего офицеры, направляемые в части Военной комиссией Думского комитета. На собрании офицеров запасного батальона Егерского полка, состоявшемся 8 марта, в качестве главной задачи момента указывалось на необходимость терпеливого разъяснения солдатам вопроса о власти: «Настоящее положение временно, мы подчиняемся беспрекословно Временному правительству, работающему в согласии с Советом рабочих и солдатских депутатов».[50] Командир запасного батальона Измайловского полка полковник Козеко в своем приказе от 9 марта по вопросу об отношении к Временному правительству писал: «Оно само называет себя временным. Оно состоит из всем известных своею честностью лиц, с ним соединились и рабочие, которым дорога Россия. Этому правительству надо верить, пока не соберется весь русский народ

для выборов; оно само говорит, что будет править нами только до того дня, когда явится всенародная дума. Верьте же этому правительству, как богу. Никакой народ не может ни минуты прожить без правительства».[51]

Комитетам запасных частей, находившимся в марте 1917 г. под влиянием соглашателей, без особого труда удается проводить на общих собраниях резолюции о поддержке Временного правительства.[52] В принятии солдатами таких резолюций проявилась их некритическая оценка как деятельности Исполкома Петроградского Совета, так и первых шагов Временного правительства, антинародная сущность которого еще не была понята солдатами в достаточной степени.

Резолюции, требовавшие перехода всей власти в руки Совета, в Петроградском гарнизоне в марте 1917 г., как правило, еще не обсуждались. Первой такой резолюцией, принятой в частях столичного гарнизона, была резолюция батальонного комитета Московского полка, который 13 марта постановил: «Считать Советы рабочих и солдатских депутатов единственно законной властью».[53] В своей основной массе солдаты Петроградского гарнизона еще не понимали необходимости перехода власти к Советам и стояли в этот период на позициях бессознательно-доверчивого отношения к Временному правительству, что было прежде всего результатом широкого распространения мелкобуржуазных взглядов на политику.

«Революционное оборончество»

После победы над царизмом в сознании революционных масс со всей неизбежностью встал вопрос об отношении к войне. Еще 1 марта 1917 г. представители воинских частей столичного гарнизона, присутствовавшие на заседании Петроградского Совета, заявили о нежелании солдат продолжать войну. Делегат от автомобильной части Красного Креста предлагал на этом заседании «заключить мир с народами, а не с правительствами».[54] Один из меньшевистских лидеров И. Г. Церетели впоследствии признавал, что после Февральской революции солдатская масса «жадно ловила слова о мире, о таком мире, который избавил бы их и от угрозы порабощения и от необходимости воевать. Здесь они видели просвет из сумерек окопной жизни, просвет, который они инстинктивно искали в революции».[55]

Желая всем сердцем мира, солдаты в марте 1917 г. еще не знали путей его достижения, а в поисках решения этого жгучего вопроса оказались сбитыми с толку буржуазной пропагандой. Последняя сумела извлечь выгоду из революционного энтузиазма и воодушевления, охватившего массы после свержения самодержавия, использовала новое настроение рабочих и солдат в качестве важного рычага в усилении военной кампании. Играя на гордости народа революцией, буржуазные идеологи стали всячески внушать трудящимся массам, «будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии гучково-милюковской почти республикой».[56] «Революционным оборончеством», пояснял В. И. Ленин, называется «такое прикрытие войны, которое делается при помощи ссылок на то, что ведь мы сделали революцию, ведь мы революционный народ, мы революционная демократия».[57]

К солдатам в первую очередь были адресованы многочисленные патриотические воззвания Государственной думы, Временного правительства, буржуазных партий, всевозможных обществ и организаций.

Большую роль в поддержании духа «революционного оборончества» в Петрограде в марте 1917 г. играли солдатские манифестации. Временное правительство и командование гарнизона столицы, играя на проснувшейся у солдат «свободе к волеизъявлению», направляли эти манифестации в патриотическое русло. Запасные части многотысячного гарнизона столицы ежедневно заполняли улицы города, задавая патриотический тон, воодушевляя мелкобуржуазные слои населения и заглушая в первое время антивоенные настроения рабочих. Манифестации обычно заканчивались в Таврическом дворце, где перед солдатами непрерывно выступали члены Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета. Солдаты одинаково восторженно внимали речам всех ораторов, призывавших к «революционной войне».

Влияние буржуазной пропаганды, всячески стремившейся затушевать империалистический характер войны, ярко проявилось в солдатских резолюциях. В наказе, данном 5 марта одной из команд 2-го пулеметного полка своему депутату в Петроградском Совете, говорилось о необходимости «продолжать войну до тех пор, пока враг не предложит условия, достойные великодержавного русского народа».[58] В телеграмме запасного батальона

Петроградского полка в действующую армию выражалось «пожелание скорейшей полной победы над врагом и обещание сменить находящихся в окопах... когда это понадобится».[59] Такие же приветствия, текст которых обсуждался на общих собраниях, направляли на фронт и другие запасные батальоны.

Настроенные на «патриотический» лад солдаты в марте 1917 г. враждебно относились к призывам прекратить войну. Когда во время митинга, состоявшегося в Таврическом дворце 15 марта, неизвестный оратор обратился к солдатам с призывом «Долой войну!», в зале последовал взрыв негодования, раздались крики: «Долой оратора, дайте его нам на штыки!». Солдат, требовавших самосуда над оратором, с трудом удалось успокоить.[60]

26 марта на митинге-концерте преображенцев выступил Ф. И. Шаляпин. В сопровождении хора и двух оркестров он исполнил свой гимн, который призывал:

К оружию, граждане, к знаменам,
Свободы стяг нести вперед!
Во славу русского народа
Пусть сгинет враг, пусть враг падет.

Восторженные солдаты приветствовали Ф. И. Шаляпина бурными овациями.[61]

На солдат гарнизона столицы, временно оторванных от фронтовой обстановки, воздействие буржуазной пропаганды оказалось более сильным, чем на действующую армию. Фронт же без энтузиазма отнесся к приветствиям запасных частей столичного гарнизона, призывавшим к войне до победного конца. Более того, реакция частей действующей армии послужила началом отрезвления солдат Петроградского гарнизона от угара «революционного оборончества». Солдаты 728-го полка Северного фронта потребовали от своего командования: «...те части в Петрограде и других городах России, которые ходят в манифестациях, кричат и вывешивают флаги „Война до полной победы", должны быть поставлены в окопы и испытать на себе, как достигается победа, а нам, послужившим в окопах и войне почти 3 года, встать вместо тех».[62] С фронта все чаще и чаще раздавались голоса: «Надо посмотреть, кто кричит „до полной победы"».[63]

В усвоении солдатами лозунга «Война до победного конца» сказалось не только влияние буржуазной пропаганды, но и особенности крестьянской психологии:

первоначально они считали победоносное завершение войны непременным условием достижения своих главных целей, и прежде всего получения земли. «Мы получили свободу, но земля еще не наша, — говорил один из солдатских депутатов на заседании солдатской секции Петроградского Совета 8 марта. — Только когда мы побьем Вильгельма, тогда мы можем поделить землю».[64] Вследствие своей классовой ограниченности крестьянская психология, свойственная солдатским массам, представляла после свержения царизма не продукт интересов самого многочисленного класса России, а продукт их наивной веры и предрассудков. Отсюда та легкость, с какой буржуазии удавалось в первое время обманывать солдатские массы в вопросе о характере продолжавшейся войны.

Активную роль в распространении «революционного оборончества» среди солдат играли эсеро-меньшевистские вожди, но их «революционная» демагогия была еще более опасна. Она вводила массы в заблуждение своим резко отрицательным отношением (на словах) к империалистической войне, критикой правительств воюющих стран, аппеляцией к народу и его страданиям.

Самым ярким проявлением такой позиции соглашателей стал манифест Петроградского Совета «К народам всего мира». Это обращение, опубликованное 15 марта в «Известиях» и других газетах, сразу же стало предметом горячего обсуждения в воинских частях гарнизона столицы. Солдаты приняли за чистую монету заявление Исполкома против продолжения империалистической войны. «Так как не в интересах трудящихся России захватывать у других наций земли и душить свободу других народов, — говорилось в резолюции солдат конных формирований запасного электротехнического батальона, — то мы приветствуем и присоединяемся к обращению Совета рабочих и солдатских депутатов „К народам всего мира“».[65] Манифест «К народам всего мира» захватил солдат идеей заключения справедливого мира, и они страстно поверили в такую возможность. Вот почему, по словам одного из солдат, манифест «прозвучал небесной лирой, неземною красотой».[66]

После опубликования манифеста «К народам всего мира» Исполком Петроградского Совета обратился к солдатам столичного гарнизона «заменить неясный и допускающий много толкований лозунг „Война до победы!“ другим, более точно и верно выражающим нашу

мысль и нашу волю: „Война за свободу!“».[67] Лозунг этот был настолько привлекателен для солдатских масс, что они сразу же откликнулись на него, приняли его за новое, более правильное выражение своих интересов. На проходивших во второй половине марта 1917 г. манифестациях запасных батальонов Преображенского, Семеновского, Петроградского, Измайловского, Егерского, Кексгольмского полков преобладали лозунги «Война за свободу!», «Война для обороны!», «Ни одной пяди родной земли!», «Ни завоеваний, ни контрибуций!», «Германский народ, следуй нашему примеру в борьбе с твоим правительством!».[68] 27 марта 4-я самокатная рота приняла на своем собрании решение «войну продолжать, усиливать и укреплять армию не для захватных намерений, а с целью защиты добытых демократией прав и свобод... Объявить всем странам, что Россия ведет войну не с завоевательной целью, а с оборонительной».[69]

Понимание солдатами прямой связи войны с природой власти было тем труднее, что Временное правительство, по-прежнему выступая за продолжение войны, теперь изменило тактику. В декларации от 27 марта оно заявило, что «свободная Россия» не преследует никаких захватнических целей. Заявление, одобренное эсеро-меньшевистским Исполкомом Петроградского Совета, создавало у значительной части солдат иллюзию, будто с этого времени характер войны действительно изменился. В целом ряде воинских частей гарнизона столицы на общих собраниях были приняты приветствия в адрес Временного правительства за его «отказ от завоевательных целей».[70]

Манифест Петроградского Совета «К народам всего мира» стал идеологическим обоснованием необходимости посылки на фронт маршевых рот из состава запасных частей столичного гарнизона. 14 марта, в день обсуждения манифеста в Совете, на фронт направилась маршевая рота волынцев во главе с одним из героев февральского восстания Т. И. Кирпичниковым.[71] На следующий день солдатская секция Петроградского Совета принимает резолюцию об отправке на фронт «в случае необходимости» маршевых рот. 27 марта этот вопрос обсуждался на пленарном заседании Совета, который принял решение о том, что столичный гарнизон по мере поступления запросов с фронта выделяет из своего состава маршевые роты каждый раз с ведома Исполкома.[72]

Комитеты воинских частей, проводя политику эсеро-меньшевистского Исполкома Совета, принимают решения о направлении на фронт маршевых рот.[73] Комитет запасного батальона Волынского полка в своем постановлении предлагал удесятерить усилия в подготовке маршевых рот, «не теряя времени на вопросы политики. Пусть эти вопросы решает Временное правительство».[74] Комитет 171-го пехотного полка предложил всем членам комитета «внушать товарищам-солдатам мысль о необходимости при настоящих условиях продолжать войну, а следовательно, и о необходимости отправления маршевых рот».[75] В конце марта из запасного батальона Петроградского полка были направлены на фронт четыре маршевые роты.[76] Однако в марте дело, как правило, ограничивалось принятием решений о желательности посылки маршевых рот в действующую армию и потому солдаты еще не протестовали активно против такой политики комитетов.

В обстановке «революционного оборончества», которое, по выражению В. И. Ленина, «победило кругом»,[77] единственной партией, которая выступила с революционной программой борьбы за мир, были большевики. Еще в манифесте ЦК РСДРП 27 февраля «Ко всем гражданам России» указывалось на необходимость «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам».[78] 9 марта Бюро ЦК приняло резолюцию о войне, которая на следующий день была опубликована в «Правде». В резолюции указывалось на империалистический характер продолжающейся войны, при этом подчеркивалось, что разница состоит лишь в том, что Временное правительство «стремится для своих империалистических целей использовать движение революционной демократии, в частности революционной армии». Принципиально важное значение имел заключительный раздел резолюции, в котором заявлялось, что только тогда, когда революционному движению пролетариата и демократии, завоевавших свободу и отказавшихся от захватов, будет угрожать захватническая политика других империалистических правительств, революционная демократия возьмет на себя защиту свободы страны. Это может быть, — под-

черкивалось в резолюции, — только при революционной диктатуре пролетариата и крестьянства».[79]

Однако пропаганда большевистских взглядов по вопросам войны и мира в условиях марта 1917 г. была делом чрезвычайно трудным. Солдатские массы были одурманены «революционным оборончеством», и понадобилось время, чтобы они могли освободиться от влияния мелкобуржуазных идей, воспринятых ими на веру.

На фоне бурно расцветшего «революционного оборончества» антивоенные настроения в столичном гарнизоне были выражены еще крайне слабо. Лишь отдельные воинские части в конце марта принимают резолюции, осуждающие империалистический характер войны и требующие ее прекращения. Солдаты 4-го батальона 1-го пулеметного полка, указывая в своей резолюции, что они верят только Совету, требовали от него «принять все меры и все средства к прекращению этой кровавой бойни без всяких аннексий».[80] Подобные же решения были вынесены в это время общими собраниями солдат 1-го пехотного полка,[81] запасного батальона Финляндского полка.[82] Все чаще на солдатских собраниях выступали рабочие, которые разъясняли солдатам весь смысл буржуазной клеветы, направленной на разъединение революционных масс. После такого митинга в запасном батальоне Финляндского полка 31 марта, где перед солдатами выступили рабочие заводов Васильевского острова, была принята резолюция, требовавшая «скорейшего прекращения мировой бойни».[83]

Характеризуя солдатские представления по вопросам войны и мира в марте 1917 г., нельзя не отметить их крайнюю противоречивость, вызванную, с одной стороны, страстным желанием покончить с войной и, с другой стороны, смутным пониманием сложившейся системы общественно-политических отношений в России после победы Февральской революции. Солдаты еще не осознавали, что войну нельзя кончить, не свергнув власть капиталистов и помещиков. На разъяснение этого кардинального положения и была направлена деятельность большевиков среди солдат Петроградского гарнизона.

Ленинский курс на социалистическую революцию. Начало прояснения политического сознания солдат

В Апрельских тезисах В. И. Ленина была гениально сформулирована программа действий партии большевиков в борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В настойчивой повседневной борьбе большевиков за прояснение сознания рабочих, солдат и крестьян, в умении «приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата»[84] В. И. Ленин видел залог успешного перехода от первого этапа революции ко второму. Выступив самым решительным образом против «революционного оборончества», В. И. Ленин вскрыл корни массовых заблуждений, указал на необходимость разъяснять рабочим и солдатам, что кончить войну справедливым миром нельзя без свержения власти капитала. Единственно возможная форма революционного правительства, подчеркивал вождь социалистической революции, есть Советы, созданные революционным творчеством масс. Отметив факт преобладания в Советах представителей мелкобуржуазных партий, он обратил особое внимание на необходимость систематического и терпеливого разъяснения массам их ошибок. В. И. Ленин выдвинул задачу «умело, осторожно, прояснением мозгов вести пролетариат и беднейшее крестьянство *вперед* от „двоевластия" *к полновластию* Советов рабочих депутатов. . .».[85]

Ленинский курс на социалистическую революцию стал сразу же объектом бешеной атаки со стороны буржуазной и мелкобуржуазной прессы. В результате погромной агитации значительная часть солдат Петроградского гарнизона оказалась сбитой с толку, поддалась буржуазной пропаганде. Большую роль в разоблачении измышлений буржуазной прессы сыграли «Правда» и «Солдатская правда», начавшая выходить с 15 апреля как орган Военной организации большевиков. Терпеливое разъяснение массам того факта, что буржуазная пресса пытается ввести их в заблуждение, В. И. Ленин считал одной из важнейших задач большевиков. Именно поэтому при всей своей занятости он находит время, чтобы выступать в печати против заблуждений солдат, показывая блестящий пример того, как это надо делать. 15 апреля в «Правде» была опубликована заметка В. И. Ленина «Честный

голос в хоре клеветников», которая была написана по поводу помещенного в бульварной «Маленькой газете» обращения группы солдат автомобильного санитарного отряда ко всем солдатам с требованием расследования обстоятельств проезда эмигрантов через Германию. Отмечая необходимость расследования каждого факта, имеющего общественное значение, Ленин адресовал солдат к постановлению Исполкома Совета, принятому после доклада о проезде эмигрантов через Германию и опубликованному в «Известиях». «Правильно ли поступили товарищи из 4 передового автомобильного санитарного отряда, которые уже торопятся и „клеймить" проехавших, и бранить их „предателями", и посылать им „проклятие", и осыпать их другими ругательствами, *не обсудив* того, что напечатано в „Известиях"? — писал он. — Не означает ли это именно анархизма, именно *призыва не уважать* выбранных рабочими и солдатами членов Исполнительного комитета?».[86] В таком же духе была составлена и листовка ЦК и ПК РСДРП(б), широко распространявшаяся среди рабочих и солдат столицы в апреле 1917 г.[87]

В конечном же итоге антибольшевистская кампания имела эффект прямо противоположный тому, на какой рассчитывали буржуазные идеологи. Миллионы экземпляров буржуазных газет привлекли внимание масс к большевизму, помогли, по выражению В. И. Ленина, втянуть их в оценку большевизма. Сбитые в первое время буржуазной клеветой, отсталые в политическом отношении солдаты стремились разобраться в программе большевиков, побольше узнать об их руководителях, в первую очередь вожде большевиков — В. И. Ленине. 24 апреля комитет 8-й конно-артиллерийской бригады направил в Петроградский Совет письмо, в котором просил дать скорейший ответ на интересующие всех солдат вопросы о Ленине: какого он происхождения? Если был сослан, то за что? Каким образом он вернулся в Россию и какие действия он проявляет в настоящий момент, т. е. полезны они или вредны? [88] Письмо было переслано В. И. Ленину, который, отвечая на вопросы солдат, начал писать свою краткую биографию, но ввиду занятости не закончил ее.[89] Однако ответы на вопросы, интересовавшие солдат, давались в статье Н. К. Крупской «Страничка из истории Российской социал-демократической партии», напечатанной 13 мая в «Солдатской правде».

В апреле 1917 г. В. И. Ленин придавал особое значение разъяснительной работе непосредственно в солдатских казармах. По решению Военной организации большевиков в части Петроградского гарнизона наряду с питерскими рабочими было направлено около 200 большевистских агитаторов из Кронштадта.[90] Стремясь создать перелом в настроении солдатских масс, Ленин сам неоднократно выступал в частях столичного гарнизона. Первое его выступление состоялось 10 апреля в запасном батальоне Измайловского полка, эсеро-меньшевистский комитет которого незадолго перед этим высказался против ленинской программы и настраивал соответствующим образом солдат. Вот почему В. И. Ленин решил выступить перед измайловцами сам. В Измайловский манеж, где обычно проходили митинги запасного батальона Измайловского полка, выступление вождя большевиков пришли послушать также солдаты 2-й гвардейской артиллерийской бригады и запасного батальона Петроградского полка, располагавшегося по соседству. Свою речь В. И. Ленин посвятил вопросу о государственной власти — главному вопросу революции. Отметив стремление буржуазной власти сохранить старые порядки, ее неспособность решить основные требования масс, он убедительно показал необходимость перехода власти к Советам. При этом, учитывая, что большинство солдат — крестьяне, одетые в шинели, он подчеркнул, что «только такая власть, только сами Советы солдатских и крестьянских депутатов могут, не в интересах помещиков и не по-чиновнически, решить великий вопрос о земле».[91] Ленин призывал солдат к организации и сплочению, «никому не доверяя, полагаясь только на свой ум, на свой опыт», бороться за переход власти в руки Советов. Только таким путем, подчеркивал вождь большевиков, можно добиться демократического мира, которого так жаждут трудящиеся массы.[92] Слушая В. И. Ленина, солдаты сами могли убедиться, сколь вздорны слухи, распускаемые о большевиках и их взглядах. Но постановка вопроса о переходе власти к Советам не укладывалась сразу в их сознании, поскольку до этого их в течение почти полутора месяцев постоянно призывали подчиняться «демократическому» Временному правительству. Придавая важное значение своему первому выступлению среди солдат Петроградского гарнизона, В. И. Ленин поместил 12 апреля в «Правде» отчет об этом выступлении.

15 апреля В. И. Ленин выступил на митинге солдат броневого автомобильного дивизиона в Михайловском манеже. «Большевистски настроенные солдаты, — вспоминал присутствовавший на этом митинге агитатор Военной организации большевиков Н. М. Анцелович, — встретили Ленина бурными аплодисментами и возгласами. Офицеры и их подголоски в солдатской среде — негромкими, но ироническими возгласами. Бо́льшая часть солдат как-то напряженно молчала. Все это отражало общее настроение солдатской массы в броневых частях».[93] Но вот В. И. Ленин начал свою речь, и в огромном манеже, вместившем около 3 тыс. солдат, наступила тишина. Без каких-либо вступлений В. И. Ленин стал говорить о том, что сильно волновало солдатские умы, — об обвинениях большевиков в подкупе немцами, измене родине и свободе. Разоблачая эту клевету, он показал солдатам, что в распространении злостных слухов заинтересована буржуазия, которая стремится продолжать захватническую войну. В. И. Ленин подробно остановился на причинах и целях этой войны, раскрыл всю незаинтересованность в ней рабочих и крестьян, дал характеристику деятельности буржуазного Временного правительства и органа власти рабочих и крестьян — Советов, призвал всячески поддерживать и помогать последнему — «единственно законному правительству».[94]

17 апреля В. И. Ленин выступил на заседании солдатской секции Петроградского Совета, которая накануне приняла инспирированную эсеро-меньшевистскими лидерами резолюцию, осуждавшую программу большевиков. Присутствовавшие на этом заседании соглашатели пытались сорвать выступление В. И. Ленина, но без успеха.[95] Комментируя эффект, произведенный речью В. И. Ленина, «Солдатская правда» писала: «Те, кто по недоразумению стояли против него, теперь выражали восторг. Речь Ленина оставила неизгладимое впечатление».[96] Как свидетельствовал Ф. Н. Матвеев, «яркое и правдивое выступление В. И. Ленина на солдатской секции Петроградского Совета посеяло в сознании рядовых депутатов сомнение в правильности меньшевистско-эсеровской линии».[97]

Ленинские идеи глубоко западали в солдатские сердца, помогали солдатам определить свое отношение к партии большевиков, заставляли их более критически отнестись к той линии, которую поддерживали их представители

в солдатской секции Петроградского Совета и в комитетах воинских частей. Сбитые в первое время буржуазной пропагандой солдаты теперь стремились разобраться в программе партии большевиков. 17 апреля на заседании батальонного комитета Московского полка было решено послать делегатов к В. И. Ленину «с поручением ознакомиться с ним как с личностью, узнать его программу».[98] Когда же 20 апреля представители командного состава в присутствии значительной группы солдат-московцев попытались на заседании батальонного комитета дискредитировать ленинские взгляды по вопросам войны, мира и власти, то эта попытка была решительно отвергнута большинством членов батальонного комитета.[99] С этого времени авторитет В. И. Ленина и большевиков в запасном батальоне Московского полка стал постоянно расти, а споры между сторонниками и противниками ленинских взглядов приобрели особенно острый характер. Наиболее революционно настроенные солдаты с кулаками бросались на тех, кто оскорбительно отзывался о В. И. Ленине, а злостных распространителей слухов даже сажали на гауптвахту. «Это нам всегда удавалось на Выборгской стороне, — вспоминал служивший в запасном батальоне Московского полка И. И. Козлов. — Но на Невском победы одерживать мы еще не могли — здесь был другой класс».[100]

Командование Петроградского военного округа пыталось бороться с распространением ленинских идей, обязав офицеров проводить с солдатами беседы, разъясняющие «вредность» пропаганды большевиков. Однако «разъяснительные» беседы содействовали критическому отношению солдат к действительности. Когда во время подобной беседы в одной из рот запасного батальона Павловского полка офицер стал оскорбительно говорить о В. И. Ленине, один из солдат заявил: «Скажите, господин прапорщик, что сделал вам плохого Ленин? Он, кроме блага и добра, ничего не желает русскому народу».[101] Во время таких «разъяснительных» бесед со стороны солдат все чаще и чаще стали раздаваться вопросы: «Почему нами правят буржуи? Почему они воюют?» и др.[102] 19 апреля солдаты минно-подрывной роты электротехнического батальона после продолжительного обсуждения на своем митинге приняли резолюцию, которая показывала, что солдаты начинают подходить к буржуазной пропаганде с классовых позиций. «Натравлива-

нием на отдельные личности, как на тов. Ленина, так и на других руководителей русской демократии, — говорилось в резолюции, — буржуазия опять-таки старается расстроить наши железные ряды. Но и это им не удастся». В целях пресечения распространения всяких слухов солдаты постановили бойкотировать все буржуазные газеты.[103]

Начало осознания солдатскими массами внутреннего конфликта политического опыта с их иллюзиями и заблуждениями привело к росту антивоенных настроений, к подрыву позиций «революционного оборончества», которые в марте казались незыблемыми. Носителями антивоенных настроений в Петроградском гарнизоне выступали в первую очередь старослужащие, прошедшие школу революционной подготовки в столице и участвовавшие вместе с рабочими в свержении царизма. Значительную часть старослужащих, как указывалось выше, составляли так называемые эвакуированные, роты которых имелись в составе каждого запасного батальона гвардейской и армейской пехоты. Побывав уже на фронте, они были особенно восприимчивы к антивоенной пропаганде и агитации. Именно поэтому Временное правительство пыталось вывести из столицы прежде всего данную категорию солдат. На протяжении всего 1917 г. соотношение между старослужащими и молодыми солдатами в Петроградском гарнизоне менялось в пользу последних.

Начиная с апреля 1917 г. солдатские массы все чаще вступают в конфликт со своими комитетами, большинство которых еще стояло на эсеро-меньшевистской позиции Исполкома Совета. 8 апреля общее собрание солдат запасного батальона Московского полка высказалось против отправки на фронт маршевых рот, против распыления Петроградского гарнизона, без которого, как отмечалось в резолюции, Совет рабочих и солдатских депутатов не способен отстоять завоеванные свободы. В резолюции предлагалось не выделять из батальона в маршевые роты «ни одной боевой единицы».[104] Комитет запасного батальона Московского полка, активно участвовавший в отправке на фронт маршевых рот, был вынужден признать, что, приняв такую резолюцию, общее собрание выразило тем самым комитету недоверие, и потому заявил о сложении своих полномочий.[105] Резолюцию против вывода из Петрограда революционных войск принимает в апреле 1917 г. общее собрание 1-го пулеметного полка.[106]

В многочисленных письмах, направляемых в Петроградский Совет, солдаты объясняют, почему нельзя выводить войска из столицы. «Если всех нас отправят на фронт, — писал в одном из них ефрейтор запасного батальона Павловского полка А. Жуков, — то буржуазия легко справится с нами и победит нашу дорогую свободу». Письмо кончалось словами: «Хочу держать завоеванную свободу до последней капли крови».[107] 17 апреля общее собрание мастерских броневого автомобильного дивизиона приняло резолюцию о своем полном подчинении Совету рабочих и солдатских депутатов и дивизионному комитету «во всем, кроме политических убеждений». Собрание выразило уверенность в том, что «дивизионный комитет ни в коем случае не может и не захочет ограничить политические убеждения свободных граждан».[108] Чем сильнее убеждались солдаты в гибельности политики, проводимой руководством эсеров и меньшевиков через своих представителей в комитетах, тем решительнее выступали против этой политики, за переизбрание подобных комитетов, за их большевизацию. Встревоженное участившимися случаями переизбрания комитетов в воинских частях Петроградского гарнизона эсеро-меньшевистское руководство солдатской секции призвало прибегать к перевыборам «только в самых важных случаях, когда солдаты видят, что иным способом невозможно достигнуть правильной деятельности комитета».[109]

Ленинские установки по кардинальным проблемам революции — власти, войны и мира — положили начало переосмыслению солдатскими массами своего отношения к политической обстановке в стране. Под влиянием выдвинутых партией большевиков новых лозунгов начинается переоценка политических представлений, сформировавшихся в марте 1917 г. во многом как результат некритической реакции на огромный поток дезинформации. Укрепляются связи солдатских масс с питерским пролетариатом, о чем свидетельствовало, в частности, и создание в середине апреля по инициативе рабочих ряда предприятий Совета крестьянских депутатов Петроградского гарнизона. Наряду с солдатскими депутатами в этот Совет вошли затем представители многих фабрик и заводов: Трубочного, «Эриксона», Арматурного, «Русского Рено», «Айваза», «Нового Лесснера», «Старого Парвиайнена», Ниточной мануфактуры, Экспедиции заготовления государственных бумаг и др.[110] В этом Совете на-

считывалось около 300 депутатов, избранных по одному представителю от каждой тысячи солдат-крестьян гарнизона. Хотя первоначально в руководстве крестьянского Совета преобладали эсеры, председатель его Исполкома Беклемешев и член Исполкома Е. Морозов по своим взглядам были близки к большевикам.[111]

В это же время в столице образуются и первые земляческие организации рабочих, солдат и матросов, революционно-демократические организации, которые использовали большевики для привлечения трудящегося крестьянства на сторону рабочего класса.[112] Налицо, таким образом, были явные признаки начавшегося процесса прояснения политического сознания солдатских масс. Этот процесс был неизмеримо ускорен социально-политическим опытом, полученным солдатами в период последовавших один за другим политических кризисов.

Глава четвертая

ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

Апрельский кризис: взрыв возмущения солдат империалистической политикой Временного правительства

20 апреля 1917 г. в Петрограде возник первый после Февральской революции кризис, который сразу же получил широкий резонанс в стране. В опубликованной в этот день ноте Временного правительства союзным державам от 18 апреля открыто заявлялось, что с падением старой власти «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого».[1] Возмущение этой нотой со стороны солдат, продолжавших еще верить в миролюбие буржуазной власти, было столь сильным, что оно вызвало политический кризис.

Вышедшие 20 апреля эсеро-меньшевистские газеты отразили замешательство мелкобуржуазных масс, в значительной мере усилив его, затушевывали классовое содержание кризиса. «Дело народа» называло ноту от 18 апреля «ударом в спину», нанесенным демократии «из тайников милюковской дипломатии».[2] «Новая жизнь» призывала Совет принять «самые энергичные меры к немедленному обезвреживанию г. Милюкова».[3] В. И. Ленин писал на следующий день в «Правде»: «Дело в классе, а не в лицах. Нападать на Милюкова лично, требовать, прямо или косвенно, его смещения — пустая комедия, ибо *никакая* смена лиц ничего изменить не в состоянии, пока не сменились *классы*, стоящие у власти».[4] На разъяснение этого крайне важного обстоятельства в условиях кризиса была направлена написанная В. И. Лениным и принятая утром 20 апреля экстренным заседанием ЦК РСДРП(б) резолюция.

«Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки, — отмечалось в ней, — революционный пролетариат совместно с революционными солдатами, в лице Советов рабочих и солдатских депутатов, создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии быстро закончить войну истинно демократическим миром».[5]

В реакции рабочих и солдат Петрограда на ноту Милюкова отчетливо проявились их классовое положение и степень их сознательности. Солдатские массы, еще разделявшие взгляды «революционного оборончества», но выступавшие против захватнических целей войны, увидели в этой ноте расхождение не только со своими представлениями о характере ведущейся войны, но и с прежними заявлениями Временного правительства, в особенности с его декларацией от 27 марта. Как писал В. И. Ленин, «массовые, „добросовестные", представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они *почувствовали* — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обмануты».[6]

Начало солдатской демонстрации 20 апреля было положено выступлением запасного батальона Финляндского полка, располагавшегося на Васильевском острове. Решающую роль в выводе финляндцев на демонстрацию сыграл вольноопределяющийся их батальона Ф. Ф. Линде, завоевавший популярность среди солдат в дни Февральской революции и избранный ими в Петроградский Совет.[7] Именно эмоциональный доклад Линде задал тон обсуждению ноты на объединенном заседании всех комитетов запасного батальона Финляндского полка, созванном утром 20 апреля. Как отмечалось в протоколе этого заседания, «после горячих прений, возгласов негодования и осуждения действий Милюкова» была принята следующая резолюция: «Прослушав содержание ноты министра иностранных дел Милюкова от 18 апреля 1917 г. о целях войны, общее собрание батальонного, ротных, командных и офицерского комитетов находит, что оно в корне противоречит воззванию Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 марта и Временного правительства от 27 марта к народам всего мира; решительно протестует против действий Милюкова, клонящихся, вопреки воле всей революционной демократии, к осуществлению империалистических лозунгов, и требует от Временного правительства немедленного опровержения ноты Милюкова и выступления

перед союзниками с нотой в духе воззвания от 27 марта».[8] Одновременно на этом заседании было решено выступить всем батальоном с оружием вместе с офицерами на улицу, чтобы «выразить протест против выступления министра иностранных дел Милюкова с нотой к союзным державам» и «немедленно поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов в его ясном определении позиции к войне».[9] Меньше часа потребовалось, чтобы подготовить 7 тыс. финляндцев к выступлению на улицу. Смутно сознавая, что их обманывают, солдаты приветствовали решение о демонстрации, а яркая речь на стихийном митинге инициатора выступления Ф. Ф. Линде еще больше их воодушевила.[10] С плакатами «Милюков — в отставку!», «Долой Милюкова!» и т. п. батальон в полном составе во главе со своим командиром направился к Мариинскому дворцу, где располагалось переехавшее из Таврического дворца Временное правительство.

Слухи о выступлении запасного батальона Финляндского полка быстро распространились по частям Петроградского гарнизона. Вместе с финляндцами к Мариинскому дворцу устремляются и солдаты расположенного по соседству 180-го пехотного полка. По пути к резиденции Временного правительства к ним примыкают квартировавшие поблизости запасный батальон Кексгольмского полка и Второй Балтийский флотский экипаж. Несколько позднее к ним присоединяются запасный батальон Московского полка, а спустя еще некоторое время — запасный батальон Павловского полка. Показательно, что солдаты этих частей вышли на демонстрацию с оружием в руках.[11] К 3—4 часам дня на площади перед Мариинским дворцом собралось 25—30 тыс. солдат, перед которыми выступали ораторы от различных политических направлений, причем, как отмечала «Правда», особое сочувствие и поддержку у солдат находили выступления, в которых содержалась критика ноты Милюкова.[12] Однако уяснить классовое значение этого документа солдаты еще не могли, свидетельством чему было основное требование демонстрантов «Долой Милюкова!», которое, по определению В. И. Ленина, было «противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом».[13] Не искушенные в политике массовые представители оборончества не могли еще подняться до понимания того, что войны ведутся правительствами, выражающими интересы определенных классов.[14] В принятой тут же на площади резолюции

солдаты запасного батальона Финляндского и 180-го пехотного полков, протестуя против «столь беззастенчивого выступления» министра иностранных дел, противоречившего, по их мнению, манифесту Совета «К народам всего мира» и декларации самого Временного правительства от 27 марта, требовали немедленной отставки Милюкова.[15]

В то время как солдаты стихийно вышли на демонстрацию, создавшаяся ситуация обсуждалась на проходившей Петроградской общегородской конференции большевиков. Хотя отдельные делегаты и предлагали вызвать из казарм вооруженные войска с целью продемонстрировать их солидарность с большевиками, конференция приняла резолюцию ЦК, содержавшую установку на мирное развитие революции. Однако вопреки этой резолюции группа членов ПК во главе с С. Я. Багдатьевым призвала рабочих и солдат к насильственному свержению Временного правительства. Бланкистская позиция группы Багдатьева была резко осуждена ЦК в его резолюции от 22 апреля. В резолюции указывалось, что без большинства народа на стороне революционного пролетариата лозунг «Долой Временное правительство!» есть либо фраза, либо объективно означает призыв к авантюристическим действиям.[16]

Тем не менее к вечеру 20 апреля среди солдат, собравшихся на площади перед Мариинским дворцом, появились транспаранты с лозунгом «Долой Временное правительство!».[17] В накалившейся обстановке солдаты откликнулись на этот лозунг и не хотели уходить с площади, пока не узнают об отставке Временного правительства.[18] Вместе с тем следует отметить, что лозунг «Долой Временное правительство!» еще не отвечал представлениям оборончески настроенной солдатской массы, хотя возмущение и гнев, охватившие ее 20 апреля, не могли не отразиться на восприятии лозунга солдатами. Об этом свидетельствовал и тот факт, что представителям напуганного солдатской демонстрацией Исполкома Совета М. И. Скобелеву и А. Р. Гоцу, прибывшим на площадь с генералом Корниловым, удалось уговорить солдат направиться в свои казармы и не устраивать никаких выступлений до решения Совета.[19] Обращение к авторитету Совета произвело нужный эффект, подействовало на демонстрантов успокаивающе.

Используя влияние Совета, Исполком направил вечером 20 апреля в части Петроградского гарнизона телефонограмму, в которой содержалась просьба не допускать

выступлений без письменного разрешения Исполкома.[20] Эта акция позволила эсеро-меньшевистским лидерам Совета приостановить стихийно разраставшееся движение солдатских масс, восстановить свою власть над столичным гарнизоном, значительная часть которого в тот день вышла из-под их влияния.

Грозные признаки утраты этого влияния проявились 20 апреля не только в самостоятельном выходе ряда воинских частей на улицы Петрограда, но и в бурном обсуждении ноты Милюкова на солдатских митингах и собраниях, особенно после того, как стало известно о вооруженной демонстрации перед резиденцией Временного правительства. В принятых на этих митингах и собраниях резолюциях не только содержалось требование отставки Милюкова, но и выражалось недоверие всему Временному правительству.[21] Подобные резолюции стали возможны в результате резкой смены настроения солдатских масс, впервые так сильно почувствовавших, что их обманывают. Охватившее их возмущение было настолько сильным, что они, сами того не сознавая, на короткое время перестали быть «революционными оборонцами», стихийно выразили свое несогласие с империалистической внешней политикой Временного правительства. В резолюции 15-й роты 1-го пулеметного полка отмечалось, что поскольку Временное правительство «скрывает от народа истинные цели войны и условия мира», ему не может быть оказано доверие.[22] Общее собрание солдат Петроградской конвойной команды потребовало «предпринять полную реорганизацию Временного правительства... если окажется, что политика Гучкова и Милюкова встречает сочувствие прочих министров».[23] Объединенное заседание батальонного, ротных и командных комитетов Измайловского полка с участием его представителей в Петроградском Совете, высказав отрицательное отношение к ноте Временного правительства, заявило о своей готовности поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов «в случае необходимости вооруженной силой».[24] На заседании батальонного комитета егерей одним из его членов было внесено предложение уполномочить депутатов батальона в Совете голосовать против Временного правительства. И хотя на заседании возобладала другая точка зрения — предоставить депутатам батальона право голосовать «в зависимости от положения дел в самом Совете»,[25] предложение части членов комитета егерей о голосовании

в Совете против Временного правительства, как и резолюции состоявшихся в этот день многочисленных митингов и собраний, свидетельствовали о том, что среди солдатских масс столичного гарнизона определенно проявились антиправительственные настроения.

Оценивая значение выступления солдат Петроградского гарнизона 20 апреля, В. И. Ленин писал: «. . .широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса, ближе всего стоящая к крестьянству, по научно-классовой характеристике мелкобуржуазная, колебнулась *прочь от* капиталистов *на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе *решить все*, и создало кризис».[26] Судьба Временного правительства висела на волоске. По оценке военного министра Гучкова и командующего столичным гарнизоном Корнилова, военные власти располагали в этот день всего 3.5 тыс. надежных войск против многотысячного гарнизона.[27] Вот почему члены Временного правительства, собравшиеся днем 20 апреля на квартире Гучкова, отклонили авантюрное предложение военного министра разогнать солдатскую демонстрацию.[28]

События 20 апреля в Петрограде создали такое положение, когда «всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны».[29] Но этого не случилось. Напуганные намерением Временного правительства подать в отставку, эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома сделали все, чтобы исчерпать конфликт. На состоявшемся вечером 20 апреля общем собрании Петроградского Совета, выражая свое «возмущение» нотой Временного правительства, они призывали Совет не делать «роковой ошибки» и не брать власти. Лишь большевики заявили с трибуны, что достижение мира неразрывно связано с устранением буржуазного правительства.[30] На собрании выступил также представитель воинских частей, принимавших участие в демонстрации перед Мариинским дворцом. «Мы требуем, — сказал он, — немедленной отставки Милюкова. Мы могли бы пойти дальше и требовать отставки всего правительства, но мы хотим быть благоразумными. От имени этих полков я обращаюсь к Исполнительному комитету, чтобы он на сегодняшнем заседании совместно с Временным правительством заявил о решении солдат добиться отставки Милюкова. Мы будем под-

держивать Исполнительный комитет в его требованиях всеми мерами».[31] Заявление солдатского представителя было встречено бурными аплодисментами депутатов Совета. Но соглашательское руководство обладало еще достаточным авторитетом, чтобы добиться согласия большинства отсрочить принятие решения по этому вопросу до переговоров с правительством. Прозвучавшие достаточно громко на общем собрании Совета призывы не делать «роковой ошибки» также оказали определенное воздействие на солдатских представителей. В качестве выхода из создавшегося положения многие из них были склонны поддержать предложение трудовика В. Б. Станкевича о создании коалиционного правительства.[32] Это настроение в пользу «благоразумных» решений депутаты принесли в казармы. Весьма показательна в данном отношении позиция комитета броневого автомобильного дивизиона, который, собравшись на свое экстренное заседание в ночь на 21 апреля, постановил: «Довести до сведения Совета солдатских и рабочих депутатов, что, по его (комитета, — *Г. С.*) мнению, в настоящий момент необходимо образование коалиционного правительства с участием представителей социалистических партий, ибо только этим может быть осуществлено действительное, столь необходимое единение правительства и Совета солдатских и рабочих депутатов, устранено пагубное двоевластие, взятое социалистическими партиями на себя, то дело ответственности, которое они, опираясь на Совет солдатских и рабочих депутатов, имеют силу и обязанности на себя взять. Дивизион в ожидании решения Совета солдатских и рабочих депутатов сохраняет полное спокойствие и решимость всемерно поддерживать Совет солдатских и рабочих депутатов».[33] Эта резолюция была сообщена телефонограммой комитету запасного батальона Измайловского полка с предложением «по возможности не медлить выяснить свою позицию к положению дел и резолюцией довести до сведения Совета солдатских и рабочих депутатов».[34]

Мелкобуржуазная сущность солдатских масс являлась источником их неустойчивости и постоянных колебаний, а недостаток политического опыта обусловил почти безоговорочное одобрение соглашательского курса руководства Петроградского Совета. Поступившей вечером 20 апреля в воинские части телефонограммы Исполкома о запрещении всех демонстраций без его санкции, а также опубликованного на следующий день в газетах обращения

Совета к солдатам и рабочим оказалось еще достаточно, чтобы солдатские массы, задававшие накануне тон в демонстрации протеста против Временного правительства, не приняли организованного участия в демонстрации 21 апреля. В этот день на улицу вышли только рабочие и буржуазия — главные противоборствующие силы. По характеристике В. И. Ленина, произошло «резкое, иногда почти внезапное „вымывание" средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных».[35]

Подчинившись приказу не выступать на улицу, солдаты тем не менее продолжали обсуждать ноту Временного правительства и связанные с ней события. Принятые 21 апреля на общих собраниях и митингах резолюции показывают, что солдаты большинства воинских частей, продолжая высказывать возмущение нотой Временного правительства, выражали свою поддержку Совету, обещая в случае необходимости оказать ему всемерную помощь, заявляли о своем подчинении запрещению Исполкома Совета не выступать на улицу без его ведома.[36] Как правило, они принимали предложение выступавших на этих митингах и собраниях ораторов от Совета доверить разрешение конфликта их полномочному органу. В принятой по докладу представителя Совета резолюции 1-й автомобильной роты и военной автомобильной школы отмечалось, что команды, избирая представителей в Совет, «знали, кому доверяли свои судьбы, и деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов вполне подтвердила, что солдаты в выборе не ошиблись».[37]

Вместе с тем разразившийся кризис поставил перед солдатской массой целый ряд вопросов, которые, оказавшись пока для них неразрешимыми, заставили их более критически отнестись к деятельности Совета, задуматься над тем, в действительности ли он выполняет их волю. Наиболее показательным в этом отношении является обсуждение создавшегося положения, состоявшееся на заседании комитета запасного батальона Егерского полка. В принятой на нем резолюции ярко отражено смятенное состояние солдатской массы: «С чувством крайнего недоумения выслушал батальонный комитет гвардии Егерского полка опубликованную ноту Временного правительства. Определенно разрывая с собственными еще недавними заявлениями и заявлением революционной демократии, Временное правительство создало пропасть между официальными выразителями государственности и стремлениями свобод-

ного возрожденного народа. Зачем и почему это было сделано? Почему такая нота подписана тов. председателя Исполнительного комитета с.-р. министром Керенским? Эти вопросы, как кошмар какой-то непреодолимой силы, во весь рост встали перед нами и всем революционным народом. Решить их здесь, на батальонном комитете является невозможным, невзирая на определенное отрицательное отношение к ноте. Мы с нетерпением ждем окончательного авторитетного решения Исполнительного комитета Совета Р. С. Д., этого органа народного доверия и народной воли, корректированной общим учетом реальных народных и мировых сил».[38] Хотя решение возникающих вопросов солдатская масса еще доверяет Совету, характер этих вопросов свидетельствовал о серьезных сдвигах, произошедших в ее сознании под влиянием апрельских событий.

Наконец, в отдельных случаях солдаты Петроградского гарнизона принимали 21 апреля полностью большевистские резолюции. На объединенном митинге солдат 148-го Каспийского пехотного полка, конно-артиллерийского дивизиона и 1-й автомобильной роты была принята резолюция, предлагавшая Совету взять власть в свои руки в возможно короткий срок. «Только в этом выход из того болота контрреволюции и империалистической войны, в которую неуклонно вело и ведет народы России вопреки своим обещаниям Временное правительство», — говорилось в заключительной части резолюции.[39]

Не приняв организованного участия в демонстрации 21 апреля, солдаты Петроградского гарнизона были глубоко взволнованы и возмущены тем, что произошло в этот день на улицах города, и, несмотря на все колебания, выразили в целом ряде случаев свою классовую солидарность с рабочими. Именно солдаты сорвали попытку генерала Корнилова использовать военную силу для расправы с мирной демонстрацией питерского пролетариата. Когда Корнилов приказал направить на Дворцовую площадь две батареи из Михайловского артиллерийского училища, то солдаты, юнкера и офицеры на общем собрании постановили не подчиняться этому приказу и пушек на Дворцовую площадь не высылать. Одновременно в Исполком Петроградского Совета была направлена делегация, которой было поручено информировать Совет и выяснить «законность» приказа Корнилова.[40] Как можно судить по развернувшимся на следующий день бурным спорам между солдатами и юнкерами училища, решение не подчи-

няться приказу Корнилова было принято под сильным воздействием солдатской команды.[41]

Акция Корнилова вызвала серьезное беспокойство и ответную реакцию Исполкома Петроградского Совета, который в телефонограмме воинским частям столицы подтвердил свое монопольное право распоряжаться военной силой, предписав солдатам не покидать казарм без письменного разрешения Исполкома. После переговоров представителей Исполкома с командующим Петроградским гарнизоном последний был вынужден отменить отданные ранее распоряжения о вызове войск на Дворцовую площадь и направить в свою очередь телефонограмму во все части гарнизона с приказанием оставаться в казармах. В результате возникшего конфликта между Исполкомом и Корниловым последнему пришлось уйти в конце апреля в отставку.[42]

Хотя воинские части Петроградского гарнизона остались 21 апреля в своих казармах, отдельные солдаты и солдатские группы были все же замечены в рядах рабочих демонстрантов. Присутствовали солдаты и на Исаакиевской площади, которая стала в тот день одним из главных центров буржуазных манифестаций. При этом солдаты отнюдь не симпатизировали лозунгам буржуазных демонстрантов. «Они хотят арестовать Ленина, разве это хорошо? — протестовал один из солдат. — Нет, мы не позволим. Ленин — наш друг».[43] Оставшиеся 21 апреля в казармах солдаты были взволнованы известиями об имевшей место в различных частях города провокационной стрельбе в рабочих и в ряде случаев решительно выступили в защиту своих братьев по классу. Команда службы связи запасного батальона Измайловского полка в резолюции в связи с этим заявила: «Мы глубоко возмущены вооруженной демонстрацией буржуазии. Мы молчали весь день 20 апреля, когда были первые их выступления в защиту Временного правительства, не пожелавшего пойти по одному пути с Советом солдатских и рабочих депутатов. Мы молчали, потому что всем дана свобода слова и никто не может помешать каждому проводить свои политические убеждения. Но когда сегодня на Невском проспекте раздались первые выстрелы, направленные в рабочих, мы не можем молчать».[44]

Вечером 21 апреля состоялось пленарное заседание Петроградского Совета, на котором Исполком предложил резолюцию, одобрявшую его решение считать инцидент

с нотой 18 апреля исчерпанным в связи с «разъяснением», поступившим от Временного правительства. Резолюция вызвала ожесточенные прения. Против нее категорически выступили большевики, доказывавшие, что только передача власти Советам может обеспечить окончание войны демократическим миром. Однако после бурного обсуждения резолюции Исполкома большинство членов Совета все же высказалось за ее принятие без всяких поправок. И в этом еще раз ярко проявилась мелкобуржуазная сущность большинства членов Совета. Вооруженные столкновения между рабочими и буржуазией не могли не оказать влияния на рабочих и солдатских депутатов при голосовании, которое проходило после сообщения о стрельбе на Невском. К тому же резолюция Исполкома была составлена так, что давала основание членам Совета считать, будто рабочие и солдаты действительно добились своими выступлениями желаемой цели — помешали буржуазной власти в осуществлении ее империалистической политики. В опубликованной 22 апреля в «Известиях» резолюции общего собрания Совета отмечалось, что «единодушный протест рабочих и солдат Петрограда показал и Временному правительству и всем народам мира, что никогда революционная демократия России не примирится с возвращением к задачам и приемам царистской внешней политики и что ее делом остается и будет оставаться непреклонная борьба за международный мир», что разъяснение Временного правительства «кладет конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии».[45]

Резолюция Петроградского Совета от 21 апреля о ликвидации «инцидента» и дальнейшей поддержке Временного правительства сыграла определяющую роль в разрешении кризиса власти. Мелкобуржуазные массы, и в первую очередь солдаты, восприняли эту резолюцию как отражение «крупной победы революционной демократии», одержанной ею 20—21 апреля. «Мелкобуржуазная масса, — констатировалось в резолюции ЦК от 22 апреля, — колебнулась сначала *от* капиталистов, возмущенная ими, *к* рабочим; а через день она снова пошла за меньшевистскими и народническими вождями, проводящими „доверие“ к капиталистам и „соглашательство“ с ними».[46]

Созванное 22 апреля по инициативе Исполкома Совета собрание представителей полковых и батальонных комитетов отразило новый поворот в настроениях солдатских

масс столичного гарнизона и их отношение к событиям 20—21 апреля. Выступавшие на этом собрании члены Исполкома Б. О. Богданов и Ю. М. Стеклов призвали солдат оказывать поддержку Временному правительству, пока оно «признает контроль демократии». И хотя в принятой резолюции собрание в целом и одобрило деятельность Совета в дни апрельского кризиса, солдатские представители в своих выступлениях заявили о необходимости изменения состава Временного правительства, предлагали его пополнить лицами из Петроградского Совета, а некоторые выступали за создание «социалистического министерства».[47]

На состоявшихся 22 апреля и в последующие дни митингах и собраниях большинства воинских частей гарнизона столицы Исполкому удалось добиться одобрения занятой им в апрельском кризисе позиции. Мелкобуржуазные солдатские массы, столь импульсивно отреагировавшие 20 апреля на ноту Милюкова, вновь доверили свою судьбу эсеро-меньшевистскому Исполкому Петроградского Совета, обретя на время спокойствие. Ярким примером резкой смены настроения солдатских масс явилось отношение в запасном батальоне Финляндского полка к инициатору демонстрации 20 апреля Ф. Ф. Линде. После того как Исполком официально заявил, что Линде действовал в этот день без ведома Совета, батальонный комитет осудил его поступок и постановил направить на фронт с ближайшей маршевой ротой. Столь суровый приговор был молчаливо одобрен всеми финляндцами.[48]

Однако далеко не во всех частях гарнизона наблюдалась столь безоговорочная поддержка эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета. В тех полках и батальонах, где имелась значительная пролетарская прослойка, солдаты значительно глубже разобрались в апрельских событиях. Так, солдаты электротехнического батальона в своей резолюции требовали от Совета установить строжайший контроль над деятельностью Временного правительства «во всех областях управления страной», обращали внимание на то, что буржуазия для проведения своей империалистической политики пытается использовать «некоторых наших малосознательных товарищей», призывали разъяснять всем солдатам «скрытый смысл политики капиталистов и помещиков».[49] Симптоматично, что под влиянием рабочих солдаты в отдельных случаях выступают в поддержку резолюций с требованием пере-

хода власти к Советам. В принятой 22 апреля на собрании команды и рабочих Морского полигона говорилось: «Заявляем, что признаем единственную власть Совета р. и с. д. как истинного выразителя воли и интересов трудящихся масс; Временное правительство должно уйти добровольно от власти, ему не могут доверять трудящиеся массы России как представителям капитала».[50]

Апрельский кризис стал первым серьезным предметным уроком в политическом просвещении солдатских масс. Он помог им открыть для себя империалистический характер Временного правительства. Однако занятая воинскими частями позиция по отношению к событиям 20—21 апреля в Петрограде свидетельствовала о том, что солдаты еще не осознали необходимость перехода власти к Советам, доверились в решении этого кардинального вопроса эсеро-меньшевистским лидерам Петроградского Совета. Вот почему В. И. Ленин в статье «Уроки кризиса», опубликованной 23 апреля 1917 г. в «Правде», с особой настойчивостью призывал партию большевиков отдать все силы «делу просвещения отсталых, массового, товарищеского, непосредственного (не только митингового) сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев».[51]

На пути изживания мелкобуржуазных иллюзий

Апрельский политический кризис завершился образованием коалиционного правительства. Лидерам меньшевиков и эсеров удалось убедить революционные массы в том, что только вхождение представителей «революционной демократии» в правительство спасет страну от гибели. Особенно привлекательной идея коалиции показалась в первое время солдатам, находившимся под сильным впечатлением апрельских событий, встревоженным разговорами и заявлениями о расколе и гражданской войне. В создании «нового революционного правительства» они увидели наиболее безболезненный путь решения своих проблем. Вот почему еще 22 апреля на собрании представителей воинских частей Петроградского гарнизона многие делегаты поддержали высказанное там предложение об участии во Временном правительстве «министров-социалистов».[52]

После того как коалиция стала свершившимся фактом, солдатские массы весьма сочувственно встретили создание

нового правительства. Правда, далеко не во всех частях на митингах и заседаниях комитетов обсуждался вопрос о вхождении представителей «революционной демократии» в правительство и, помещая единичные резолюции воинских частей,[53] «Известия» не могли выдать их за мнение всего столичного гарнизона. Тем не менее следует признать, что на первых порах солдатские массы одобрили образование коалиционного правительства.

Однако лидерам эсеров и меньшевиков удалось лишь на короткое время поддержать настроение в пользу сотрудничества с буржуазной властью. Антинародная политика коалиционного правительства скоро помогла солдатам изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами.

В мае 1917 г. солдатские массы получили богатую возможность судить о политике Временного правительства не по его заявлениям и декларациям, а по его акциям, направленным на свертывание процесса демократизации в армии, на распыление революционного гарнизона Петрограда, на его полное подчинение командному составу.

Весьма поучительным для солдатских масс было непосредственное знакомство с деятельностью кумира «революционной демократии» А. Ф. Керенского, получившего в коалиционном правительстве пост военного и морского министра. Буржуазная и мелкобуржуазная печать, восторженно приветствуя нового военного министра, пыталась внушить солдатам, что с приходом Керенского демократизация армии не встретит никаких препятствий. Признавая, что при прежнем военном министре А. И. Гучкове процесс демократизации шел далеко не гладко, газета «Голос солдата» писала: «Теперь положение должно измениться. Отныне во главе военного министерства стоит министр-революционер, которому армия может слепо и без оговорок доверить свою судьбу».[54]

Одним из первых шагов «министра-революционера» и коалиционного правительства в целом было принятие так называемой «Декларации прав солдата», опубликованной 14 мая как приказ военного министра об основных правах военнослужащих. По мысли ее создателей, декларация должна была показать, что новое правительство, и прежде всего министры-социалисты, полны решимости защищать интересы революции. «Два месяца мы ждали того дня, когда права, добытые нами революционным путем, получат силу закона, обязательного для всех воен-

нослужащих», — писал в своем специальном воззвании Исполком Петроградского Совета.[55] Буржуазная и мелкобуржуазная печать характеризовала декларацию как «крупную победу демократии». В действительности, принимая этот документ, Временное правительство было вынуждено согласиться с тем, что уже было введено в армии явочным порядком.[56] В декларации объявлялось, что военнослужащие получают все права граждан, могут быть членами любой политической и общественной организации, свободно высказывать свои политические, религиозные и прочие взгляды, пользоваться свободой совести. Декларация отменяла «все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего», а право налагать дисциплинарные взыскания из рук офицеров переходило к выборным ротным и полковым судам. Отменялось также обязательное отдание чести.

Вместе с тем примечания и оговорки ко многим пунктам декларации свидетельствовали о стремлении правительства воспрепятствовать процессу демократизации в армии. Положение о невозможности наказания военнослужащих иначе, как посредством суда, не распространялось на «боевую обстановку», в которой командир имел право принимать все меры до применения вооруженной силы включительно. Многочисленные оговорки к пункту об отмене института денщиков не отменяли назначение солдат в денщики. Своим последним пунктом декларация категорически выступала против принципа выборности в армии. Право назначения и смещения с командных должностей предоставлялось «исключительно начальникам». Права выборных организаций в армии определялись теми жесткими рамками, в которые они были поставлены в приказе № 213 военного министра А. И. Гучкова от 16 апреля.[57]

Важную роль в разъяснении истинного смысла декларации сыграла большевистская «Правда», которая рекомендовала солдатам внимательно изучить этот документ, «не соблазняясь красивыми фразами».[58] 23 мая состоялось общее собрание Военной организации при ЦК РСДРП(б), на котором присутствовали представители от многих частей гарнизона столицы: запасных батальонов Измайловского, Московского, Павловского, Семеновского полков, 6-го саперного батальона, 1-го, 3-го и 180-го пехотных полков, Второго Балтийского флотского экипажа, 1-й тяжелой артиллерийской бригады, 1-й автомобильной роты

и др.[59] Информируя о настроениях в частях в связи с опубликованием «Декларации прав солдата», солдаты-большевики отмечали, что во многих частях наблюдается желание устроить демонстрацию и тем самым выразить свой протест против приказа военного министра А. Ф. Керенского. Особенно по-боевому были настроены солдаты 1-го пехотного полка, запасных батальонов Гренадерского, Измайловского и Павловского полков.[60]

Собрание солдат 176-го пехотного полка заявило 28 мая, что пункты декларации, сводящие различными оговорками на нет их права и отрицающие принцип выборности в армии, «в революционной армии совершенно недопустимы».[61] Объединенное собрание всех комитетов 180-го пехотного полка, обсудив «Декларацию прав солдата», постановило признать неудовлетворительными почти половину всех пунктов декларации. В целях «устранения произвола в армии и ее широкой демократизации» собрание потребовало изъять из декларации всевозможные оговорки. С таким же требованием выступили солдаты запасных батальонов Измайловского, Павловского, Преображенского, Семеновского полков, 6-го саперного батальона и др.[62] «Мы заявляем, что буржуазии не удастся нас обморочить, не удастся нас задавить, — говорилось в резолюции общего собрания солдат 1-го пехотного полка. — Революция продолжается, и мы заявляем, что мы, стоя на революционной почве, отказываемся признать отмену выборного начала в армии».[63]

Приказ военного министра А. Ф. Керенского об основных правах солдат заставил солдатскую массу по-новому взглянуть на «министра-революционера», которому они еще совсем недавно кричали «ура» и аплодировали на своих собраниях. Комитеты запасных частей, во многих из которых соглашатели имели еще большинство, с беспокойством признавали, что солдаты не желают больше видеть в военном министре «своего товарища». Как отмечалось на заседании батальонного комитета Петроградского полка, во многих ротах солдаты настроены враждебно против Керенского, а его действия сравнивают с деятельностью только что свергнутого царя Николая II.[64] 31 мая деятельность военного министра обсуждалась на общем собрании запасного батальона 3-го стрелкового полка. Хотя батальонному комитету и удалось отстоять в резолюции пункт о доверии Керенскому и военному командованию в целом, выступавшие солдаты настояли на включении

в резолюцию пункта об их «изоляции от революционной армии».[65] Эта резолюция рассматривалась 2 июня на собрании запасного батальона Финляндского полка. В процессе ее обсуждения многие ораторы выступили с критикой в адрес военного министра. Внесенная одним из членов батальонного комитета поправка к резолюции — о доверии Керенскому и военному командованию — была отвергнута подавляющим большинством голосов.[66] Настолько сильным было возмущение солдат самой антидемократической, по их мнению, акцией Временного правительства и его военного министра.

Нелегкая задача «навести порядок» в столичном гарнизоне выпала на долю генерала П. А. Половцова, назначенного в мае 1917 г. главнокомандующим Петроградским военным округом вместо подавшего в отставку генерала Корнилова. Новый главнокомандующий начал свою деятельность со знакомства с вверенным ему гарнизоном. «При посещении полков физиономии частей вырисовываются весьма определенно, — писал он об этом впоследствии. — Лучше других семеновцы, преображенцы, вообще 1-я дивизия. Зато во 2-й плохо. Особенно мерзко в Гренадерском полку, также в Московском, находящихся под влиянием окружающей их рабочей среды, а в Павловском есть некая 4-я рота, способная отравить существование самого добросердечного начальства. . . В 3-й дивизии неровно, у кексгольмцев плохо, в других полках сравнительно недурно. Про армейские запасные полки говорить нечего! Там сплошная мерзость. Есть один приятный уголок — это 1-й Донской казачий. У казаков хорошие рожи, а в собрании, за бутылкой вина, под звуки трубачей, забываешь гнусный развал христолюбивого воинства. Зато стоящий рядом 4-й Донской подработан большевиками».[67]

Несмотря на неутешительные впечатления от знакомства с частями Петроградского гарнизона, Половцов не потерял надежды овладеть положением во вверенном ему гарнизоне и избрал для достижения этой цели новую тактику. Заявив о своем желании сотрудничать с Исполкомом Петроградского Совета и демонстрируя при каждом удобном случае свою зависимость от последнего, он своей примирительной тактикой сумел добиться от него целого ряда существенных уступок в вопросе о контроле над столичным гарнизоном. 11 мая Бюро Исполкома постановило: «право вывода войсковых частей на улицу должно отныне при-

надлежать штабу округа». Одновременно в распоряжение штаба округа были переданы военные наряды и караулы, находившиеся ранее в ведении военного отдела Исполкома, а коменданты, назначенные Исполкомом, были теперь подчинены также и штабу округа.[68] По существу это означало добровольный отказ Исполкома от монопольного права распоряжаться военной силой, поскольку принятое тогда же решение о создании особого совещания при главнокомандующем Петроградским военным округом нельзя было рассматривать в качестве эффективного средства контроля над деятельностью командования столичного гарнизона. По мысли инициаторов образования этого совещания, в его состав должны были войти два-три офицера штаба округа, по одному представителю от городского и земского общественных самоуправлений, два представителя от офицерских организаций и семь представителей Совета, в том числе пять от солдат. Этому органу предполагалось передать и право разрешения на отправку маршевых рот из Петроградского гарнизона.[69]

Идея создания совещания при главнокомандующем Петроградским военным округом была подхвачена в военном министерстве и в самом штабе округа, поскольку там сразу же увидели в этом совещательном органе возможность вывести из-под контроля Совета столичный гарнизон. Не случайно докладчиком на заседании Исполнительной комиссии солдатской секции, обсуждавшей данный вопрос, выступал начальник штаба Петроградского военного округа полковник Балабин. Признав образование совещания при главнокомандующем округом желательным,[70] исполнительная комиссия вынесла его на обсуждение солдатской секции 19 мая. Выступавший на заседании с обоснованием необходимости создания такого органа член Исполкома меньшевик М. С. Бинасик отметил, что идея образовать особое совещание при главнокомандующем для контроля за его деятельностью возникла еще при Корнилове. «Теперь у нас правительство, которому мы доверяем не „постольку-поскольку", а всецело. Нужна полная демократизация военной власти... Задача совещания — творить волю Советов рабочих и солдатских депутатов».[71] Выступивший затем П. А. Половцов демагогически заявил, что он не представляет себе командования войсками без существования такого органа, который бы позволил ему знать, что думают его подчиненные по любому, пусть даже по незначительному, вопросу.[72] Однако среди

солдатских представителей нашлись и противники этой затеи. Они справедливо опасались, что создание совещания при главнокомандующем сведет на нет руководящую роль Совета в Петроградском гарнизоне. Представитель 1-го пулеметного полка большевик А. И. Жилин высказался за образование при главнокомандующем не совещательного, а контрольного органа. Тем не менее предложение о создании совещания «для установления живой и тесной связи главнокомандующего с широкими солдатскими массами» было одобрено подавляющим большинством солдатских депутатов.[73]

В начале июня совещание при главнокомандующем в составе всего шести человек приступило к своей деятельности.[74] Чем обернулась на деле «живая и тесная связь главнокомандующего с широкими солдатскими массами», рассказал впоследствии сам П. А. Половцов: «Собираемся раза три в неделю для разглагольствований. Свои приказы иногда даю на предварительное обсуждение, иногда разъясняю post factum. Публике известно, что в штабе есть солдатское совещание, а потому подозрения в контрреволюционности штаба должны рассеяться. Часто извлекаю из парламента полезные сведения о настроениях в Совете и в войсках, и реже мне приходится ездить в Совет выяснять недоразумения, хотя я люблю иногда покалякать в этом учреждении, где меня именуют „товарищ главнокомандующий“».[75]

В самом деле, новому главнокомандующему удалось в первое время наладить вполне удовлетворительные отношения с солдатской секцией Петроградского Совета, что объяснялось прежде всего тем обстоятельством, что у ее руководства стояли еще эсеры и меньшевики. Об этом красноречиво свидетельствовал состав избранного 6 мая 1917 г. президиума Исполнительной комиссии солдатской секции. Председателем бюро был избран эсер В. С. Завадье, а среди его четырех заместителей только один — А. Д. Садовский — был большевиком.[76]

Опираясь на поддержку эсеро-меньшевистского руководства Совета, командование Петроградского военного округа постаралось в полной мере воспользоваться предоставленным ему правом направлять на фронт маршевые роты по собственному усмотрению, обескровливая в первую очередь наиболее революционные части. 6 мая на фронт были направлены маршевые роты из запасных батальонов Гренадерского и Московского полков.[77] Из 2-го

пулеметного полка, расположенного в Стрельне, было взято на фронт в течение апреля и первой половины мая 30 пулеметных команд.[78] Вывод войск из частей Петроградского гарнизона особенно усилился под предлогом подготовки летнего наступления. Распоряжения об отправке маршевых рот командование округа проводило, как правило, через совещание при главнокомандующем. С 1 апреля по 15 июня из гарнизона столицы было направлено на фронт 50 тыс. солдат, в том числе из гвардейских запасных батальонов — 33 тыс. (87 маршевых рот и 33 команды), из армейских запасных полков — 6 тыс. (23 маршевые роты), из пулеметных полков — 7.5 тыс. (51 команда), из артиллерийских частей — 2 тыс., из саперных частей — 1.5 тыс. солдат.[79] Освобождаясь от революционно настроенной части солдат, Временное правительство и командование не достигали, однако, своей цели. Попадая на фронт, эти солдаты способствовали усилению антивоенных настроений, росту недоверия к антинародной политике буржуазной власти. Командование 1-го гвардейского корпуса, в полки которого прибыли 43 маршевые роты из Петроградского гарнизона, сообщало в июне 1917 г., что среди нового пополнения «большое число лиц, специально подготовленных для агитации с определенной задачей проводить недоверие к Временному правительству и отказ от наступления».[80]

Ослабление Петроградского гарнизона преследовала и новая попытка его реорганизации. Еще при генерале Корнилове был выдвинут проект преобразовать столичный гарнизон в «Народную гвардию», часть которой предполагалось направить на фронт. Но солдатская секция в своем заседании от 14 апреля отвергла этот проект, хотя и признала желательной реорганизацию гарнизона в «боеспособную единицу». Ровно через месяц вопрос «о боевой организации Петроградского гарнизона» обсуждался Исполнительной комиссией солдатской секции. Докладчик — начальника штаба округа полковник Балабин, отметив, что вопрос о необходимости реорганизации гарнизона возник якобы из-за опасности высадки немцев на побережье Финского залива, предложил сформировать из запасных батальонов гвардейской пехоты четыре гвардейских полка и объединить их в гвардейский корпус, которому должен быть придан артиллерийский дивизион. В своем решении Исполнительная комиссия признала «организацию частей Петроградского гарнизона в боеспособные единицы жела-

тельной и необходимой в возможно скором времени».[81] Новым вариантом плана «реорганизации», утвержденным в начале июня военным министром А. Ф. Керенским, предусматривалось переформировать гвардейские запасные батальоны в резервные полки трехбатальонного состава, причем по два батальона от каждого полка должны были направиться на выделенные им оборонительные рубежи. В июле этот план, вызвавший резкий протест солдат, начал проводиться в жизнь.

В июне 1917 г. в Петрограде был образован в пропагандистских целях женский «батальон смерти». Инициатором его создания была некая Бочкарева, про которую ее подчиненные говорили, что она «бьет морды, как заправский вахмистр старого режима».[82] «Сия энергичная дама, служившая с успехом на фронте вольноопределяющимся, — вспоминал П. А. Половцов, — явилась ко мне с проектом формирования женского отряда. Мысль мне понравилась главным образом для того, чтобы срамить мужчин, не желающих воевать. Для начала формируем роту. Отвожу помещение около казарм гвардейского экипажа, куда зачисляю девиц на довольствие, даю им одежду, вооружение, снаряжение (интендантские штаны приходится сильно перекраивать), назначаю им инструкторов, и уже недели через две Бочкарева приглашает меня на смотр. Потеха замечательная. Хорошо отчеканенный рапорт дежурной девицы один чего стоит, а в казарме штатская одежда и шляпки с перьями».[83] Вскоре женский батальон был направлен на фронт, но после неудачного наступления под Сморгонью был снова возвращен в столицу.

Большую опасность для единства революционных сил представляло сепаратистское движение за создание национальных частей. Еще в марте 1917 г. в Петрограде был образован «Союз военных поляков», который выступал за создание польских формирований и изоляцию солдат-поляков от революционного движения в России.[84] Но особенно широкий размах приобрело движение за создание украинских полков, отвечавшее сепаратистским устремлениям Центральной рады. Тот факт, что в Петроградском гарнизоне служило около 70 тыс. украинцев,[85] придавал вопросу о формировании украинских частей серьезное значение. В запасных батальонах Волынского, Измайловского, Павловского и других полков насчитывалось от 500 до 2500 солдат-украинцев. Обсуждая этот вопрос в мае

1917 г., солдатская секция Петроградского Совета нашла «формирование в настоящее время отдельных национальных полков нежелательным и угрожающим цельности нашей армии».[86]

Состоявшаяся в июне 1917 г. Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) в своей резолюции по национальному вопросу отметила, что «образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, хотя, конечно, право на образование таких полков за каждой национальностью конференция не отрицает».[87] Большая агитационно-пропагандистская работа, проведенная Военной организацией большевиков, во многом объясняет сравнительно скромные результаты кампании в пользу создания национальных частей в Петроградском гарнизоне. В июне 1917 г. с одобрения П. А. Половцова в ряде запасных батальонов были образованы отдельные украинские взводы и роты.[88] В то же время на собрании поляков, служивших в Егерском, Измайловском, Преображенском и Семеновском полках, была принята резолюция против выделения поляков-военнослужащих в отдельные формирования, за полное единение с российской демократией.[89]

Массовое направление на фронт маршевых рот, настойчивые попытки командования «реорганизовать» и обескровить Петроградский гарнизон заставили каждого солдата по-новому взглянуть на лозунг «защиты свободной России», подойти к нему не с позиции одобрения в целом, а конкретно, с точки зрения своего непосредственного участия в этой войне. Почему продолжается война? Какие революционные завоевания надо защищать? Почему именно они должны идти в окопы? — эти вопросы из абстрактных стали для солдат Петроградского гарнизона конкретными и заставили их более критически отнестись к лозунгам «революционного оборончества». Весьма показательный в этом отношении эпизод произошел в конце мая 1917 г. в одной из маршевых рот 180-го пехотного полка. Солдаты этой роты обратились к рабочим Военно-подковного завода с просьбой подарить уходящей на фронт роте знамя. На врученном рабочими знамени был лозунг: «Долой империалистическую бойню!». Когда в день отправки эта рота появилась с дарственным знаменем, оно вызвало сильное волнение и одобрение среди солдат других маршевых рот. Пытаясь восстановить порядок, один

из офицеров порвал знамя, за что возмущенные солдаты потребовали суда над офицером.[90]

С каждым днем солдаты все более убеждались в том, что и коалиционное правительство ведет империалистическую войну. «Мы, солдаты, спрашиваем граждан-министров, которые называют себя социалистами: где же они? Неужели они не заметили той ошибки, которая грозит роковыми последствиями в деле революции, — говорилось в резолюции общего собрания солдат 6-й автомобильной мастерской 15 мая. — Мы, солдаты, хотя еще и смутно понимаем о социализме, и то знаем, что социализм и грабеж несовместимы в деле укрепления и дальнейшего завоевания революции. Мы просим граждан министров не рассылать больше воззваний о прекращении братаний и приказов о наступлении, а скорее требовать от союзников отказаться от захватной войны».[91] Получая наглядные уроки политики, солдаты становились менее восприимчивыми к буржуазной пропаганде. Матрос гвардейского флотского экипажа, отвечая на обвинения буржуазной прессы в адрес рабочих, писал в «Солдатскую правду»: «А что больше всего возмутило меня, якобы рабочие желают скорейшего окончания войны потому, что многие, состоя на учете заводов, дрожат за собственную шкуру, боясь призыва в ряды войск. Не провокация ли это, товарищи рабочие?».[92]

Постепенное изжитие солдатскими массами мелкобуржуазных иллюзий и настроений было прямо связано с усилением большевистского влияния в частях столичного гарнизона. Если к началу апреля в Военной организации большевиков состояло всего около 200 солдат Петроградского гарнизона, то к середине мая в ней насчитывалось около 2 тыс. человек, т. е. она увеличилась в 10 раз.[93] В мае—июне большевистские организации в гарнизоне представляли уже внушительную силу как в идейном, так и в количественном отношении. По свидетельству работника Военной организации В. В. Сахарова, в 1-м пехотном полку в июне 1917 г. было около 70 большевиков.[94] В мае—июне 1917 г. военные организации большевиков создаются в районах Петрограда — 1-м Городском, Московско-Заставском, Василеостровском. Наиболее значительной из них была Военная организация Московско-Заставского района, объединившая большевиков запасных батальонов Егерского, Измайловского, Кексгольмского, Петроградского, Преображенского и Семеновского полков и 1-й авто-

мобильной роты.[95] Примечательной особенностью этих военных организаций было то, что в них активно сотрудничали рабочие-большевики. Тем самым была обеспечена не только постоянная связь рабочих с солдатами, но и ведущая, организующая роль рабочего класса. Укрепились и прямые связи большевистских коллективов заводов и фабрик с воинскими частями. Большевики завода Щетинина вели работу в запасном батальоне Гренадерского полка, большевики Путиловского завода — во Втором Балтийском флотском экипаже и запасном батальоне Измайловского полка. Солдаты 1-го пулеметного полка имели прочные контакты с рабочими «Нового Лесснера», «Русского Рено», «Старого Парвиайнена».[96]

Военная организация ЦК и ПК большевиков стала подлинным организатором солдатских масс. Как вспоминал М. С. Кедров, «штаб „военки" — дворец Кшесинской — представлял собой в полном смысле кипящий котел. С утра и до поздней ночи здесь не прекращался поток солдатской массы; за саперами следовали павловцы, за павловцами — гренадеры, за ними — матросы, бронедивизионы и т. д. Все идут на „военку": один за тем, чтобы получить ответ на „жгучий вопрос", другие, чтобы информировать о жизни батальона и обсудить „создавшееся положение", вступить в члены „военки", дождаться и унести с собой свежий номер „горячо любимой" „Солдатской правды", чтобы отдать ей, „дорогой нашей защитнице", единственную ценность и былую гордость каждого солдата — георгиевские кресты и медали».[97] Борьба с влиянием, исходившим из дворца Кшесинской, составляла, по признанию генерала П. А. Половцова, одну из главных забот командования столичного гарнизона.[98]

Огромную роль в военной работе большевиков продолжал играть общегородской солдатский клуб «Правда», членами которого в мае 1917 г. были около 3 тыс. солдат Петроградского гарнизона.[99] Постоянно проводя для своих членов лекции, доклады, дискуссии на злободневные политические темы, этот клуб вырастил много талантливых большевистских организаторов и агитаторов, которые, приходя в свои части, приносили с собой большевистские идеи. Во многих частях возникли солдатские клубы, которыми руководили большевистские ячейки. В мае 1917 г. большевики запасного батальона Павловского полка решили организовать для «распространения и укрепления идей революционной демократии» клуб, получивший на-

звание «III Интернационал». Солдатские клубы были также созданы в 3-м, 176-м и 180-м пехотных полках, в запасном батальоне Семеновского полка и др.[100]

В некоторых частях организовывались так называемые социалистические школы. Хотя формально эти школы подчинялись комитетам, их организаторами и руководителями были, как правило, большевики. Созданной в мае 1917 г. полковой социалистической школой 1-го пехотного полка руководил член Военной организации большевиков прапорщик В. В. Сахаров. Слушатели школы, насчитывавшей к июлю 1917 г. около 200 человек, знакомились с основами теории социализма, с программами различных политических партий и их деятельностью, с большим успехом выступали на полковых митингах.[101]

Резкое увеличение численности Военной организации большевиков позволило ей значительно расширить агитационно-пропагандистскую работу в частях столичного гарнизона. Если в марте и в первой половине апреля большевикам с трудом удавалось проникать в казармы, где им не всегда давали говорить, то в мае—июне на митинги, организуемые большевиками в частях, собиралась огромная солдатская аудитория. Только в мае в 1-м пехотном полку большевики провели около 50 ротных и полковых митингов. Как вспоминал В. В. Сахаров, особое значение имели митинги, устраивавшиеся в ротах, «т. е. в такой обстановке, где можно было поговорить по душам».[102] После выступления большевистского оратора на собрании солдатской команды Михайловского училища в мае 1917 г. солдаты заявили офицерам о своем нежелании выслушивать их речи, поскольку они «закручивают им головы».[103]

Усиливавшийся процесс большевизации Петроградского гарнизона встревожил как его командование, так и лидеров соглашательских партий. Однако их попытки нейтрализовать большевистское влияние в частях были далеки от успеха. Один из офицеров 1-й роты запасного батальона Павловского полка признавал, что с идеями, «которыми заражались его солдаты в особняке Кшесинской, было трудно бороться».[104] По свидетельству офицеров 3-й роты этого полка, в мае 1917 г. в роте «стал наблюдаться раскол и партийная обособленность» и «солдаты в массе стали сочувствовать и примыкать к батальонным „кшесинцам“».[105] Чтобы бороться с большевистским влиянием, командование запасного батальона Павлов-

ского полка приглашало на митинги ораторов от меньшевиков и эсеров, но теперь солдат было не так-то просто сбить с толку, и они часто принимали большевистские резолюции.[106]

Большевистские требования о переходе власти в руки Советов, прекращении империалистической войны и о передаче земли в руки крестьян становились для солдатских масс все более привлекательными. Обращая внимание на усиление большевистского влияния среди солдат Петропавловской крепости, прапорщик Рябов, эсер по партийной принадлежности, писал, что лозунги большевиков встречали среди солдат большое сочувствие по причине своей конкретности и содержавшихся в них требований решительных действий. «Это настроение в сторону решительных действий во всех вопросах жизни, выдвинутых революцией, — отмечал Рябов, — я считаю главным и объясняю им большую популярность лозунгов большевиков». Солдаты, по его мнению, видели, что другие политические партии никаких решительных шагов предпринимать не желают.[107]

Знакомясь с большевистской программой, солдаты начинали лучше понимать свои классовые интересы, понимать пути их достижения, и потому лозунги большевиков становились для них все более притягательными. Солдаты все чаще подходили к оценке происходивших событий с классовых позиций, и по этой причине между ними и их выборными организациями уже не наблюдалось прежнего единодушия. Результатом критического отношения масс к своим представителям в Советах явилась кампания по досрочным перевыборам и отзыву депутатов из Петроградского Совета, а также из районных Советов. 7 мая «Правда» опубликовала «Проект наказа при выборах делегатов в Совет рабочих и солдатских депутатов», разработанный В. И. Лениным. Этот документ, в котором депутаты призывались выступать против доверия Временному правительству и соглашателям, за переход власти к Советам, стал предметом горячего обсуждения на солдатских собраниях.

Под напором революционных масс Бюро Исполкома Петроградского Совета вынуждено было согласиться на частичные перевыборы, но постаралось установить свой контроль над ними. Однако это не могло остановить процесс большевизации столичного Совета. Хотя в солдатской секции он шел значительно медленнее, чем в рабочей,

тем не менее и в ней заметно усилилось влияние большевиков, за которыми в начале июня 1917 г. уже шла четвертая часть солдатских депутатов.[108]

Весьма острый характер приняла борьба за обновление состава и в районных Советах рабочих и солдатских депутатов Петрограда. К июню 1917 г. пять районных Советов из 17 — Василеостровский, Выборгский, 1-й Городской, Коломенский и Петроградский — по основным вопросам поддерживали большевиков.[109] А это значило, что солдатские депутаты распространяли большевистское влияние в тех воинских частях, которые они представляли в этих Советах.

Солдаты приняли активное участие и в выборах в районные думы столицы, состоявшихся в конце мая—начале июня 1917 г. Муниципальные выборы в Петрограде были первыми официальными выборами в России, проведенными на основе пропорционального представительства при всеобщем и равном голосовании. Однако установленный высокий возрастной ценз — 20 лет — лишил возможности принять участие в выборах значительную часть молодежи. Особенно этим были возмущены молодые солдаты. Во многих частях принимались резолюции, требовавшие понизить возраст избирателей до 18 лет. Солдаты 1-й роты запасного батальона Гренадерского полка постановили: «Требовать от Совета рабочих и солдатских депутатов оказать давление на Временное правительство в предоставлении избирательных прав солдатам досрочного призыва 1919 г. наравне со всеми гражданами. Так как, будучи призваны в ряды войск еще при старом правительстве на защиту родины, мы успели вкусить горькие плоды солдатской жизни и притом же если созрели мы нести военную службу, то такими же зрелыми должны мы признаться в правах гражданина».[110] Сходная мысль звучала и в письме молодого солдата А. Олехнова, обратившегося в ЦК РСДРП(б). «Товарищи большевики! — писал он. — Ввиду предстоящего выбора в районные думы Выборгской стороны 3—4—5 июня я решился у Вас спросить, что мне делать, куда обратиться, чтобы мне дали право на выборы. Мне 18 лет, и также я других таких знаю. Разве это равные выборы, что как защищать свои интересы, то нас исключают, а как воевать идти защищать капиталиста — и мы годны, 18-летние. Прошу, дайте ответ, где найти правду?».[111] Молодежь справедливо полагала, что, участвуя в выборах в местные органы власти, она защищает

свои интересы. Примечательно, что в дни выборов в районные думы были случаи, когда не достигшие 20-летнего возраста молодые люди приходили на избирательные участки с поддельными документами.[112]

Выборы в районные думы Петрограда принесли еще победу эсеро-меньшевистскому блоку, которому отдали свои голоса мелкобуржуазные массы, в том числе значительная часть солдат. Сказались еще влияние соглашательского руководства Петроградского Совета и его солдатской секции, поддержка эсеров и меньшевиков многими солдатскими комитетами, живучесть мелкобуржуазных иллюзий. Тем не менее эти выборы свидетельствовали и об усиливавшемся процессе политической дифференциации. В Выборгском районе столицы большевики получили абсолютное большинство — 34 тыс. голосов, в то время как «социалистический блок» — только около 20 тыс.[113] Здесь список большевиков вместе с рабочими поддержали солдаты 1-го пулеметного полка, запасного батальона Московского полка. Заметного успеха добились большевики в Петроградском районе, где за них голосовали солдаты-гренадеры, часть солдат гарнизона Петропавловской крепости, в Василеостровском районе, где их сторонниками были солдаты 180-го пехотного полка. Отдала голоса большевикам и часть солдат запасных батальонов Павловского и Преображенского полков, 127-го Петроградского разгрузочного батальона и других воинских частей.[114]

Таким образом, к началу июня 1917 г. под влиянием антидемократической политики Временного правительства и командных верхов и в результате идеологической работы партии большевиков углубился конфликт между старыми представлениями и новым опытом солдатских масс, резко упало влияние идеологии «революционного оборончества», наметился перелом в настроениях основной массы солдат, а среди ее передовой части произошел поворот в сторону решительных действий. Все эти тенденции нашли свое выражение в новом политическом кризисе в июне 1917 г.

Июньская демонстрация

С середины мая в Военную организацию большевиков стали поступать предложения из частей Петроградского гарнизона о проведении солдатской демонстрации протеста против антидемократической политики Временного правительства. 23 мая этот вопрос обсуждался на заседании Военной организации. Выступавший на нем докладчиком работник солдатского клуба «Правда» отметил, что запасные батальоны Павловского, Измайловского, Гренадерского и отчасти Кексгольмского полков «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра».[115] Критикуя предложения о проведении демонстрации силами недовольных воинских частей, В. И. Невский указал на нецелесообразность такой демонстрации. «Устраивать демонстрацию, которая не увлечет большинство, — говорил он, — это тактическая ошибка, которую социал-демократы большевики никогда не должны делать».[116] Для окончательного решения вопроса о демонстрации было решено созвать закрытое заседание Военной организации большевиков с приглашением представителей Кронштадта.[117]

1 июня Военная организация, согласовав предварительно вопрос с ЦК и ПК РСДРП(б), единогласно приняла решение о проведении демонстрации. В ЦК был представлен список воинских частей, насчитывавших до 60 тыс. солдат, готовых к выступлению.[118] 6 июня вопрос о демонстрации обсуждался на совместном заседании ЦК, Военной организации и Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б). Выступавший с докладом Н. И. Подвойский высказался за проведение совместной демонстрации рабочих и солдат (нельзя не отметить, что в его докладе сквозила известная переоценка влияния Военной организации на солдатские массы Петроградского гарнизона).[119] Идею совместной демонстрации под большевистскими лозунгами горячо поддержали на этом заседании В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и др. Как показали выступления представителей воинских частей, солдаты были намерены выйти на демонстрацию с оружием. Против демонстрации выступили члены ЦК Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. П. Ногин, член ПК М. П. Томский.[120] В результате было постановлено никакого решения не принимать, воздерживаться от отдельных выступлений, собрать 9 июня расширенное совещание для обсуждения вопросов о проведе-

нии демонстрации на основе уточненных данных о настроениях в рабочих кварталах и воинских частях.

В тот же день состоялось закрытое заседание ПК РСДРП(б), обсуждавшее вопрос о демонстрации. Большинство выступивших высказалось за проведение мирной демонстрации рабочих и солдат, указывало на важность участия рабочих, поскольку «солдат-крестьянин не может так быстро ориентироваться в вопросах, как рабочий. Вот почему важно участие рабочих в демонстрации, чтобы они влили максимум организованности и максимум сознательности в эту демонстрацию».[121] К тому же выяснилось, что даже при хорошей организации одна солдатская демонстрация «соберет тысяч 20—30 солдат».[122] Информируя собравшихся о только что прошедшем совещании ЦК, Военной организации и Исполнительной комиссии ПК, В. И. Невский подчеркнул, что ЦК «стоит за недопустимость вооруженной демонстрации».[123] М. И. Калинин, А. И. Плотников считали целесообразным устроить только солдатскую демонстрацию, так как, по словам последнего, рабочие «к демонстрации не рвутся». Наконец, раздавались голоса и против демонстрации (М. П. Томский, В. Б. Винокуров).[124] Во многих выступлениях подчеркивалось, что прежде, чем принимать решение о демонстрации, необходимо иметь более полную картину о настроениях масс.

Разыгравшиеся затем события вокруг дачи Дурново [125] в значительной степени рассеяли сомнения тех партийных работников, кто считал, что рабочие не поддержат выступление солдат, сделали демонстрацию протеста против политики Временного правительства неизбежной. В связи с этим 8 июня было срочно созвано совещание ЦК, Военной организации и ПК РСДРП(б) совместно с представителями районов, фабрик, заводов и воинских частей. На этом совещании присутствовало около 150 человек. После вступительного слова В. И. Ленина были заслушаны сообщения о положении на местах, из которых «выяснилась картина нарастающего движения, охватывающего очень большие круги рабочих и солдат — гораздо более широкие круги, чем только большевистские».[126] При голосовании по вопросу о целесообразности демонстрации «подавляющее большинство высказалось за неизбежность демонстрации и за необходимость направить движение в русло организованной и мирной демонстрации против контрреволюции».[127] Демонстрация была назначена на субботу,

10 июня, а ее главным объектом был намечен Мариинский дворец — резиденция Временного правительства.

Сразу же после этого совещания состоялось заседание ЦК, на котором «вопрос о демонстрации был решен единогласно. Громадным большинством было решено, что демонстрация должна быть мирной. Вопрос о выходе с оружием не ставился».[128] Главная цель намеченной демонстрации, как подчеркивал В. И. Ленин, состояла в том, чтобы «оказать максимум давления на решения съезда» Советов.[129] Созданная ЦК комиссия сразу же приступила к подготовке демонстрации. Было написано воззвание «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда»,[130] которое было отпечатано в виде отдельной листовки и которое предполагалось также опубликовать в «Правде» и «Солдатской правде». В воззвании обосновывалась необходимость проведения мирной демонстрации протеста против наступления контрреволюции, давались ее основные лозунги, среди которых наряду с главными — «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» — были и чисто «солдатские»: «Пересмотреть „Декларацию прав солдата"!», «Отменить приказы против солдат и матросов!», «Пора кончать войну! Пусть Совет депутатов объявляет справедливые условия мира!».[131]

9 июня вопрос о проведении демонстрации обсуждался во многих частях Петроградского гарнизона. В запасном батальоне Измайловского полка состоялся митинг, на котором около 2 тыс. солдат приняли решение выступить 10 июня с лозунгом «Вся власть Советам!». Батальонный комитет измайловцев постановил, что «каждый солдат, сочувствующий этой демонстрации, имеет право в ней участвовать, но без оружия».[132] За демонстрацию высказались на митинге и солдаты запасного батальона Московского полка,[133] однако их батальонный комитет направил своих представителей в другие гвардейские части гарнизона с целью выяснения общей картины. Комитет запасного батальона Финляндского полка, сыгравший большую роль в солдатской демонстрации 20 апреля, на этот раз занял осторожную позицию, заявив, что батальон не собирается принимать в ней участие.[134] На Выборгской стороне в этот день состоялось собрание представителей 28 заводов и четырех воинских частей (1-го пулеметного, 1-го пехотного полков, запасного батальона Московского полка и моторно-понтонного батальона).[135]

Узнав о готовящейся демонстрации, лидеры меньшевиков и эсеров увидели в ней серьезную угрозу своему курсу на соглашение с буржуазией, только что одобренному работавшим в те дни в Петрограде Всероссийским съездом Советов, и приложили все усилия, чтобы ее сорвать. Поздно вечером 9 июня Всероссийский съезд Советов принял постановление о запрещении всяких уличных манифестаций в течение трех дней — 10, 11 и 12 июня. Временное правительство, заслушав на своем заседании 9 июня заявления А. Ф. Керенского и М. И. Скобелева о демонстрации большевиков, постановило «обнародовать» в столичных газетах и расклеить по городу следующее обращение к населению: «Ввиду распространяющихся по городу и волнующих население слухов Временное правительство призывает население к сохранению полного спокойствия и объявляет, что всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти».[136] Накануне демонстрации в городе упорно циркулировали слухи о том, что на окраинах столицы сосредоточиваются казачьи части для расправы с демонстрантами.[137] Как бы в подтверждение этих слухов вечером 9 июня на улицах города появились конные патрули.[138]

Оценив сложившуюся ситуацию, ЦК РСДРП(б) после некоторых колебаний принял в ночь на 10 июня решение об отмене демонстрации.[139] Пойдя на такой шаг, руководство большевиков понимало, что он вызовет возмущение настроенных на демонстрацию рабочих и солдат, но другого выхода не было. «Недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе ЦК не мог. . . — говорил В. И. Ленин, выступая на следующий день на заседании ПК. — Даже в простой войне случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе, в зависимости от колебания средних мелкобуржуазных слоев. Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях».[140] ЦК РСДРП(б) удалось задержать выпуск «Правды» и «Солдатской правды» с призывом к демонстрации. Утром 10 июня «Правда» вышла с обращением «Ко всем трудящимся, рабочим и солдатам Петрограда» об отмене демонстрации, которое было также отпечатано отдельным оттиском.

В считанные часы руководству большевиков предстояло убедить массы отказаться от выступления. На фабрики, заводы и воинские части были срочно направлены

члены ЦК, работники Военной организации, члены большевистской фракции съезда Советов, разъяснявшие массам обстоятельства, вызвавшие отмену демонстрации. Одновременно с этим в рабочие кварталы и казармы были посланы делегаты съезда Советов. Командование Петроградского военного округа, ссылаясь на предписание военного министра «войскам не участвовать 10 июня ни в каких демонстрациях ни с оружием, ни без оружия», также потребовало от полковых и батальонных комитетов принять все меры для того, чтобы удержать в этот день солдат в казармах.[141]

Весь день 10 июня в столице проходили бурные митинги. В воинских частях, расположенных в передовых пролетарских районах, решение не выходить на демонстрацию было принято в результате ожесточенных прений по настоянию большевиков. Прибывший в запасный батальон Московского полка представитель соглашательского большинства съезда Советов сообщал: «Отношение к нам резко враждебное, говорить не давали. На митинге преобладали большевики. Постановлено, согласно резолюции большевиков, сегодня не выступать. Предложенное в виде резолюции воззвание съезда отвергнуто почти единогласно».[142] В принятой общим собранием солдат-московцев резолюции говорилось, что «единственным выходом из тяжелого положения, в котором находится Россия, является переход всей власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».[143] Когда эсеро-меньшевистские делегаты съезда Советов приехали в 180-й пехотный полк агитировать за отмену демонстрации, там уже шел митинг с участием представителей большевиков. Поскольку на митинге «настроение наблюдалось явно сочувственное большевикам», посланцы меньшевиков и эсеров «признали наилучшим уехать из казарм».[144] 3-й пехотный полк, согласившийся отложить выступление на три дня, заявил, что по истечении этого срока солдаты «предъявят требования и поддержат их перед съездом с оружием в руках».[145] Весьма бурным было собрание в Гренадерском полку. Только после многократных выступлений большевики склонили солдат не выходить на демонстрацию. С трудом удалось успокоить 1-й пулеметный полк, из которого в ПК большевиков четыре раза за день поступали сведения о том, что полк выступает.[146] Эсеро-меньшевистские представители встретили в 1-м пулеметном полку «почти

враждебное к себе отношение. Пулеметчики заявили, что они в уговорах не нуждаются и что делегаты должны ехать не к ним, а к казакам, как к малоразвитым людям».[147] По сообщению делегата съезда Советов, в запасном батальоне Павловского полка, несмотря на отмену демонстрации, наблюдалось стремление выступить «дружными и стройными рядами на демонстрацию, чтобы свергнуть буржуазное правительство, конфисковать капиталы, земли, фабрики и т. д.».[148] По-видимому, здесь не обошлось без влияния анархистов, которые попытались использовать отмену демонстрации в своих целях, толкнув массы на неорганизованные действия.

В большинстве воинских частей лидерам меньшевиков и эсеров удалось овладеть положением при помощи батальонных и полковых комитетов, стоявших еще в основном на позициях соглашательского большинства. Этому способствовало также и то, что накануне солдатская секция Петроградского Совета выступила против демонстрации, квалифицировав ее как «дезорганизаторский акт», который может вызвать гражданскую войну.[149] Руководство Советов постаралось не допустить обсуждения вопроса об отмене демонстрации солдатскими массами, поставив последних перед фактом принятия их выборными организациями резолюций, одобряющих позицию соглашателей и осуждающих «раскольническую деятельность большевиков». В ночь на 10 июня такие резолюции были приняты в запасных батальонах Волынского, Литовского, Преображенского и Егерского полков.[150] Сознавая непрочность своего положения, командование гарнизона и эсеро-меньшевистское руководство Советов пошли в ряде случаев на подлог, выдавая подобные резолюции за мнение солдатских представителей или даже всех солдат. Так, принятая от имени объединенного заседания батальонного и ротных комитетов егерей резолюция против «авантюры анархистов и большевиков» была на самом деле результатом коллективного творчества командира батальона полковника Кошевого и семи офицеров, вызванных по телефону в батальон в ночь на 10 июня.[151] Принятием аналогичных резолюций эсеро-меньшевистским комитетам удалось на время сбить революционный настрой солдат, посеять сомнение у определенной части в необходимости демонстрации. Обвинениями большевиков в заговоре соглашателям удалось обмануть солдат наименее втянутых в революционный процесс частей. Солдаты отдельного артил-

лерийского дивизиона после выступления представителя Петроградского Совета приняли резолюцию о необходимости «исполнять беспрекословно» все предписания Совета и военного министра А. Ф. Керенского.[152]

10 июня со всей отчетливостью проявился кризис доверия к коалиции и к соглашателям со стороны революционных масс Петрограда, в том числе и значительной части солдат столичного гарнизона. Это заставило вождей меньшевиков и эсеров прибегнуть к новой тактике. Осудив большевистскую демонстрацию, они предложили 12 июня от имени президиума Всероссийского съезда Советов провести 18 июня «манифестацию» с возложением венков на могилы жертв революции на Марсовом поле. К участию в этой манифестации приглашались «все революционные партии, профессиональные и кооперативные организации, клубы, рабочие фабрик, заводов и мастерских, воинские части (без оружия) и т. д.».[153] Устройством своей манифестации, которую затем планировалось провести во всероссийском масштабе, соглашатели хотели достигнуть сразу же несколько целей: разрядить накопившееся недовольство революционных масс, вернуть утраченные позиции среди рабочих и солдат, поставив при этом партию большевиков в трудное положение. Была еще одна важная причина, побудившая эсеро-меньшевистских лидеров выступить с этой инициативой: организацией «своей» демонстрации они надеялись самортизировать народное возмущение, которое могло вызвать тайно запланированное на эти дни наступление русской армии. 14 июня Исполком Петроградского Совета образовал специальную комиссию, которая выработала церемониал манифестации, наметила маршруты по районам, приняла решение об участии в манифестации столичного гарнизона в полном составе и без оружия. Комиссия настойчиво предлагала всем партиям «всюду на заводах и воинских частях выставлять, кроме своих лозунгов, также и лозунги, общие всем партиям, чем подчеркнуть политическое значение манифестации 18 июня как манифестации единства революционной демократии».[154] Соглашатели не скрывали, что на манифестации 18 июня они рассчитывают получить одобрение своей политики.

Приняв решение участвовать в готовящейся демонстрации, партия большевиков открыто заявила, что она выступит в ней со своими лозунгами, не имеющими ничего общего с призывами соглашателей. В опубликованной

14 июня передовой статье «Правды» отмечалось, что революционные пролетарии выйдут 18 июня бороться за те цели, которые выдвигались при подготовке демонстрации 10 июня. К выдвинутым ранее лозунгам были добавлены новые — против контрреволюции, против расформирования революционных полков, против разоружения рабочих, против политики наступления и др.[155] В большевистских лозунгах содержалась конкретная программа борьбы с контрреволюцией, за осуществление основных требований масс. Центральным лозунгом партии большевиков на демонстрации 18 июня был лозунг «Вся власть Советам!». «Правда» рекомендовала рабочим и солдатам обсуждать на своих собраниях требования, с которыми они собираются выступить на демонстрацию 18 июня.

Активно проходила подготовка к демонстрации в воинских частях Петроградского гарнизона. Отношение солдатских масс к лозунгам, выставленным различными партиями, свидетельствовало о значительно возросшем уровне их сознательности, усилившемся процессе партийной дифференциации, горячей заинтересованности в дальнейшем развитии революции. Это была уже не та «серая» солдатская масса, которая в первое время всецело доверяла решение политических вопросов своим выборным организациям. Комитет запасного батальона Литовского полка, рассматривая 10 июня на заседании вопрос о лозунгах демонстрации, вынужден был признать, что «в каждой манифестирующей роте и команде должен быть плакат, желаемый солдатами, и каждый воинский член должен идти открыто со своими убеждениями за тем лозунгом, который подсказывает его совесть».[156] И когда 4-я рота литовцев отвергла предложенные комитетом лозунги о полном доверии Советам и министрам-социалистам и выставила большевистский лозунг «Долой 10 министров-капиталистов!», комитету не оставалось ничего более, как согласиться с этим решением.[157] Большевистские лозунги против контрреволюционной политики буржуазии, против наступления, за переход власти в руки Советов были поддержаны солдатами 1-го пехотного полка, запасных батальонов Гренадерского, Павловского, Кексгольмского, Петроградского полков и других воинских частей.[158] При обсуждении большевистских лозунгов на общем собрании запасного батальона Петроградского полка 16 июня они были признаны «вполне своевременными и вполне приемлемыми». Лишь один лозунг «Против политики наступления!» был

принят в новой редакции: «Прежде чем наступать — власть Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов!».[159] Значительная часть солдат увидела в требованиях большевиков выражение своих интересов. Один из солдатских ораторов, выступавших на общем собрании запасного батальона Петроградского полка, прямо заявил, что принятые солдатами большевистские лозунги «являются не партийными, а неотразимой потребностью, как, например, „Долой контрреволюцию!", „Долой Государственную думу и Государственный совет!", „Долой 10 министров-капиталистов!" и пр.».[160]

14 июня по инициативе эсеро-меньшевистских лидеров Советов было созвано совещание представителей полковых и батальонных комитетов Петроградского гарнизона. Хотя официально на совещании обсуждался вопрос об отношении к демонстрации 10 июня, в связи с чем была принята эсеро-меньшевистская резолюция, оно имело своей целью дать соответствующее направление подготовке демонстрации 18 июня в частях столичного гарнизона.[161] Но попытки настроенных соглашательски комитетов помешать обсуждению и принятию большевистских лозунгов встретили решительный отпор солдат. В запасном батальоне Кексгольмского полка общее собрание по обсуждению лозунгов демонстрации 18 июня было созвано по инициативе солдат-большевиков, несмотря на сопротивление батальонного комитета. Принятые собранием лозунги — «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капилистов!», «Долой наступление и войну!», «Война до полной победы над капиталистами!», «Перевести Николая II в Петропавловскую крепость!» и др. — председатель батальонного комитета вынужден был утвердить.[162]

Обсуждение требований, с которыми солдатские массы собирались выступить 18 июня, не давало соглашателям особых надежд на то, что гарнизон выйдет на демонстрацию с их расплывчатыми лозунгами. Даже в тех воинских частях, которые еще остались на позиции Исполкома Петроградского Совета, наряду с лозунгами о доверии министрам-социалистам были выдвинуты требования, выражавшие насущные нужды рабочих, солдат и крестьян — «Хлеба — народу, землю — крестьянам, мир — всему миру!», «Вся земля — народу без выкупа и немедленно!», «Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов!».[163] Требования борьбы с контрреволюцией прозвучали в период подготовки

к демонстрации 18 июня с такой силой, что даже в запасных батальонах Семеновского и Преображенского полков, где влияние эсеро-меньшевистского руководства Советов казалось незыблемым, комитеты были вынуждены считаться с этими настроениями солдат и вместе с лозунгами о полном доверии Советам и министрам-социалистам утвердить большевистские лозунги: «Долой отжившие Государственную думу и Государственный совет!», «Да здравствует контроль рабочих над производством и распределением продуктов!».[164]

Солидарность солдат с рабочими выразилась в эти дни не только в одобрении большевистских лозунгов, выражавших коренные требования пролетариата, но и в осознанном стремлении выступить 18 июня едиными рядами. На общем собрании Совета рабочих и солдатских депутатов Петергофского района представители запасных батальонов Измайловского и Петроградского полков выразили желание солдат своих частей участвовать в демонстрации вместе с рабочими Путиловского завода.[165] К классовой солидарности призывали солдат и петроградские большевики, которые вели в это время в гарнизоне активную агитацию за свои лозунги. В воинские части были направлены и делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), открывшейся 16 июня в Петрограде.[166] Большевики прилагали все усилия, чтобы нейтрализовать безответственные призывы анархистов к вооруженной демонстрации.

Оценивая настроения солдатских масс столичного гарнизона накануне демонстрации 18 июня, главнокомандующий Петроградским военным округом П. А. Половцов в своем рапорте военному и морскому министру А. Ф. Керенскому сообщал о нарастании недовольства солдат политикой Временного правительства, об увеличении среди них числа сторонников перехода власти к Советам, выражал опасение в том, что, «несмотря на все принимаемые меры», предстоящая демонстрация может принять «нежелательные формы».[167] В самом деле, генерал Половцов принимал все меры, чтобы придать участию солдат в демонстрации возможно лояльный характер. 16 июня он издал специальный приказ, разрешавший воинским частям гарнизона участвовать в демонстрации в полном составе, но без оружия.[168] Комитеты большинства запасных полков и батальонов подтвердили, что их части выйдут на демон-

страцию без оружия.[169] Сообщение о том, что в последний момент казачий съезд, работавший в эти дни в Петрограде, выступил против участия казаков в демонстрации, также настроило солдатские массы на миролюбивый лад. В канун демонстрации Половцов конфиденциально обратился к командирам частей с просьбой обеспечить участие в манифестации офицеров для поддержания порядка.[170]

С утра 18 июня бесконечные людские потоки с множеством знамен и транспарантов устремились к избранному центром демонстрации Марсову полю, где находились делегаты Всероссийского съезда Советов, представители различных партий и организаций. Шествие открывали василеостровцы, задавшие демонстрации боевой тон. Вместе с рабочими Балтийского завода и других предприятий большевистские лозунги несли солдаты 180-го пехотного полка.[171] Весьма внушительно выглядела колонна демонстрантов Нарвского района, во главе которой шли с большевистскими лозунгами солдаты 176-го пехотного полка и рабочие Путиловского завода. С лозунгами партии большевиков солидаризировалось большинство предприятий и воинских частей Нарвского района.[172]

Особенно впечатляющим было шествие рабочих и солдат Выборгской стороны. Во главе колонны выборжцев находились районный Совет рабочих и солдатских депутатов, работники Центрального и Петербургского комитетов большевиков, Военной организации большевиков, делегаты Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), Выборгский районный комитет большевиков. Следовавшие далее заводы и воинские части, в том числе и такие крупные, как 1-й пулеметный полк, запасный батальон Московского полка, почти полностью присоединились к большевистским лозунгам. Попытка меньшевиков и эсеров организовать свою колонну окончилась плачевно. Жалкая кучка их сторонников таяла буквально на глазах, и скоро знамена и транспаранты соглашателей было некому нести.[173]

В демонстрации 18 июня принимали участие и анархисты. Их небольшие группы с оружием шли в колоннах Василеостровского и Выборгского районов. Однако лозунги анархистов и их призывы к немедленным действиям не встретили большого сочувствия у рабочих и солдат.[174]

Демонстрация 18 июня показала, таким образом, значительно возросший уровень сознательности и организованности рабочих и солдат Петрограда, подтвердила

прочность связей партии большевиков с революционными массами. «Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках, — писал В. И. Ленин, — и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией».[175]

В демонстрации 18 июня, по неполным данным, участвовало около 70 тыс. солдат Петроградского гарнизона.[176] Подавляющее большинство воинских частей, выступивших в этот день на улицу, поддержали большевистские лозунги. В запасных батальонах Гренадерского, Кексгольмского полков и других солдаты отказались идти на демонстрацию с предложенными их комитетами эсеро-меньшевистскими лозунгами и вышли самостоятельно под большевистскими знаменами.[177] Наиболее популярным среди солдат был лозунг «Долой 10 министров-капиталистов!». Только запасные батальоны Семеновского и Преображенского полков поддержали эсеровский лозунг «Доверие Керенскому!». Под лозунгом доверия Временному правительству выступила лишь часть казаков 4-го Донского полка, сразу же навлекшая на себя гнев и возмущение солдат-демонстрантов, уничтоживших транспаранты с этим лозунгом.[178]

Демонстрация 18 июня со всей определенностью обнаружила кризис доверия революционных масс коалиции. Потребовав удаления из правительства министров-капиталистов, питерские рабочие и значительная часть солдат гарнизона столицы выразили тем самым недоверие политике эсеров и меньшевиков, направленной на сотрудничество с буржуазией. Возмущение революционных масс столицы антинародным курсом коалиционного правительства, ярко проявившееся в демонстрации 18 июня, по всем признакам могло привести к политическому кризису, но этого не случилось благодаря начавшемуся наступлению на фронте. Подъем шовинистических настроений в столице, вызванный наступлением 18 июня на фронте, сумел на короткое время приглушить резкое недовольство революционных масс политикой Временного правительства.

Первые сообщения об успехах начавшегося наступления могли настроить солдат в пользу продолжения войны, посеять иллюзии, повлиять на их настроения. Однако этого

не произошло, что свидетельствовало прежде всего о необычайно сильном недовольстве солдат политикой Временного правительства, об их разрыве с идеологией «революционного оборончества».

Важную роль в оценке сложившегося положения сыграла Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций большевиков, прошедшая 16—23 июня 1917 г. в Петрограде под руководством В. И. Ленина. Конференция ориентировала солдатские массы на усиление борьбы против империалистической войны, против попыток контрреволюции разоружить рабочих и расформировать революционные части, против анархических настроений и разрозненных дезорганизующих выступлений.[179] Выступая с докладом по текущему моменту, В. И. Ленин подчеркнул стремительный ход развития событий в стране, сделал особый упор на необходимости дальнейшего прояснения классового сознания масс, определил конкретные задачи на пути к завоеванию власти Советами.[180]

Июльский кризис: размежевание борющихся сил

Наступление на фронте послужило Временному правительству удобным поводом для того, чтобы попытаться избавиться от наиболее революционных частей Петроградского гарнизона. Реальная угроза расформирования и разоружения встала перед 1-м пулеметным, 1-м, 3-м и 180-м пехотными полками, запасными батальонами Гренадерского, Московского и Павловского полков, которые по разверстке штаба округа должны были направить в составе маршевых рот почти весь свой наличный состав.[181] Особенно напряженное положение сложилось в 1-м пулеметном полку, из которого военный министр А. Ф. Керенский распорядился направить на фронт 500 пулеметов. План «реорганизации» 1-го пулеметного полка предусматривал его сокращение в три-четыре раза.[182] Сложившуюся в 1-м пулеметном полку обстановку решили использовать в своих целях анархисты. Положение осложнялось тем, что часть большевиков-пулеметчиков во главе с прапорщиком А. Я. Семашко недооценивали опасность авантюризма анархистов.[183] Под влиянием анархистской агитации пулеметчики высказались на своем общем собрании 20 июня за выступление против Временного правительства.[184] Прибывшим в 1-й пулеметный полк большевистским пред-

ставителям вместе с большевиками-пулеметчиками во главе с А. И. Жилиным удалось удержать солдат от выступления на улицу.

Большое возмущение в столичном гарнизоне вызвал также отданный Керенским приказ об отмене отпусков на сельскохозяйственные работы. На заседании солдатской секции Петроградского Совета 27 июня 1917 г. многие депутаты, выражая настроения солдатских масс, высказались против этого приказа. В принятой резолюции солдатская секция настаивала на отмене приказа Керенского и на издании нового приказа, разрешающего отпускать солдат на полевые работы в пределах установленных норм.[185] На следующем заседании солдатской секции 30 июня лидеры меньшевиков и эсеров вместе с представителями командования сделали все, чтобы заставить солдатских депутатов пересмотреть принятое ими решение об отмене приказа Керенского. Большевистские ораторы в своих выступлениях указывали на необходимость отпора контрреволюции, начавшей открытую борьбу против революционной армии. Однако запугивания соглашателей гражданской войной и поражением революции, а также их обещания решить вопрос об отпусках в рабочем порядке возымели еще свое действие. После того как эсеро-меньшевистскому руководству солдатской секции удалось собрать 210 голосов против 166 в пользу пересмотра принятой ранее резолюции, большевистская фракция в знак протеста ушла с заседания, а вместе с ней ушла и та часть депутатов, которая не желала идти за соглашателями.[186] Такой исход решения столь злободневного для солдат вопроса в еще большей степени обострил обстановку в Петроградском гарнизоне.

В этой до предела накаленной атмосфере партия большевиков, ее ЦК, ПК и Военная организация делали все возможное, чтобы удержать рабочих и солдат от выступления, разъясняли массам несвоевременность демонстраций и недопустимость в данный момент попыток свергнуть Временное правительство вооруженной силой. И тот факт, что партии большевиков удавалось сдерживать до поры до времени стихийный порыв рабочих и солдат, свидетельствовал о ее влиянии на революционные массы.

Возросший авторитет большевистской партии в Петроградском гарнизоне нашел свое отражение и в значительном увеличении ее рядов за счет передовых представителей солдат. К началу июля в Военной организации большеви-

ков насчитывалось 1600 солдат столичного гарнизона и около 4000 человек состояли членами солдатского клуба «Правда».[187] Большевистские коллективы теперь действовали не только во многих запасных пехотных батальонах и полках и инженерно-технических частях, но и в 9-м кавалерийском полку, Втором Балтийском флотском экипаже, гвардейском флотском экипаже, солдатских командах Морского училища, Михайловского артиллерийского училища, Николаевского кавалерийского училища, школы прапорщиков инженерных войск и др. Общее число большевистских организаций в частях гарнизона с 13 в марте увеличилось до 40 в июне.[188] Но овладеть положением и охватить многотысячный гарнизон Петрограда своим влиянием Военная организация большевиков к этому времени еще не могла, в силу чего контролировать обострившуюся ситуацию было чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях, как показали дальнейшие события, даже невозможно. К тому же части руководящих работников Военной организации, постоянно соприкасавшихся с солдатской массой, передавалось ее возбуждение и нетерпение. «Масса своим стихийным напором толкала руководителей на решительные действия», — вспоминал А. Ф. Ильин-Женевский.[189] Выражая ее настроение, А. Я. Семашко на частном совещании членов ЦК, ПК РСДРП(б) и Военной организации большевиков 22 июня 1917 г. преувеличивал уровень революционной сознательности и готовности солдат, утверждая, что «почти весь гарнизон за нами».[190]

Предостерегая против преждевременных выступлений, руководящие органы большевиков призывали солдат к выдержке и бдительности, предупреждали об угрозе контрреволюционного переворота. «Солдатская правда» в конце июня 1917 г. неоднократно обращалась к солдатам с призывом не поддаваться на провокацию и оставаться в казармах.

Настроения недовольства и озлобления в столичном гарнизоне еще больше усилила весть о расправе с солдатами Гренадерского, Финляндского и Павловского полков, отказавшимися идти в наступление на Юго-Западном фронте. 1 июля общее собрание запасного батальона Гренадерского полка после выступления делегатов с фронта приняло резолюцию, в которой выражалось «полное недоверие Временному правительству, министру Керенскому и партиям, его поддерживающим».[191]

С призывами к вооруженному выступлению против Временного правительства вновь выступили солдаты 1-го пулеметного полка, находившиеся в сильном возбуждении в связи с упорно распространявшимися слухами о том, что выделенные полком для отправки на фронт 350 пулеметов задержаны штабом округа для расправы с революционными массами. Возбуждение солдатских масс использовала в своих целях Петроградская федерация анархистов-коммунистов, которая на тайном совещании 2 июля решила начать на следующий день агитацию за вооруженное восстание, сделав особую ставку на 1-й пулеметный полк.[192]

Тем временем большевики прилагали огромные усилия для того, чтобы предотвратить стихийный взрыв негодования солдатских масс. Большевистские агитаторы разъясняли в казармах несвоевременность демонстрации и тем более вооруженного выступления. Состоявшиеся 2 июля в частях Петроградского гарнизона собрания большевистских коллективов, на которых, по свидетельству Н. И. Подвойского, «вопрос о выступлении даже не поднимался»,[193] давали руководству Военной организации большевиков надежду на возможность овладеть положением в гарнизоне. Однако дальнейшие события опрокинули эти надежды. Как отмечал В. И. Ленин, «кризис разрастается стихийно 3-го июля, вопреки усилиям большевиков 2-го июля удержать его».[194]

Утром 3 июля в Петрограде стало известно о выходе министров-кадетов из состава Временного правительства. Эта акция, рассчитанная на обострение политической обстановки, была воспринята в рабочих кварталах и казармах как дальнейшее наступление против революции. «Сообщение об уходе кадетов было понято так, что фактически угрожает контрреволюция, — свидетельствовал один из солдат 176-го пехотного полка. — Наша рота была все время в ожидании чего-то».[195] Возмущение рабочих и солдат этой кадетской акцией было столь сильным, что они вышли со своими требованиями на улицу, создав в стране новый политический кризис.

Инициатором выступления стал 1-й пулеметный полк. На полковом митинге пулеметчиков, созванном утром 3 июля, выступили анархисты, делегаты с фронта, представители Путиловского и Трубочного заводов, призывавшие к свержению Временного правительства, к передаче власти Советам. В этой обстановке попытки руководителей

большевистского коллектива пулеметчиков убедить солдат в несвоевременности выступления успеха не имели, и участники митинга высказались за выступление, которое было намечено на 17 часов 3 июля.[196] Выбранные на полковом митинге делегаты направились на предприятия и в воинские части, чтобы добиться поддержки в предстоящем выступлении против Временного правительства.

В 3 часа дня представители пулеметчиков явились на проходившее во дворце Кшесинской заседание Второй Петроградской общегородской конференции РСДРП(б), где им было заявлено, что партия большевиков в сложившейся обстановке против выступления. Состоявшееся часом позднее экстренное совещание членов ЦК, ПК и Военной организации подтвердило это решение, после чего многие руководящие работники партии большевиков направились в районы города, чтобы попытаться сдержать стихийно разворачивавшиеся события.[197]

В это время в частях Петроградского гарнизона вовсю обсуждался призыв 1-го пулеметного полка к выступлению против Временного правительства. Наибольшее сочувствие идея выступления встретила в 1-м и 180-м пехотных полках, в запасных батальонах Московского и Гренадерского полков. Эти части отличались политической активностью и раньше, влиятельны были здесь и партийные коллективы большевиков, благодаря которым первоначально удалось уговорить солдат не предпринимать никаких действий без ведома Военной организации, хотя к вечеру под влиянием непрерывной агитации обстановка в них вновь накалилась.

В большинстве же запасных батальонов гвардейской пехоты к призыву пулеметчиков отнеслись настороженно, что объяснялось желанием значительной части солдат, в своей основной массе крестьян, остаться в стороне от решительных событий. Опасаясь возможных последствий, они предпочли, как и в прежних критических ситуациях, положиться на свои комитеты, занимавшие в это время еще в основном эсеро-меньшевистские позиции. Днем 3 июля комитет запасного батальона Кексгольмского полка с целью сбить настроение солдат устроил общее собрание, на котором прибывший с фронта делегат, расписывая успехи кексгольмцев на передовой, говорил, что полк действует в «блестящем настроении». В результате собрание приняло решение о посылке на фронт четырех маршевых рот из состава запасного батальона.[198] На соб-

рании выборных представителей запасного батальона Петроградского полка было постановлено «просить роты и команды без разрешения Исполнительного комитета Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов не выступать».[199] Прибывшие в запасный батальон Преображенского полка делегаты пулеметчиков усилиями членов комитета не были допущены к солдатам.

Во второй половине 3 июля тревожные вести из Петрограда дошли и до частей, располагавшихся в пригородах столицы. В Красном Селе на собрании представителей взводов 176-го пехотного полка была принята резолюция, предлагавшая ЦИК Советов взять власть в свои руки и обещавшая ему вооруженную поддержку.[200] В Петергофе, где находилась такая крупная воинская часть, как 3-й пехотный полк, по решению исполкома местного Совета было объявлено состояние боевой готовности.[201] За выступление против Временного правительства высказался и Кронштадтский гарнизон, в котором еще до приезда делегатов от 1-го пулеметного полка анархисты вели агитацию за присоединение к якобы уже начавшемуся восстанию в Петрограде. Депутатам Кронштадтского Совета с большим трудом удалось уговорить собравшихся на Якорной площади матросов и солдат отложить отъезд в Петроград до утра 4 июля.[202]

Но в целом к назначенному сроку выступления — 17 часов — 1-й пулеметный полк не смог заручиться поддержкой большинства частей Петроградского гарнизона, и это обстоятельство не могло не отразиться на настроении пулеметчиков. «Было уже 5 час. вечера, а полк еще не выступил и как будто колебался, — отмечал один из участников этих событий. — Понемногу удалось успокоить массу».[203] Получив обнадеживающие сведения и из других воинских частей, руководящие работники Военной организации большевиков были склонны считать, что выступление удалось предотвратить.[204] Однако в этот момент решающее слово сказал питерский пролетариат. Рабочие Выборгской стороны, откликнувшись на призыв пулеметчиков, первыми вышли на улицы города, положив конец колебаниям солдатской массы и дав решающий толчок резкому проявлению протеста против политики Временного правительства. Об этом моментально стало известно в 1-м пулеметном полку, который через несколько минут в количестве 5—5.5 тыс. солдат с винтовками и 20—25 пулеметами был уже на улице.[205] Примеру инициаторов

выступления затем последовали почти все предприятия и воинские части Выборгской стороны. Построившись в колонны, рабочие и солдаты направились к Таврическому дворцу. Пулеметчики, двигавшиеся разными маршрутами, привлекли на свою сторону солдат запасных батальонов Московского и Гренадерского полков, 6-го саперного батальона. В свою очередь солдаты-московцы, проходя мимо Михайловского артиллерийского училища, увлекли за собой группу артиллеристов с тремя орудиями, с которыми они дошли до Таврического дворца.[206] В девятом часу вечера первые колонны рабочих и солдат Выборгской стороны подошли к дворцу Кшесинской.

В этих условиях совещание руководящих партийных работников высказалось за необходимость «вмешаться в демонстрацию, предложив рабочим и солдатам действовать организованно, идти мирно к Таврическому дворцу, избрать делегатов и заявить через них о своих требованиях». Это решение было встречено собравшимися на площади перед дворцом Кшесинской аплодисментами и пением «Марсельезы».[207] После того как стало очевидным, что выступление революционных масс уже не остановить, во дворце Кшесинской началось совещание членов ЦК, ПК, делегатов общегородской конференции большевиков, представителей полков и заводов. Совещание решило призвать массы к мирной демонстрации в поддержку лозунга «Вся власть Советам!» и взять руководство этой демонстрацией в свои руки.[208]

В вовлечении солдатских масс в демонстрацию протеста против Временного правительства 3 июля ярко проявилась авангардная роль наиболее революционно настроенных частей, а в них — политически активных солдат, ставших застрельщиками выступления. Одновременно отчетливо выявилась и мелкобуржуазная психология основной массы, ее непоследовательность и нерешительность. Даже в тех частях, где было принято решение о выступлении, на улицу вышли далеко не все солдаты. Характерно, что и 1-й пулеметный полк — инициатор солдатского выступления — также выступил не в полном составе: от участия в демонстрации отказалась 6-я рота (так называемая кадетская), а 5-я и 15-я роты были представлены лишь частью солдат.[209] Запасный батальон Московского полка, увлеченный на улицу пулеметчиками, насчитывал в своих колоннах около 2 тыс. солдат, что составляло не более половины всей численности ба-

тальона. Примерно такое же количество солдат находилось в рядах выступивших гренадер.[210] Из 10 тыс. солдат 180-го пехотного полка в демонстрации 3 июля участвовали только 1200—1400. Весь день в ротах и командах полка шли ожесточенные споры между сторонниками и противниками выступления. Как отмечала в своем заключении комиссия по расследованию участия 180-го пехотного полка в июльских событиях, из 35 кадровых и маршевых рот «8 рот особо выделяются по количеству выступавших и наибольшей сознательности целей выступления, 17 рот выступали в меньшинстве, причем часть шла несознательно, а 3 роты — под влиянием угроз со стороны выступавших, 7 рот участия в выступлении не принимали».[211]

В запасном батальоне Павловского полка на ротных собраниях поначалу было принято решение не выступать, пока не будет выяснено отношение к выступлению в других частях. Одним из главных доводов, склонивших значительную часть павловцев к участию в демонстрации, было напоминание об их революционных традициях. «Павловцы, вы в революции были первыми, неужели теперь останетесь последними?», — обращались к ним делегаты пулеметчиков, гренадер и рабочих.[212] 1-й пехотный полк вышел на демонстрацию в организованном порядке только тогда, когда наиболее революционно настроенные солдаты, узнав о выступлении рабочих и солдат на Выборгской стороне, стали поодиночке и группами исчезать из казарм с оружием в руках.[213]

Вечером 3 июля известия о начавшейся демонстрации взволновали солдат и тех запасных гвардейских батальонов, которые ранее под влиянием своих комитетов решили остаться в стороне. Однако число активных сторонников выступления в этих частях было невелико и увлечь основную массу колеблющихся им не удалось. В запасном батальоне Волынского полка к демонстрантам присоединилась 4-я рота эвакуированных во главе с большевиком Л. В. Горбатенко.

К вечеру 3 июля в демонстрацию протеста оказались втянутыми главным образом солдаты наиболее крупных частей пехоты столичного гарнизона: 1-го пулеметного, 1-го и 180-го пехотных и 3-го стрелкового полков, запасных батальонов Гренадерского, Московского и Павловского полков, 6-го саперного батальона. Общая численность солдат, принявших в этот день участие в выступлении,

даже по заниженным данным Особой следственной комиссии, достигла 15 тыс.[214] В остальных же частях наблюдались сильные колебания солдатской массы. Тот факт, что в этих частях комитеты высказались против выступления, а в 9 часов вечера во все части была разослана срочная телеграмма ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, объявлявшая начавшуюся демонстрацию «смутой», не мог не подействовать на настроение солдат. В этих условиях выступить на улицу со своими требованиями солдат могли заставить либо крайние обстоятельства, либо убежденность в необходимости перехода власти к Советам. Этого сознания не было еще у большинства солдат, вот почему 3 июля на демонстрацию вышли прежде всего наиболее революционно настроенные части.

Но и поведение солдат вышедших на демонстрацию полков и батальонов не давало серьезных оснований утверждать, что они выступили с целью вооруженного ниспровержения Временного правительства. Несмотря на спровоцированные 3 июля контрреволюцией столкновения и стрельбу в районе Невского проспекта, демонстранты применяли оружие в исключительных случаях. Чтобы избежать жертв, солдаты были даже вынуждены уступить несколько пулеметов нападавшей на них буржуазной публике.[215] Организующей силой в стихийно начавшейся демонстрации выступили члены Военной организации РСДРП(б), солдаты-большевики, благодаря которым удалось предотвратить целый ряд эксцессов, внести успокоение в солдатские массы во время провокационных обстрелов демонстрантов.

Поздно вечером 3 июля колонны демонстрантов стали подходить к Таврическому дворцу. Прибывшие первыми пулеметчики направили во дворец своих делегатов, которые потребовали от ЦИК Советов арестовать министров-капиталистов, передать власть Советам, прекратить наступление, конфисковать земли у помещиков, установить контроль над производством.[216] Подобные же требования были предъявлены и другими воинскими частями.[217]

Ответом на эти требования было принятое на совместном заседании ЦИК Советов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов воззвание «Ко всем солдатам», призывавшее к беспрекословному подчинению командованию. Одновременно эсеро-меньшевистские лидеры Советов заверили демонстрантов, что ЦИК будет рассматривать вопрос о власти «сегодня и завтра» и что

«решение может быть, конечно, только в интересах революционной демократии».[218]

В до предела накалившейся на площади перед Таврическим дворцом обстановке большевикам все же удалось уговорить пулеметчиков возвратиться в свои казармы. Вслед за ними ушли с площади солдаты 1-го и 180-го пехотных полков, запасного батальона Московского полка и других частей.[219] Вместе с тем настроение демонстрантов, а также сведения, поступившие с предприятий и воинских частей, давали руководству партии большевиков основание считать, что рабочие и солдаты не удовлетворятся неопределенными обещаниями соглашателей и выступят назавтра снова на улицы. В этих условиях состоявшееся в ночь с 3 на 4 июля совместное совещание членов ЦК, ПК, Военной организации большевиков, Комитета межрайонцев и комиссии рабочей секции Петроградского Совета приняло решение о проведении 4 июля мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!». В составленном воззвании, которое к утру 4 июля было отпечатано отдельным листком, партия большевиков, обращаясь к рабочим и солдатам, призывала стихийно начавшееся движение за передачу власти в руки Советов «превратить в мирное и организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда».[220]

Отношение солдат к мирной демонстрации 4 июля, к которой призывала революционные массы партия большевиков, должно было ответить на вопросы о том, насколько глубоко они были захвачены чувством протеста против антинародной деятельности Временного правительства, каково их отношение к политике меньшевиков и эсеров, какова степень большевистского влияния на столичный гарнизон. Придавая большое значение участию солдат в мирной демонстрации, ЦК РСДРП(б) предложил создать при Военной организации оперативный штаб для руководства революционными частями. В ночь на 4 июля этот штаб провел совещание представителей полков и батальонов Петроградского гарнизона, обратив особое внимание на обеспечение организованности и дисциплины среди солдат.[221]

Но 4 июля стал действовать целый ряд новых факторов, повлиявших на отношение значительной части солдат к назначенной демонстрации. Рано утром эсеро-меньшевистский ЦИК Советов в своей телефонограмме в воин-

ские части категорически потребовал от солдат оставаться в своих казармах. В вышедших 4 июля газетах было опубликовано постановление Временного правительства о запрете всяких демонстраций. Объединив усилия, Временное правительство, командование столичного гарнизона и лидеры меньшевиков и эсеров сделали 4 июля все, чтобы запугать революционные массы якобы предполагающимся вооруженным выступлением и тем самым сорвать намеченную мирную демонстрацию.

В событиях 4 июля проявилась «вспышка крайнего обострения в борьбе между революционными массами и контрреволюционными элементами, буржуазией, при устранении на время с поля действия средних, промежуточных, склонных к соглашательству элементов».[222] В то время как подавляющая часть питерского пролетариата, несмотря на запугивания Временного правительства и уговоры соглашателей, решительно поддержала призыв партии большевиков к мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!», солдаты Петроградского гарнизона вновь проявили колебания. В частях, которые накануне выступили со своими требованиями, теперь, по свидетельству Н. И. Подвойского, наблюдалось подавленное настроение.[223] Энтузиазм и надежды солдат на быстрый успех сменились беспокойством и замешательством. Официальный запрет демонстрации, боязнь возможных последствий за участие в ней настраивали значительную часть солдат на «миролюбивый» лад, вызывали желание остаться в стороне от возможного столкновения противоборствующих сил. Утром 4 июля состоялось общее собрание солдат-гренадер, принявшее решение не выступать на улицу без призыва Исполкома Совета.[224]

Комитеты, утратившие накануне во многих частях контроль над солдатами, теперь вновь выдвигаются на первый план. Днем 4 июля во все части Петроградского гарнизона была передана телефонограмма о принятой на совместном заседании комитетов запасного батальона Финляндского полка резолюции, которая выражала доверие ЦИК Советов и призывала воздерживаться от каких-либо выступлений без его призыва.[225]

И все же Петроградский гарнизон не удалось удержать в этот день в казармах. Существенным обстоятельством, повлиявшим на решение ряда воинских частей участвовать в демонстрации 4 июля, стало прибытие

из Кронштадта около 10 тыс. матросов, солдат и рабочих.[226] Среди встречавших кронштадтцев были и вышедшие на демонстрацию солдаты 180-го пехотного полка. Но главным фактором, определившим участие в демонстрации ряда запасных полков и батальонов столичного гарнизона, был пример питерских рабочих, сотни тысяч которых направились в этот день из различных концов города к Таврическому дворцу с требованием перехода власти к Советам. В многотысячной колонне рабочих Выборгской стороны, как и накануне, шли солдаты 1-го пулеметного полка. Рабочие-путиловцы склонили к демонстрации те роты 2-го пулеметного полка, которые квартировали в Лигове.[227] Для участия в демонстрации из пригородов столицы прибыли также солдаты 3-го и 176-го пехотных полков. Во второй половине дня из казарм выступила колонна солдат запасного батальона Московского полка со знаменем, подаренным рабочими Патронного завода.[228] После прибытия в казармы запасного батальона Гренадерского полка солдат-московцев, пулеметчиков и кронштадтцев часть гренадер (около 800 человек) вышла на демонстрацию вопреки принятому утром решению не выступать на улицу без призыва ЦИК Советов.[229] На демонстрацию вышли также солдаты 6-го саперного батальона, кадровая рота Второго Балтийского флотского экипажа (около 100 человек), где влияние большевиков было особенно сильным.[230] Вечером, преодолев колебания, к демонстрантам присоединились около 2 тыс. солдат 1-го пехотного полка.[231] Всего в демонстрации 4 июля участвовало 50—60 тыс. солдат и матросов Петрограда и его пригородов.[232]

Основная же часть солдат столичного гарнизона находилась в этот день в состоянии нерешительности. Попытки большевиков и передовых солдат вывести солдатскую массу из этого состояния, увлечь ее за собой, далеко не всегда заканчивались успехом. Атмосфера выступления противоборствующих сил, официальный запрет участвовать в демонстрации и запугивание со стороны офицеров и соглашательских комитетов, жаркие схватки между сторонниками и противниками выступления в самих частях, слухи о многочисленных случаях стрельбы по демонстрантам — все это настраивало мелкобуржуазную солдатскую массу против активного участия в демонстрации. Более того, часть солдат предпочитала вообще не участвовать в митингах и собраниях, на которых решался вопрос

о выступлении на улицу. К тому же большинство солдат не могли до конца разобраться в сложной политической обстановке: не понимая, почему эсеро-меньшевистские лидеры Советов отказываются взять власть в свои руки, они продолжали стоять на позиции поддержки «своей законной» власти — Советов. Однако опереться на нейтральные и колеблющиеся части столичного гарнизона реакция не могла. 4 июля на стороне Временного правительства были только казачьи полки, 9-й кавалерийский полк, юнкера, отряд увечных воинов и запасный батальон Преображенского полка.[233] Штаб округа отдал распоряжение о вызове в Петроград школ прапорщиков из Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины, запасной батареи гвардейской конной артиллерии из Павловска, батареи 3-го гвардейского артиллерийского дивизиона. Чувствуя всю шаткость своего положения, Временное правительство, командование военного округа и лидеры эсеров и меньшевиков договорились о вызове в столицу войск с Северного фронта, но пока еще карательные части не прибыли, и эта преступная акция хранилась в строжайшей тайне.

Вечером же 4 июля командование округа продолжало предпринимать отчаянные усилия, чтобы расколоть колеблющиеся части, привлечь на свою сторону наименее сознательную и потому наиболее неустойчивую часть солдат. С этой целью в ряде гвардейских частей была пущена в ход сфабрикованная черносотенной реакцией еще в мае 1917 г. фальшивка, в которой некоторые деятели большевистской партии клеветнически представлялись «германскими шпионами». Инициатором антибольшевистской провокации выступил Керенский, находившийся в то время в Ставке, который потребовал прекратить «беспорядки», распорядившись одновременно опубликовать имевшиеся у Временного правительства «документы».[234] Организаторы этой гнусной акции признавали, что путем распространения фальшивки они надеялись создать «психологический перелом» в частях столичного гарнизона.[235] С помощью низкой клеветы командованию удалось оказать кратковременное воздействие на наиболее отсталых в политическом отношении солдат. Из числа немногочисленных сторонников такого рода командованию удалось вечером 4 июля сформировать специальные наряды для патрулирования на улицах города в запасных батальонах Семеновского, Волынского, Павловского и Литовского

полков, в гвардейском и Втором Балтийском флотских экипажах.[236] К вечеру эсеро-меньшевистским лидерам удалось заручиться поддержкой комитета броневого автомобильного дивизиона, выделившего в их распоряжение шесть бронемашин.[237]

Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов, заседавший вечером 4 июля в Таврическом дворце под охраной солдат-преображенцев, гвардейской конной артиллерии и броневиков и ожидавший с часу на час прибытия карательных войск с фронта, решил не считаться с волей революционных масс, требовавших перехода власти к Советам, выступил за сохранение полноты власти Временного правительства. Эта «смелость» вождей меньшевиков и эсеров объяснялась, в частности, и устранением на время с арены активной политической борьбы мелкобуржуазных солдатских масс Петроградского гарнизона, от имени которых выборные организации многих воинских частей заявили к вечеру 4 июля о своей поддержке ЦИК Советов. Но тот факт, что десятки тысяч солдат выступили 4 июля в поддержку лозунга «Вся власть Советам!», говорил о том, что столичный гарнизон в своем политическом развитии ушел далеко вперед. Если в период апрельского кризиса соглашателям удалось сравнительно легко погасить разбушевавшиеся страсти разделявших позиции «революционного оборончества» солдат вокруг ноты Милюкова и удержать их 21 апреля в казармах, то теперь никакие запреты не могли помешать наиболее сознательной части солдат выразить свой протест против контрреволюционной политики Временного правительства. Однако основной массе солдат Петроградского гарнизона еще предстояло осознать необходимость перехода власти в руки Советов, в равной степени как и убедиться в том, что эсеро-меньшевистские лидеры предали их интересы и не хотят этой власти.

5 июля контрреволюция перешла в открытое наступление против рабочих и солдат столицы. Были разведены мосты через Неву, выключены телефоны предприятий и воинских частей, участвовавших в демонстрации 3—4 июля, учинен разгром помещения большевистской «Правды». На Дворцовую площадь стягивались верные Временному правительству части.

Изолированные 5 июля в своих казармах солдаты пытались выяснить обстановку в других воинских частях, направляя туда своих представителей. В результате под-

слушивания «подозрительных абонентов» командованию было известно о попытках солдат дозвониться в Кронштадт, Красное Село, Ораниенбаум и Петергоф, о стремлении солдат узнать положение в 1-м пулеметном полку.[238] Даже вечером 5 июля командование Петроградского военного округа было весьма осторожно в своей оценке настроения солдат столичного гарнизона, считая, что многие части продолжают находиться в колеблющемся и выжидательном состоянии.[239]

Военная организация большевиков в этот день довела до своих партийных коллективов в воинских частях решение ЦК РСДРП(б) о прекращении демонстрации, информировала о контрреволюционных погромах, призвала солдат к дисциплине и выдержке.[240]

В ночь на 6 июля по распоряжению генерала Половцова было проведено собрание представителей 20 воинских частей, училищ и школ, которые заявили о своей поддержке Временного правительства или были нейтральны. На этом собрании, проходившем в запасном батальоне Преображенского полка, член ЦИК Советов В. С. Войтинский сообщил о мерах, предпринимаемых для расправы с участниками демонстрации 3—4 июля. Участники собрания приняли резолюцию, требовавшую «немедленного ареста всех подстрекателей и вдохновителей темной массы, толкавших ее на безответственные шаги и действия, вызвавшие народное кровопролитие», закрытия «Правды» и «Солдатской правды», разоружения Красной гвардии, расформирования 1-го пулеметного полка.[241] Утром 6 июля военная контрреволюция захватила особняк Кшесинской, подвергнув разгрому помещение Военной организации. Одновременно была взята Петропавловская крепость, где находилась еще часть кронштадтских матросов и пулеметчиков. Большевикам удалось уговорить находившихся в крепости не оказывать сопротивления.

6—7 июля в Петроград прибыли вызванные с Северного фронта части, которые были объединены в Сводный отряд действующей армии. Изменившееся соотношение сил в Петрограде позволило контрреволюции осуществить расправу с революционными массами, выступившими 3—4 июля со своими справедливыми требованиями на улицу. Керенский потребовал «в полной мере использовать создавшееся положение и не только разоружить, но и лишить, как врагов революции, участвовавшие в бунте полки

всех привилегий, данных гарнизону за участие в Февральской революции».[242] 7 июля Временное правительство приняло постановление о расформировании воинских частей, «принимавших участие в вооруженном мятеже».[243] К 11 июля в Генеральном штабе уже был готов план расформирования Петроградского гарнизона.[244] По этому плану воинские части, участвовавшие в июльской демонстрации, были разделены на три категории. Отнесенные к первой категории части — запасный батальон Гренадерского полка, 1-й, 3-й, 176-й, 180-й пехотный и 1-й пулеметный полки — подлежали полному расформированию, а причисленные ко второй категории — запасные батальоны Московского, Павловского полков, 3-й стрелковый, 2-й пулеметный полки, 6-й саперный батальон — было решено расформировать частично. В выделенных в третью категорию частях, «совсем не принимавших активного участия» в июльских событиях, также планировалась «основательная чистка».[245]

Посредством расформирования революционных частей предполагалось сократить численность столичного гарнизона приблизительно на 100 тыс. человек.[246] Оставшиеся 11 гвардейских запасных батальонов было решено преобразовать в резервные полки числённостью не более 5 тыс. каждый. При этом установленная структура резервного полка (два действующих батальона и один запасный) была направлена на дальнейшее сокращение этих частей.[247]

Одобрив предложенный план расправы с «взбунтовавшимися» частями, Керенский потребовал от военных властей скорейшей реализации этого плана.[248]

Командование Петроградского военного округа с большим рвением приступило к «основательной чистке» столичного гарнизона. 8 июля на Дворцовой площади, окруженной юнкерами, казаками и частями Сводного отряда, был разоружен 1-й пулеметный полк, 9 июля такая же участь постигла запасный батальон Гренадерского полка, а еще через день — 180-й пехотный полк.[249] Генерал Половцов впоследствии писал с большим удовлетворением, что во время расправы с революционными частями ему «по необходимости пришлось слегка игнорировать сидевших у него двух дежурных членов Совета — не было времени, да и ни к чему было с ними совещаться».[250]

Созданная при прокуроре Петроградской судебной палаты Особая следственная комиссия сразу же при-

нялась «искоренять большевизм», привлекая в ряде случаев к следствию революционные части, их роты и команды в полном составе. После того как из запасного батальона Гренадерского полка под следствие была взята вся 4-я рота и команда разведчиков — всего 1100 человек, даже батальонный комитет, заявивший о своей преданности эсеро-меньшевистскому ЦИК Советов, должен был признать, что «про всех них пока еще нельзя сказать, что они сплошь большевики».[251]

Разнузданная антибольшевистская кампания в гарнизоне столицы протекала на фоне активных попыток военных властей расформировать революционные части, ослабить их путем вывода маршевых рот на фронт. С 10 июля по 7 августа из Петрограда было отправлено 126 маршевых рот и 18 команд общей численностью 33 830 солдат.[252] В результате переформирования 16 запасных гвардейских батальонов в 16 резервных гвардейских полков численность гвардейской пехоты в столичном гарнизоне сократилась со 100 тыс. в феврале 1917 г. до 70 тыс. на 1 августа.[253] Как и следовало ожидать, наиболее обескровленными оказались части, принимавшие активное участие в событиях 3—4 июля.

На проходившем 16 июля 1917 г. совещании в Ставке с участием А. Ф. Керенского и М. И. Терещенко обсуждался вопрос о том, как поступить с подлежащими выводу петроградскими солдатами — посылать ли на фронт целые формирования или по частям. Командующие фронтами были не склонны принимать такое пополнение в любой форме, опасаясь его революционизирующего влияния на солдат действующей армии. Как отмечал управляющий Военным министерством Б. В. Савинков, опасно посылать на фронт солдат Петроградского гарнизона не только целыми формированиями, но и по частям, потому что «они незаметно будут вести свою пропаганду». В итоге было решено направить «бунтовщиков» отдельными ротами на все действующие фронты и на Кавказ.[254]

Военные власти позаботились и о чистке солдатских команд при военных училищах и офицерских школах, припомнив им активное противодействие попыткам использовать юнкеров для расправы с революционными массами. Командование Петроградского военного округа приказало начальнику Константиновского артиллерийского училища «выяснить степень надежности» солдатской команды

и «если в ней есть сомнения, то расформировать».[255] Аналогичные приказы были спущены и в другие военные училища и офицерские школы.

Избавляясь от революционно настроенных частей и передовых солдат, командование надеялось превратить Петроградский гарнизон из вооруженной опоры Советов в оружие осуществления своих контрреволюционных замыслов. «Потом, сплавивши всякую дрянь из остальных полков, зажить новой жизнью, — писал П. А. Половцов. — Не говорю, конечно, о своей заветной мечте — добиться впоследствии перевыборов в Совете, намекнув солдатам, что Совет не может являться выразителем мнения гарнизона в его новом, очищенном виде».[256] Однако «заветной мечте» генерала не суждено было сбыться: в середине июля Керенский был вынужден отстранить вышедшего из-под контроля командующего Петроградским военным округом от занимаемой должности.[257]

Разгул военной контрреволюции, стремившейся не только разделаться с непокорным гарнизоном столицы, но и нанести удар по Советам, обеспокоил лидеров мелкобуржуазных партий. 20 июля фракция эсеров в Петроградском Совете приняла резолюцию, в которой признала нецелесообразным и опасным полное расформирование воинских частей, принимавших участие в июльских событиях.[258] Этот демарш эсеров был вызван не только опасениями оказаться под ударами военной реакции, но и стремлением сохранить свое влияние на столичный гарнизон, скрыть политическую ответственность за карательные акции против революционных масс.

21 июля вопрос о расформировании полков обсуждался на заседании солдатской секции Петроградского Совета. Докладчик эсер Е. И. Огурцовский признал, что штаб Петроградского военного округа, отвергая необходимость расследования событий 3—4 июля, встал на путь массовых репрессий против столичного гарнизона.[259] Подавляющим большинством голосов солдатская секция приняла резолюцию, выступавшую против полного расформирования военных частей, осудила требование штаба Петроградского военного округа «выдать зачинщиков», а также настаивала на тщательном судебном расследовании, без которого не могла быть наказана «ни одна часть, ни одна группа, ни один солдат».[260]

Массовые репрессии против партии большевиков, ее Военной организации, преследование солдат-большевиков

в воинских частях, кампания клеветы против руководства партии не смогли подорвать влияние большевиков в столичном гарнизоне. Лишь на короткое время реакции удалось вызвать замешательство среди отсталой части солдат. Характерно, что ни в одной из воинских частей большевики не арестовывались самими солдатами. Даже в запасном батальоне Семеновского полка офицерам удалось арестовать солдат-большевиков только при помощи казаков и юнкеров. Как сообщала 17 июля 1917 г. секретарь ЦК Л. Р. Менжинская в письме московскому областному бюро РСДРП(б), «в полках близлежащих и находящихся в Питере настроение меняется в нашу пользу там, где до сих пор мы имели сравнительно мало успеха».[261] 21 июля состоялось делегатское собрание партийных коллективов большевиков в гарнизоне столицы. Из сообщений делегатов воинских частей выяснилось, что июльские события в конечном итоге привели к усилению влияния большевиков на солдатские массы, что «аресты товарищей заставили малосознательных задуматься над происходящим и прийти к заключению, что большевики в своей борьбе и тактике вполне правы».[262] На этом же собрании Н. И. Подвойский был избран делегатом на VI съезд РСДРП(б) от Петроградского гарнизона.[263]

Антибольшевистская кампания и отправка на фронт многих тысяч революционно настроенных солдат не приостановили приток новых членов в Военную организацию большевиков. Если в начале июля в ней состояло 1600 человек, то к концу этого месяца уже 1800.[264] На делегатском собрании партийных коллективов большевиков в Петроградском гарнизоне 28 июля отмечалось, что, несмотря на аресты и гонения, «события 3—5 июля мало отразились на взглядах солдат, сочувствовавших большевизму».[265] С 23 июля вместо закрытой контрреволюцией «Солдатской правды», органа Военной организации большевиков, стала выходить газета «Рабочий и солдат».

Июльский кризис стал, таким образом, важным этапом революционного воспитания солдатских масс Петроградского гарнизона, свидетельствовал о значительно возросшем уровне их политического сознания. Если в апрельские дни солдаты ряда настроенных оборончески частей вышли на улицы Петрограда с неясным и расплывчатым лозунгом «Долой Милюкова!», то в июле передовая часть столичного гарнизона, превосходившая

по своей численности всех участников солдатской демонстрации 20 апреля, поддержала требование устранения Временного правительства в целом и перехода власти к Советам. Процесс «вымывания» средних элементов в июльские дни имел ограниченный размер по сравнению с апрельским кризисом, когда солдатские массы подчинились 21 апреля распоряжению Исполкома Петроградского Совета и остались в казармах, предоставив рабочим одним «выяснять свои отношения» с буржуазией. 4 июля же солдаты революционно настроенных частей участвовали в демонстрации вместе с петроградскими рабочими, несмотря на запрет эсеро-меньшевистского ЦИК Советов. Размежевание борющихся сил, столь отчетливо проявившееся в июльском кризисе, резко усилило процесс политической дифференциации в Петроградском гарнизоне.

Глава пятая

БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА

Борьба солдат против контрреволюции в августе 1917 г. Разгром корниловщины

После июльских событий Россия вступила в новый этап классовой и партийной борьбы, задачи и лозунги которой предстояло еще осмыслить рабочим и солдатам. «Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять, — писал в связи с этим В. И. Ленин в работе «К лозунгам». — Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Каверьяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов. Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эсеров и меньшевиков».[1]

Курс партии большевиков на вооруженное восстание был закреплен на ее VI съезде, работавшем в Петрограде в конце июля—начале августа 1917 г. Съезд уделил большое внимание работе большевиков в армии. Выступавший с докладом от Военной организации при ЦК РСДРП(б) Н. И. Подвойский отметил устойчивый характер большевистского влияния на солдатские массы, в том числе и в Петроградском гарнизоне, несмотря на репрессии против партии и революционных частей.[2] Работавшая на VI съезде РСДРП(б) военная секция признала необходимым добиваться укрепления солдат-

ских революционных организаций как в тылу, так и на фронте, усиливая в них влияние партии большевиков, создавая ее ячейки не только в воинских частях, но и в юнкерских школах.[3]

На состоявшемся 5 августа совместном заседании Военной организации при ЦК РСДРП(б) с представителями частей Петроградского гарнизона был заслушан доклад о работе VI съезда партии, намечены задачи большевистских коллективов столичного гарнизона в новых условиях.[4] 12 августа на делегатском собрании Военной организации обсуждалось положение в Петроградском гарнизоне. Информируя о настроении солдат, представители воинских частей сходились в том, что «рост сочувствия большевикам в частях войск развивается усиленным темпом; причина — не агитация, которой власти чинят препятствия, а каторжные законы, расправы с революционными солдатами и соглашательство оборонцев, которое открыло глаза более отсталых товарищей. Рост сочувствия большевикам сказывается также в растущей потребности в большевистских газетах и в резком осуждении буржуазных газет».[5]

С 13 августа вместо закрытой властями газеты «Рабочий и солдат» Военная организация при ЦК РСДРП(б) стала издавать в Петрограде ежедневную газету «Солдат». Тираж сразу же ставшей популярной у солдат газеты составлял 15—18 тыс., а отдельных номеров — до 50 тыс. экземпляров. В редакцию «Солдата» входили А. Ф. Ильин-Женевский, В. И. Невский, В. Р. Менжинский, Н. И. Подвойский.[6] Придавая большое значение этой газете, ЦК РСДРП(б) направил в ее редакцию Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, А. С. Бубнова.[7]

Для укрепления своего влияния в столичном гарнизоне большевики использовали развернувшуюся в это время кампанию по выборам в Петроградскую городскую думу. Созданная Военной организацией при ЦК РСДРП(б) специальная комиссия провела большую агитационную работу в казармах, призывая солдат поддержать муниципальную программу большевиков, отвечавшую нуждам и чаяниям рабочих, солдат и крестьян. Несмотря на разгул реакции, солдаты ряда воинских частей открыто выразили свои симпатии партии большевиков. На предвыборном митинге Егерского полка была принята резолюция, призывавшая голосовать за список большевиков, к их полной поддержке в борьбе против

контрреволюции и политики меньшевиков и эсеров.[8] 20 августа, в день выборов в Петроградскую думу, солдаты проявили особую активность, в то время как более половины населения столицы не участвовала в голосовании.[9] Вследствие неудовлетворительной подготовки к этим выборам солдаты многих воинских частей не попали в списки избирателей, что создало в день выборов на ряде избирательных участков накаленную атмосферу. На Забалканском проспекте группа солдат угрожала разнести помещение для выборов, если ей не предоставят права голосовать.[10]

Выборы в Петроградскую городскую думу принесли несомненный успех партии большевиков, ставшей единственной партией, которая укрепила свои позиции по сравнению с выборами в районные думы: она получила 33 % всех голосов против 20 % в мае—июне. За большевиков проголосовали 184 тыс. избирателей, среди которых была и передовая часть солдат. Хотя в опубликованных данных о результатах выборов в городскую думу по районам солдаты не выделены в отдельную группу избирателей (за исключением Адмиралтейского района), значительное усиление большевистского влияния в непролетарских районах дает основание считать, что оно произошло и за счет солдатских масс. Это, в частности, подтверждают данные по Адмиралтейскому району, где из 4233 человек голосовавших за большевиков, 3637 были солдатами.[11]

Заметный отход солдатских масс от мелкобуржуазных партий был прямым результатом начавшегося процесса осознания ими неприглядной роли меньшевиков и эсеров в июльских событиях, выражением их протеста против наступления контрреволюции. В борьбе против произвола командования солдаты по собственной инициативе принимают меры к восстановлению авторитета своих выборных организаций.

На заседании солдатской секции Петроградского Совета, собравшейся 4 августа после длительного перерыва впервые в Смольном институте, многие депутаты, обращая внимание на продолжающиеся репрессии против революционных частей столичного гарнизона, указывали на очевидный факт утраты Петроградским Советом своего влияния. Один из ораторов даже заявил, что он не удивится, если происходящее собрание будет разогнано.[12] Основным вопросом, обсуждавшимся на этом заседании,

был вопрос о совещании при главнокомандующем Петроградским военным округом. После июльских событий генерал Половцов перестал не только считаться с этим совещанием, но и даже его собирать. Выступавший по данному вопросу докладчиком трудовик А. В. Сомов был вынужден признать, что и новый главнокомандующий генерал О. П. Васильковский весьма своеобразно понимает роль этого органа, единолично намечая вопросы, подлежащие обсуждению на нем.[13] Несмотря на прозвучавшее в выступлениях солдатских представителей сильное беспокойство за дальнейшую судьбу Петроградского гарнизона, эсеро-меньшевистское руководство солдатской секции встало на защиту командования, которое, по его заверению, направляло маршевые роты из частей гарнизона не в наказание за участие в июльских событиях, а в порядке справедливой очереди.[14] В предложенной резолюции эсеры не пошли дальше констатации ни к чему не обязывающего положения о том, что «совещание при главнокомандующем является крайне необходимым органом, объединяющим деятельность штаба округа с жизнью солдатских масс».[15] Но делегаты ряда частей настояли на том, чтобы в резолюцию, одобренную затем секцией, были внесены требования о скорейшем выяснении вопроса о расформировании полков, о необходимости реорганизации личного состава штаба округа и др.[16] Большевистская резолюция, предлагавшая решительные меры борьбы с наступлением контрреволюции, хотя и не получила одобрения большинства солдатской секции, собрала значительное число голосов: из 200 депутатов за нее высказались 75.[17]

В то время как солдатская секция Петроградского Совета ограничивалась принятием половинчатых резолюций и практически не противодействовала расправе командования округа с революционными частями, контрреволюция готовилась нанести решающий удар по Петрограду и его гарнизону. Главная опасность на этот раз исходила из Ставки, где с назначением верховным главнокомандующим генерала Л. Г. Корнилова был взят открытый курс на военную диктатуру и беспощадное подавление революционного движения в действующей армии и в тыловых гарнизонах. 6 августа Корнилов потребовал подчинить Ставке Петроградский военный округ, мотивируя это интересами охраны побережья Балтийского моря, хотя на самом деле он добивался прямой власти над столичным

гарнизоном, с которым ему не удалось совладать в бытность главнокомандующим военным округом.[18]

10 августа Корнилов приехал в Петроград, чтобы вручить Керенскому докладную записку, содержавшую новые требования об усилении военной власти в тыловых районах. «Поезд Корнилова прибыл. Всюду текинские часовые. Настроение свиты нервное — боятся покушения, — вспоминал генерал Половцов. — Попадаю как раз к обеду. Корнилов усаживает меня с собой; по другую сторону от меня Васильковский. Смеемся по поводу редкого сочетания трех главнокомандующих Петроградским округом, сидящих рядом в хронологическом порядке. Вспоминаем, что Корнилов пробыл в этой должности два месяца, я — тоже, гадаем о том, сколько времени продержится Васильковский».[19]

Генерал Васильковский проявил себя на посту главнокомандующего столичным военным округом как достойный преемник Половцова, продолжая курс последнего на расформирование революционных частей Петроградского гарнизона, на его ликвидацию как боевой силы. За неполный август 1917 г. из столицы было выведено 50 маршевых рот и 13 команд общей численностью около 20 тыс. солдат.[20] Всего же за июль—август 1917 г. штаб округа направил из Петрограда на фронт более 50 тыс. солдат, в первую очередь из частей, принимавших активное участие в июльских событиях. Особенно пострадали 1-й, 3-й, 176-й и 180-й пехотные полки, Гренадерский и Московский полки, 6-й саперный батальон и др.[21]

В Ставке в это время велись активные приготовления к походу на революционный Петроград. 19 августа Ставка представила военному министру доклад, содержавший развернутый план создания Отдельной петроградской армии, подчиненной непосредственно верховному главнокомандующему. В состав этой армии намечалось включить «войска Петроградского военного округа, дислоцированные в Финляндии 42-й армейский и 1-й кавалерийский корпуса, Балтийский флот и все подведомственные командующему флотом войска, крепости, позиции, крепость Кронштадт, нарвскую позицию».[22] Подчинением столицы и ее гарнизона непосредственно верховному главнокомандующему Временное правительство, по признанию А. Ф. Керенского, отдало бы себя «на съедение Корнилову».[23] Поэтому, разделяя устремления своего сопер-

ника расправиться с революционной столицей и согласившись на передачу в распоряжение Ставки района Петроградского военного округа, Керенский тем не менее исключил из него Петроград с его окрестностями.[24] Но и после этого Корнилов не отказался от своих притязаний на Петроградский гарнизон, включив его в состав формируемой на основе III конного корпуса Отдельной петроградской армии,[25] главнокомандующим которой для похода на Петроград он назначил вечером 24 августа А. И. Крымова.[26]

Одновременно по указанию Ставки штаб Петроградского военного округа распорядился направить в срочном порядке уцелевшие еще подразделения семи наиболее революционных полков гарнизона столицы на Северный фронт, где их предполагалось использовать на окопных работах.[27] Отдавая распоряжение, штаб округа, как выяснилось на заседании солдатской секции 25 августа, не счел даже нужным поставить о нем в известность ЦИК Советов, Петроградский Совет и совещание при главнокомандующем округом. Это вынудило Бюро ЦИК Советов направить в штаб округа за разъяснением специальную комиссию.

Обсуждение вопроса о выводе революционных полков на заседании солдатской секции 25 августа носило, как это видно из его протокола,[28] бурный характер, хотя в опубликованных на следующий день в буржуазной и мелкобуржуазной прессе отчетах о нем почти полностью отсутствовали страстные и обличительные выступления солдатских представителей. Выступавший докладчиком от исполнительной комиссии солдатской секции эсер Е. И. Огурцовский, отметив полную неосведомленность совещания при главнокомандующем о последнем распоряжении штаба округа, настаивал всего лишь на разъяснении этой акции. Последовавшее затем разъяснение помощника главнокомандующего округом А. И. Козьмина было весьма откровенным. Выполняя указание Ставки о посылке на Северный фронт пополнения не менее 25 тыс. солдат, сказал он, штаб округа решил, что «лучше всего будет направить те полки, которые принимали участие в контрреволюционном выступлении», с тем, чтобы они «загладили свою вину». Речь Козьмина вызвала возмущение солдатских представителей. Один из них прямо заявил, что вывод революционных полков из Петрограда нельзя расценить иначе, как «контрреволюционный

шаг со стороны Корнилова», и потому следует подумать, «кого надо расформировывать — Павловский и Московский полки или штаб». Делегаты тех частей, которым в срочном порядке было предложено направиться на фронт, отмечали, что, в то время как безоружных солдат выводят из Петрограда, в город стягиваются кавалерийские части, и предлагали запретить отправку войск до тех пор, «пока не будет ясно сказано, куда и зачем отправляют солдат Петроградского гарнизона».[29]

Такие выступления, отражавшие протест солдат против коварных планов реакции, казалось, не оставляли солдатской секции ничего иного, как решительно осудить подобные замыслы. Но этого не случилось: сработал еще механизм, неоднократно выручавший эсеро-меньшевистское руководство солдатской секции. Взявший затем слово меньшевик Н. Д. Соколов, который в составе комиссии Бюро ЦИК Советов вел переговоры со штабом округа по данному вопросу, стал уверять, что приказ о направлении полков из Петрограда «является чисто боевым» и «преследует цели обороны», призывал солдатских представителей «не брать на себя ни моральной, ни политической ответственности за будущее».[30] В таком же духе выступили и председатель солдатской секции эсер В. С. Завадье, и член Исполнительной комиссии меньшевик М. С. Бинасик. Все они обошли молчанием прозвучавшие в солдатских выступлениях факты подготовки военного переворота. В предложенной руководством солдатской секции резолюции говорилось о необходимости объединения деятельности штаба округа с военным отделом Исполкома Петроградского Совета и скорейшего узаконения совещания при главнокомандующем округом.[31] Разумеется, такая резолюция уже не могла удовлетворить всех депутатов солдатской секции. Некоторые из них, основываясь на определенных фактах подготовки контрреволюционного заговора, предлагали отменить приказ об отправке воинских частей из Петрограда, настаивали на создании специальной комиссии, которая выработала бы революционные меры борьбы с происками военной реакции.[32] Но эсеро-меньшевистскому руководству солдатской секции все же удалось протащить свою резолюцию, притуплявшую бдительность солдатских масс и облегчавшую реализацию замыслов контрреволюции. Оценивая решение солдатской секции, большевистская газета «Солдат» указывала, что оно направлено против

революционных полков и солдатских организаций, предупреждала об угрозе военного переворота.[33] События ближайших дней подтвердили правильность этой оценки.

В последней декаде августа по Петрограду усиленно циркулировали слухи о новом «заговоре большевиков», который якобы приурочен к полугодовщине Февральской революции — 27 августа. Распространяя подобные слухи, реакционные силы предпринимали одновременно попытки спровоцировать рабочих и солдат на преждевременное выступление, чтобы получить «законный» повод для расправы с революционными массами. Реальная опасность, как и предупреждали большевики, пришла из лагеря контрреволюции. 27 августа столица узнала о начавшемся мятеже генерала Корнилова, узнала от главы Временного правительства А. Ф. Керенского, который, не сумев свалить своего конкурента путем закулисной борьбы, был вынужден предать гласности предпринятую Ставкой попытку военного переворота. Керенский объявил Петроград на военном положении, призвал население «к полному спокойствию и сохранению порядка», а армию и флот — «к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга — защиты родины от врага внешнего».[34]

В условиях резко изменившейся обстановки партия большевиков видоизменила свою тактику, перенеся центр агитационной работы среди масс на их мобилизацию на революционную войну против Корнилова с тем, чтобы впоследствии, в результате массового революционного подъема, устранить власть буржуазии.[35] 27 августа ЦК, ПК, Военная организация при ЦК РСДРП(б), большевистские фракции Петроградского Совета и ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов обратились с воззванием «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», в котором призывали к решительной борьбе с корниловщиной.[36] Военная организация большевиков выпустила специальное обращение «Ко всем солдатам Петроградского гарнизона!», намечавшее конкретные меры борьбы с контрреволюцией.[37] «Товарищи солдаты! — говорилось в нем. — Ясно одно: спасение революции только в руках рабочих и солдат! Только солдаты вместе с рабочими могут противопоставить силе заговорщиков силу. Совет до сих пор бездействует, а штаб работает! Штаб работает: у него юнкера, у него связи с армией, он обманывает Совет, он не слушается Совета. . . Товарищи солдаты! Надо разорить это осиное гнездо — черно-

сотенный штаб, надо создать свой революционный штаб, вооружить рабочих, вооружить расформированных солдат, надо создать боевой центр! Если на это согласится Совет, мы его поддержим. Если Совет откажется бороться, мы будем бороться сами».[38]

В ночь на 28 августа под руководством Я. М. Свердлова состоялось делегатское собрание Военной организации большевиков. В принятом решении собрание предлагало «организовать власть народа — рабочих, солдат и крестьян», требовало освободить арестованных после событий 3—5 июля большевиков, арестовать контрреволюционный командный состав в воинских частях, «немедленно развернуть гарнизон Петербурга в боевой порядок и совместно с представителями солдатских организаций обсудить план обороны и подавления контрреволюционного наступления, а также охраны в Петербурге всех опорных пунктов революции», «вооружить рабочих и под руководством солдат-инструкторов организовать рабочую гвардию» и др.[39]

Таким образом, с самого начала корниловского мятежа большевики предложили конкретный план решительной борьбы против замыслов реакции, сделав особый упор на привлечении к этой борьбе вооруженных рабочих и солдат Петроградского гарнизона.

Многочисленные митинги и собрания, которые прошли в воинских частях гарнизона столицы при активном участии Военной организации при ЦК РСДРП(б), убедительно свидетельствовали, что большевистская программа борьбы с контрреволюционным заговором встречает полное одобрение солдатских масс. Анализ единодушно одобренных на этих митингах и собраниях резолюций показывает, что их основу составляли большевистские требования, причем в них, как правило, резко осуждалась контрреволюционная политика Временного правительства и содержалось требование о создании власти из представителей рабочих, солдат и крестьян.[40] Наиболее показательной в этом отношении может служить резолюция, принятая 28 августа на объединенном митинге солдат 6-го саперного батальона, Волынского, Литовского и Преображенского полков. Резолюция начиналась с требования, «чтобы правительство революционной страны было составлено только из представителей революционного класса, а таковым является только пролетариат и поддерживающий его слой беднейшего крестьянства», на-

ставила на решительных мерах борьбы с заговорщиками, требовала немедленного прекращения империалистической войны, наделения крестьян землей, установления рабочего контроля над производством и т. д.[41]

Революционный подъем рабочих и солдат, в ходе которого партия большевиков выступила как ведущая политическая сила в борьбе против корниловского заговора, обусловил резкое изменение позиции Советов на всех их уровнях в сторону принятия решительных мер борьбы с наступлением контрреволюции. При этом лидеры меньшевиков и эсеров уже не могли не считаться с тем очевидным фактом, что без привлечения большевиков невозможно эффективное отражение нависшей опасности. Вот почему в избранный 28 августа на заседании ЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов центр по борьбе с корниловским заговором, получивший затем название Комитета народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК, наряду с меньшевиками и эсерами были включены и большевики, в том числе В. И. Невский и другие руководящие работники Военной организации при ЦК РСДРП(б).[42] Под давлением большевиков Комитет народной борьбы с контрреволюцией принял решение о вооружении рабочих и солдат,[43] призвал воинские части к боевой подготовке по отражению корниловской авантюры, вызвал в Петроград войска из его пригородов, направил для разъяснительной работы делегации в корниловские войска, установил дежурство в штабе Петроградского военного округа.[44] Однако в целом деятельность этого органа, в котором преобладали меньшевики и эсеры, носила непоследовательный и половинчатый характер, сдерживала революционную инициативу рабочих и солдат. Полную неспособность координировать усилия воинских частей на отпор Корнилову обнаружил Временный военный комитет, который был создан в июльские дни при бюро ЦИК для расправы с революционными массами. Теперь же, в критические дни августа этот комитет фактически ограничился сбором информации о положении в стране, в Петрограде, в воинских частях, военных училищах и школах. Военный отдел Исполкома Петроградского Совета, заявив о своем монопольном праве на руководство столичным гарнизоном, отметил одновременно неудовлетворительную связь Временного военного комитета с воинскими частями. В связи с этим на проходившем 29 августа под председатель-

ством левого эсера П. Е. Лазимира заседании коллегии Военного отдела Исполкома было решено предложить Временному военному комитету ввести в его состав солдатских представителей, в том числе видного работника Военной организации большевиков А. Д. Садовского. Для оперативной связи с Петроградским гарнизоном на этом заседании было образовано ответственное бюро, куда вошел и А. Д. Садовский.[45]

Боевую подготовку частей гарнизона столицы к отражению похода Корнилова проводили солдатские комитеты, в которых в условиях нависшей опасности значительно усилилось влияние большевиков. 28 августа полковой комитет Павловского резервного полка «признал необходимым ввести немедленное полное и поголовное вооружение как в ротах, так и командах».[46] В тот же день полковой комитет Гренадерского резервного полка, «не видя инициативы со стороны командного состава, приступил сам к организации полка, и в этом отношении столкнулся с такими функциями, которые по праву принадлежали командиру полка».[47] Несмотря на то что полк к этому времени не представлял боевой единицы (как отмечалось выше, он был раскассирован и разоружен), комитет принял энергичные меры по объединению в одно целое оставшихся еще в городе и разбросанных по разным местам рот и команд гренадер,[48] чем в значительной степени способствовал возрождению революционного полка, сильно пострадавшего в результате разгула июльской реакции. В Семеновском полку 28 августа был образован «особо полномочный орган» — штаб полка в составе восьми представителей полкового комитета во главе с командиром полка.[49] Батальонный комитет 127-го Петроградского разгрузочного батальона предложил предоставить в распоряжение революционных войск более 500 подвод с полным выездным снаряжением, изъявил готовность принять участие, «в случае если встретится надобность, в постройке баррикад».[50]

Под руководством своих выборных организаций революционные части Петроградского гарнизона обеспечили надежную охрану важнейших стратегических объектов столицы. Охрана Зимнего дворца, ставшего с июля 1917 г. резиденцией Временного правительства, была поручена отряду 1-го пулеметного полка,[51] еще недавно считавшегося властями едва ли не самым ненадежным и потому расформированного как боевая единица. Усиленные сол-

датские наряды охраняли вместе с вооруженными рабочими крупнейшие предприятия.[52] 29 августа на помощь революционному Петрограду прибыли свыше 3 тыс. матросов, солдат и красногвардейцев из Кронштадта,[53] а на следующий день — сводный отряд Выборгского гарнизона численностью 1500 солдат с двумя батареями легких орудий.[54] Прибывшее подкрепление вместе с рабочими и солдатами столицы охраняло вокзалы и мосты, такие важные объекты, как телеграф, телефонная станция, почтамт и др.[55]

Предпринятые партией большевиков, Советами и солдатскими комитетами энергичные меры по мобилизации революционных масс на борьбу с Корниловым сорвали планировавшееся заговорщиками выступление контрреволюционных элементов в самом Петрограде. Готовя мятеж в столице, Ставка и находившийся при ней главный комитет союза офицеров направляли в Петроград прокорниловски настроенных офицеров, опирались на активную помощь Военной лиги и Республиканского центра. Большие надежды мятежники возлагали на юнкеров столичных военных училищ. С началом похода корниловских войск на Петроград командный состав и большинство юнкеров Павловского пехотного училища, Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ, Николаевского кавалерийского училища и др., не решаясь на открытое выступление, заняли выжидательную позицию, открыто демонстрируя свое «моральное сочувствие» Корнилову и тайно готовясь к вооруженному мятежу.[56] В Николаевском инженерном училище оружие было выдано только сторонникам Корнилова. В Константиновском артиллерийском училище на случай выступления находились в боевой готовности две скорострельные батареи.[57] Около 300 реакционно настроенных юнкеров Михайловского артиллерийского училища были вооружены карабинами и ожидали благоприятной возможности применить оружие.[58] Представители Николаевского кавалерийского училища, не решаясь выступить сами, явились на общее собрание 1-го Донского полка, где пытались склонить казаков в пользу Корнилова. Назначенный Временным военным комитетом в Павловское пехотное училище комиссар не был допущен юнкерами к исполнению своих обязанностей.[59]

Однако в условиях решительного преобладания сил революции в столице реализовать «моральное сочувствие»

юнкеров Корнилову так и не удалось. Немалую роль в этом, как и в дни апрельского кризиса, сыграло противодействие солдатских команд при военных училищах. К тому же часть юнкеров выступила на стороне Временного правительства. О своей верности «законной власти» заявили Петроградская школа прапорщиков инженерных войск, 3-я Петергофская школа юнкеров, 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков.[60] На состоявшемся в ночь на 29 августа общем собрании юнкеров Владимирского пехотного училища было даже предложено выделить «ударную группу для действий в первой линии против войск генерала Корнилова».[61]

Еще более плачевными выглядели попытки заговорщиков привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать некоторые части Петроградского гарнизона. По свидетельству полковника Б. А. Энгельгардта, группа офицеров-корниловцев, проникнув в казармы Преображенского, Павловского и Измайловского полков, стремилась посеять среди солдат панику, деморализовать их угрозами расправы за неповиновение. Но, как признавал сам Б. А. Энгельгардт, эти попытки «привить солдатам Петроградского гарнизона микроб нерешительности и нежелания сражаться» потерпели провал.[62] Не оправдался расчет мятежников и на поддержку казачьих и кавалерийских частей. Донские казачьи полки под влиянием большевистской агитации с самого начала корниловской авантюры выступили против нее.[63] Такая позиция казачьих частей не была случайным эпизодом, а отражала возросший уровень политического сознания казаков под воздействием острой классовой борьбы. Не случайно в августе 1917 г. объединенное заседание полковых, сотенных и командных комитетов 1-го, 4-го и 14-го Донских казачьих полков, обсудив вопрос о блоке Войскового Донского казачьего круга с кадетами, заявило, что трудовое казачество не может входить в блок с буржуазными партиями, что целью трудового казачества является защита революции.[64] Не изъявили желания выступить на стороне мятежных сил и другие кавалерийские части столичного гарнизона. В 9-м кавалерийском полку резолюцию о поддержке Корнилова принял только офицерский состав.[65]

Не имея массовой вооруженной опоры и оказавшись полностью изолированными, прибывшие в столицу корниловцы вынуждены были отсиживаться в гостиницах,

в помещениях контрреволюционных военных организаций и частных квартирах. В результате проведенных обысков в гостинице «Астория» и в помещении Военной лиги была арестована значительная группа офицеров-корниловцев.[66]

Встретившись с непреклонной и организованной волей революционных масс, штаб Петроградского военного округа оказался бессильным существенно влиять на ход событий, хотя окопавшиеся в нем прокорниловски настроенные элементы и пытались саботировать меры по организации отпора мятежникам. 28 августа штаб округа был вынужден направить войска навстречу корниловским частям. Сводные отряды солдат Петроградского гарнизона и вооруженных рабочих образовали надежные заградительные заслоны на юго-западных и южных подступах к Петрограду по линии Петергоф—Красное Село—Царское Село. Солдаты 6-го саперного батальона в короткий срок возвели оборонительные укрепления и заграждения. Практически все крупные пехотные части столичного гарнизона выделили для борьбы с Корниловым сводные отряды, роты и команды, общая численность которых на 29 августа определялась в 12 тыс. человек.[67] 28—29 августа боевые позиции под Петроградом заняли солдаты Волынского, Егерского, Гренадерского, Московского, Измайловского, Преображенского, Кексгольмского, Павловского, Петроградского, Литовского и Финляндского полков, 1-го, 2-го и 3-го стрелковых полков, 2-го пулеметного полка, 171-го, 176-го и 180-го пехотных полков, электротехнического батальона, 3-го артиллерийского дивизиона, 1-й автомобильной роты и др.[68] Из запасных кавалерийских частей был образован сводный отряд численностью до 5 тыс. человек для овладения станциями Сольцы и Дно.[69]

В критические дни борьбы с мятежом солдаты Петроградского гарнизона доказали, что они теперь способны бороться с врагами революции не только оружием, но и словом. Лучшие из них были направлены агитаторами в обманутые Корниловым части.[70] Большую разъяснительную работу провела в «дикой дивизии» делегация матросов Второго Балтийского флотского экипажа, многие из которых служили ранее в этой дивизии артиллеристами, пулеметчиками и связистами.[71] Важную роль в разоблачении генеральской авантюры в корниловских войсках сыграли делегации 1-го и 4-го Донских казачьих

полков.[72] В результате значительная часть мятежных сил была распропагандирована и отказалась выполнять приказы своих командиров. По признанию Б. А. Энгельгардта, рабочие и солдатские агитаторы «привили революционный микроб наступающим войскам».[73]

Проявленная рабочими и солдатами готовность дать решительный отпор контрреволюции и настойчивая агитация в корниловских войсках создали такой гигантский перевес сил революции, который заранее обрек заговорщиков на поражение. И потому до вооруженного столкновения противоборствующих сторон дело не дошло. И в том, что мятеж Корнилова потерпел полный провал, была значительная заслуга Петроградского гарнизона, выступившего в эти дни как грозная боевая сила революции.

Корниловский мятеж сыграл огромную роль в революционном воспитании рабочих и солдат. «Историческое значение восстания Корнилова, — писал в начале сентября 1917 г. В. И. Ленин, — состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с „дикой дивизией" во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».[74] Уяснение солдатами этого урока исключительной политической важности неизмеримо ускорило процесс большевизации Петроградского гарнизона.

На большевистские позиции

31 августа Петроградский Совет 279 голосами против 115 при 51 воздержавшемся принял большевистскую резолюцию — декларацию «О власти»,[75] положившую начало утверждению новой линии в политике ведущего

Совета страны. Однако руководство солдатской секции и эсеровской фракции опротестовало результаты голосования на том основании, что большинство солдатских депутатов, находясь еще в составе выдвинутых против Корнилова частей, не присутствовало на этом заседании.[76] Эсеро-меньшевистский президиум Совета, заявив о сложении своих полномочий, решил провести перевыборы президиума на ближайшем заседании. Рассчитывая на успех, все члены президиума выставили свои кандидатуры и в его новый состав.[77] Но надежды эсеро-меньшевистских вождей на то, что солдатская секция, а с нею и столичный гарнизон опять их поддержат, на этот раз не оправдались.

Корниловская авантюра, показав особенно отчетливо солдатским массам, откуда исходит реальная опасность для революции, втянула их в оценку глубоко взволновавших их июльских и августовских событий, заставила более критически отнестись к политике эсеро-меньшевистского руководства Советов. Состоявшиеся в начале сентября во многих частях митинги и собрания свидетельствовали о том, что солдаты приветствуют разрыв Петроградского Совета с политикой соглашательства. Большевистская резолюция «О власти» была поддержана солдатами Волынского, Егерского, Измайловского, Литовского, Петроградского, Преображенского, Семеновского гвардейских полков, 1-го и 2-го стрелковых полков, 6-го саперного батальона, огнеметно-химического батальона, Петроградской усиленной автомобильной мастерской, Охтинской маршевой команды, электротехнической школы.[78] В резолюциях, принятых в этих частях, содержалось в различных вариантах требование о создании «революционного правительства, ответственного перед Советами». Характерно, что в целый ряд солдатских резолюций были включены основные положения большевистской резолюции «О власти» — о необходимости покончить с политикой соглашательства и безответственности, о создании власти «из представителей революционного пролетариата и крестьянства».[79] Важно также отметить, что в отдельных резолюциях уже появляется требование о переходе власти к Советам, хотя, как известно, в самой резолюции от 31 августа прямого упоминания о переходе власти к Советам еще нет. «Ввиду того что крупная и либеральная буржуазия своим отношением и выступлением генерала Корнилова еще раз показала, что она окончательно встала на контрреволю-

ционный путь, — говорилось в резолюции солдат Петроградской усиленной автомобильной мастерской от 1 сентября 1917 г., — мы требуем, чтобы власть перешла в руки Советов и было образовано министерство из представителей Советов».[80] Солдаты 2-го батальона 1-го стрелкового полка, направленного для охраны Путиловского завода, в своем обращении к рабочим-путиловцам в конце августа заявили, что они «все на стороне товарищей рабочих в борьбе за переход власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов».[81]

4 сентября уроки корниловщины бурно обсуждались на собрании представителей полковых и батальонных комитетов Петроградского гарнизона. Принятая этим собранием резолюция красноречиво свидетельствовала об отрезвляющем воздействии открытого выступления контрреволюции на те выборные солдатские организации, которые раньше находились под влиянием меньшевиков и эсеров. Отметив, что в период борьбы с корниловщиной «все воинские части гарнизона, несмотря на неблагоприятные условия, в которые они попали, выдержали с честью испытания», собрание одновременно констатировало неудовлетворительный характер организации отпора заговорщикам со стороны Временного правительства, штаба Петроградского военного округа и руководящих органов Советов. Но особенно показательным был тот факт, что солдатские представители отказались от навязанной им ранее соглашателями оценки июльских событий. В резолюции прямо указывалось, что реакция «воспользовалась событиями 3—5 июля для того, чтобы под видом наказания мнимых бунтовщиков фактическим расформированием воинских частей значительно обессилить революционный Петроградский гарнизон для подготовки успеха контрреволюционного заговора Ставки».[82] Собрание требовало расследования деятельности корниловцев в штабе военного округа, предлагало военному отделу Петроградского Совета принять самые энергичные меры к укреплению боеспособности столичного гарнизона.[83]

4 сентября состоялось и собрание Военной организации большевиков, на котором присутствовали 230 представителей от 68 воинских частей гарнизона столицы. Опираясь на только что полученный опыт борьбы с корниловщиной, солдатские делегаты подчеркивали настоятельную необходимость тесного сплочения вокруг партии большевиков,

братского союза беднейших крестьян с рабочими в борьбе против капитализма и социальной несправедливости. На собрании был утвержден «Проект организации рабочих дружин», содержавший программу обучения Красной гвардии и адресованный прежде всего солдатам-инструкторам.[84] Другой документ, принятый на этом собрании, — «Заповедь красногвардейца» — был обращен прямо к рабочим.[85] Вопрос о вооружении и военном обучении рабочих с особой остротой встал в дни борьбы с корниловщиной. Констатировав на своем заседании 31 августа полное нежелание меньшевиков и эсеров заниматься этим важным делом, Военная организация большевиков взяла инициативу в свои руки, обратившись непосредственно к солдатам с призывом помочь военному обучению рабочих.[86] Десятки солдат-добровольцев в тот же день направились инструкторами военного дела на предприятия Выборгского, Петроградского, Невского, 1-го Городского, Московско-Заставского и других районов города. Особый размах обучение красногвардейцев приобрело на Выборгской стороне, куда Военная организация большевиков назначила старшим инструктором солдата 180-го пехотного полка М. А. Батунова.[87] Солдаты-инструкторы регулярно вели военные занятия на заводах Нобеля, «Айваз», «Новый Лесснер», «Старый Парвиайнен», «Старый Лесснер», «Новый Парвиайнен», «Старый Барановский», «Русский Рено», «Новый Барановский» и др.[88] Наибольшую активность в обучении Красной гвардии проявили солдаты Измайловского, Литовского, Московского и Егерского гвардейских полков, 180-го пехотного полка, 1-го пулеметного полка.[89] К 7 сентября у Военной организации большевиков образовался даже определенный резерв инструкторов — 21 человек.[90]

Пытаясь предотвратить эту «незаконную» деятельность солдат и связанную с нею утечку оружия из казарм, военный министр А. И. Верховский издал 7 сентября приказ об усилении ответственности и наказания за передачу военнослужащими кому бы то ни было оружия и военного имущества.[91] Однако выборные солдатские организации имели на этот счет собственное мнение и продолжали расширять свою помощь в военном обучении рабочих. По совпадению тоже 7 сентября солдаты 3-й роты Измайловского полка приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Мы требуем обучения Красной гвардии и готовы оказать свои услуги

для такого обучения и вооружения, где таковая не существует».[92] В середине сентября комитет Московского полка предоставил для занятий красногвардейцев «Старого Парвиайнена» в будние дни полковой двор, а в воскресные дни еще и полковой плац. Комитет Финляндского полка пошел еще дальше, разрешив рабочей дружине завода «Сименс—Шуккерт» обучаться стрельбе в полковом тире. Комитет Московского полка организовал в своем полковом тире учебную стрельбу для красногвардейцев Выборгского района.[93] Все эти меры позволили не только подготовить к решающим сражениям тысячи новых бойцов, но и упрочить революционные связи солдат с питерскими рабочими.

Опыт борьбы с корниловским мятежом показал солдатам необходимость укрепления авторитета их выборных организаций, восстановления утраченных ими контрольных функций над командным составом. На состоявшихся в первой половине сентября в большинстве воинских частей гарнизона собраниях солдаты указывали на многочисленные случаи саботажа офицеров, требовали их отстранения от службы и сурового наказания.[94] Даже солдаты Преображенского и Семеновского полков, до этого не выступавшие открыто против своего командования, теперь потребовали удалить целый ряд офицеров за «сочувствие корниловскому выступлению».[95] Полковой комитет 180-го пехотного полка, рассмотрев поведение командира полка полковника Соколова в «тревожные дни борьбы с Корниловым», нашел его дальнейшее пребывание во главе полка «опасным для революции».[96] По этой же причине выразили недоверие своему командиру солдаты Измайловского полка[97] и 3-го пехотного полка.[98]

Лейтмотивом всех солдатских резолюций, принимавшихся в Петроградском гарнизоне после ликвидации попытки контрреволюционного переворота в стране, было требование строгого контроля над командным составом. «Мы требуем от правительства, — отмечалось в резолюции солдат 2-го батальона Петроградского полка от 3 сентября 1917 г., — чтобы не повторилась корниловщина, подчинения командного состава, вплоть до верховного главнокомандующего, армейским комитетам».[99] В резолюции 3-й роты Измайловского полка от 7 сентября 1917 г. говорилось: «Мы требуем контроля из выборных от солдат над всеми штабами, чтобы наши генералы

и главнокомандующие самовластно не могли нас гнать и травить друг против друга и чтобы не делали нас пушечным мясом, где не следует, и каждый солдат знал бы, что его судьбу решают его товарищи, а не одни генералы, и мы подобным генералам больше не доверяем».[100] Объединенное заседание полкового, ротных и командных комитетов Гренадерского полка, обсудив 8 сентября вопрос о поведении офицеров в дни корниловского мятежа, постановило «довести до сведения ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, что полковой комитет является руководящим органом жизни полка совместно с командиром полка», высказалось против принятия офицеров в полк без согласия полкового комитета.[101] Полковой комитет гренадер добился, что выведенная в августе из Петрограда значительная часть полка была возвращена к середине сентября обратно в столицу.[102]

Ставя вопрос о действенном контроле над своими командирами, солдатские массы с неизбежностью должны были прийти к пониманию того факта, что этот контроль возможен со стороны только таких выборных организаций, которые действительно защищают их интересы. В этом отношении июль и август 1917 г. дали солдатам поучительные уроки, и теперь, в сентябре, в обстановке революционного подъема, они открыто начинают выступать против политики эсеро-меньшевистских комитетов, с которой они сначала по недопониманию, а потом (после событий 3—5 июля) в известной степени и по принуждению были вынуждены мириться. 1 сентября в газете «Солдат» было помещено обращение солдата С. Малыгина к своим сослуживцам по столичному гарнизону с призывом трезво посмотреть на прежнюю деятельность «своих вождей» и переизбрать ротные, батальонные и полковые комитеты. «Теперь мы должны всем своим организациям сделать настоящую чистку, т. е. убрать оттуда всех контрреволюционных представителей и тех, которые были замечены в соглашательской политике», — писал в своем обращении С. Малыгин.[103]

Поскольку выступление контрреволюции самым непосредственным образом повлияло на укрепление авторитета выборных солдатских организаций и привело к существенным сдвигам в них влево, процесс их «чистки» носил сравнительно ограниченный и безболезненный характер. В Павловском полку был переизбран председатель полкового комитета старший унтер-офицер А. Но-

виков, который в свое время активно выступал против участия павловцев в июльской демонстрации.[104] В Волынском полку, где в первые месяцы после Февральской революции влияние эсеров и меньшевиков в выборных органах было весьма ощутимым, теперь председателем полкового комитета избирается большевик А. Хохряков, а его заместителем — тоже большевик прапорщик Л. В. Горбатенко.[105] Важно отметить, что во многих воинских частях перевыборы комитетов стали проходить по партийным спискам, что отражало значительно возросший уровень политического развития солдатских масс после корниловщины. В броневой автомобильной мастерской, например, при перевыборах ротного комитета за список большевиков голосовали 332 человека, за список эсеров — 131 человек и за список беспартийных — 101 человек.[106]

В условиях резко обозначившегося противоборства политических сил в стране комитеты воинских частей стали еще более ответственно подходить к своей роли в жизни солдатских масс. Эта роль возросла и потому, что командный состав, не сумев обуздать революционный гарнизон Петрограда, все более устранялся от выполнения своих прямых обязанностей, пытаясь тем самым дезорганизовать и без того трудную казарменную жизнь солдат. Представители политического отдела Петроградского военного округа, посетившие в начале октября 1917 г. Гренадерский, Московский и Павловский полки, а также 1-й пехотный полк, были вынуждены констатировать, что «офицерство стоит заметно в стороне, не принимая в большей своей части никакого участия в жизни полков».[107] Столь же неутешительным для командования округом было и заключение комиссии, которая, побывав в 6-м саперном батальоне, сообщала, что офицеры относятся к жизни батальона «безучастно и равнодушно, не помогают комитету, редко посещают занятия».[108]

Как свидетельствует практика комитетов воинских частей столичного гарнизона осенью 1917 г., они вовсе не стремились к тому, чтобы присвоить себе функции командного состава. Более того, они пытались всеми имевшимися в их распоряжении средствами заставить офицеров не манкировать своими обязанностями. Так, полковой комитет Петроградского полка на одном из своих заседаний в сентябре 1917 г. напоминал, что все, «кто состоят начальниками и пользуются доверием людей,

должны служить примером во всех отношениях и не уклоняться от тех прямых и как бы святых обязанностей, возложенных на них». Комитет предупреждал, что «в противном случае виновные будут преданы полковому суду и разжалованы в солдаты».[109] Полковой комитет 171-го пехотного полка потребовал от командира полка, чтобы все офицеры присутствовали на занятиях.[110] Полковой комитет Литовского полка вменял в обязанность ротным комитетам «следить за аккуратным ведением занятий со стороны офицеров», а также образовал для приема в полк новых офицеров специальную комиссию, состоявшую из трех солдат и трех офицеров.[111] Усиление роли комитетов в жизни гарнизона было отмечено и его командованием. Начальник политического отдела Петроградского военного округа в телеграмме военному министру от 4 октября 1917 г. сообщал, что «замечается усиленная деятельность полковых комитетов».[112]

Столкнувшись с бурным процессом революционного возрождения столичного гарнизона, эсеро-меньшевистские лидеры попытались сделать все возможное в их силах для того, чтобы не допустить его окончательного перехода на большевистские позиции. Особые расчеты они связывали с солдатской секцией, неоднократно выручавшей соглашателей в критические моменты. Созвав 8 сентября в срочном порядке заседание солдатской секции, эсеро-меньшевистское руководство и на этот раз надеялось получить ее поддержку, тем более что на это заседание были приглашены высшие чины военного командования. Солдатским депутатам был представлен новый главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Г. П. Полковников, сменивший на этом посту в начале сентября генерала О. П. Васильковского, скомпрометированного пособничеством заговорщикам из Ставки. Председатель солдатской секции В. С. Завадье характеризовал нового командующего как демократически настроенного офицера, который, будучи командиром 1-го Амурского казачьего полка, направленного Корниловым на Петроград, отказался выполнить этот приказ и перешел на сторону Временного правительства.[113] В свою очередь Г. П. Полковников призвал Совет к сотрудничеству с командованием в наведении «сознательной и твердой дисциплины» и укреплении подорванного авторитета офицеров. За создание сильной армии высказался в своем выступлении и новый военный министр А. И. Верховский,

заверивший одновременно солдатских представителей в том, что все офицеры, замешанные в корниловском заговоре, будут сняты со своих постов.

Массированная обработка солдатской секции не принесла ее руководству желаемого результата. Когда эсер Е. И. Огурцовский, сделавший доклад «О распылении Петроградского гарнизона», предложил не обсуждать данный вопрос, предоставив его решение совещанию при главнокомандующем округом, солдатские депутаты отвергли это предложение. Вспомним, что всего две недели тому назад, 25 августа, солдатская секция под давлением меньшевиков и эсеров согласилась с отправкой на фронт остатков семи полков, активно участвовавших в событиях 3—5 июля. Теперь, после корниловщины солдатским представителям стало ясно, что их жестоко обманули, когда уверяли, что вывод этих частей диктуется исключительно соображениями обороны. Выступления представителей расформированных частей стали гневным обвинением контрреволюции, эсеро-меньшевистскому руководству Советов. В принятой резолюции солдатская секция осудила расправу над революционными частями, высказалась за их возвращение в Петроград, потребовала реорганизации штаба столичного военного округа.[114]

Заметное ослабление позиций меньшевиков и эсеров в солдатской секции отразилось и на исходе борьбы, которая развернулась 9 сентября на общем собрании Петроградского Совета по вопросу о его президиуме. Попытки соглашателей спасти старый президиум потерпели сокрушительное поражение. За предложение большевиков переизбрать президиум проголосовали 519 депутатов, в то время как резолюция меньшевиков и эсеров собрала 414 голосов. Поскольку голосование проходило не по секциям, а поименно, мы не располагаем точными сведениями о том, сколько же рабочих и солдатских депутатов в отдельности голосовали за большевистскую резолюцию. Но если учесть, что численность рабочей секции достигала 400 человек, из которых более половины шло за большевиками,[115] то следует признать, что судьба старого, эсеро-меньшевистского президиума Петроградского Совета была решена той частью солдатских представителей, которые порвали уже с политикой соглашательства. До избрания нового состава президиума Петроградского Совета его функции были возложены на президиумы рабочей и солдатской секции.[116]

13 сентября по требованию большевистской фракции было созвано экстренное заседание солдатской секции, на котором состоялись перевыборы членов Исполкома Петроградского Совета от его солдатской части. Голосование проходило по партийным спискам. За список большевиков голосовали 138 депутатов, за эсеровский список — 155 и за меньшевистский — всего 39 депутатов.[117] В результате выборов большевики направили в Исполком девять своих представителей — А. Д. Садовского, Митрофанова, М. П. Ефремова, А. А. Копяткевича, С. М. Нахимсона, И. П. Павлуновского, К. А. Мехоношина, А. И. Жилина и П. Э. Роцкана. Учитывая тот факт, что среди десяти избранных в Исполком от эсеровской партии были левые эсеры И. В. Балашов, Л. И. Диесперов, П. Е. Лазимир, в то время как целый ряд правых эсеров, в том числе и председатель солдатской секции В. С. Завадье, были забаллотированы,[118] можно с полным основанием говорить об изменении соотношения сил в солдатской секции в пользу большевиков.

Действуя в тесном контакте с левыми эсерами, стоявшими на платформе передачи власти Советам, большевики заняли ведущее положение в руководящих органах солдатской секции. В переизбранный 29 сентября президиум солдатской секции вошли три большевика, три эсера и меньшевик. Председателем солдатской секции стал левый эсер Л. И. Диесперов, его заместителями — большевики А. Д. Садовский и И. П. Павлуновский, левый эсер П. Е. Лазимир и меньшевик Г. Б. Скалов, секретарями — большевик К. А. Мехоношин и эсер И. Ватенин. На новый президиум было возложено и руководство военным отделом Исполкома.[119] Весь последующий ход работы солдатской секции показывает, что с конца сентября ее реальными руководителями были большевики А. Д. Садовский и К. А. Мехоношин, левый эсер П. Е. Лазимир, в то время как роль председателя секции Л. И. Диесперова была минимальной.[120] Со 2 октября 1917 г. председателем военного отдела Исполкома стал большевик А. Д. Садовский.[121]

Изменение соотношения сил в солдатской секции привело к обновлению состава особого совещания при главнокомандующем Петроградским военным округом. В сентябре в его состав вошли большевики А. Д. Садовский, М. П. Ефремов, К. А. Мехоношин и П. Э. Роцкан, левый эсер И. В. Балашов, трудовик А. В. Сомов.[122]

По свидетельству И. В. Балашова, особое совещание в новом составе сразу же заявило о своей решимости играть самостоятельную роль в жизни столичного гарнизона, что привело к обострению отношений с командованием округа.[123]

Усиление влияния большевиков в солдатской секции осенью 1917 г. было связано и с тем повышенным интересом и требовательностью, которые стали проявлять солдатские массы к деятельности своих депутатов после победы над корниловщиной. В начале сентября солдаты 1-й роты Измайловского полка лишили депутатского мандата своего представителя в Петроградском Совете В. Сметанку, не пожелавшего признать новую политическую линию Совета.[124] 8 сентября в газете «Солдат» была напечатана статья работника Военной организации большевиков А. Ф. Ильина-Женевского, призывавшая солдат исправить то ненормальное положение, при котором большевистски настроенные части продолжали представлять депутаты, избранные еще в первые дни после Февральской революции. Статья призывала солдат требовать от своих представителей проведения в жизнь той линии, которая встречает наибольшее сочувствие избирателей.[125]

Победа большевиков в Петроградском Совете 9 сентября заметно усилила процесс перевыборов солдатских депутатов. 12 сентября общее собрание солдат огнеметно-химического батальона приняло решение отозвать из Петроградского Совета своего представителя меньшевика Усенко, избрав вместо него большевика А. Ф. Ильина-Женевского.[126] Показательно, что при голосовании прежний депутат-меньшевик не собрал ни одного голоса, а кандидатура большевистского представителя была одобрена подавляющим большинством голосов.[127] По подсчетам М. Н. Потехина, в сентябре—октябре 1917 г. перевыборы депутатов прошли в 30 воинских частях и командах Петроградского гарнизона.[128] Если в первое время после победы над царизмом выборы солдатских представителей в Совет проводились открытым голосованием и без учета партийной принадлежности того или иного кандидата, то осенью 1917 г. перевыборы проходили в обстановке острой политической борьбы между большевиками и соглашателями. Поляризация борющихся политических сил в солдатской секции привела к резкому увеличению партийных депутатов, в то время

как раньше основная масса солдатских представителей была беспартийной.[129] При этом в качестве главной тенденции следует отметить неуклонный рост большевистской фракции.[130] В сентябре 1917 г. общее собрание матросов и вольнонаемных служащих Морского училища потребовало от своего вновь избранного депутата в Петроградский Совет обязательного вступления во фракцию большевиков. Собрание отметило, что за «невыполнение наказа депутат будет отозван и заменен другим».[131]

Одобряя большевистскую линию Петроградского Совета, солдатские массы требовали от депутатов активного участия в проведении этой линии, полного отчета о деятельности Совета. Общее собрание солдат 180-го пехотного полка обязало своих представителей в Петроградском Совете регулярно информировать о всех делах в Совете на полковых собраниях.[132]

Еще более ускоренными темпами шел процесс большевизации районных Советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда. К октябрю 1917 г. 11 районных Советов из 17 уже стояли на большевистских позициях.[133] В районных Советах были представлены почти все воинские части столичного гарнизона, и это имело большое значение для укрепления революционных связей солдат с питерскими рабочими. Наиболее прочные позиции к осени 1917 г. солдатские депутаты — большевики сумели завоевать в Петроградском районном Совете, где активно работали большевики В. Ф. Елистратов и П. Э. Роцкан (электротехнический батальон), А. Ф. Ильин-Женевский (огнеметно-химический батальон), Б. В. Голубев и М. И. Исаев (Петроградский артиллерийский склад), И. Г. Алешечкин и Г. С. Козырев (гарнизон Петропавловской крепости), Е. Леонов (солдатская команда Владимирского училища) и др. Заметную роль в деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов 1-го Городского района играли большевики А. Королев и А. И. Плотников, представлявшие Егерский полк.[134]

Учитывая происшедший решительный поворот в настроении солдатских масс, партия большевиков направила свои усилия к тому, чтобы сделать Петроградский гарнизон надежной опорой рабочих в борьбе за установление власти Советов. Вот почему после разгрома корниловщины агитационно-пропагандистская деятельность большевиков в воинских частях приобретает особенно

широкий размах. Сотни агитаторов из солдат и матросов были подготовлены на специальных курсах, организованных в связи с начавшейся кампанией по выборам в Учредительное собрание.[135] В сентябре большевистские кадры агитаторов пополнились за счет освобожденных из-под ареста солдат и офицеров большевиков, упрятанных за решетку за участие в июльских событиях. В результате широко развернувшейся после победы над корниловщиной кампании протеста Временное правительство было вынуждено выпустить из тюрем под залог многих активных работников Военной организации большевиков: П. В. Дашкевича, И. В. Куделько, М. К. Тер-Арутюнянца, И. Баландина и др.[136] Только в одном 180-м пехотном полку с 13 по 20 сентября было освобождено из-под ареста восемь офицеров-большевиков.[137] 17 сентября полковой комитет Павловского полка постановил взять на поруки четырех арестованных павловцев-большевиков.[138]

Укрепляя свое влияние в Петроградском гарнизоне, партия большевиков сумела в короткий срок не только восстановить разгромленные в период июльской реакции большевистские коллективы, но и создать новые там, где ранее преобладали соглашатели. Большую работу в этом направлении вела Военная организация при ЦК РСДРП(б), а также ее районные организации. К октябрю 1917 г. военные организации большевиков были оформлены в Выборгском, Василеостровском, Московско-Заставском, Петроградском, Песковском и 1-м Городском районах столицы.[139] 7 сентября военная организация большевиков Московско-Заставского района приняла решение о восстановлении и организации большевистских ячеек во 2-м пулеметном, Егерском, Измайловском и Петроградском полках.[140] Созданные в районах военные организации большевиков сумели в короткий срок привлечь в свои ряды сотни новых членов. В начале октября 1917 г. военная организация большевиков в Песковском районе насчитывала до 600 членов, в Московско-Заставском районе — более 400.[141]

Опираясь на свои районные коллективы, Военная организация большевиков сумела к осени 1917 г. перенести центр своей агитационно-пропагандистской работы непосредственно в воинские части. «Ячейки солдат-большевиков и сочувствующих, — вспоминал К. А. Мехоношин, — становятся теми центрами внутри каждой воинской части, влияние которых растет с каждым днем.

Ячейки следят за всей жизнью части, дают указания по поводу разных распоряжений, идущих из штабов. Через них гарнизон получает точную информацию об общем положении».[142] Большевистские ячейки начинают создаваться не только в запасных полках и батальонах, но и в ротах и командах, что позволяло большевикам войти в более тесный контакт с солдатскими массами, непосредственно воздействовать на формирование их политических представлений. Образованная 12 сентября в количестве восьми человек большевистская ячейка 9-й роты Литовского полка на своем первом заседании постановила: «Разделить между членами коллектива каждому свое дело, чтобы каждый знал свою обязанность и был ответственным перед Российской социал-демократической рабочей партией».[143]

Сохранившиеся далеко не полно делопроизводственные материалы Военной организации большевиков позволяют документально подтвердить наличие и активную деятельность к октябрю 1917 г. по меньшей мере 70 большевистских коллективов в частях Петроградского гарнизона.[144] Наиболее полно в организационном отношении большевистским влиянием были охвачены пехотные части, составлявшие основную силу гарнизона столицы. Большевистские ячейки имелись во всех 16 резервных гвардейских полках. При этом важно отметить, что усиливается большевистское влияние в тех полках, где раньше было засилье соглашателей. Партийные коллективы большевиков образуются в ротах Волынского, Гренадерского, Измайловского, Кексгольмского и Литовского полков. Были восстановлены и значительно пополнены особенно пострадавшие в результате июльских событий большевистские ячейки в частях армейской пехоты (в 1-м и 180-м пехотных полках, в 1-м и 2-м пулеметных полках). Помощник главнокомандующего Петроградским военным округом А. И. Козьмин с тревогой констатировал в октябре 1917 г. «возросшую активность имеющихся в каждом полку большевистских групп».[145] Укрепились позиции большевиков и в 67-й бригаде народного ополчения. На заседании бригадного комитета от 5 сентября 1917 г. обращалось внимание на усиление большевистского влияния в пеших дружинах, в особенности в 16-й Ярославской пешей дружине.[146] Большевистские ячейки были образованы в 348-й Вологодской пешей дружине, в 342-й Петроградской пешей дружине. Всего в пехотных частях гарни-

зона столицы на октябрь 1917 г. насчитывалось около 40 большевистских организаций.[147]

Прочное положение было завоевано Военной организацией большевиков и в инженерно-технических войсках гарнизона, где она имела 15 своих партийных коллективов. Большевики активно работали в электротехническом батальоне, 6-м саперном батальоне, огнеметно-химическом батальоне, Воздухоплавательном парке, броневом автомобильном дивизионе, в 1-й автомобильной роте, в мастерской и гараже броневого автомобильного дивизиона и др. Немногочисленные большевистские ячейки охватили здесь своим влиянием весьма значительную часть солдат. Так, 25 большевиков броневого автомобильного дивизиона привлекли на свою сторону до 500 сочувствующих им солдат.[148]

Большевистские ячейки действовали также в команде артиллерийских складов Петропавловской крепости, в 1-м Донском казачьем полку, 9-м кавалерийском полку, в петроградском военном госпитале. Особенно следует отметить факт создания большевистских групп в различных солдатских командах штаба округа и военно-учебных заведений. В начале сентября была оформлена большевистская группа в солдатской команде, обслуживавшей телеграф Главного штаба.[149] Большевистские коллективы создаются в солдатских командах Морского училища, Михайловского артиллерийского училища, Николаевского кавалерийского училища, в школе моторных машинистов, школе прапорщиков инженерных войск. По данным Н. И. Подвойского, более 40 большевиков имелось и среди юнкеров военных училищ.[150]

Быстрый рост числа сторонников партии большевиков в частях столичного гарнизона явился одним из важных объективных показателей ее возросшего авторитета, укрепления связей ее Военной организации с солдатскими массами. С июля по октябрь 1917 г. численность Военной организации большевиков в Петрограде увеличилась с 1800 до 5800 человек,[151] т. е. более чем в три раза. Прием новых членов в районные военные организации большевиков, по свидетельству Н. И. Подвойского, проходил «с большим разбором, по рекомендации двух членов организации».[152] Яркой тому иллюстрацией служат сохранившиеся документы в фонде Военной организации при ЦК РСДРП(б). К заявлению о приеме в члены Военной организации солдата команды слухачей электро-

технического батальона Д. А. Ильницкого от 11 октября 1917 г. была приложена следующая рекомендация: «Мы, члены Военной организации, солдаты команды слухачей Яков Быков и Павел Стрельцов, рекомендуем Дионисия Ильницкого как вполне благонадежного товарища и энергичного работника». Большевистский коллектив 3-й минно-подрывной роты электротехнического батальона в своей рекомендации писал 16 октября 1917 г.: «Просим Военную организацию принять в члены нашей партии товарища Сергея Хиожновского. Рекомендуем как честного и активного работника». Солдат Гренадерского резервного полка Т. Сапелкин в своем заявлении от 24 октября 1917 г. писал: «Находя ваши лозунги и программу вполне правильной, прошу принять меня в вашу партию».[153]

В то время как большевики укрепляли с каждым днем позиции в Петроградском гарнизоне, эсеры и меньшевики с катастрофической быстротой теряли своих членов и сторонников в воинских частях. В опубликованном в газете «Солдат» 18 октября заявлении группы солдат 348-й Вологодской пешей дружины отмечалось: «Мы состояли в партии социалистов-революционеров с первых дней революции, а теперь поняли, что мы были обмануты эсерами и меньшевиками и завлечены в их партию. Считаем необходимым призвать к ответу эсеров и меньшевиков за их измену делу народа и революции. Мы решили перейти в партию социал-демократов большевиков и поддерживать их программу до конца». В октябре 1917 г. Военная организация эсеров насчитывала в столичном гарнизоне менее 3 тыс. членов,[154] значительно уступая, таким образом, по численности Военной организации большевиков.

Осенью 1917 г. Военная организация большевиков заметно активизировала свою деятельность в петроградских землячествах, число которых к этому времени значительно выросло. На собрании Военной организации 4 сентября солдатам-большевикам было предложено наладить прочные связи со своими земляками, товарищами по партии.[155] В целом ряде случаев солдаты-большевики выступили инициаторами создания в Петрограде новых землячеств. По их почину в сентябре было образовано воронежское землячество, председателем правления которого был избран В. И. Невский.[156] Военная организация выступила за объединение землячеств. В результате в середине сентября был создан Объединенный совет землячеств в Петрограде, в который вошли около 30 тыс.

членов земляческих организаций, уроженцев 12 губерний. Объединение произошло на основе большевистской платформы. В одном из ее пунктов прямо говорилось: «Считаем долгом поддержку Российской социал-демократической партии большевиков, как истинной выразительницы нужд мелкого полупролетарского и пролетарского крестьянства».[157] Все попытки эсеров противостоять большевистскому влиянию в петроградских землячествах терпели осенью 1917 г. поражения.[158]

Активно участвуя в работе землячеств, солдаты Петроградского гарнизона выезжали агитаторами к себе на родину. Тысячи своих представителей послал в деревню крестьянский Совет гарнизона столицы.[159]

Переход солдатских масс гарнизона столицы на большевистские позиции был обусловлен значительно возросшим уровнем их политического сознания, их пониманием гибельности политики, проводимой Временным правительством и соглашателями. Собственный опыт солдат, полученный в период политических кризисов и корниловщины, подвел их к пониманию того, что без перехода власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов невозможно прекращение империалистической войны и достижение справедливого демократического мира, осуществление их главных социальных требований. На разъяснения этого положения исключительной важности была направлена вся идеологическая работа партии большевиков начиная с апреля 1917 г., и теперь она приносила зримые плоды. Солдатские массы, увидевшие в большевистской программе отражение своих коренных нужд, решительно выступают за переход всей власти к Советам.

Важным показателем происшедших сдвигов в революционном сознании Петроградского гарнизона служит характер политических резолюций, обсуждавшихся в воинских частях осенью 1917 г. На основе изучения опубликованных и архивных источников нами было учтено около 80 резолюций, принятых в почти 60 воинских частях с 1 сентября по 25 октября 1917 г. в связи с оценкой текущего момента. Не ставя своей задачей проанализировать все политические требования, содержащиеся в резолюциях, мы сосредоточили внимание на главном пункте этих документов — вопросе о власти (табл. 1).[160]

Даже эти извлечения из солдатских резолюций дают представление о высоком накале политической жизни столичного гарнизона в сентябре—октябре 1917 г. Практи-

Таблица 1

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
1 IX	Солдатская команда электротехнической школы	«Переход всей власти к представителям революционных рабочих, солдат и крестьян под контролем их выборных организаций»
1 IX	Петроградская усиленная автомобильная мастерская	«. . .министерство из представителей Советов, исключительно ответственное перед этими Советами»
2 IX	Кексгольмский полк	«Мы признаем Временное правительство из 5 министров с условием, чтобы они действовали под контролем Советов»
2 IX	Охтинская маршевая команда	«. . .образование ответственного перед Советами революционного правительства»
3 IX	Волынский полк	«Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти»
3 IX	2-й батальон Петроградского полка	«Предлагаем. . . чтобы был составлен кабинет министров из социалистов, страдавших за нужды народа по тюрьмам и убивших лучшие годы своей жизни в далекой Сибири»
4 IX	Егерский полк	«Правительство революционной страны должно быть составлено только из представителей революционных классов, т. е. из рабочих, солдат и беднейших крестьян»
5 IX	6-й саперный батальон	«Заявить Центральному Исполнительному Комитету Советов, что участие в правительстве кадетов и других представителей буржуазии является недопустимым»
6 IX	3-я рота Измайловского полка	«Требуем немедленного удаления кадетов и буржуев из правительства»
7 IX	Огнеметно-химический батальон	«. . .вся полнота власти должна принадлежать исключительно представителям революционных слоев населения: рабочих, солдат и крестьян»
7 IX	3-й железнодорожный батальон	«. . .образование однородного революционного правительства и всего правительственного аппарата из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по их указаниям»
8 IX	1-й пулеметный полк	«. . .власть должна быть организована из представителей рабочих и беднейших крестьян»

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
9 IX	Павловский полк	«В целях спасения Российской республики необходимо немедленное создание революционной власти из представителей крестьян, рабочих и солдат»
9 IX	Измайловский полк	«. . .создать правительство, ответственное перед Советами»
9 IX	Семеновский полк	«. . .единогласно присоединяемся к резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 31 августа с. г.»
12 IX	1-я автомобильная рота	«Навсегда покончить с политикой соглашательства и коалицией с буржуазией и создать власть рабочих, солдат и беднейших крестьян»
14 IX	Павловский полк	«Создать власть рабочих, солдат и беднейших крестьян без коалиции и соглашательства с буржуазией»
15 IX	Волынский полк	«Считая, что единственными защитниками и проводниками революции были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, требуем немедленного созыва Всероссийского съезда указанных Советов и передачи всей правительственной власти в их руки»
15 IX	Огнеметно-химический батальон	«. . .отвергнуть принцип построения власти на основе коалиции с буржуазией, достаточно проявивший свое контрреволюционное лицо. Спасти страну может только власть представителей рабочих, солдат и крестьян»
15 IX	Команда мастеровых при инспекторе инженерной части военного округа	«. . .требуем перехода всей власти к рабочим и беднейшим крестьянам»
16 IX	Петроградский полк	«Вся власть пролетариату, солдатам и беднейшим крестьянам»
16 IX	2-й пулеметный полк	«Переход всей власти к рабочим, солдатам и беднейшему крестьянству; безусловно осуждаем политику соглашательства и коалиции с буржуазией»
16 IX	Команда крейсера «Аврора»	«Мы требуем создания такой власти, в основу деятельности которой будет положено: 1) немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира; 2) немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа;

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
		3) организация рабочего контроля над производством и распределением; 4) беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей»
16 IX	7-я рота 6-го саперного батальона	«Чтобы вся власть перешла народу, т. е. Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания»
17 IX	3-й стрелковый полк	«Переход всей власти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян и безусловное осуждение политики коалиции»
18 IX	3-й пехотный полк	«Требуем... немедленного разрыва с помещиками и капиталистами и передачи всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — только власть Советов может спасти революцию и страну от занесенного меча международной клики империалистической буржуазии»
18 IX	4-й батальон 176-го пехотного полка	«...власть должна всецело перейти в руки демократии, т. е. в руки Совета рабочих и солдатских депутатов»
21 IX	175-й пехотный полк	«Мы требуем перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
22 IX	Аэродромная команда Северного района	«Никаких коалиций с кадетами, помещиками, фабрикантами, банкирами и купцами, а создание единой демократической власти из солдат, рабочих и беднейших крестьян»
25 IX	Мастерская броневая автомобильная	«Протестуем против сформировавшегося коалиционного кабинета с партией кадетов и промышленным классом»
26 IX	2-й пулеметный полк	«Решили... присоединить свой голос протеста к голосу Петроградского Совета, считая, что единственной властью, которая сможет дать новую жизнь Российской республике, может быть только власть демократии»
27 IX	Волынский полк	«В тесном контакте со своими Советами мы, волынцы, выражаем недоверие настоящему, ни перед кем не ответственному Временному правительству и требуем создания нашими Советами власти вполне демократической»

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
27 IX	Нестроевая рота Московского полка	«Мы со своей стороны правительству не даем никакой поддержки, потому что оно вытекло из буржуазного класса и торгово-промышленных цензов. Мы заявляем: нас не обмануть никаким демократическим совещанием и никакими предпарламентами. Мы верим только нашим Советам, за власть их мы будем бороться не на жизнь, а на смерть»
28 IX	Егерский полк	«Решили... присоединиться к резолюции Петроградского Совета, которому мы верим и за которым пойдем... требуем передачи власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»
28 IX	Команда ездовых 10-го понтонного батальона	«Требуем возможно скорейшего созыва Учредительного собрания, которое должно решить дальнейшую судьбу народа»
29 IX	Огнеметно-химический батальон	«Мы вместе с рабочими и гарнизоном Петрограда категорически требуем отставки правительства Керенского и считаем, что только Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов может организовать власть, достаточно авторитетную для широких слоев рабочих, солдат и крестьян»
29 IX	1-я рота Петроградского полка	«Немедленно передать власть Советам и комитетам... Означенную резолюцию будем поддерживать вплоть до вооруженной силы»
2 X	Волынский полк	«Требуем создания Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов настоящего революционного, демократически однородного правительства и заявляем всей России и всему миру, что напрасно надеется буржуазия на усыпление нашей революционной энергии»
2 X	5-я рота 2-го пулеметного полка	«Мы, пулеметчики 5-й роты, хотя и не принадлежим к партии большевиков, но за все требования и лозунги будем умирать вместе с ними»
2 X	Артиллерийский дивизион	«Спасти страну может только честная народная власть, опирающаяся на Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
9 X	Финляндский полк	«Передать всю власть Советам, для чего немедленно созвать Всероссийский съезд Советов, который проведет в жизнь все основные требования демократии»
10 X	11-я рота Измайловского полка	«Мы требуем немедленного перехода власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который один может вывести Россию и революцию на путь к спасению»
12 X	Преображенский полк	«. . .Временное правительство не выражает воли демократии, внешняя политика Временного правительства представляется совершенно неясной»
12 X	Украинский батальон Измайловского полка	«. . .с сегодняшнего дня облечь всею полнотою власти Совет солдатских, крестьянских и рабочих депутатов впредь до созыва Учредительного собрания»
12 X	Егерский полк	«Требуем самой решительной борьбы за переход власти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и матросских депутатов впредь до Учредительного собрания»
12 X	Волынский полк	«Понимая ужасное положение нашей страны. . . требуем немедленного перехода власти в руки всероссийского органа нашей демократии — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
13 X	180-й пехотный полк	«. . .полк всецело стоит на позиции Петроградского Совета»
13 X	127-й Петроградский разгрузочный батальон	«Только власть Советов может спасти страну от угрожающей гибели»
14 X	2-й стрелковый полк	«Только власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может добиться скорейшего международного демократического мира и дать землю крестьянам, контроль рабочих и закрепить завоеванную свободу»
15 X	Солдатская команда при Охтинском заводе взрывчатых веществ	«Вся власть Советам на местах и в тылу и на фронте»
16 X	1-й конно-артиллерийский дивизион	«Постановлено. . . присоединиться ко всем резолюциям Съезда Советов Северной области»

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
17 X	2-й пулеметный полк	«При настоящих условиях государственная власть должна быть в руках демократии, т. е. Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
17 X	3-я автомобильная рота	«Углубить революцию, закрепить ее завоевания, дать землю крестьянам может только власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
17 X	Команда писарей Гренадерского полка	«Прежде чем решать важные государственные вопросы, надо быть в курсе дела, а для этого находим правильным предоставить это Учредительному собранию»
18 X	3-й стрелковый полк	«Временное правительство в данном своем составе совершенно не соответствует настроению народных масс и не может пользоваться доверием революционной демократии, а посему вся власть до Учредительного собрания должна принадлежать Всероссийскому съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
18 X	Кексгольмский полк	«. . .мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов положит конец тому предательству, которое наносила революции политика буржуазии и соглашателей „социалистов"»
18 X	6-я рота Егерского полка	«. . .мы, солдаты, единственная надежда и опора наших товарищей рабочих, настойчиво, организованно ведущих смертельную борьбу против капитала и рабовладельцев. . . Отдадим все силы на эту борьбу, вручим всю власть Советам и тогда пойдем за теми, кто всю свою жизнь посвятил борьбе за независимость трудящихся бедняков»
18 X	Измайловский полк	«. . .полк заявляет, что готов всей силой поддержать Петроградский Совет. . . в борьбе за переход всей власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов»
18 X	Гренадерский полк	«. . .мы считаем, что только однородная власть из представителей революционной демократии может вести энергичную борьбу за мир, социализм, Интернационал».

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
18 X	Запасный батальон саперного полка	«Постановили... подчиниться распоряжению Петроградского Совета как единственной демократической организации и выступить только по его зову»
19 X	Второй Балтийский флотский экипаж	«...с нетерпением ждем торжественного открытия съезда представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, которому мы верны, и предлагаем взять власть в свои руки и создать тот самый орган, который может дать народу хлеб и заключить скорый мир на началах, провозглашенных трудовой демократией»
19 X	Петроградский полк	«Мы требуем перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
19 X	Егерский полк	«Егеря признают только авторитет и власть нашего революционного Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов»
20 X	Моторно-понтонный батальон	«За переход власти к Советам»
20 X	348-я Вологодская пешая дружина	«За переход власти к Советам»
20 X	Солдатская команда Петергофской школы прапорщиков	«За переход власти к Советам»
20 X	4-я рота 2-го пулеметного полка	«За переход власти к Советам»
21 X	16-я Ярославская пешая дружина	«За переход власти к Советам»
21 X	Литовский полк	«Обсудив тяжелое положение нашей дорогой свободной России, мы, литовцы, стоим на страже завоеваний свободы и революции и постановили требовать, чтобы вся власть принадлежала Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»
22 X	Павловский полк	«Только власть, созданная могучим размахом революции, власть в лице Советов рабочих и солдатских депутатов может вывести страну из тупика, в который ее загнали проклятый царизм и преступная политика соглашательства»

Таблица 1 (*продолжение*)

Дата проведения митинга или собрания	Воинская часть	Характер принятой резолюции по текущему моменту
22 X	Гвардейский флотский экипаж	«Требуем, чтобы вся власть в стране перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как в центре, так и на местах»
23 X	1-й стрелковый полк	«Нет места сделке буржуазии с социалистами и трудовым народом. Власть должна быть у всего народа в лице Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»
23 X	171-й пехотный полк	«. . .полк стоит за передачу власти Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов»
24 X	Гренадерский полк	«. . .полк обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции»
24 X	6-й саперный батальон	«Только в передаче всей власти Советам мы видим выход из того тупика, куда завела страну соглашательская политики мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров»
25 X	90-я Вологодская пешая дружина	«. . .мы требуем Всероссийского съезда Советов и немедленной передачи власти в руки съезда»

чески ежедневно то в одной части, то в другой проходили многолюдные и бурные митинги и собрания, на которых обсуждался текущий момент. Солдаты снова и снова возвращались к этому животрепещущему вопросу. Особенно часто, как видно из табл. 1, обсуждение проходило в Волынском, Егерском и Измайловском полках, во 2-м пулеметном полку, в огнеметно-химическом батальоне, в 6-м саперном батальоне и др. Показательно, что текущий момент глубоко волновал теперь солдат не только крупных частей пехоты, артиллерии и инженерно-технических войск, но и мелких подразделений — пеших дружин, солдатских команд, ранее слабо втянутых в политическую жизнь.

Приводимые выдержки из солдатских резолюций показывают полную беспочвенность утверждений эсеро-меньшевистских лидеров о том, будто эти резолюции,

составленные большевиками по одной схеме, затем «штамповались» в воинских частях. Сравнение резолюций,принятых даже в одной и той же части, показывает, что они никогда текстуально не совпадали, хотя последовательная политическая линия в них прослеживается довольно четко. В этом можно убедиться, обратившись, например, к резолюциям Волынского полка от 3, 15 и 27 сентября, Павловского полка от 9, 14 сентября и 22 октября, Егерского полка от 4, 28 сентября и 12 октября и др.

Кстати, сами меньшевики и эсеры, приглашаемые на такие митинги и собрания, предпочитали на них не являться и тем более не предлагать своих резолюций.[161]

Бесспорно, что в солдатских резолюциях отразилось постоянно растущее влияние партии большевиков, ее важнейших документов. Здесь в первую очередь нужно выделить резолюцию расширенного заседания Центрального Комитета РСДРП(б) о власти, которая 31 августа 1917 г. была предложена на общем собрании Петроградского Совета и принята им. Эта резолюция, положившая начало утверждению принципиально новой политики ведущего Совета страны, была широко опубликована в прессе и оказала большое влияние на формирование политических представлений солдат. В ней содержалось концентрированное обобщение опыта борьбы с корниловщиной, активно втянувшей солдатские массы в оценку сложной политической обстановки, заставившей их более критически отнестись к политике эсеро-меньшевистского руководства Советов.

Другим важным документом, оказавшим большое влияние на оценку солдатами текущего момента, была большевистская резолюция Петроградского Совета от 25 сентября 1917 г. В этой резолюции, принятой в ответ на создание нового, как потом оказалось — последнего, коалиционного Временного правительства, говорилось: «Правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия мы, рабочие и гарнизон Петрограда, не окажем никакой поддержки. Мы выражаем свою твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: „В отставку!". И, опираясь на этот единодушный голос подлинной демократии, Всероссийский съезд Советов р. и с. д. создаст истинно революционную власть».[162] Как видно из табл. 1, солдаты, присоединяясь к резолюции, решительно требовали созыва Всероссийского съезда

Советов и создания «настоящего революционного правительства» из представителей рабочих и крестьян. Вместе с тем следует сказать, что требование созыва Всероссийского Совета появляется в солдатских резолюциях начиная с середины сентября. Это требование было выдвинуто, в частности, в резолюции общего собрания Волынского полка 15 сентября.

Нельзя также не отметить исключительно скромную и подчиненную роль, какую занимает в солдатских резолюциях Учредительное собрание.[163] В подавляющем большинстве резолюций, даже содержавших требование созыва Учредительного собрания, осуществление коренных интересов трудящихся масс связывалось прежде всего с переходом власти к Советам. И в этом еще раз подтвердилась глубокая правота В. И. Ленина, писавшего в сентябре 1917 г.: «Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина».[164]

В солдатских резолюциях накануне Октябрьского вооруженного восстания позиция Петроградского гарнизона определилась вполне ясно — против власти буржуазии, против реакционной военщины, против политики меньшевиков и эсеров, за переход власти к Советам и создание рабоче-крестьянской власти. Почти каждая солдатская резолюция в октябре 1917 г. заканчивалась, как правило, заверением в готовности выступить в защиту революции по призыву Петроградского Совета и Военно-революционного комитета. Эта вполне определившаяся позиция гарнизона столицы в значительной степени объясняет тот факт, что 24—25 октября число солдатских резолюций о власти было невелико по сравнению с предшествующими днями.

Вместе с тем было бы не совсем точным сказать, что к осени 1917 г. солдатские массы Петроградского гарнизона полностью освободились от прежнего груза иллюзий и заблуждений и находились уже под безраздельным влиянием партии большевиков. В этом лишний раз убеждают целый ряд положений в приведенных нами солдатских резолюциях. Однако эти резолюции дают полное основание утверждать, что к октябрю 1917 г. столичный гарнизон уже сделал выбор, высказался в своей значительной и наиболее активной части в поддержку большевистской программы действий и потому мог стать вооруженной опорой в борьбе за переход власти к Советам.

Глава шестая

ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Мобилизация солдатских масс на вооруженное восстание

Находившийся в решающем пункте борьбы сил революции и контрреволюции, Петроградский гарнизон своей военной и политической значимостью мог существенно повлиять на исход их вооруженного столкновения, неизбежность которого становилась все более очевидной. Вот почему, разрабатывая план вооруженного восстания, В. И. Ленин придавал важное значение участию в нем гарнизона столицы. В «Советах постороннего» он предлагал питерским товарищам «комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части».[1] Вождь партии большевиков указывал на настоятельную необходимость собрать «точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере».[2]

Вернувшись в Петроград из своего последнего подполья, В. И. Ленин в период подготовки вооруженного восстания, решение о проведении которого было принято на заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября, неоднократно встречался с работниками Военной организации большевиков для обсуждения положения в гарнизоне столицы. «Дайте точный подсчет сил, назовите части, которые безусловно пойдут с нами. Какие колеблются? Кто против нас? Где склады оружия и боевых припасов? Чем располагает противная сторона в ближайших к Питеру районах? Где сосредоточено продовольствие и в достаточном ли количестве? Обеспечена ли охрана мостов через Неву? Подготовлен ли тыл в случае возможной неудачи?», —

таковы вопросы, которые, по свидетельству К. А. Мехоношина, поставил В. И. Ленин в одной из встреч с руководителями Военной организации большевиков.[3]

Изучение состава и численности Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания показывает, что попытки Временного правительства и военного командования распылить гарнизон столицы и тем самым лишить революционный лагерь вооруженной опоры в целом потерпели провал, хотя и привели к ослаблению воинских частей, принимавших активное участие в политических выступлениях в Петрограде.[4] Несмотря на то что общая численность Петроградского гарнизона в октябре 1917 г. по сравнению с февралем 1917 г. сократилась на 80 тыс. человек,[5] он по-прежнему представлял собой внушительную силу — около 250 тыс. солдат и офицеров.[6] По данным Б. М. Кочакова, они распределялись по родам войск следующим образом: 63 тыс. — гвардейская пехота, 25 тыс. — армейские пехотные и пулеметные полки, 13 тыс. — дружины государственного ополчения, 55 тыс. — инженерные части, 8.5 тыс. — кавалерийские полки, 8 тыс. — артиллерийские части, 7 тыс. — юнкера военных училищ, 22 тыс. — женский ударный батальон и другие части, сформированные для борьбы с революцией, 38 тыс. — санитарные части (включая и раненых), 8.5 тыс. — солдатские команды, работающие на предприятиях Петрограда.[7] Е. Ф. Ерыкалов, основываясь на донесениях командиров частей, докладах комиссаров Военно-революционного комитета и работников Военной организации при ЦК РСДРП(б) и других источниках, подсчитал численность воинских контингентов, располагавшихся в октябре 1917 г. как в самом Петрограде, так и в его пригородах, выделив при этом солдат, офицеров, юнкеров, казаков и ударников. Заслуживает внимания и дальнейшего уточнения составленная им на основе этих подсчетов табл. 2.[8]

Особый интерес представляет вопрос о состоянии резервных гвардейских полков и запасных пехотных полков, составлявших основную силу Петроградского гарнизона. Их численность к октябрю 1917 г. заметно сократилась по сравнению с февралем 1917 г. Как уже отмечалось, особенно пострадали наиболее революционно настроенные полки 19-й запасной пехотной бригады. Тем не менее реакции еще не удалось к осени 1917 г. выполнить свою цель — вывести бо́льшую их часть на фронт.

Таблица 2

Гарнизон	Солдаты	Офицеры	Юнкера, слушатели офицерских школ и других военных заведений	Казаки	Личный состав специальных частей (ударники и др.)
Петроград	139000	3301	5237	2500	3873
Царское Село и Павловск	23781	1016	—	300	1089
Красное Село	9328	121	—	100	—
Стрельна и Лигово	3965	63	—	—	—
Гатчина	4185	75	1520	300	120
Петергоф и Ораниенбаум	17000	500	2100	120	—
Кронштадт	19307	270	—	—	—
Всего:	216566	5346	8857	3320	5082

В октябре 1917 г. военное командование предприняло новые попытки вывести революционный гарнизон из столицы. 6 октября верховный главнокомандующий А. Ф. Керенский, находясь в Ставке, отдал главному начальнику Петроградского военного округа Г. П. Полковникову приказ следующего содержания: «По создавшейся обстановке необходимо подготовить войска Петроградского гарнизона для выступления для боевых действий в распоряжение Главкосева. Примите меры к обеспечению войск обозом и всем необходимым для похода».[9] Вызвав сильное возмущение солдат и рабочих, этот приказ вместе с тем способствовал улучшению вооружения воинских частей, в особенности тех, которые были разоружены за участие в июльских событиях. Категорически отказываясь выступить на фронт, полки одновременно потребовали своего полного вооружения и снаряжения. Заинтересованное в их немедленном выводе из Петрограда командование было вынуждено пойти на удовлетворение в значительной степени этих требований. Так, 180-му пехотному полку, почти полностью разоруженному в июле 1917 г., было разрешено получить 700 винтовок. Но особенно важно было то, что резервным гвардейским и запасным пехотным полкам было выдано наряду с винтовками и 150 пулеметов.[10] Усилив, вопреки своему желанию, вооруженную мощь Петроградского гарнизона, военные

власти были полны решимости во что бы то ни стало вывести его из столицы. Но этим попыткам не суждено было осуществиться благодаря твердой позиции, занятой Петроградским Советом, всеми революционными солдатами и рабочими.

Обсуждавшая 6 октября текущий момент солдатская секция Петроградского Совета высказалась за всемерную защиту столицы от немецкой угрозы, против планов Временного правительства переехать в Москву. В принятой на этом заседании большевистской резолюции отмечалось, что, «если Временное правительство не способно защитить Петроград, оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому правительству».[11] Ознакомившись с этой резолюцией на следующий день, В. И. Ленин в «Письме Питерской городской конференции» писал: «Резолюция *солдатской* секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат *зреет* убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *верного* убеждения и для агитации среди солдат».[12]

Опубликованный 9 октября в печати приказ Керенского о выводе войск из столицы вызвал незамедлительную реакцию солдатских масс. На состоявшемся в тот же день общем собрании Финляндского полка было принято решение предложить Петроградскому Совету «собрать представителей полковых комитетов Петроградского гарнизона для выработки практических мер для защиты Петрограда».[13] 11-я рота Измайловского полка 10 октября постановила: «В связи с тем, что Петербургу и революции грозит опасность не только извне, но и изнутри, мы требуем немедленно сформирования революционного штаба, который дал бы нам возможность вполне готовыми и с оружием в руках встретить опасность, грозящую задушить нашу революцию».[14]

Впервые предложение об организации революционного штаба обороны Петрограда было внесено большевиками 9 октября на заседании Исполкома Петроградского Совета, где оно было отвергнуто меньшевиками и эсерами, сумевшими получить большинство в один голос (13 против 12). Но состоявшийся в тот же день пленум Петроградского Совета подавляющим большинством одобрил большевистскую резолюцию о создании революционного органа обороны столицы. «Петроградский Совет, — отмечалось в этой резолюции, — поручает Исполнительному

комитету совместно с солдатской секцией и представителям связанных с Петроградом гарнизонов организовать революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему, принял бы меры к вооружению рабочих и таким образом обеспечил бы и революционную оборону Петрограда и безопасность народа от открыто подготовляющейся атаки военных и штатских корниловцев».[15]

Принятием большевистской резолюции было положено начало созданию Петроградского военно-революционного комитета. Не останавливаясь здесь на этапах формирования этого боевого органа вооруженного восстания,[16] отметим только, что активным сторонником организации ВРК выступила солдатская секция Петроградского Совета. 13 октября солдатские депутаты, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, одобрили проект положения о ВРК, принятый накануне на закрытом заседании Исполкома Петроградского Совета. Итоги голосования по этому вопросу — 283 за, один против и 23 воздержались [17] — свидетельствовали о полном разрыве солдатской секции с соглашателями и окончательном ее переходе на большевистские позиции.

Неотъемлемой частью Военно-революционного комитета стало гарнизонное совещание,[18] решение о создании которого было принято 11 октября коллегией военного отдела Исполкома Петроградского Совета.[19] В состав гарнизонного совещания входили члены военного отдела Исполкома, представители солдатской секции от всех родов войск, а также «лица, знакомые с боевой постановкой дела по своей специальности».[20] Важно подчеркнуть, что этот представительный орган Петроградского гарнизона был образован не только с целью информации о положении в воинских частях, но и для «надлежащего взаимодействия и установления самого тесного контакта революционного штаба по обороне Петрограда со всеми войсковыми частями, находящимися в связи с военным отделом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».[21] Гарнизонное совещание рассматривалось, таким образом, как эффективное средство противодействия контрреволюционной политике властей в отношении столичного гарнизона. И в этом сразу же пришлось убедиться командованию Северного фронта, которое 14 октября обратилось непосредственно к пол-

ковым комитетам с предложением направить своих представителей в Псков с тем, чтобы они удостоверились, что вывод войск из Петрограда диктуется исключительно военными соображениями. Созванное в связи с этим 15 октября гарнизонное совещание постановило, что ни одна воинская часть, ни один полковой комитет не должны решать данный вопрос без Петроградского Совета. Последний, заявив о своем монопольном праве распоряжаться судьбой гарнизона столицы, направил делегацию в штаб Северного фронта исключительно с информационной целью.[22]

Решительная позиция шедшего за большевиками Петроградского Совета опиралась на подавляющее превосходство революционных сил в столице над правительственными. Вооруженные силы революции в лице Красной гвардии, матросов Балтийского флота, солдат гарнизона Петрограда и его ближайших пригородов — Царского Села, Павловска, Красного Села, Стрельны, Лигова, Гатчины, Петергофа, Ораниенбаума — составляли в октябре 1917 г., по подсчетам исследователей, не менее 300 тыс. человек.[23] Ленинское требование достигнуть «*гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей „буржуазной гвардии" (юнкеров), наших „вандейских войск" (часть казаков)»[24] накануне Октябрьского вооруженного восстания было выполнено. Утверждения же выступивших против восстания Каменева и Зиновьева о том, что в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены большие силы, к которым они наряду с юнкерами, ударниками и казаками относили и значительную часть столичного гарнизона,[25] основывались на неверии в возможность победы рабочего класса и его союзников, на незнании реального соотношения сил революции и контрреволюции в Петрограде.

В самом деле, какие «боевые аргументы» могло выставить Временное правительство в случае вооруженного восстания в Петрограде? Офицерские кадры, насчитывавшие в гарнизоне и флоте в общей сложности не более 8 тыс. человек,[26] были рассеяны по своим частям, где они находились под контролем комитетов и солдат и были, таким образом, нейтрализованы. К тому же значительная часть офицерства к этому времени вообще устранилась от службы. Военный министр А. И. Верховский в октябре 1917 г. признавал, что «офицеры запасных частей неделями и месяцами ничего не делают,

Таблица 3

Военное училище	Юнкера	Офицеры	Солдатская команда	Оружие
Павловское пехотное	775	87	326	907 винтовок
Владимирское пехотное	662	62	229	731 винтовка и 8 пулеметов
Константиновское артиллерийское	543	38	357	—
Михайловское артиллерийское	587	36	398	У юнкеров: 12 орудий, 308 револьверов, 1095 шашек; у солдат: 50 револьверов, 10 винтовок, 140 шашек
Николаевское кавалерийское	150	11	147	—
Николаевское инженерное	265	26	65	328 винтовок и 22 револьвера

и нет никакой возможности заставить их ходить на занятия».[27]

Более реальными были расчеты властей на юнкеров военных училищ, школ прапорщиков и других военно-учебных заведений столицы и ее пригородов. О численности юнкеров и их вооружении в октябре 1917 г. в наиболее крупных военных училищах можно получить представление из табл. 3.[28]

Несколько тысяч хорошо вооруженных юнкеров и были той реальной силой, на которую и рассчитывало Временное правительство прежде всего. Не случайно и охрана Зимнего дворца была возложена в основном на юнкеров. К 20 октября в Зимнем дворце было сосредоточено 650 юнкеров 1-й и 2-й Ораниенбаумских школ прапорщиков, пулеметная команда юнкеров с шестью пулеметами, юнкера Михайловского артиллерийского училища с шестью орудиями и отряд из семи броневых машин броневого автомобильного дивизиона.[29] Однако опыт борьбы с корниловщиной показал, что в условиях преобладания революционных сил юнкера вряд ли решатся на активные самостоятельные действия. Военные училища находились под постоянным контролем солдат расположенных по соседству с ними воинских частей.

Созданные для борьбы с революцией специальные формирования — стрелковый полк увечных воинов, добро-

вольческий батальон Обуховского завода, петроградский партизанский отряд и др. — насчитывали в общей сложности около 5 тыс. человек[30] и не представляли собой сколько-нибудь серьезной боевой силы.

Существенная роль в планах контрреволюции отводилась тем частям, которые были вызваны в Петроград в связи с июльскими событиями. Особое доверие вызывал самокатный батальон, которому с 3 октября штаб округа поручил нести караульную службу в Петропавловской крепости. Находившиеся там ранее роты 1-й резервной гвардейской дивизии были возвращены в свои полки. 8 октября две роты самокатчиков как наиболее надежные были направлены в распоряжение Северного фронта, в район Ревеля, куда должны были прибыть из Петрограда резервные гвардейские полки. Но когда выяснилось, что эти части туда вовсе не торопятся, а в самом Петрограде назревает вооруженное восстание, Временное правительство затребовало роты самокатчиков обратно в столицу. 12 октября главнокомандующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников телеграфировал командованию Северного фронта: «При создавшейся обстановке и миновании острой нужды в помощи командированных самокатчиков крайне желательно скорое возвращение их в Петроград». При этом Полковников не скрывал, что обстановка «повелительно требует наличия в Петрограде надежной, сплоченной, дисциплинированной части».[31] Это было откровенным признанием того факта, что с «надежными частями» у Временного правительства дело обстояло неважно. 19 октября столь необходимые властям самокатчики прибыли в Петроград.[32]

Большие надежды власти возлагали на броневой автомобильный дивизион. 17 октября его командир получил приказ главнокомандующего округом направить броневые машины к таким стратегическим объектам, как Николаевский вокзал, Центральная телефонная станция, Центральная телеграфная станция, Государственный банк, Главный почтамт, Экспедиция заготовления государственных бумаг.[33]

Расположенные в столице казачьи части не давали командованию оснований причислить их безоговорочно к правительственным войскам. Начиная с разгрома корниловщины казаки все более решительно выступали против их использования в качестве орудия расправы с революци-

онными массами. Войсковой атаман Войска Донского генерал А. М. Каледин неоднократно обращался к главнокомандующему Петроградским военным округом Г. П. Полковникову с просьбой о выводе из Петрограда 1-го и 4-го Донских полков, по его выражению, «атакованных со всех сторон большевизмом».[34] В своем отношении от 7 октября он вновь призывал командование столичного округа вывести из Петрограда Донские полки, отметив при этом «полное разложение 4-го полка и близкое к нему — 1-го и 14-го».[35] 20 октября последовало распоряжение военного министра А. И. Верховского: «Казачьи части в Петрограде застоялись и подпадают под большевистскую пропаганду. Поэтому прошу произвести смену этих полков другими».[36] Но выполнить это распоряжение командование уже не успело.

Общая численность войск, на которые в той или иной степени могло рассчитывать Временное правительство в случае возникновения в Петрограде грозной для него ситуации, была невелика. Активных сторонников защиты буржуазной власти в столичном гарнизоне, по подсчетам исследователей, было всего около 8 тыс. человек.[37]

Разумеется, Временное правительство не сидело сложа руки. Под предлогом оперативных перевозок к Петрограду были направлены пехотные и кавалерийские части с Румынского и Юго-Западного фронтов. К походу на революционную столицу готовились ударные батальоны. Большие надежды связывались контрреволюцией с частями III конного корпуса, входившего в состав корниловских войск и расположенного недалеко от Пскова.[38] Но до подхода этих сил положение Временного правительства в самом Петрограде становилось все более критическим.

Как же оценивали положение в Петроградском гарнизоне и в связи с этим собственные шансы устоять перед революционным выступлением рабочих и солдат Временное правительство и военное командование? Военный министр А. И. Верховский, выступая 10 октября в Предпарламенте, характеризовал состояние гарнизона столицы как «тяжелое», указав при этом в качестве основной причины на «непонимание целей войны».[39] 13 октября в частном совещании Временного правительства и представителей эсеро-меньшевистского ЦИК Советов обсуждался вопрос о «готовящемся выступлении большевиков». Как сообщила на следующий день газета «Новая жизнь», на этом совещании было решено «принять все меры к пре-

дупреждению выступления, а если оно все-таки состоится, то подавить его, не останавливаясь ни перед какими мерами вплоть до применения вооруженной силы».[40] В тот же день главнокомандующий округом Г. П. Полковников дал интервью корреспонденту «Рабочей газеты». «Я думаю, — сказал он, — что Петроградский гарнизон настолько сознательно относится к переживаемым грозным событиям, что найдет в себе благоразумие, чтобы воздержаться от выступления. Во всяком случае мы готовы. Будут приняты все меры, чтобы не допустить выступлений, которые легко могут вылиться в погромы и бесчинства».[41] Не полагаясь, однако, на «благоразумие» вверенных ему частей, главнокомандующий округом издал 15 октября приказ, предписывавший «всем офицерам и солдатам не поддаваться призывам к выступлениям».[42]

17 октября Временное правительство на своем заседании вновь вернулось к вопросу «о настроениях в Петроградском гарнизоне». Присутствовавший на этом заседании Г. П. Полковников заявил, что, по имеющимся у него сведениям, «не существует никаких опасений относительно выполнений приказов Петроградским гарнизоном на случай возникновения каких бы то ни было беспорядков».[43] Но оптимистические заверения командующего округом не подняли подавленного настроения военного министра А. И. Верховского. «Скушно слушать, — сокрушался он. — Активно выступать нельзя. План есть, надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, и его разогнать нет силы. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству и поэтому прошу отставку».[44] Одновременно в печати была помещена беседа с комендантом Петрограда полковником Кошевым, который назвал слухи о предстоящем вооруженном выступлении неосновательными. «Настроение среди солдат Петроградского гарнизона спокойное и выдержанное, — отметил он далее, — не замечается обычной нервозности, предшествующей вооруженным демонстрациям». Вместе с тем Кошевой признал, что среди солдат гарнизона ведется активная агитация в пользу передачи власти Советам и что эта агитация имеет «известный успех», хотя и выразил при этом надежду, что дальше резолюций дело не пойдет. В заключение беседы комендант столицы заверил, что «в распоряжении главнокомандующего Петроградским военным округом имеются надежные силы и достаточные

средства для пресечения массовых эксцессов в самом корне».[45]

Разумеется, подобные заявления были рассчитаны прежде всего на то, чтобы предотвратить возможность вооруженного выступления революционных сил, успокоить общественное мнение, и не отражали реальных настроений в Петроградском гарнизоне. Более осторожными были оценки, не предназначенные для печати, хотя и они, как показали дальнейшие события, были далеки от действительности. В донесении начальника политического отделения Петроградского военного округа военному министру от 19 октября отмечалось: «В некоторых частях гарнизона проходили митинги. Выносят большевистские резолюции. В Петроградском гарнизоне и остальных гарнизонах округа спокойно, большинство частей Петроградского гарнизона стоит на платформе ЦИК Советов по вопросу о предполагаемом выступлении».[46] Характеризуя состояние столичного гарнизона в октябре 1917 г., помощник главнокомандующего Петроградским военным округом А. И. Козьмин полагал, что «в нем небольшая часть, тесно связанная с большевистским Советом, весьма активна. Настроение же прочей части можно назвать пассивным, даже апатичным. Можно сказать, состояние, близкое к тому, что было в июльские дни, только наблюдается бо́льшая сдержанность и организованность и несомненно бо́льшая дисциплинированность. Однако замечается и то, чего тогда не было. Это выжидательное положение и в некоторых случаях искусственная левизна тех групп, которые, по моему глубокому убеждению, в действительности довольно „право“ настроены».[47] А. И. Козьмину нельзя отказать в наблюдательности, он сумел подметить весьма существенные детали в настроениях гарнизона столицы накануне Октябрьского вооруженного восстания, но сделать из них правильных выводов он не сумел, как не сумели этого сделать и Временное правительство, и военные власти.

Выполняя указания В. И. Ленина о привлечении к активному участию в вооруженном восстании Петроградского гарнизона, партия большевиков, ее Военная организация, а затем и Военно-революционный комитет развернули огромную работу по мобилизации солдатских масс на борьбу за переход власти к Советам. Военная организация большевиков, разместившаяся после июльских событий на Литейном проспекте, находилась в самой

гуще солдатской жизни. «Шум, толкотня, все новые и новые группы солдат и рабочих, вливающихся в наше помещение на Литейном, — вспоминал один из руководителей «Военки» В. И. Невский, — беспрерывные телефонные звонки из районов, сообщения о малейшем событии в части, тут же обсуждение важнейших событий текущей политической жизни — вот обычная картина нашего дня. Но и ночью не засыпала наша „Военка". Чем все больше и больше приближалась развязка, тем жизнь нашей организации становилась все более и более нервной, кипучей и шумной».[48] Во многих полках представители Военной организации находились теперь постоянно, проводили митинги, доклады и беседы, готовили солдат к решающему выступлению. Работники «Военки» помогали создавать на предприятиях столицы новые формирования Красной гвардии, подбирали для их обучения солдат-инструкторов, укрепляли связи воинских частей с питерскими рабочими.

Представители Военной организации большевиков участвовали в состоявшейся 14 октября встрече В. И. Ленина с руководящими работниками партии большевиков. На этой встрече, посвященной подготовке вооруженного восстания, большое внимание было уделено положению в Петроградском гарнизоне, роли Военно-революционного комитета в предстоящем выступлении.[49]

Военная организация стремилась всеми имеющимися в ее распоряжении средствами выяснить реальное соотношение сил революции и контрреволюции в районах столицы, получить конкретное представление о настроениях солдат в каждой сколько-нибудь значительной воинской части. В сведениях, представленных штабом Красной гвардии Выборгского района в середине октября 1917 г. в Военную организацию большевиков, в составе революционных сил наряду с почти 5 тыс. красногвардейцев были отмечены Московский полк и моторно-понтонный батальон. Среди «воинских частей отрицательных», общая численность которых определялась в этих сведениях в 2300 человек, значились Михайловское и Константиновское артиллерийские училища, Военно-медицинская академия, отряд «дикой дивизии» в Кушелевке, казачьи сотни и др.[50]

Подробные данные о дислокации, численности, вооружении, боеприпасах, снаряжении и о большевистском влиянии в частях Петроградской стороны направил 16 ок-

тября в Военную организацию большевиков ответственный организатор Петроградского района столицы М. К. Тер-Арутюнянц.[51] Особый интерес здесь представляют сведения о численном составе и вооружении Владимирского пехотного училища, располагавшегося на Большом проспекте Петроградской стороны и Большой Гребецкой улице.[52] Полученные на основе информации от служивших в училище солдат-большевиков, эти сведения были значительно точнее и полнее тех, которыми располагал штаб округа. По данным последнего, на вооружении юнкеров и солдат в октябре 1917 г. имелось восемь пулеметов и 731 винтовка (табл. 3), в то время как Военная организация располагала не только уточненными данными о количестве пулеметов и винтовок и о наличии к ним боеприпасов, но и о том, что в училище еще имеются три бомбомета, одно траншейное орудие и один миномет. И самое главное, она знала, что это оружие можно получить через «надежных товарищей солдат», служивших в этом училище.[53]

Особую ценность для уяснения положения в Петроградском гарнизоне имела информация от большевистских коллективов воинских частей. Из сообщения председателя большевистской ячейки броневого автомобильного дивизиона Военной организации стало известно, что по распоряжению командования в дивизионе был сформирован специальный отряд из 25 броневиков, из которых 17 находились в боевой готовности. Полагая, что этот отряд будет против всяких выступлений, председатель большевистского коллектива одновременно заверял, что команда гаража броневого дивизиона в Михайловском манеже «не разделяет взглядов броневого отряда и стоит на платформе Петроградского Совета р. и с. д. и по первому требованию вышлет в распоряжение Исполнительного комитета Петроградского Совета 4 броневые машины, принадлежащие команде гаража».[54] Большевики из Павловского полка сообщали, что почти все 5 тыс. солдат полка вооружены винтовками; кроме того, в полку имелось также 22 пулемета, в то время как в дни борьбы с корниловщиной было только семь пулеметов.[55] В донесении, поступившем из 16-й Ярославской пехотной дружины, говорилось: «Народу около 1500 чел. Вооружение — до 500 берданок. Настроение в дружине большевистское».[56]

Поступавшие в Военную организацию при ЦК

РСДРП(б) по различным каналам сведения помогали ее руководителям не только лучше оценить степень готовности гарнизона столицы к вооруженному восстанию, но и усилить военно-технические приготовления там, где они велись недостаточно активно.

15 октября состоялось экстренное закрытое заседание Петербургского комитета РСДРП(б), на котором обсуждался вопрос о подготовке восстания. Выступавший от имени Военной организации В. И. Невский, одобрив организационный план, предложенный докладчиком Центрального Комитета А. С. Бубновым, заявил: «Восстание, вооруженное выступление пролетариата здесь, в Питере, возможно. Весь гарнизон за Советом пойдет».[57] Одновременно В. И. Невский отметил, что в Военной организации имеются разногласия в вопросе о готовности к восстанию и о том, поддержат ли начатое в столице восстание провинция и армия.[58] В принятых на этом заседании тезисах, всецело направленных на всемерную подготовку восстания, указывалось на необходимость «усилить связь партийных районов с солдатскими частями».[59]

Созванное сразу же после этого расширенное заседание ЦК РСДРП(б), на котором с докладом о подготовке вооруженного восстания выступил В. И. Ленин, также уделило большое внимание положению в Петроградском гарнизоне. Представитель Военного бюро Н. В. Крыленко отметил «резкое расхождение в оценке настроения». «Личные наблюдения, — говорил он, — приводят к тому, что настроение в полках поголовно наше, но сведения от товарищей, работающих в районах, расходятся, говорят, что для выступления нужно, чтобы что-нибудь их решительно задело, а именно: вывод войск. Бюро полагает, что настроение падает. Бóльшая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу».[60] Вопрос о настроениях рабочих и солдат затрагивали и другие ораторы, указывавшие на сосредоточенно-выжидательное состояние масс. Весь ход дальнейших событий подтвердил глубокую правоту В. И. Ленина, который на этом заседании подчеркивал, что в своей деятельности партия не может руководствоваться только настроением масс, поскольку оно изменчиво, неустойчиво и не всегда поддается точному учету. «Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел,

решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой».[61] Вождь партии большевиков вовсе не призывал не считаться с настроениями рабочих, солдат и крестьян, он призывал только относиться к ним с марксистских позиций. Не случайно уже на следующий день он вновь возвращается к этому вопросу в «Письме к товарищам», дав в нем блестящий образец марксистской оценки настроения масс накануне решающих событий. Он выделил в нем главное, а именно: 1) сосредоточенное и выжидательное состояние рабочих и солдат; 2) их готовность выступить по призыву Советов и для защиты Советов; сильное недовольство нерешительностью руководства в вопросе о «последнем, решительном бое».[62] В. И. Ленин показал полную беспочвенность утверждений Каменева и Зиновьева о том, что в массах нет боевого настроения. Он напоминал, что партия большевиков не только учитывает, но и формирует революционное настроение. Вот почему, подчеркивал он, «твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты».[63]

Всецело разделяя ленинскую позицию, расширенное заседание ЦК партии большевиков призвало «все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания», к поддержке созданного ЦК Военно-революционного центра.[64]

18 октября военный отдел Петроградского Совета созвал закрытое гарнизонное совещание, на котором, по сообщению газеты «Рабочий путь», «присутствовали представители почти всех воинских частей, расположенных в Петрограде и его окрестностях».[65] Обсуждался вопрос об отношении гарнизона к предстоящему вооруженному восстанию. За выступление по призыву Петроградского Совета высказались делегаты гвардейских резервных полков: Егерского, Московского, Волынского, Павловского, Кексгольмского, Семеновского, а также 1-го стрелкового и 3-го пехотного полков, электротехнического батальона, Второго Балтийского флотского экипажа, 3-го гвардейского артиллерийского дивизиона, 89-й Вологодской пешей дружины. Делегат Гренадерского полка заявил, что полк выступит лишь по призыву Всероссийского съезда Совета. Представитель 9-го кавалерийского полка сообщил, что его полк отказывается «от каких бы то ни было выступлений». О своем отрицательном отно-

шении к вооруженному восстанию и о подчинении ЦИК Советов заявили и делегаты 1-й Петергофской школы и 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков. Но общее настроение участников гарнизонного совещания было таково, что присутствовавшим членам ЦИК слова не дали, и последние покинули заседание в знак протеста. Совещание приняло важное решение об организации непрерывной связи воинских частей гарнизона с Петроградским Советом.[66]

Гарнизонное совещание 18 октября, весьма определенно выявившее позицию солдатских масс, получило широкий резонанс во многих воинских частях. На состоявшемся в тот же день собрании 6-й роты Егерского полка было принято весьма выразительное обращение: «Товарищи! Назревают крупные, решающие судьбы социальной революции события... Быть может, придет грозный час, товарищи, и тогда пусть не будет в наших рядах ни колеблющихся, ни усталых, ни трусливых... Ибо мы, солдаты, единственная надежда и опора наших товарищей рабочих, настойчиво, организованно ведущих смертельную борьбу против капитала и рабовладельцев. Отныне ни одно приказание Временного правительства не обяжет нас выполнить волю торговцев народной кровью. Дорогие товарищи! Отдадим все свои силы на эту борьбу, вручим всю власть Советам и тогда пойдем за теми, кто всю свою жизнь посвятил борьбе за независимость трудящихся бедняков. Прочь от власти апостолов смертной казни, сыска, тьмы и провокации. Шестая рота егерей готова к бою. А вы, товарищи?».[67]

Пытаясь воспрепятствовать полному переходу столичного гарнизона в распоряжение Петроградского Совета, командующий округом Г. П. Полковников издает 18 октября приказ, предписывавший всем воинским частям не допускать никаких демонстраций, манифестаций и митингов, а всех лиц, призывающих к вооруженному выступлению, арестовывать.[68] Вечером того же дня бюро военного отдела ЦИК направило всем комитетам воинских частей гарнизона телеграмму, в которой утверждалось, что прошедшее гарнизонное совещание якобы «велось пристрастно». Эсеро-меньшевистские руководители военного отдела ЦИК приглашали представителей полковых и ротных комитетов на свое заседание «для обсуждения вопроса о текущем моменте». Показательно, что ряд комитетов воинских частей решил не участвовать в этом

заседании. Царскосельский Совет рабочих и солдатских депутатов, считая, что гарнизонное совещание 18 октября было «вполне правомочным и законным», предложил частям Царскосельского гарнизона воздержаться от приглашения военного отдела ЦИК.[69]

Однако большая часть полковых и ротных комитетов все же направила своих делегатов на состоявшееся 19 октября собрание. Эсеро-меньшевистские лидеры, пытаясь поколебать решимость солдатских масс, выступили на этом собрании с угрозами и запугиваниями. «Если Петроградский гарнизон поддастся на призыв к выступлению для захвата власти Советами, — заявил Ф. И. Дан, — на улицах Петрограда несомненно повторятся события, имевшие место 3—5 июля». Но это уже не могло оказать никакого воздействия на большинство собравшихся, подтвердивших и здесь готовность своих частей к выступлению по призыву Петроградского Совета. По предложению левого эсера П. Е. Лазимира собрание, созванное помимо военного отдела Петроградского Совета, было решено считать неправомочным.[70]

Утратив контроль над гарнизоном столицы, военный отдел ЦИК установил с 19 октября «полную координацию действий» с военным командованием, заявил о готовности «взять в свои руки ликвидацию большевистского выступления» и «санкционировать все распоряжения главнокомандующего Петроградским военным округом, касающиеся ликвидации подобных выступлений».[71] Угрожающий тон этого заявления эсеро-меньшевистских вождей имел прямую связь с циркулировавшими по городу слухами о предстоящем 20 октября «большевистском восстании». Штрейкбрехерское выступление в печати Каменева и Зиновьева, заявивших о своем несогласии с решениями Центрального Комитета РСДРП(б) 10 и 16 октября, осложнило выбор момента для вооруженного восстания, подготовка к которому вступила к этому времени в завершающую стадию.

20 октября было созвано первое пленарное заседание Военно-революционного комитета, имевшего уже прочные контакты с воинскими частями и районными Советами Петрограда. В представленном организационным бюро докладе содержались предложения об установлении более тесной связи с гарнизоном столицы, в частности о назначении комиссаров ВРК в воинские части; в некоторые из них, как отмечалось на заседании, комиссары уже

были посланы. В связи с назначенным на 22 октября крестным ходом казаков ВРК наметил меры для предупреждения возможных эксцессов.[72]

На проходившем 20 октября заседании Центрального Комитета большевистской партии, посвященном главным образом ликвидации последствий штрейкбрехерского поступка Каменева и Зиновьева, было заслушано также заявление Военной организации большевиков. Хотя текст этого заявления в протоколе отсутствует, краткая запись его обсуждения участниками заседания дает основание считать, что в нем содержалось предложение о создании особого руководящего центра с участием «Военки». Но Центральный Комитет партии не согласился с такой постановкой вопроса, рекомендовав всем организациям, занимающимся подготовкой восстания, координировать свою деятельность с ВРК как легальным центром восстания.[73]

Поздно вечером 20 октября состоялась встреча В. И. Ленина с руководителями Военной организации большевиков.[74] В. А. Антонов-Овсеенко, В. И. Невский и Н. И. Подвойский информировали В. И. Ленина о том, что столичный гарнизон имеет самые тесные связи с Красной гвардией, что военные занятия, ранее проводимые скрытно, теперь с помощью солдат и офицеров-инструкторов проходят не только на территории предприятий, но и в манежах и тирах воинских частей.[75] Характеризуя настроение войск гарнизона столицы в целом как «явно сочувственное восстанию», они высказались одновременно за некоторую его отсрочку, «дабы в каждой воинской части вопрос этот поставить прямо и решительно и технически подготовиться к восстанию».[76] Работники Военной организации вновь высказали сомнения в прочности позиций революционных сил в провинции и на фронте, а также опасения в том, что Керенский может двинуть на Петроград «особые фронтовые реакционные части».[77] По свидетельству Н. И. Подвойского, «все эти доводы нисколько не поколебали Владимира Ильича».[78] В. И. Ленин сумел убедить участников встречи в том, что залог успеха вооруженного восстания — в немедленной мобилизации рабочих и солдат, в тесной связи руководителей восстания и его легального центра ВРК с выборными организациями революционных масс, в том числе с солдатскими комитетами.[79]

Тем временем военные власти продолжали предпри-

нимать внешне активные, но по существу уже бесплодные попытки удержать в своем подчинении Петроградский гарнизон. 20 октября начальники штабов 1-й, 2-й и 3-й гвардейских пехотных бригад, включавших все 12 резервных гвардейских полков, были вызваны в штаб округа «для ознакомления с районами, данными каждому полку».[80] Из последовавшего затем приказа начальника штаба 2-й гвардейской пехотной бригады командирам Московского, Гренадерского, Павловского и Финляндского полков видно, что перед гвардейскими частями была поставлена задача «во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа, во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, не допускать погромов и мятежа». Далее в этом приказе говорилось: «Ввиду того что главнейшими объектами захвата являются Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, Государственный банк, Экспедиция заготовления государственных бумаг, почта, телеграф и Центральная телефонная станция, все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы, с одной стороны, и линию Обводного канала и Фонтанки, с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города».[81] В этом приказе нетрудно обнаружить сходство с планом охраны Петрограда «на случай возникновения беспорядков», разработанным накануне Февральской революции. Но если тогда властям еще удалось вывести войска на закрепленные за ними улицы и важнейшие объекты, то теперь все планы и приказы так и остались на бумаге. Да и само военное командование не питало на этот счет особых иллюзий. Начальник штаба 2-й гвардейской пехотной бригады в своем приказе признавал, что «все указанные выше распоряжения только тогда будут иметь результаты, если полковые комитеты своим авторитетом будут содействовать проведению их в жизнь, посему на комитеты возлагается обязанность проверять и поддерживать исполнение настоящих приказаний».[82] Но дело как раз заключалось в том, что к этому времени комитеты большинства воинских частей столичного гарнизона заявили вполне определенно о своей готовности выполнять распоряжения только Петроградского Совета. Примечательно, что полковой комитет Финляндского полка отреагировал на приказ начальника

штаба 2-й гвардейской пехотной бригады 20 октября тем, что сразу же уведомил штаб округа о предстоящем на следующий день общем собрании полка, на котором намечено было обсудить вопрос «об организации власти».[83]

И все же 20 октября создавалось впечатление, что Временное правительство по-прежнему контролирует положение. Охрана Зимнего дворца была усилена в этот день самокатчиками и броневым отрядом.[84] Штаб округа направил по 50 солдат от Семеновского и Волынского полков в Аничков дворец, куда перед этим было послано две сотни 1-го Донского казачьего полка, но после прибытия туда юнкеров 1-й Петергофской школы прапорщиков казаки и солдаты вернулись в свои казармы. Учебная команда Измайловского полка несла в этот день наряд на Николаевском вокзале.[85] «День 20 октября прошел в Петрограде спокойно, — писала с удовлетворением кадетская «Речь». — 20 октября в ожидании выступления большевиков были приняты усиленные меры охраны. Воинскими караулами были заняты не только здания, имеющие государственное значение, как например почта, телеграф, телефон, но и некоторые частные здания, служившие объектами нападения во время июльского выступления, как например Петроградская военная гостиница (бывшая «Астория») и др.». Однако уже события следующего дня показали, каково в действительности соотношение сил революции и контрреволюции в Петрограде.

Петроградский гарнизон в решающие дни борьбы за власть Советов

Отвечая на военные приготовления Временного правительства, 21 октября Военно-революционный комитет целым рядом мероприятий заявил о своей руководящей роли в столичном гарнизоне. Избранное в этот день бюро ВРК в составе большевиков В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского и А. Д. Садовского и левых эсеров П. Е. Лазимира и Г. Н. Сухарькова оперативно реагировало на последние распоряжения военного командования. В штаб округа были выделены восемь членов ВРК «для совместной работы и контроля».[86] Одновременно

ВРК направил своих комиссаров в воинские части: И. Е. Зайцева — в Егерский полк, Ф. Г. Киселева — в 1-ю автомобильную роту, А. Ф. Ильина-Женевского — в огнеметно-химический батальон и Гренадерский полк, Л. В. Горбатенко — в Волынский полк, Ю. М. Коцюбинского — в Семеновский полк, Д. И. Медведева — в Измайловский полк, Я. М. Рудника — в Финляндский полк, Г. И. Чудновского — в Преображенский полк.[87]

Созванное 21 октября в Смольном экстренное совещание делегатов полковых комитетов убедительно показало основательность претензий ВРК выступать в качестве единственного представителя интересов Петроградского гарнизона. Обещая ВРК свою полную поддержку, солдаты столичного гарнизона в лице своих делегатов высказались за немедленный переход власти к Советам. «Время слов прошло, — говорилось в принятой на этом совещании резолюции. — Всероссийский съезд Советов должен взять власть в свои руки и обеспечить народу мир, землю и хлеб. Этого требует спасение революции и народа».[88] Требование перехода власти к Советам было поддержано солдатскими представителями настолько единодушно, что пытавшемуся их «образумить» оратору из меньшевиков просто не дали говорить.[89]

На гарнизонном совещании 21 октября был поднят вопрос о так называемом крестном ходе казаков, который намечали провести на следующий день в столице представители черносотенного союза казачьих войск, военного комитета союза офицеров и духовенства. К шествию для «освещения оружия» по случаю празднования дня «иконы божьей матери» предполагалось привлечь помимо трех казачьих полков еще и Николаевское кавалерийское училище и сводную казачью артиллерийскую батарею.[90] Принятое на гарнизонном совещании обращение к казакам разоблачало эту контрреволюционную затею, в случае осуществления которой могли бы быть спровоцированы вооруженные столкновения на улицах Петрограда. «Казак, солдат, матрос, рабочий, крестьянин — родные братья, — подчеркивалось в обращении. — Все они труженики, все бедны, все тянут лямку, все придавлены и ограблены войной».[91] Приглашенные на гарнизонное совещание представители казачьих частей заявили, что идея крестного хода, несмотря на ведущуюся агитацию, не встречает одобрения среди казаков. Делегат 4-го Донского казачьего полка сообщил, что полковой комитет

высказался против крестного хода.[92] Представитель 14-го Донского казачьего полка заверил гарнизонное совещание, что его «полк не только не поддержит контрреволюционных замыслов, откуда бы они ни исходили, но и всячески и всеми силами будет бороться против контрреволюции».[93] Высказавшись против крестного хода казаков, гарнизонное совещание одновременно решительно заявило, что «всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор».[94]

Учитывая настроение казаков и опасаясь, что под предлогом предотвращения вооруженного столкновения может быть подготовлено восстание, Временное правительство предложило руководителям союза казачьих войск отложить назначенное шествие. Поздно вечером 21 октября из штаба округа в казачьи полки была направлена телефонограмма, отменявшая крестный ход казаков.[95] «Отмена демонстрации казаков, — писал В. И. Ленин в своем письме Я. М. Свердлову, — есть гигантская *победа*. Ура! *Наступать* изо *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней!».[96]

Поздно вечером 21 октября произошло еще одно важное событие, которое положило начало открытому конфликту между ВРК и штабом округа. Выделенные «для совместной работы и контроля» представители ВРК явились в штаб округа и заявили его командующему, что отныне все приказы командования должны скрепляться подписью одного из комиссаров ВРК. В ответ Полковников заявил: «Мы знаем только ЦИК, ваших комиссаров мы не признаем, если они нарушат закон, мы их арестуем».[97] «Твердость Полковникова была искренней, — вспоминал участвовавший в этой встрече К. А. Мехоношин, — ничего напускного не чувствовалось, очевидно, он не понимал действительного положения в гарнизоне. После краткой беседы нам ничего не оставалось делать, как вернуться в Смольный и принимать соответствующие меры».[98] В ночь на 22 октября на экстренном заседании ВРК было сообщено «о разрыве штаба округа с представителями Совета рабочих и солдатских депутатов».[99]

Утром 22 октября ВРК направил во все воинские части телефонограмму, в которой непризнание штабом округа ВРК расценивалось как полный разрыв командования «с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов». Но особенно

важно было то, что ВРК официально взял на себя руководство охраной революционного порядка, заявив при этом, что «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны». Одновременно подчеркивалось, что все распоряжения, связанные с проведением 22 октября «Дня Петроградского Совета», остаются в полной силе.[100]

Реакция Петроградского гарнизона на эту телефонограмму, опубликованную затем как обращение к солдатам, была незамедлительной и весьма однозначной: на состоявшихся в тот день в воинских частях бурных митингах было единодушно решено подчиняться только Петроградскому Совету и ВРК.[101] Полковой комитет 1-го стрелкового полка, всецело солидаризируясь с позицией Петроградского Совета и ВРК, заявил, что полк готов, «если понадобится, поддержать их вооруженной силой».[102] Обсуждение обращения ВРК в воинских частях показывает, что его призыв к революционной бдительности и неуклонной дисциплине был воспринят солдатскими массами и их выборными организациями как призыв к боевой готовности, к выступлению против контрреволюции.

Открытое противоборство со штабом округа требовало от ВРК еще более укрепить свои связи с частями гарнизона столицы и ее пригородов, сделать их надежными и прочными. Эффективные формы этих связей — гарнизонные совещания и институт комиссаров ВРК — были подсказаны революционной практикой. Созванное ВРК 22 октября в Смольном гарнизонное совещание позволило оперативно выработать единую позицию в вопросе о взаимоотношениях со штабом округа. После ее одобрения солдатскими представителями она сразу же стала проводиться в жизнь в воинских частях.[103] 22 октября ВРК направил своими комиссарами М. К. Тер-Арутюнянца в арсенал Петропавловской крепости, И. З. Левенсона в 176-й пехотный полк в Красном Селе, П. И. Вьюшина в 9-й кавалерийский полк, где под влиянием резко обострившейся обстановки настроение изменилось в пользу Петроградского Совета.[104]

Пытаясь помешать утверждению комиссаров ВРК в столичном гарнизоне, военный отдел эсеро-меньшевистского ЦИК Советов направил 22 октября полковым комитетам и командирам воинских частей телеграмму, в которой излагалось содержание принятого накануне специального постановления бюро ЦИК по вопросу о комисса-

рах ВРК. В этом постановлении соглашатели заверяли, что все сколько-нибудь существенные распоряжения штаба округа отдаются только с согласия комиссара ЦИК и «поэтому назначение особых комиссаров от Петроградского Совета в части гарнизона не только излишне, но и вредно».[105] Однако этот документ не только не повлиял на развитие событий 22 октября и в дальнейшем, но и остался даже почти незамеченным в столичном гарнизоне, который еще несколько месяцев назад всецело доверял соглашательским партиям. Не смог ничего поделать с вышедшим из повиновения гарнизоном и штаб округа, созвавший 22 октября свое совещание, на которое была приглашена делегация проходившего в этот день в Смольном гарнизонного совещания. Прибывший во главе делегации П. В. Дашкевич заявил, что он уполномочен довести до сведения штаба округа следующее: «. . .отныне все приказания, исходящие от штаба, должны быть контрассигнованы Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете». После чего делегация удалилась.[106]

События 22 октября свидетельствовали, таким образом, о преобладающем влиянии Петроградского Совета и ВРК в гарнизоне столицы. Газета «Новая жизнь» в связи с этим писала: «Минувшее воскресенье, „День Совета", было днем решающего подсчета сил большевизма среди Петроградского гарнизона и пролетариата. Сил оказалось достаточно. Гарнизон во всяком случае оказался в сфере влияния большевистского Петербургского Совета, который готовит переход власти съезду Советов».[107]

Возникший между штабом округа и ВРК конфликт и его неблагоприятный исход для «законной власти» 22 октября Временное правительство расценило как результат недостаточно решительных действий командующего округом Полковникова. После обмена мнениями на своем заседании министры решили «немедленно пресечь всякие попытки к установлению двоевластия», предъявив Петроградскому Совету ультимативное требование об отмене телефонограммы ВРК и угрожая в противном случае принять самые решительные меры.[108]

23 октября Военно-революционный комитет обратился со специальным воззванием «К населению Петрограда», в котором доводил до сведения всех рабочих и солдат о назначении своих комиссаров в воинские части и наиболее важные объекты столицы и ее окрестностей. Призывая оказывать им всемерную поддержку, ВРК одно-

временно решительно предупреждал, что «комиссары как представители Совета неприкосновенны» и неподчинение их распоряжениям будет расцениваться как неподчинение Петроградскому Совету.[109]

Продолжая расширять свое влияние в гарнизоне, ВРК послал в этот день своих представителей в Павловский полк (О. П. Дзенис), в Московский полк (Н. П. Вишневецкий), в 180-й пехотный полк (Г. А. Мануйлов), в гвардейский саперный батальон (И. Петров), в аэродромную команду Северного фронта (С. Андреев), на склад автомобилей и имущества главного военно-технического управления.[110] Особенно важное значение имело назначение комиссара в Петропавловскую крепость, где наряду с большевистски настроенным батальоном «Кольта» находился самокатный батальон, введенный туда в июльские дни и считавшийся командованием надежным. Назначенный комиссаром в Петропавловскую крепость Г. И. Благонравов и прибывший туда накануне М. К. Тер-Арутюнянц с помощью солдат-большевиков установили контроль над арсеналом, а на устроенном общем собрании солдат добились принятия резолюции о поддержке Петроградского Совета.[111]

Действуя в полном контакте с полковыми комитетами, комиссары ВРК принимали энергичные меры по усилению политической и боевой подготовки солдатских масс к вооруженному выступлению. 23 октября общее собрание солдат 9-го кавалерийского полка по предложению своего комиссара П. И. Вьюшина постановило поддержать ВРК всеми имеющимися средствами.[112] В тот же день полковой комитет Финляндского полка, заявив о полном подчинении Петроградскому Совету и комиссару ВРК, распорядился «выдать в роты патронов по 60 штук на человека и хранить их до нужного момента взводным командирам».[113] Полковой комитет Кексгольмского полка на своем заседании 23 октября принял решение о временном прекращении отпусков и откомандирований из полка. Резко критикуя позицию командного состава полка, один из выступавших пригрозил: «. . .не только погоны ваши полетят, но и головы».[114]

Важным средством укрепления постоянных контактов ВРК с воинскими частями стала служба связи из представителей полковых комитетов. К 23 октября своих связных в ВРК направили уже 30 воинских частей и военных организаций, в том числе и штаб военного округа,

штаб 19-й пехотной бригады, Михайловское артиллерийское училище и др.[115] Полковые комитеты посылали представителей не только в ВРК, но и в другие полки, «чтобы в случае выступления действовать в полном единении с Петроградским гарнизоном».[116]

В целях борьбы с продовольственным кризисом ВРК взял под свой контроль разгрузку прибывавших в Петроград железнодорожных составов с продовольствием.[117]

Между тем штаб округа, а вместе с ним и Временное правительство еще не теряли надежды урегулировать конфликт с ВРК и вернуть гарнизон столицы под свое начало. С этой целью днем 23 октября делегация ВРК была вновь приглашена в штаб округа, где ей были вручены условия главнокомандующего округом. Предлагая ВРК отменить его телефонограмму частям гарнизона от 22 октября, штаб округа соглашался на создание совещания из представителей Петроградского Совета в целях взаимного осведомления о всех приказах, отдаваемых по гарнизону как штабом, так и Советом.[118]

Эти условия обсуждались на заседании ВРК, на которое явились представители ЦИК А. Р. Гоц и Б. О. Богданов, потребовавшие от имени ЦИК отказаться от захвата власти. На этом же настаивали и левые эсеры, угрожая в противном случае выходом из ВРК. В результате, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, на этом заседании была принята резолюция, в которой констатировалось, что ВРК «не является органом захвата власти, а создан исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюции и погромных посягательств».[119]

В поисках выхода из ухудшавшегося с каждым часом положения «законной власти» А. Ф. Керенский провел днем 23 октября в Зимнем дворце серию совещаний с участием генерала А. А. Маниковского, назначенного управляющим военным министерством вместо ушедшего в отставку военного министра А. И. Верховского, и вызванного в Петроград главнокомандующего Северным фронтом В. А. Черемисова. Главным предметом обсуждения был вопрос «об устранении новой попытки Петроградского Совета нарушить дисциплину и внести расстройство в жизнь гарнизона». На состоявшемся затем совещании чинов штаба округа генерал Я. Г. Багратуни информировал о намеченных мерах борьбы с ВРК.[120]

Петроградский Совет в свою очередь обсудил вечером 23 октября меры по отпору контрреволюции. Выступавший докладчиком В. А. Антонов-Овсеенко рассказал о предпринятых ВРК действиях с момента его создания. В числе главных достижений ВРК он назвал установление контроля над складами вооружения и боеприпасов, над всеми распоряжениями штаба округа. «Во все воинские части назначены комиссары. Везде они принимаются радушно, — подчеркнул В. А. Антонов-Овсеенко. — Никакие приказы и распоряжения без санкции комиссаров выполнены не будут. Военный штаб уже имел случай убедиться, что это не пустые слова: распоряжения штаба о выдаче оружия, автомобилей и т. д. приведены в исполнение не были».[121] В принятой по докладу В. А. Антонова-Овсеенко резолюции Петроградский Совет подтверждал «принятые им для дела охраны завоеваний революции меры», констатировав при этом, что «благодаря энергичной работе Военно-революционного комитета связь Петроградского Совета с революционным гарнизоном упрочилась». В резолюции выражалась также уверенность в том, что ВРК сумеет обеспечить «возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского съезда Советов».[122]

Собравшийся вечером 23 октября в полном составе Петроградский Совет имел все основания не только для решительных требований, но и для решительных действий, поскольку теперь он твердо опирался на вооруженную силу гарнизона столицы. Созванное в это же время в Смольном самое представительное гарнизонное совещание без колебаний высказалось за устранение правительства Керенского, за немедленный переход власти к Советам. Указывая на «тревожное настроение» солдат, созданное попытками контрреволюции расправиться с Петроградским гарнизоном, делегаты воинских частей призывали возможно скорее покончить с буржуазной властью, обещали выступить с оружием в руках по первому же призыву Петроградского Совета.[123]

Временное правительство, собравшись в ночь на 24 октября на закрытое заседание, решило первым перейти в наступление, надеясь тем самым разрядить критическую для себя ситуацию. Оно отдало распоряжение о привлечении к суду членов ВРК за отправку телефонограммы 22 октября, о закрытии большевистских газет и об аресте всех тех большевиков, которые были освобождены из тюрем

под залог. Штаб округа по указанию Временного правительства отдал приказ о немедленной отправке в Петроград стрелкового полка увечных воинов из Царского Села, женского ударного батальона из Левашова, конной артиллерии из Павловска, школ прапорщиков из Гатчины, Петергофа и Ораниенбаума.[124] В Павловское, Владимирское и Константиновское военные училища была направлена телефонограмма, предписывавшая «немедленно выступить в полной боевой готовности на Дворцовую площадь для поддержания законности и порядка».[125] Одновременно главнокомандующий округом Г. П. Полковников отдал приказ, категорически запрещавший всем частям и командам покидать свои казармы. «Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу, — предупреждал главнокомандующий, — будут преданы суду за вооруженный мятеж».[126] Пытаясь подорвать влияние ВРК в столичном гарнизоне, штаб округа направил в воинские части приказ об отстранении «всех комиссаров Петроградского Совета впредь до утверждения их правительственным комиссаром Петроградского военного округа».[127] В свою очередь только что назначенный ЦИК комиссаром Петроградского военного округа Малевский обратился ко всем ротным, батальонным, полковым и бригадным комитетам с призывом исполнять только приказы штаба округа.[128]

Однако осуществить намеченные для подавления революционного выступления меры Временному правительству и штабу округа не удалось. Из вызванных в Петроград частей прибыли только небольшие отряды юнкеров из Петергофа, Ораниенбаума и Гатчины, а также женский ударный батальон из Левашова. Расположенная в Павловске конно-артиллерийская батарея отказалась подчиниться приказу штаба округа и заявила о признании ВРК. Командир стрелкового полка увечных воинов в своем рапорте в штаб округа доносил, что его полк не может прибыть в Петроград «в силу технических условий, а равно угрозы со стороны местной царскосельской военной секции».[129] Попытки юнкеров Павловского, Владимирского и Константиновского военных училищ выступить на Дворцовую площадь были пресечены солдатскими командами этих училищ и расположенными по соседству с ними воинскими частями.[130] Охранявшие Зимний дворец с июльских дней солдаты самокатного батальона днем 24 октября снялись

с караула, заявив, что «далее нести охрану дворца не будут».[131]

Тогда штаб округа по указанию А. Ф. Керенского запросил командование Северного фронта о возможности присылки сводного отряда в составе пехотной бригады, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. Командование ответило, что запрошенные войска могут прибыть в Петроград через сутки после соответствующего приказа, санкционированного ЦИК и армейскими комитетами. Одновременно Керенский приказал двинуть на Петроград из г. Острова 1-ю Донскую дивизию 3-го конного корпуса.[132]

Утром 24 октября с получением первых донесений о переходе Временного правительства в наступление в Смольном собрался Центральный Комитет партии большевиков. Было решено возобновить в кратчайшие сроки печатание «Рабочего пути», закрытого рано утром по распоряжению властей, а также привести в боевую готовность вооруженные силы революции. ЦК распределил между своими членами наиболее ответственные участки восстания: наблюдение за действиями Временного правительства, за продовольственное дело, за железные дороги, за захват почты и телеграфа и др. Предусматривая возможность нападения правительственных войск на Смольный, ЦК принял решение об организации запасного штаба в Петропавловской крепости.[133]

Сразу же после этого ВРК подготовил «Предписание № 1», которое в 9 часов утра было отправлено по телеграфу и через связных во все воинские части гарнизона столицы и корабли Балтийского флота. Оповещая всех солдат и матросов о карательных действиях контрреволюции, ВРК призывал их быть готовыми выступить по первому же сигналу.[134] В обращении к рабочим и солдатам ВРК информировал о принятых им мерах: «1) Все полковые, ротные и командные комитеты вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков. 2) Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части. 3) Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета. 4) Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт. 5) Все члены Петроградского Совета и все делегаты

на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание».[135]

Важное значение для судеб восстания имело принятое ВРК воззвание об охране подступов к Петрограду. Воззвание обязывало все гарнизоны, расположенные в пригородах столицы, выставить усиленные караулы на железнодорожных станциях, не пропускать в Петроград ни одной воинской части, неизвестной своей преданностью революции, вести разъяснительную работу среди войск, вызванных на помощь буржуазной власти.[136] «Военная помощь Временному правительству, — писал в связи с этим впоследствии Н. И. Подвойский, — могла бы пройти только через трупы нескольких полков, оборонявших все петербургские заставы уже с 23 октября. Это были не полки, а союз борцов, решившихся на все, чтобы во что бы то ни стало покончить с ненавистным правительством, с помещиками и буржуазией».[137]

Хотя во всех этих документах ВРК и не предусматривал еще активных наступательных действий, он тем не менее решительно рвал всякие отношения со штабом округа, заявлял о своем монопольном праве распоряжаться всеми выступлениями Петроградского гарнизона. Направленные в воинские части комиссары ВРК и организованная служба связи смогли 24 октября в кратчайшие сроки мобилизовать солдатские массы на отпор контрреволюции. Показательно, что Петроградский Совет в своем воззвании к населению столицы об охране революционного порядка от 24 октября не только призвал обращаться во всех случаях к комиссарам ВРК, но и опубликовал список воинских частей с указанием адресов и телефонов, где находились комиссары ВРК.[138] В этом списке значилась 51 воинская часть, большинство из которых перешло под контроль ВРК именно 24 октября. В этот день комиссары ВРК были направлены в Кексгольмский, Литовский и Петроградский гвардейские полки, 1—4-й стрелковые полки, 1-й и 3-й пехотные полки, 1-й и 2-й пулеметные полки, 6-й саперный батальон, автомобильный броневой дивизион, Второй Балтийский флотский экипаж. Как видно из опубликованного ВРК списка, его комиссары имелись уже не только в революционно настроенных полках, но и в частях, не принимавших раньше активного участия в революционном движении и даже выступавших на стороне Временного правительства: 1-й, 4-й и 14-й Донские казачьи полки,

3—5-й железнодорожные батальоны, гвардейский железнодорожный полк, 85—89-я Вологодские пешие дружины и др. Особо следует отметить, что 24 октября комиссаров ВРК приняли Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевское кавалерийское училище и Николаевское инженерное училище.[139]

Число воинских частей, в которые уже были посланы комиссары ВРК, было даже большим, чем оно указано в опубликованном 24 октября списке. В нем отсутствовали, например, гарнизон Петропавловской крепости, огнеметно-химический батальон, гвардейский саперный батальон, крейсер «Аврора», куда 24 октября комиссаром был назначен А. В. Белышев. Не попали в этот список и военные склады: Петроградский артилллерийский склад, Петроградский склад огнестрельных припасов, Главный склад по формированию автомобильных отрядов. Все они к этому времени находились под контролем ВРК.[140] Материалы бюро комиссаров ВРК показывают, что накануне и в период Октябрьского вооруженного восстания комиссары ВРК имелись более чем в 100 воинских частях, военно-учебных заведениях, управлениях и учреждениях гарнизона Петрограда и его пригородов.[141]

В решающие дни борьбы за власть Советов комиссары ВРК сделали все для того, чтобы столичный гарнизон действительно стал одной из главных сил вооруженного восстания. С получением «Предписания № 1» во всех частях начались бурные митинги, на которых единодушно принимались резолюции о полном подчинении ВРК и готовности выполнить все его приказы. 3-й пехотный полк заявил, что «свои боевые силы до последнего штыка отдает в полное распоряжение Петроградского и Петергофского Совета».[142] После доклада комиссара ВРК в Финляндском полку был избран «исполнительный революционный комитет».[143] В гвардейском саперном батальоне было образовано «временное военно-революционное бюро».[144] Комиссар ВРК в 180-м пехотном полку Г. А. Мануйлов, получив 24 октября по ордеру ВРК оружие и боеприпасы, вооружил винтовками дополнительно более 600 солдат полка, распределив при этом по ротам 17 тыс. патронов.[145]

Вооружение Петроградского гарнизона облегчалось тем, что к этому времени под контролем ВРК находились Петроградский артиллерийский склад, Петроградский

склад огнестрельных припасов и арсенал Петропавловской крепости.[146] В самой крепости военные приготовления начались с утра 24 октября, сразу же после получения «Предписания № 1». «Крепостная стена принимает боевой вид, вспоминал комиссар Петропавловской крепости Г. И. Благонравов. — Устанавливаются пулеметы для обстрела Троицкого моста и набережной; вышка Народного дома занимается отрядом кольтистов; к воротам крепости выставляется усиленный караул, а за ее стены в разные направления высылаются патрули».[147]

Приняв 24 октября энергичные меры по приведению в боевую готовность сил революции, ВРК под руководством В. И. Ленина и в полном соответствии с его указаниями приступил к выработке окончательного плана вооруженного восстания.[148] Какая же роль отводилась в этом плане Петроградскому гарнизону? По свидетельству Н. И. Подвойского, «Военно-революционный комитет решил поднять на восстание в первую очередь самые стойкие части».[149] Революционные полки намечалось использовать при захвате Центральной телефонной станции, Главного телеграфа, Главного почтамта, вокзалов, Зимнего дворца и других стратегических объектов. Занимая ключевые пункты в различных районах столицы, воинские части в качестве одной из главных сил восстания должны были нейтрализовать правительственные войска, обеспечить вместе с Красной гвардией и флотом подавляющий перевес сил революции. Охрана Смольного была возложена на солдат Волынского, Литовского, 1-го пехотного полков, 6-го саперного батальона. Значительная часть революционных войск находилась в резерве.[150]

Разумеется, разработанный план восстания не мог предусмотреть всех операций с участием солдат столичного гарнизона, события 24—25 октября внесли в него свои коррективы.[151] Анализ же этих событий показывает, что Петроградский гарнизон в полном соответствии с ленинскими указаниями внес большой вклад в победу Октябрьского вооруженного восстания. Весьма показательно, что первая акция отпора Временному правительству — освобождение занятой рано утром 24 октября типографии «Рабочего пути» и ее охрана — была возложена ВРК «на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона».[152] Получив этот приказ, полковой комитет Литовского полка выделил в распоряжение ВРК две роты солдат и пулеметную команду с 24 пуле-

метами, которые были направлены к Смольному. Часть этих солдат, прибыв в типографию «Рабочего пути», удалила находившийся там караул милиционеров, после чего рабочие вновь приступили к печатанию большевистской газеты.[153] Солдаты Петроградского гарнизона активно участвовали в борьбе за овладение мостами через Большую и Малую Неву и Большую Невку, которые днем 24 октября власти пытались развести и тем самым разобщить революционные силы. Солдаты Петропавловской крепости контролировали Троицкий мост, Московский полк вместе с красногвардейцами Выборгской стороны и 1-го Городского района охранял Литейный мост, матросы «Авроры» при поддержке Второго Балтийского флотского экипажа и 180-го пехотного полка навели Николаевский мост, рассеяв охранявших его ударников и юнкеров. Солдаты Гренадерского полка по поручению ВРК восстановили движение по Сампсониевскому и Гренадерскому мостам. Солдаты огнеметно-химического батальона вместе с красногвардейцами Васильевского острова заняли и охраняли Тучков мост. Силами революционных войск были блокированы военные училища.

Вечером 24 октября с приходом В. И. Ленина в Смольный восстание стало развиваться стремительными темпами. Активное участие в овладении важнейшими стратегическими объектами города приняли многие части столичного гарнизона. При содействии солдат Кексгольмского полка был захвачен Центральный телеграф, удерживать который затем помогали матросы Второго Балтийского флотского экипажа. Силами этих же частей были заняты Петроградское телеграфное агентство и Главный почтамт.[154] По распоряжению ВРК полковой комитет Измайловского полка выделил 150 солдат для овладения Балтийским вокзалом.[155] Начальник посланного туда штабом наряда по прибытии был вынужден доложить, что вокзал прочно удерживается измайловцами и что имеющимися силами выполнить возложенную на него задачу невозможно.[156] Солдаты 6-го саперного батальона участвовали в захвате Николаевского вокзала, а отряд Петроградского полка — в овладении Царскосельским вокзалом. Революционные войска заняли главную электрическую станцию столицы («Общество электрического освещения 1886 года»), установили караулы в Главном адмиралтействе и военном порту.[157]

Вечером 24 октября эсеро-меньшевистский ЦИК Сове-

тов предпринял отчаянную попытку удержать столичный гарнизон от активного участия в вооруженном восстании: от его имени во все воинские части по телефону было передано содержание принятой Предпарламентом резолюции, предлагавшей Временному правительству издать декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и обратиться к союзникам с предложением начать мирные переговоры. Однако в телефонограмме ничего не говорилось о том, что эти требования были уже отвергнуты Керенским.[158] И тем не менее пропагандистский трюк не смог повлиять на революционное настроение солдат гарнизона столицы. На состоявшемся в ночь на 25 октября в Зимнем дворце совещании у Керенского с участием главнокомандующего округом Полковникова и начальника штаба Багратуни комиссар ЦИК Малевский признал, что все попытки отговорить солдат от выступления, в том числе и посещение воинских частей представителями ЦИК, не дали никаких результатов.[159]

Оставалась еще слабая надежда на казаков, и в казармы Донских полков направляется срочная телефонограмма, подписанная начальником штаба округа Багратуни и комиссаром ЦИК Малевским: «Главковерх приказал 1-му, 4-му, 14-му Донским казачьим полкам, во имя свободы, чести и славы родной земли, выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии, Временного правительства, для спасения гибнущей России».[160] Однако казаки ответили, что они исполнят приказ, если выступит и пехота. Керенский обещал дать и пехоту, но она, по свидетельству самого «главковерха», «упорно не появлялась». В свою очередь казаки «упорно отсиживались в своих казармах» и на все телефонные звонки отвечали, что они скоро «все выяснят» и «начнут седлать лошадей».[161] В конце концов казаки заявили, что не хотят быть живыми мишенями.[162] Утром 25 октября генерал Багратуни в разговоре по прямому проводу с главнокомандующим Северным фронтом Черемисовым был вынужден признать, что казаки отказались выполнить приказ Керенского о выступлении для поддержки Временного правительства.[163]

В то время как «законная власть» столкнулась в столице с полным равнодушием к ее судьбе даже со стороны «надежных» частей, восставшие продолжали развивать свой успех. Рано утром 25 октября при участии солдат Петроградского полка и матросов гвардейского флотского

экипажа был захвачен Государственный банк.[164] По предписанию ВРК полковой комитет Кексгольмского полка организовал отряд для занятия Центральной телефонной станции, последнего крупного узла связи, находившегося еще в распоряжении Временного правительства.[165] «В шесть часов утра в Военно-революционном комитете все на ногах, — вспоминал К. С. Еремеев. — Есть запись донесений; все вокзалы заняты, мосты в порядке, электростанция под надежной охраной, занят телеграф. В городе спокойно. В полках дежурные роты наготове, в районах и на некоторых заводах дежурят отряды Красной гвардии. А телефонная станция? Сведений нет. . . Однако является „связь" и сообщает, что сейчас занята телефонная станция: юнкерский караул не хотел уходить, но испугался».[166]

Утром 25 октября к Смольному прибыли в распоряжение ВРК броневики броневого автомобильного дивизиона, значительно усилив огневую мощь восставших. Операция по захвату броневиков, находившихся под охраной в Михайловском манеже, была проведена под руководством комиссара Г. В. Елина.[167]

Восстание в Петрограде активно поддержали и революционные части пригородов столицы. 2-й пулеметный полк по распоряжению ВРК охранял железнодорожные станции Стрельна, Лигово, Сергиевская пустынь, контролировал Петергофское шоссе. На станции Стрельна пулеметчики задержали роту юнкеров 1-й Ораниенбаумской школы прапорщиков, направлявшуюся в Петроград по вызову штаба округа.[168] Около 700 солдат-добровольцев из 176-го пехотного полка выступили 25 октября на позиции под Красным Селом.[169] Полковой комитет располагавшегося в Царском Селе 2-го стрелкового полка 25 октября постановил: «Просить Военно-революционный комитет о немедленной присылке в полк комиссара».[170]

Утратив полностью контроль над столичным гарнизоном, главнокомандующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников направил в 10 часов 15 минут 25 октября в Ставку следующую телеграмму: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед

страною, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будет сделано попытки к захвату Временного правительства».[171]

Главнокомандующий округом не знал еще, что в написанном примерно в это же время В. И. Лениным обращении «К гражданам России!» объявлялось, что «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».[172] На состоявшемся днем 25 октября заседании Петроградского Совета В. И. Ленин под бурные аплодисменты собравшихся заявил о победе революции.

А в это время министры низложенного Временного правительства, ожидая в Зимнем дворце прибытия вызванных с фронта войск, решили после бегства А. Ф. Керенского вручить свою судьбу кадету Н. М. Кишкину, предоставив ему «исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей».[173] Новоявленный диктатор сразу же сместил с должности главнокомандующего округом Г. П. Полковникова, возложив его обязанности на начальника штаба округа Я. Г. Багратуни.[174] Однако и более решительный генерал Багратуни ничем и никак не мог повлиять на ход событий. В его распоряжении не было достаточно сил не только для освобождения занятого днем восставшими Мариинского дворца,[175] чего требовали министры, но и для охраны Зимнего дворца, вокруг которого сжималось кольцо революционных войск. В состоявшемся в 4 часа дня 25 октября разговоре по прямому проводу с начальником штаба верховного главнокомандующего Н. Н. Духониным комиссар Временного правительства при Ставке В. Б. Станкевич сообщил, что правительство располагает юнкерами двух школ прапорщиков, батареей Михайловского училища и двумя броневиками.[176] Станкевич умолчал о полученном днем подкреплении — прибытии в Зимний дворец 300 казаков 14-го Донского полка. Не сообщил, видимо, потому, что прибывшая после многократных приказов и продолжительных уговоров небольшая часть казаков вместо трех Донских полков вряд ли могла внушать доверие, что и подтвердили самые ближайшие события.

Днем 25 октября революционные силы приступили к разработанной полевым штабом восстания операции по окружению и захвату Зимнего дворца.[177] В соответствии с этим планом Павловский полк вместе с красногвардейцами и при поддержке двух броневиков и двух автомобилей с зенитными орудиями заняли участок от Миллионной улицы по Мошкову переулку и по Большой Конюшенной до Невского проспекта, где затем выставили свои заставы. Район от Сенатской площади до Адмиралтейства контролировал Кексгольмский полк, солдаты которого овладели к этому времени Военным министерством, находившимся на Мойке. К 6 часам вечера окружение Зимнего дворца было завершено. На всех направлениях к Дворцовой площади были выставлены усиленные заставы и патрули. Как свидетельствует Джон Рид, «характерным был состав этих патрулей: солдатами повсюду командовали красногвардейцы».[178] И в этом глубоко символичном факте нашла свое отражение ведущая роль питерских рабочих в борьбе революционных масс столицы против власти буржуазии.

Ряды защитников Временного правительства стали сразу же убывать. Первыми ушли из Зимнего дворца с двумя орудиями юнкера Михайловского артиллерийского училища, которые затем были разоружены солдатами Павловского полка на углу Невского и Морской. В 6 часов 30 минут генерал Я. Г. Багратуни сообщил по прямому проводу главнокомандующему Северным фронтом В. А. Черемисову, что «войсками, верными правительству, занимается площадь Зимнего дворца, которая окружена постами частей гарнизона, которые повинуются Петроградскому Совету».[179] Около 8 часов вечера солдаты-павловцы и красногвардейцы беспрепятственно заняли находившийся на Дворцовой площади, рядом с Зимним дворцом, штаб Петроградского военного округа, а еще через несколько часов революционные силы начали решающее наступление на Зимний дворец, который к этому времени покинули юнкера 1-й Ораниенбаумской школы прапорщиков и школы прапорщиков Северного фронта, казаки 14-го Донского полка и ударницы женского ударного батальона.

Около 11 часов вечера на штурм Зимнего дворца пошли в едином строю красногвардейцы, солдаты и матросы. Как показывают документы и воспоминания активных участников Октябрьского вооруженного восстания,[180]

в этой завершающей операции активно участвовали солдаты Волынского, Кексгольмского, Литовского, Павловского, Преображенского полков, 1-го пулеметного полка, броневого автомобильного дивизиона, гарнизона Петропавловской крепости, матросы «Авроры» и Второго Балтийского флотского экипажа. Около 2 часов ночи представители этих воинских частей стали и свидетелями ареста Временного правительства, после чего в Смольный была направлена телефонограмма: «2 часа 4 мин. был взят Зимний дворец. 6 человек убито — павловцев. Комендантом Зимнего дворца [назначен] Чудновский».[181]

Вечером 26 октября Второй Всероссийский съезд Советов принял в Смольном декреты о мире, о земле и образовании Советского правительства, осуществив тем самым коренные требования революционных масс.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Заявив о своей полной поддержке только что победившей Советской власти,[1] Петроградский гарнизон сразу же выступил на ее защиту от контрреволюции, не смирившейся со своим поражением. Бежавший из столицы в расположение 3-го конного корпуса А. Ф. Керенский с большим трудом сколотил отряд из нескольких сотен казаков, поддержанных артиллерией, бронепоездом и броневиком, и двинул его на Гатчину, которую ему удалось захватить 27 октября. На следующий день мятежники взяли Царское Село. Этот временный успех Керенского объяснялся почти полным отсутствием у революционных войск артиллерии и пулеметов.[2] Однако конечный исход контрреволюционной авантюры определяли более существенные факторы. Командир 3-го конного корпуса генерал П. Н. Краснов, назначенный А. Ф. Керенским главнокомандующим «всеми вооруженными силами Российской республики Петроградского округа»,[3] тщетно ожидал делегаций от столичных воинских частей, которые он призвал «образумиться» и выступить на защиту свергнутого Временного правительства.[4] Попытки Краснова привлечь на свою сторону хотя бы часть Царскосельского гарнизона, насчитывавшего около 16 тыс. человек, также окончились полной неудачей. Не смог казачий генерал использовать в своих преступных целях и находившуюся в Царском Селе пулеметную команду 14-го Донского полка. По словам самого Краснова, «представители 14-го полка уперлись, как бараны», открыто заявив при этом, что «они заодно с Лениным, что Ленин за мир, и категорически отказались помочь».[5] В результате агитации революционных солдат заколебалась и та часть казаков, которую Керенскому и Краснову удалось обманным путем склонить к походу на Петроград.

Тем не менее вооруженное выступление контрреволюции даже в таких ограниченных масштабах значительно осложнило обстановку как в самой столице, так и на ее подступах, потребовало принятия срочных и решительных мер по организации отпора реакции. 27 октября ЦК РСДРП(б) и Совнарком образовали комиссию во главе с В. И. Лениным для непосредственного руководства всей обороной Петрограда. В тот же день был издан приказ № 1 по штабу Петроградского военного округа, согласно которому во главе нового штаба были поставлены четыре комиссара ВРК: В. А. Антонов-Овсеенко, И. Л. Дзевялтовский, Г. И. Чудновский и полковник Бойе.[6] Новый штаб сразу же приступил к формированию сводного отряда из революционных частей гарнизона столицы.[7] Поздно ночью В. И. Ленин приехал в штаб округа, чтобы подробно ознакомиться с обстановкой на фронте и с принятыми мерами по организации отпора мятежникам. Глава Советского правительства потребовал мобилизовать все силы и средства для быстрейшего разгрома войск Керенского—Краснова. По его указанию главнокомандующим Петроградским военным округом был назначен Н. И. Подвойский.[8] Новому руководству столичного гарнизона предстояло преодолеть известное благодушие солдатских масс, находившихся под впечатлением победы в Октябрьском вооруженном восстании, показать им всю серьезность сложившегося положения, настроить их на бескомпромиссную борьбу.

Вспыхнувший в Петрограде в ночь на 29 октября мятеж юнкеров еще раз подтвердил, что слишком рано праздновать победу революции. Хотя общая численность заговорщиков была сравнительно небольшой — не более 1500 человек,[9] их выступление в случае удачи должно было стать началом совместных действий всех контрреволюционных сил как в самой столице, так и за ее пределами. Опорными пунктами мятежников стали военные училища —Владимирское и Павловское пехотные, Константиновское и Михайловское артиллерийские, Николаевское инженерное. Но решительные меры Советской власти, опиравшейся на подавляющий перевес сил революции, опрокинули замыслы мятежников. В ликвидации выступления юнкеров активно участвовали вместе с красногвардейцами и солдаты тех воинских частей, которые держали под контролем военные училища в дни Октябрьского вооруженного восстания — Гренадерского и Кексгольмского

полков, Петропавловской крепости, огнеметно-химического батальона, Второго Балтийского флотского экипажа и др.

Вечером 29 октября состоялось совещание полковых представителей Петроградского гарнизона. С докладом о политическом положении выступил на этом совещании В. И. Ленин, который, характеризуя сущность переживаемого момента, подчеркнул: «Политический вопрос теперь вплотную подходит к военному».[10] Оценивая соотношение сил революции и контрреволюции, он показал, что на стороне Советской власти «громадное большинство крестьян, солдат и рабочих», в силу чего авантюра Керенского, как и восстание юнкеров, обречена на провал. Вместе с тем В. И. Ленин не скрывал, что «момент теперь трудный», что сейчас как никогда важны организация и дисциплина.[11]

В последовавших затем выступлениях солдатских представителей гарнизона столицы был ярко раскрыт ленинский вывод о том, что «в частях много единства и подъема».[12] Выступавшие отмечали, что солдаты полны решимости защищать Советскую власть и выражают «недовольство тем, что их долго не посылают на борьбу с Керенским».[13] Совещание полковых представителей 29 октября и состоявшиеся в тот же день в воинских частях митинги сыграли важную роль в мобилизации солдатских масс Петроградского гарнизона на разгром мятежа Керенского—Краснова.

К моменту решающих сражений под Пулковым было достигнуто многократное преимущество революционных сил над мятежниками: 1000—1200 казакам Краснова [14] противостояли 10—12 тыс. революционных бойцов, среди которых было до 5 тыс. солдат гарнизона столицы.[15] На стороне защитников Советской власти был не только численный, но и моральный перевес. ВРК в своем бюллетене отмечал, что «все петроградские полки выступили на позиции с огромным воодушевлением».[16] К 30 октября была создана укрепленная линия фронта на участке Пулково—Красное Село. На Пулковских высотах вместе с красногвардейцами и матросами находились солдаты Измайловского, Петроградского и 2-го стрелкового полков, на красносельском направлении — солдаты Егерского, Павловского, 171-го и 176-го полков.

Отчаянные попытки Керенского и его сообщников получить подкрепления с фронта не дали положительного

результата. Более того, казаки Краснова, видя свою полную изолированность от остальной армии, стали проявлять открытое недовольство. В этих условиях главарям мятежа не оставалось ничего другого, как пойти ва-банк, и они первыми перешли в наступление. 30 октября генерал Краснов четыре раза бросал в атаку казачьи войска и все безуспешно. Как сообщал в своем бюллетене ВРК, «в развернувшейся борьбе все части войск — моряки, солдаты и красногвардейцы — обнаружили беззаветную храбрость».[17] К ночи 30 октября Царское Село было занято революционными силами.[18] К вечеру 1 ноября была освобождена Гатчина, в которую вошли солдаты Финляндского полка и отряд матросов.

На следующий день в «Правде» крупным шрифтом было помещено сообщение ВРК: «Войска Керенского разбиты. Арестован весь штаб Керенского с генералом Красновым и Войтинским во главе. Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежал. Казаки, перейдя на сторону революционных войск, ищут Керенского с тем, чтобы передать его в руки Военно-революционного комитета. Авантюра Керенского считается ликвидированной. Революция торжествует».[19] В тот же день в Петрограде состоялась торжественная встреча первых отрядов красногвардейцев, солдат и матросов, вернувшихся с фронта. Среди них были солдаты почти 20 воинских частей гарнизона столицы.[20] Решительно встав на защиту завоеваний Великого Октября, солдатские массы вновь продемонстрировали высокий уровень революционной сознательности. В принятой 2 ноября 1917 г. резолюции команды полевых радиостанций электротехнического батальона говорилось: «Мы заявляем, что не все из нас большевики, но все мы, как один, объединились на единой программе действий и пойдем без колебаний за этой партией, которая решительно и до конца будет идти к раз намеченной цели полного раскрепощения трудящихся. Кто станет поперек этой дороги, всех сметем».[21]

Прошедшие в середине ноября 1917 г. в Петрограде выборы в Учредительное собрание убедительно показали, что солдатские массы столичного гарнизона твердо стоят на большевистских позициях. Из 88 197 солдат Петроградского гарнизона, принявших участие в выборах, 67 868 отдали свои голоса за партию большевиков, в то время как за эсеров было подано немногим более 10 тыс. голосов солдат, за кадетов — около 5 тыс., за меньше-

виков — 1 тыс.[22] Показательно, что за большевиков высказалась четвертая часть всех голосовавших в столичном округе казаков, а в 4-м Донском полку большевистская парти собрала почти половину всех голосов.[23] Столь же внушительной была победа большевиков на выборах в Учредительное собрание и по Петроградскому военному округу в целом, где они получили свыше 70 % всех голосов солдат.[24] Итоги выборов в Учредительное собрание еще раз подтвердили, что к моменту Октябрьского вооруженного восстания партия большевиков имела прочную опору в столичном гарнизоне.

Петроградский гарнизон затем еще не раз доказывал преданность революции, посылая сотни лучших агитаторов на фронт,[25] выделяя из своих рядов отряды для борьбы с Дутовым и Калединым.[26] А когда началась демобилизация старой армии и стала создаваться Красная Армия, лучшие представители гарнизона столицы вступили в нее добровольцами.[27] Большинство же солдат-крестьян разъехались из Петрограда по всей необъятной стране, чтобы у себя дома, в деревне, проводить политику Советской власти, победу которой они добыли с оружием в руках вместе с рабочими в октябре 1917 г.

Борьба партии большевиков за Петроградский гарнизон в 1917 г. была составной частью ее гигантской работы по созданию политической армии социалистической революции, по привлечению многомиллионных солдатских масс на сторону революции, по укреплению союза пролетариата и крестьянства. Эффективность этой борьбы нашла свое выражение в революционном творчестве солдат, в их постоянно возраставшем влиянии на развитие политических событий, в их борьбе против буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции, в активном участии в Октябрьском вооруженном восстании, в защите завоеваний Великого Октября. Опыт партии большевиков убедительно свидетельствует, что без привлечения армии на сторону революционных сил нельзя нанести противнику поражение в решающем пункте борьбы за власть, нельзя рассчитывать на прочный успех восстания и революции в целом. Вот почему этот опыт имеет непреходящее значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Введению

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 295.
[2] Там же, т. 49, с. 27.
[3] Там же, т. 31, с. 325.
[4] Там же, т. 34, с. 264.
[5] Там же.
[6] Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981, с. 147.
[7] *Голуб П. А.* Советская историография о сломе старой армии и отвоевании солдатских масс под знамя Октября. — Военно-исторический журнал, 1970, № 10, с. 113—121; № 11, с. 116—125; *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982. 383 с.; *Миллер В. И., Протасов Л. Г.* Революционное движение в армии. — В кн.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции, с. 147—176; *Смольников А. С.* Армия победившей революции : Советская историография большевизации армии. М., 1984. 191 с.
[8] Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. 520 с.; Вооруженные силы Великого Октября. М., 1977. 287 с.; *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. 319 с., и др.
[9] *Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975. 343 с.; *Баталов А. Н.* Борьба большевиков за армию в Сибири. Новосибирск, 1978. 285 с.; *Васин И. Н.* Армия и революция : Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях. М., 1973. 240 с.; *Ионенко И. М.* Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов : По материалам Поволжья и Урала. Казань, 1976. 190 с.; *Кузьмина Т. Ф.* Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября : По материалам Московского военного округа. М., 1978. 310 с.; *Протасов Л. Г.* Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. 191 с.; *Сойфер Д. И.* Солдатское революционное движение в Туркестане. Ташкент, 1969. 240 с.; *Якупов Н. М.* Борьба за армию в 1917 году : Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975. 294 с.
[10] *Минц И. И.* История Великого Октября : В 3-х т. 2-е изд. М., 1977—1979, т. 1. 784 с.; т. 2. 1008 с.; т. 3. 903 с.
[11] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция : Восстание в Петрограде. М., 1967. 407 с.

[12] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964. 272 с.

[13] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966. 487 с.

[14] Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде. В 2-х кн. Л., 1967, кн. 1. 452 с.; кн. 2. 611 с.

[15] Революционный Петроград : Год 1917. Л., 1977. 439 с.

[16] *Кочаков Б. М.* 1) Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки ЛГУ, 1956, № 205. Сер. ист. наук, вып. 24, с. 50—83; 2) Большевизация Петроградского гарнизона. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание. М.; Л., 1957, с. 213—225; 3) К вопросу о составе, численности и расположении Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964, с. 287—302.

[17] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. — Исторические записки, 1955, № 51, с. 3—24.

[18] *Питулько А. А.* Борьба большевиков за солдатские массы Петроградского гарнизона в период мирного развития революции. — В кн.: Ленин. Партия. Октябрь. Л., 1967, с. 119—137.

[19] *Ионов А.* Борьба большевистской партии за солдатские массы Петроградского гарнизона в 1917 г. М., 1954. 124 с.

К главе первой

[1] Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927, т. 2, с. 64; *Мартынов Е. И.* Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927, с. 59; *Чаадаева О. Н.* Вооружение пролетариата в 1917 г. — История пролетариата в СССР, 1932, № 11, с. 18.

[2] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки ЛГУ, 1956, № 205. Сер. ист. наук, вып. 24, с. 51.

[3] Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 1, с. 21.

[4] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция : Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 96.

[5] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972, с. 99.

[6] *Капшуков С. Г.* Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны. М., 1957, с. 139.

[7] Так, главнокомандующий Петроградским военным округом генерал-майор П. А. Половцов издал 16 июня 1917 г. «Приказ по гарнизону г. Петрограда» в связи с участием столичного гарнизона в июньской демонстрации (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 17 июня).

[8] На это справедливо обращает внимание А. М. Андреев (*Андреев А. М.* Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М., 1975, с. 31).

[9] Голос солдата, 1917, 13 мая.

[10] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 10, л. 37.

[11] Там же, л. 41, 44. Сравнительная точность этих сведений подтверждается и теми данными, которые привел в своей книге бывший главнокомандующий Петроградским военным округом П. А. Половцов. Он сообщал, что в мае 1917 г. в Петрограде и его окрестностях находилось около 300 тыс. солдат и офицеров, из которых половину

составляли «всякие нестроевые и технические войска» (*Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б. г., с. 63—64).

[12] *Гаврилов Л. М.* Состояние резервов фронта накануне Октября. — История СССР, 1967, № 4, с. 20.

[13] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 68.

[14] Николай II был шефом Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Гренадерского, Павловского, Волынского и других лейб-гвардейских полков (Императорская гвардия. СПб., 1910, с. 5—6).

[15] ЦГВИА СССР, ф. 2575, оп. 1, д. 604, л. 14—16.

[16] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977, т. 1, с. 365.

[17] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 395, 404.

[18] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 10091, л. 2.

[19] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 73.

[20] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 393—394.

[21] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 9951, л. 2.

[22] Там же, д. 10079, л. 2.

[23] Там же, д. 10091, л. 10.

[24] ЦГАОР, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 403—404.

[25] Там же, л. 403.

[26] Там же, л. 395.

[27] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 73.

[28] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 10, л. 26, 41—44.

[29] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 10090, л. 2, 4.

[30] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 405.

[31] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 75.

[32] Не случайно в середине февраля 1917 г. царь требовал послать на «отдых» в Петроград две казачьи дивизии. Однако вместо них с фронта были отозваны как заведомо ненадежные два батальона гвардейского морского экипажа (*Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 399—400).

[33] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 10081, л. 3.

[34] Там же, д. 9952, л. 24.

[35] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 10, л. 41.

[36] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 79.

[37] ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 3, д. 2717, л. 524—532.

[38] После Февральской революции Пажеский корпус был преобразован в Петроградский кадетский корпус.

[39] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 79.

[40] Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Пг., 1915. 339 с.

[41] Там же, с. 326—327.

[42] Там же.

[43] Вооруженные силы России. — В кн.: Русский календарь на 1916 год. Пг., с. 267.

[44] *Протасов Л. Г.* Классовый состав солдат русской армии перед Октябрем. — История СССР, 1977, № 1, с. 47.

[45] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 61. По-видимому, эта цифра появилась под влиянием высказанного в литературе утверждения (и тоже необоснованного) о том, что в первую мобилизацию 1914 г. было призвано 40 % рабочих России (см., например: *Гриневицкий В. И.* Послевоенные перспективы промышленности. М., 1922, с. 16; Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927, т. 1, с. 209). По ориентировочным подсчетам П. В. Волобуева, численность мобилизованных в армию промышленных рабочих могла составить

от 400 до 500 тыс. человек, т. е. 20—25 % рабочих-мужчин и 15—19 % всех рабочих (*Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, с. 20). Основываясь на социальном составе новобранцев 1914—1919 гг., Л. Г. Протасов считает, что в рядах старой армии в годы первой мировой войны находилось 700—800 тыс. фабрично-заводских рабочих (*Протасов Л. Г.* Классовый состав солдат русской армии. . ., с. 47).

[46] *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 году. — Вопросы истории, 1961, № 1, с. 52.

[47] Там же, с. 51.

[48] *Мильчик И.* Рабочий февраль. М.; Л., 1931, с. 10.

[49] *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе. . ., с. 53. После Февральской революции под напором рабочих правления заводов обращались в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы с многочисленными просьбами о возвращении на предприятия квалифицированных рабочих, взятых в армию за участие в забастовочном движении и служивших в Петроградском гарнизоне (ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 33, л. 1—94).

[50] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 61.

[51] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода. Л., 1939, с. 561.

[52] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 63.

[53] Там же, с. 69.

[54] Там же, с. 71.

[55] *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе. . ., с. 45.

[56] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 59; Путиловец в трех революциях. Л., 1933, с. 319.

[57] *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.; Л., 1965, с. 42.

[58] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 69.

[59] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции, с. 293.

[60] Солдатская мысль, 1917, 5 мая.

[61] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, с. 22. Основываясь на этих данных, П. А. Голуб также приходит к выводу о том, что «крестьянский характер армии в ходе войны остался прежним, а возможно даже усилился» (*Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 22).

[62] Россия в мировой войне 1914—1918 гг., с. 20, 49.

[63] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 78—79.

[64] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 394.

[65] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 10091, л. 10.

[66] Командовавший в 1917 г. Петроградским военным округом генерал П. А. Половцов с раздражением констатировал, что «в каждом запасном батальоне есть одна рота, являющаяся источником всяких неприятностей, обыкновенно это рота эвакуированных» (*Половцов П. А.* Дни затмения, с. 67—68).

[67] Во многих частях роты эвакуированных было значительно больше: в Егерском резервном полку, например, на 5 августа 1917 г. было 3228 эвакуированных (ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 9952, л. 78).

[68] Вестник союза казачьих войск, 1917, 16 июня.

[69] Вооруженные силы России, с. 266.

[70] *Богданов И. М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964, с. 52.

[71] Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. СПб., 1914, с. 324—325.

[72] Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922, с. 50.

[73] Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год, с. 212—213.

[74] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 365.

[75] Цит. по: *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 80.

[76] Там же, с. 81—83.

[77] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции, с. 99.

[78] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 394—395.

[79] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 84.

[80] Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны : 1914—февраль 1917. М., 1966, с. 171.

[81] *Родзянко М. В.* Государственная дума и Февральская 1917 года революция. — В кн.: Февральская революция : Мемуары. М.; Л., 1926, с. 22.

[82] Ежедневный наряд в караульную службу по Петрограду составлял в 1917 г. 20 тыс. солдат и офицеров (*Половцов П. А.* Дни затмения, с. 64).

[83] См. об этом: *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964. 327 с.; *Кораблев Ю. И.* Революционное движение в войсках Петербургского военного округа в 1905 г. — Исторические записки, 1954, т. 49, с. 3—29.

[84] *Васин К. Б.* Мятежный батальон. М., 1965, с. 32—33.

[85] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 8.

[86] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1980, т. 1, с. 379, 412.

[87] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 253.

[88] Листовки петербургских большевиков. Т. 2. 1907—1917. Л., 1939, с. 114.

[89] Там же, с. 119—121, 136—137, 164—165, 166—167, 171—172, 181—183, 183—184, 197—198, 225—227 и др.

[90] Там же, с. 184.

[91] Революционное движение в армии и на флоте. . ., с. 170—172, 314—315.

[92] Переписка Николая и Александры Романовых : 1916—1917 гг. М.; Л., 1927, т. 5, с. 35.

[93] Цит. по: *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.; Пг., 1923, кн. 1, с. 162.

[94] *Платонов Н. Ф.* Православная церковь в борьбе с революционным движением в России. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Л., 1960, т. 4, с. 196.

[95] *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954, т. 2, с. 268.

[96] Революцционное движение в армии и на флоте. . ., с. 106—107.

[97] Там же, с. 115.

[98] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 182.

[99] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции, с. 89—90.

[100] Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. : Документы и материалы. Л., 1958, с. 631.

[101] Там же, с. 398, 402—403.
[102] Социал-демократ, 1916, 31 марта.
[103] Рабочее движение в Петрограде. . ., с. 493—494. См. также: Революционное движение в армии и на флоте. . ., с. 208—209.
[104] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году : Сб. документов и материалов. Л., 1932, с. 20.
[105] Революционное движение в армии и на флоте. . ., с. 424.
[106] Там же, с. 219.
[107] Там же, с. 171.
[108] Там же, с. 149.
[109] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1743, л. 11.
[110] Красная летопись, 1922, № 2—3, с. 158—159.
[111] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1712, л. 1—2.
[112] Падение царского режима. Л., 1925, т. 4, с. 92; Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической борьбы : Сб. документов и материалов. Л., 1939, с. 274.
[113] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 293—302.
[114] Цит. по: *Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 42.
[115] *Авдеев Н.* Революция 1917 года : Хроника событий. М., 1922, т. 1, с. 18—19.
[116] Цит. по: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 408.
[117] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 253, л. 39; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 108.
[118] ЦГАОРСР, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 2; Рабочее движение в Петрограде. . ., с. 544.
[119] ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 253, л. 39.
[120] Большевики в годы империалистической войны : 1914—февраль 1917 г. Л., 1939, с. 169—172.
[121] Там же, с. 171.
[122] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 78.
[123] Там же, с. 78, 80, 85.
[124] Там же, с. 80.
[125] *Свешников Н.* Отрывки из воспоминаний. — Петроградская правда, 1923, 14 марта.
[126] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода. М.; Л., 1941, с. 546.
[127] *Каюров В.* Шесть дней Февральской революции. — Пролетарская революция, 1923, № 1 (13), с. 159.
[128] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 21—22; *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 99.
[129] *Лейберов И. П.* Второй день Февральской революции. — В кн.: Свержение самодержавия. М., 1970, с. 108—109.
[130] Там же, с. 112.
[131] Падение царского режима. Л., 1924, т. 1, с. 188.
[132] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 100.
[133] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1333, л. 2.
[134] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 95.
[135] *Блок А.* Последние дни императорской власти, с. 53—54.
[136] Падение царского режима, т. 1, с. 208.
[137] Листовки петербургских большевиков, т. 2, с. 249—250.
[138] Там же, с. 250—251.
[139] Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 188; *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 435.
[140] Петроградские большевики в трех революциях, с. 188—189.

[141] *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода. М.; Л., 1941, с. 469.
[142] Падение царского режима, т. 1, с. 189.
[143] *Лейберов И. П.* О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы первой мировой войны и Февральской революции. — Вопросы истории, 1964, № 2, с. 75.
[144] *Блок А.* Последние дни императорской власти, с. 55.
[145] ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 741, л. 73.
[146] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 443; *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия. М., 1979, с. 165.
[147] *Дрезен А. К.* Армия и флот в Февральской революции. — Красная летопись, 1932, № 1—2, с. 43.
[148] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 167—168.
[149] *Каюров В.* Шесть дней Февральской революции, с. 163.
[150] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1743, л. 14.
[151] Правда, 1917, 8 апр.
[152] В Петрограде накануне Февральской революции : В освещении Петроградского охранного отделения. — Красная летопись, 1927, № 1, с. 47.
[153] *Ефимов Е.* Подвиг на Знаменской. — Нева, 1962, № 2, с. 218—219. После победы Октябрьской революции М. Г. Филатов участвовал в формировании 1-го советского революционного казачьего полка на Дону, храбро сражался с врагами Советской власти и погиб в июне 1918 г.
[154] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 111.
[155] Цит. по: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 149.
[156] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия, с. 229.
[157] *Каюров В.* Шесть дней Февральской революции, с. 163.
[158] Былое, 1917, № 1 (29), с. 174.
[159] Февральская революция в документах. — Пролетарская революция, 1923, № 1 (23), с. 290.
[160] Падение царского режима, т. 1, с. 191.
[161] Казаки в великую революцию. — Трудовое казачество, 1918, № 7, с. 3.
[162] *Ерманский О.* Из прошлого. М.; Л., 1927, с. 145.
[163] Цит. по: *Блок А.* Последние дни императорской власти, с. 62.
[164] Правда, 1917, 17 марта.
[165] *Гербач В. В., Кузнецов К. А., Лившиц П. З., Плясунов В. И.* Рабочие-балтийцы в трех революциях. Л., 1959, с. 102—103.
[166] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 131.
[167] Цит. по: *Волин Ю.* Рождество свободы. — В кн.: Революция в Петрограде. Пг., 1917, с. 43.
[168] По свидетельству одного из участников демонстрации на Невском проспекте, «с тяжелым сердцем возвращались некоторые рабочие, мало верившие в благоприятный исход восстания. Завтра утренние свистки пропоют свою похоронную песню восстанию, покроется вся страна полевыми судами и виселицами» (ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1314, л. 5).
[169] *Мильчик И.* Рабочий февраль, с. 84.
[170] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 1, с. 165—166.
[171] *Блок А.* Последние дни императорской власти, с. 65.
[172] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 454.
[173] *Свешников Н. Ф.* Отрывки из воспоминаний.
[174] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия, с. 230.
[175] Это понимали и отмечали впоследствии офицеры, выводившие в те дни на улицы воинские команды. Б. А. Энгельгардт в своих воспоминаниях передает содержание разговора, который у него состоялся

спустя год после Февральской революции с полковником Преображенского полка Дворжецким. «Все вышло не так, как мы думали тогда, — говорил Дворжецкий, — однако должен признаться, что иначе мы поступить не могли: не могли, потому что сами уже стали другими, чем в 1905 году. Мне пришлось тогда командовать полуротой, стрелявшей в толпу рабочих. Я командовал „пли" и строго следил за тем, чтобы ни одна винтовка не поднялась выше, чем следует. Мне было приказано открыть огонь, и я подавал команду, даже не пытаясь рассуждать, хорошо это или дурно — это был приказ свыше, значит так было нужно. . . В прошлом году мы, старые преображенцы, выводя роты на перекрестки улиц, говорили меж собой, что открывать огонь по народным толпам нельзя» (РО ГБЛ, ф. 218, оп. 1, д. 306, л. 724). Это признание представляет для нас интерес не с точки зрения выяснения революционной роли офицерства, какой оно в своем большинстве в дни Февральской революции отнюдь не играло, а для понимания неспособности командного состава заставить солдат выступить против восставшего народа.

[176] Правда, 1917, 10 марта.

[177] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 1334, л. 2.

[178] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 12, л. 10.

[179] Правда, 1917, 10 марта.

[180] *Лукаш И.* Преображенцы. Пг., 1917, с. 7.

[181] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия, с. 235.

[182] Генерал Кутепов. Париж, 1934, с. 161.

[183] Там же.

[184] Там же.

[185] Падение царского режима, т. 1, с. 198—199.

[186] *Блок А.* Последние дни императорской власти, с. 69.

[187] Генерал Кутепов, с. 169.

[188] Правда, 1917, 17 марта.

[189] *Краснов И., Кузьмин А.* Автоброневые силы Петрограда в революции. — Военно-исторический журнал, 1967, № 11, с. 48.

[190] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966, с. 42.

[191] *Калинин М. И.* За эти годы. М., 1929, кн. 3, с. 432.

[192] *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции. Стокгольм ; Берлин, 1921, с. 18.

[193] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 4—5.

[194] Падение царского режима, т. 1, с. 199.

[195] Там же, с. 200.

[196] Там же, с. 202.

[197] Цит. по: *Дрезен А. К.* Армия и флот в Февральской революции, с. 48—49.

[198] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. VI.

[199] Это важное обстоятельство справедливо подчеркивает Э. Н. Бурджалов (*Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 202).

[200] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 217.

[201] *Розенталь И. С.* Гарнизоны пригородов Петрограда в Февральской революции. — В кн.: Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981, с. 158.

[202] *Дрезен А. К.* Армия и флот в Февральской революции, с. 49.

[203] Правда, 1917, 7 марта.

[204] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия, с. 267.

[205] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 496.

[206] *Гербач В. В., Кузнецов К. А., Лившиц П. З., Плясунов В. И.* Рабочие-балтийцы в трех революциях, с. 104.
[207] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 6—7; Узники Петропавловской крепости. Л., 1969, с. 436.
[208] *Сорокин Ф.* Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 года. М., 1932, с. 46—53.
[209] Февральская революция в Петрограде. — Красный архив, 1930, т. 4—5 (41—42), с. 67.
[210] Там же, с. 65—66.
[211] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. VI.
[212] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 28 февр.
[213] *Мстиславский С.* Пять дней. М., 1922, с. 17—18.
[214] Цит. по: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 275.
[215] *Шульгин В. В.* Дни. — В кн.: Февральская революция : Мемуары. М.; Л., 1926, с. 103.
[216] *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 16.
[217] Февральская революция в Петрограде, с. 79—102.
[218] Там же, с. 79—80.
[219] Там же, с. 87, 94.
[220] Там же, с. 91.
[221] Там же, с. 82.
[222] Там же, с. 100.
[223] Цит. по: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 291—292.
[224] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 8.
[225] *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия, с. 273.
[226] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 67.

К главе второй

[1] См. об этом: *Минц И. И.* Первые шаги демократизации русской армии. — Военно-исторический журнал, 1966, № 3, с. 47—68; *Миллер В. И.* Начало демократизации старой армии в дни Февральской революции. — История СССР, 1966, № 6, с. 31—42; *Голуб П. А.* Революция и демократизация армии. — Военно-исторический журнал, 1974, № 3, с. 63—72.
[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 469—472; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 162—165, 197—198.
[3] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 23 июля.
[4] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 28 февр.
[5] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976, с. 33—34.
[6] *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.; Пг., 1923, кн. 1, с. 192.
[7] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет. . ., с. 57—58.
[8] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее: Известия Петроградского Совета), 1917, 2 марта.
[9] *Миллер В. И.* Начало демократизации старой армии. . ., с. 31.
[10] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет. . ., с. 47.
[11] Известия Петроградского Совета, 1917, 2 марта.
[12] Об истории создания приказа № 1 см.: *Миллер В. И.* 1) Начало демократизации старой армии. . ., с. 31—42; 2) Из истории приказа № 1

Петроградского Совета. — Военно-исторический журнал, 1966, № 5, с. 73—86; *Токарев Ю. С.* Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973, т. 5, с. 49—60; *Злоказов Г. И.* Новые данные о приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1982, с. 35—48.

[13] *Артемьев С. А.* Состав Петроградского Совета в марте 1917 г. — История СССР, 1964, № 5, с. 113—114.

[14] Там же, с. 114.

[15] День, 1917, 5 марта.

[16] Известия Петроградского Совета, 1917, 23 марта.

[17] *Артемьев С. А.* Состав Петроградского Совета в марте 1917 г., с. 114.

[18] *Залежский В.* Первый легальный ПК. — Пролетарская революция, 1923, № 1, с. 142.

[19] Жизнь солдат запасного батальона гвардии Гренадерского полка : Казарма на обновленных началах. Пг., 1917, с. 83—84.

[20] *Потехин М. Н.* К вопросу о возникновении и составе Петроградского Совета в 1917. — История СССР, 1965, № 5, с. 234.

[21] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 5, л. 2—3.

[22] *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция : Восстание в Петрограде. М., 1967, с. 363—364.

[23] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет. . ., с. 132.

[24] Там же, с. 133.

[25] Там же, с. 133—134.

[26] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 6, л. 9—10.

[27] Там же, л. 12.

[28] Там же, л. 14.

[29] Там же, л. 13.

[30] Там же, д. 8, л. 3—8.

[31] Там же, л. 8—12.

[32] Известия Петроградского Совета, 1917, 17 марта.

[33] Там же, 22 марта.

[34] *Матвеев Ф. П.* Из записной книжки депутата 176 пехотного полка. М.; Л., 1932, с. 63.

[35] Там же, с. 190.

[36] Там же, с. 64.

[37] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 3, л. 5 об.

[38] Известия Петроградского Совета, 1917, 3 марта.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет. . ., с. 65. По нашему мнению, Токарев убедительно доказал, что пункт о выборности командного состава мог содержаться в первоначальном тексте приказа № 1 (*Токарев Ю. С.* Приказ № 1, с. 58—60).

[42] См. об этом: *Миллер В. И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974, с. 44—53.

[43] Известия Петроградского Совета, 1917, 3 марта.

[44] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977, с. 45.

[45] Цит. по: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 399.

[46] Известия Петроградского Совета, 1917, 5 марта.

[47] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 409.

[48] Русский инвалид, 1917, 10 марта.

[49] На заседании Исполкома Петроградского Совета 10 марта один из членов Исполкома даже предложил «занять нейтральную позицию в вопросе об укреплении авторитета Корнилова» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов : Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК. М.; Л., 1925, с. 36).

[50] *Матвеев Ф. П.* Из записной книжки. . ., с. 75.

[51] 10 марта новая форма присяги была объявлена в приказе № 6 главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Л. Г. Корнилова.

[52] Известия Петроградского Совета, 1917, 10 марта.

[53] Там же, 19 марта.

[54] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 22; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 259, д. 126, л. 40.

[55] Правда, 1917, 10 марта.

[56] Известия Петроградского Совета, 1917, 14 марта.

[57] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 12, л. 10—11.

[58] Там же, л. 11.

[59] Там же, л. 12.

[60] Там же, л. 13—14.

[61] Известия Петроградского Совета, 1917, 14 марта.

[62] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, с. 56.

[63] *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б. г., с. 69.

[64] Там же, с. 27.

[65] Вестник Временного правительства, 1917, 7 марта.

[66] *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, кн. 1, с. 400.

[67] Подробнее об этом см.: *Миллер В. И.* Солдатские комитеты. . ., с. 122—132; *Соболев Г. Л.* Приказ военного министра о выборных организациях в армии и флоте (16 апреля 1917 г.). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 7, с. 28—42.

[68] Как подчеркивает И. И. Минц, лишь отдельные заимствования были сделаны из «Временного положения об организации чинов действующей армии и флота», объявленного в приказе верховного главнокомандующего М. В. Алексеева 30 марта 1917 г. (*Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977, т. 1, с. 638).

[69] Русский инвалид, 1917, 23 апр.

[70] Там же.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 112.

[74] *Миллер В. И.* Солдатские комитеты. . ., с. 23.

[75] Ротные комитеты, например, уже были избраны в запасном батальоне Гренадерского полка (Жизнь солдат. . ., с. 13).

[76] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 18.

[77] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3882, л. 1—3; *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.; Л., 1925, кн. 2, с. 252.

[78] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 5; ф. 1343, оп. 1, д. 1, л. 66; оп. 10, д. 3883, л. 2; д. 3862, л. 3.

[79] Там же, ф. 2575, оп. 1, д. 139, л. 1—2; Жизнь солдат. . ., с. 13.

[80] ЦГВИА СССР, ф. 2575, оп. 1, д. 139, л. 1—2, 44—45.

[81] Новое время, 1917, 15 марта.

[82] *Миллер В. И.* Солдатские комитеты. . ., с. 36.

[83] Голос солдата, 1917, 29 июля.

[84] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3873, л. 14.

[85] Там же, д. 3893а, л. 48.

[86] В этом отношении характерна резолюция рабочих завода «Вулкан» от 3 марта 1917 г. В ней, в частности, говорилось: «Ни в коем случае не соглашаться на предложение офицеров о лишении солдатских комитетов права распоряжаться оружием частей войск» (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 53, д. 3, л. 1—1 об.).

[87] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 1, л. 76.

[88] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 25.

[89] Там же, л. 13.

[90] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 3.

[91] Там же, д. 3893а, л. 48.

[92] Там же, д. 3873, л. 31.

[93] Там же, оп. 1, д. 2, л. 38.

[94] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 8, л. 6—7.

[95] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 3.

[96] Там же, оп. 1, д. 1, л. 75—76; оп. 2, д. 287, л. 15—18; оп. 10, д. 3862, л. 5.

[97] Там же, оп. 10, д. 3903, л. 20.

[98] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 7—8.

[99] ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 10, д. 10, л. 8.

[100] *Миллер В. И.* Начало демократизации старой армии..., с. 36.

[101] *Буржалов Э. Н.* Вторая русская революция, с. 300—301.

[102] Правда, 1917, 11 марта; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году.: Сб. материалов и документов. Л., 1932, с. 148.

[103] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 33—39.

[104] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 6, л. 15.

[105] Там же, д. 1, л. 7.

[106] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3863, л. 51.

[107] Голос солдата, 1917, 5 авг.

[108] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 18.

[109] Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1957, т. 1, с. 101.

[110] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 31—32.

[111] Там же, ф. 1343, оп. 10, д. 3884, л. 1.

[112] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 2, с. 257—258.

[113] Там же, с. 252.

[114] *Сорокин Ф.* Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 года. М., 1932, с. 55—56.

[115] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 4 об.

[116] Там же, л. 1.

[117] Там же, д. 3904, л. 27.

[118] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 2, с. 268—270.

[119] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3874, л. 42.

[120] Там же, оп. 1, д. 2, л. 73 об.

[121] Там же, оп. 10, д. 3866, л. 77; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 25.

[122] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 6, л. 15—16.

[123] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3873, л. 14.

[124] Известия Комитета петроградских журналистов, 1917, 3 марта.

[125] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 147.

[126] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 10071, л. 3; д. 10072. л. 1; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 259, д. 126, л. 393, 394.

[127] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 394.

[128] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 1877, л. 498—498 об.

[129] Цит. по: *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 2, с. 252.

[130] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 11, л. 26.

[131] Большевизация Петроградского гарнизона. . ., с. 67.
[132] ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 3.
[133] Революционное движение в России. . ., с. 618.
[134] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3873, л. 14.
[135] Там же, д. 3862, л. 7.
[136] Там же, л. 11—11 об.
[137] Там же, оп. 1, д. 2, л. 38.
[138] *Станкевич В. Б.* Воспоминания : 1914—1919. Берлин, 1920, с. 197.
[139] Революционное движение в России. . ., с. 208.
[140] К августу 1917 г. назначенные штабом Петроградского военного округа офицеры составляли во многих запасных батальонах гвардейской пехоты почти половину всех офицеров (ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 1877, л. 488—488 об.).
[141] Известия Петроградского Совета, 1917, 3 марта.
[142] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 8, л. 3—4.
[143] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3873, л. 16; д. 3862, л. 12.
[144] *Миллер В. И.* Солдатские комитеты. . ., с. 37.
[145] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 4 об.
[146] Там же, д. 3886, л. 10.
[147] *Хохряков А.* Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956, с. 84.
[148] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 22, л. 49.
[149] *Шляпников А.* Семнадцатый год, кн. 2, с. 262, 268.
[150] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 646.
[151] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 3—4 об.
[152] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 19.
[153] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 9983, л. 70 об.; Известия Петроградского Совета, 1917, 11 марта.
[154] Голос солдата, 1917, 9 мая.
[155] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 397.
[156] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 9951, л. 24—25.
[157] Там же, л. 2.
[158] Известия Петроградского Совета, 1917, 11 марта.
[159] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 103.

К главе третьей

[1] Голос солдата, 1917, 13 июня.
[2] Из переписки А. М. Коллонтай. — Новый мир, 1967, № 4, с. 237.
[3] Дело народа, 1917, 15 марта.
[4] Революционный народ, 1917, 11 июля.
[5] Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927, с. 35.
[6] *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958, с. 38—39.
[7] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 20, л. 72.
[8] *Подвойский Н. И.* Военная организация РСДРП(б). — Красный архив, 1923, № 6, с. 67; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1980, т. 1, с. 450.
[9] *Подвойский Н. И.* Год 1917, с. 38.
[10] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции : Сб. документов. М., 1977, с. 213.
[11] *Подвойский Н. И.* Военная организация РСДРП(б), с. 67; Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 246—248; В огне революционных боев (районы Петрограда в двух революциях

1917 года) : Воспоминания старых большевиков-питерцев. М., 1967, с. 261.

[12] Солдатская правда, 1917, 2 июня. См. также: *Ильин-Женевский А. Ф.* Военная организация РСДРП(б) и «Солдатская правда». — Красная летопись, 1926, № 1, с. 71.

[13] Солдатская правда, 1917, 4 июня.

[14] Там же.

[15] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, т. 1, с. 456.

[16] *Подвойский Н. И.* Военная организация РСДРП(б), с. 65.

[17] Там же, с. 71.

[18] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1978, т. 2, с. 397—398.

[19] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 4, л. 136 об.

[20] Там же, д. 7, л. 6 об.

[21] День, 1917, 26 марта.

[22] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 12, л. 6.

[23] Известия Петроградского Совета, 1917, 9 марта.

[24] Правда, 1917, 13 марта.

[25] РО ГБЛ, ф. 369, оп. 1, д. 41, л. 2.

[26] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3938, л. 3.

[27] Известия Петроградского Совета, 1917, 12 апр.

[28] Там же, 12 мая.

[29] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 12.

[30] Жизнь 50-й дивизии, 1917, 12 апр.

[31] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3882, л. 17.

[32] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 20, л. 130.

[33] Правда, 1917, 8 марта.

[34] Цит. по: *Питулько А. А.* Основные этапы деятельности Военной организации при ЦК РСДРП(б) в 1917 г. в Петрограде. — Ученые записки ЛГУ, 1957, № 242. Сер. ист. наук, вып. 26, с. 126.

[35] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия. 27 февраля—4 июля 1917 г. : Сб. документов. М., 1957, с. 71.

[36] Правда, 1919, 28 марта.

[37] Газета «Голос солдата» стала выходить с 5 мая 1917 г. как орган солдатской секции Петроградского Совета.

[38] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3874, л. 39; д. 3882, л. 50; д. 3888, л. 45; ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 4, л. 140.

[39] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 4, л. 140.

[40] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3882, л. 50.

[41] Там же, д. 3904, л. 15.

[42] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 4, л. 140.

[43] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 54, 212—213.

[44] Известия Петроградского Совета, 1917, 12 апр.

[45] Правда, 1917, 31 марта.

[46] ЦГАОРЛ, ф. 7384, оп. 9, д. 176, л. 86—87.

[47] Жизнь 50-й дивизии, 1917, 18 апр.

[48] Революционное движение в апреле 1917 г. : Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958, с. 334.

[49] Правда, 1917, 7 апр.

[50] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 3.

[51] Там же, ф. 366, оп. 1, д. 11, л. 38.

[52] Известия Петроградского Совета, 1917, 21, 22 и 24 марта.

[53] Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1979, с. 153.

[54] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 2, л. 6.

[55] *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, кн. 1, с. 42.
[56] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 159.
[57] Там же, т. 32, с. 92.
[58] Известия Петроградского Совета, 1917, 9 марта.
[59] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 22.
[60] Известия Петроградского Совета, 1917, 17 марта.
[61] Наука и жизнь, 1981, № 5, с. 76.
[62] Цит. по: *Шляпников А.* Семнадцатый год. М.; Л., 1927, кн. 3, с. 338.
[63] ЦГАОРЛ, ф. 7384, оп. 9, д. 271, л. 159.
[64] *Матвеев Ф. П.* Из записной книжки депутата 176 пехотного полка. М.; Л., 1932, с. 27.
[65] Известия Петроградского Совета, 1917, 2 апр.
[66] Голос солдата, 1917, 2 июня.
[67] Известия Петроградского Совета, 1917, 17 марта.
[68] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 24 об.; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 58—59; Известия Петроградского Совета, 1917, 19 марта.
[69] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 32.
[70] Известия Петроградского Совета, 1917, 2 апр.
[71] Петроградский листок, 1917, 15 марта.
[72] Известия Петроградского Совета, 1917, 27 авг.
[73] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 75, 80, 117, 138—139, 170, 172.
[74] Там же, л. 76.
[75] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3877, л. 30.
[76] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 72.
[77] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 242.
[78] Правда, 1917, 5 марта.
[79] Там же, 10 марта.
[80] Там же, 29 марта.
[81] Там же, 30 марта.
[82] Там же, 7 апр.
[83] Там же.
[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 106.
[85] Там же, с. 123.
[86] Там же, с. 236.
[87] Листовки петроградских большевиков. Т. 3. 1917—1920. Л., 1957, с. 21.
[88] Это письмо было опубликовано вместе с незаконченным ответом В. И. Ленина в «Правде» 16 апреля 1927 г.
[89] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 21.
[90] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966, с. 104—105.
[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 188.
[92] Там же, с. 188—189.
[93] Великая Октябрьская социалистическая революция : Воспоминания участников. М., 1957, с. 34.
[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 269.
[95] См. об этом: *Токарев Ю. С.* Участие В. И. Ленина в работе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970, с. 16—18.
[96] Солдатская правда, 1917, 23 апр.

[97] *Матвеев Ф. Н.* В Петроградском Совете. — В кн.: Ленин — вождь Октября : Воспоминания петроградских рабочих. Л., 1956, с. 50.
[98] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 43, л. 97.
[99] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3883, л. 9—9 об.
[100] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 172, л. 8.
[101] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 20, л. 123 об.
[102] Там же, л. 123.
[103] Известия Петроградского Совета, 1917, 25 апр.
[104] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 80—85.
[105] Там же, л. 86—87.
[106] Правда, 1917, 14 апр.
[107] ЦГАОРЛ, ф. 7384, оп. 9, д. 245, л. 54 об.
[108] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3893а, л. 33 об.
[109] Голос солдата, 1917, 9 мая.
[110] *Треногова Т. К.* Борьба петроградских большевиков за крестьянство в 1917 году. Л., 1946, с. 48—49.
[111] *Малявский А. Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981, с. 41—42.
[112] *Смирнов А. С.* Земляческие организации рабочих и солдат в 1917 г. — Исторические записки, 1957, № 57, с. 87.

К главе четвертой

[1] Вестник Временного правительства, 1917, 20 апр.
[2] Дело народа, 1917, 20 апр.
[3] Новая жизнь, 1917, 20 апр.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 305.
[5] Там же, с. 292.
[6] Там же, с. 316.
[7] На роль Ф. Ф. Линде в апрельских событиях указывал В. И. Ленин в работе «Русская революция и гражданская война»: «Стихийность движения 20—21 апреля никем не оспаривается. К этому стихийному движению примкнула партия большевиков с лозунгом: „вся власть Советам", примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30 000 вооруженных солдат, готовых арестовать правительство» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 216).
[8] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году : Сб. материалов и документов. Л., 1932, с. 76—77.
[9] Цит. по: *Голиков Г. Н., Токарев Ю. С.* Апрельский кризис 1917 г. — Исторические записки, 1956, № 57, с. 42.
[10] Новая жизнь, 1917, 23 апр.
[11] На этот факт обращает внимание Е. Н. Городецкий (*Городецкий Е. Н.* Советская историография Великого Октября : 1917— середина 30-х годов. М., 1981, с. 52).
[12] Правда, 1917, 22 апр.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 325.
[14] Там же, с. 315.
[15] Солдатская правда, 1917, 27 апр.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 319—320.
[17] Правда, 1917, 22 апр.
[18] Там же.
[19] *Голиков Г. Н., Токарев Ю. С.* Апрельский кризис 1917 г., с. 43.
[20] Революционное движение в России в апреле 1917 г. : Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958, с. 730.

[21] Там же, с. 726—728; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 76—78.
[22] Революционное движение в России в апреле 1917 г., с. 728.
[23] Солдатская правда, 1917, 27 апр.
[24] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 78.
[25] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 44—44 об.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 325.
[27] *Старцев В. И.* Революция и власть : Петроградский Совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г. М., 1978, с. 174.
[28] Там же, с. 178.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 62—63.
[30] Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 1, с. 227.
[31] Новая жизнь, 1917, 21 апр.
[32] Известия Петроградского Совета, 1917, 21 апр.
[33] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 77.
[34] Там же.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 430.
[36] Революционное движение в России в апреле 1917 г., с. 757—759; *Голиков Г. Н., Токарев Ю. С.* Апрельский кризис 1917 г., с. 50—51.
[37] Известия Петроградского Совета, 1917, 22 апр.
[38] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 79.
[39] Правда, 1917, 25 апр.
[40] Там же, 23 апр.; *Голиков Г. Н., Токарев Ю. С.* Апрельский кризис 1917 г., с. 57.
[41] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 2, д. 214, л. 101 об.
[42] *Ф[леер] М.* К истории корниловщины. — Красная летопись, 1924, № 1 (10), с. 206.
[43] Апрельские дни 1917 года в Петрограде. — Красный архив, т. 2 (33), с. 71—72.
[44] Правда, 1917, 25 апр.
[45] Известия Петроградского Совета, 1917, 22 апр.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 319.
[47] Дело народа, 1917, 23 апр.
[48] В последний момент за Линде «заступился» Исполком Петроградского Совета, который рекомендовал его на должность помощника комиссара армии. Вскоре Линде был назначен комиссаром Особой армии Юго-Западного фронта и был убит в августе 1917 г. солдатами за организацию расправы над одним из полков, отказавшимся идти в наступление (Революционное движение в России в августе 1917 г. : Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы. М., 1959, с. 288; *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, кн. 1, с. 93).
[49] Правда, 1917, 26 апр.
[50] Там же, 28 апр.
[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 327.
[52] Известия Петроградского Совета, 1917, 25 апр.
[53] Там же, 9 мая.
[54] Голос солдата, 1917, 6 мая.
[55] Известия Петроградского Совета, 1917, 14 мая.
[56] См. об этом: *Рабинович С. Е.* Декларация прав солдата. — Пролетарская революция, 1927, № 7 (66), с. 74—85; *Соболев Г. Л.* Декларация прав солдата (март—май 1917 г.). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976, т. 8, с. 20—36.

[57] Вестник Временного правительства, 1917, 14 мая.
[58] Правда, 1917, 16 мая.
[59] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г. : Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959, с. 610—611.
[60] Там же, с. 483—484.
[61] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 99.
[62] Там же, с. 94—98.
[63] Там же, с. 98.
[64] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 161.
[65] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3886, л. 22.
[66] Там же, д. 3888, л. 52.
[67] *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б. г., с. 67—68.
[68] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов : Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925, с. 229—230.
[69] Там же, с. 230.
[70] Голос солдата, 1917, 16 мая.
[71] Известия Петроградского Совета, 1917, 20 мая.
[72] Голос солдата, 1917, 20 мая.
[73] Там же.
[74] Там же, 5 авг.
[75] *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 80.
[76] Голос солдата, 1917, 7 мая.
[77] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 138—139; Голос солдата, 1917, 7 мая.
[78] Известия Петроградского Совета, 1917, 17 мая.
[79] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 525.
[80] Цит. по: *Голуб П. А.* Партия, армия, революция. М., 1967, с. 72.
[81] Голос солдата, 1917, 16 мая.
[82] Цит. по: *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 88.
[83] Там же, с. 87—88.
[84] *Белякевич И. И.* Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 г. Львов, 1957, с. 41.
[85] Вестник Союза казачьих войск, 1917, 16 июня.
[86] Солдатская правда, 1917, 11 мая.
[87] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции : Сб. документов. М., 1977, с. 199—200.
[88] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3865, л. 6; д. 3874, л. 66; д. 3886, л. 13; *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 158.
[89] *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965, с. 273.
[90] Жизнь 50-й дивизии, 1917, 3 июня.
[91] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 101.
[92] *Ильин-Женевский А. Ф.* Почему солдаты и матросы встали под знамена Октября. Л., 1933, с. 91.
[93] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. : Протоколы. М., 1958, с. 66.
[94] ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 68, л. 15.
[95] Солдатская правда, 1917, 18 и 30 мая.
[96] *Копанев А. А.* Деятельность партийных организаций большевиков крупнейших предприятий Петрограда в период подготовки победы Великой Октябрьской социалистической революции. Дисс. . . . канд. ист. наук. Л., 1980, с. 81—82. Машинопись.
[97] *Кедров М. С.* Военная организация большевиков в 1917 г. — Пролетарская революция, 1927, № 6, с. 279.

[98] *Полóвцов П. А.* Дни затмения, с. 75.
[99] Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 60.
[100] *Питулько А. А.* Борьба большевиков за солдатские массы Петроградского гарнизона в период мирного развития революции. — В кн.: Ленин, партия, Октябрь. Л., 1967, с. 157.
[101] *Ветрова З. М.* К вопросу о подготовке агитационно-пропагандистских кадров в Петрограде (март—октябрь 1917 г.). — Вестник ЛГУ, 1966, № 14. Сер. истории, языка и литературы, вып. 3, с. 32.
[102] ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 68, л. 15.
[103] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 2, д. 214, л. 105.
[104] ЛГИА, ф. 1695, оп. 2, д. 20, л. 27 об.
[105] Там же, л. 44.
[106] Там же, д. 21, л. 13.
[107] Там же, д. 43, л. 24.
[108] Известия Петроградского Совета, 1917, 2 июня.
[109] Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1964, т. 1, с. 9, 12.
[110] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 104—105.
[111] Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями (март—октябрь 1917 г.). М., 1957, с. 127.
[112] Известия Петроградского Совета, 1917, 28 мая.
[113] Правда, 1917, 9 июня; Известия Петроградской городской думы, 1917, № 5—6, с. 96—97.
[114] Известия Петроградской городской думы, 1917, № 5—6, с. 97; *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1978, т. 2, с. 335—336.
[115] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 483.
[116] Там же, с. 484.
[117] Там же.
[118] *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 5, с. 46.
[119] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 485.
[120] Там же, с. 486.
[121] Там же, с. 488.
[122] Там же, с. 487.
[123] Там же. К сожалению, конец протокола заседания ЦК РСДРП (б) от 6 июня до сих пор не обнаружен. Выступление В. И. Невского на заседании ПК дает основание считать, что 6 июня ЦК принял решение о недопустимости вооруженной демонстрации.
[124] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 490—491.
[125] Об этом и других обстоятельствах, связанных с организацией демонстрации 10 июня и с ее отменой, см.: *Залесская Ф.* Июньская демонстрация. — Пролетарская революция, 1927, № 6, с. 137—148; *Кривошеина Е. П.* Две демонстрации (июнь 1917 г.). М.; Л., 1931, 143 с.; *Лапицкая С.* Июньская демонстрация. — Исторический журнал, 1937, № 5, с. 19—30; *Лурье М.* Июньская и июльская демонстрации 1917 года. Л., 1940, 203 с.; *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г., с. 45—54; *Черняев В. Ю.* Из истории июньского кризиса 1917 г. в России. — В кн.: Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М., 1980, с. 78—102.
[126] Правда, 1917, 11 июня.
[127] Там же.
[128] *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г., с. 48.
[129] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 331.

[130] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 494—495.
[131] Там же, с. 495.
[132] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 113.
[133] *Лацис М.* Июльские дни в Петрограде. — Пролетарская революция, 1923, № 5 (17), с. 103—104.
[134] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 114.
[135] *Лацис М.* Июльские дни в Петрограде, с. 104.
[136] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 498.
[137] Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927, с. 159, 162.
[138] *Черняев В. Ю.* Из истории июньского кризиса. . ., с. 83.
[139] Правда, 1917, 11 июня.
[140] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 330.
[141] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 112.
[142] *Кривошеина Е. П.* Две демонстрации, с. 55.
[143] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 187.
[144] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 502—503.
[145] Известия Петроградского Совета, 1917, 11 июня.
[146] Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г., с. 161.
[147] 1-й пулеметный полк в июльские дни. — Красная летопись, 1930, № 3, с. 79.
[148] Цит. по: *Кривошеина Е. П.* Две демонстрации, с. 55—56.
[149] Голос солдата, 1917, 10 июня.
[150] Известия Петроградского Совета, 1917, 11 июня.
[151] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3862, л. 67; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 112.
[152] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 2, д. 275, л. 65.
[153] Известия Петроградского Совета, 1917, 13 июня.
[154] Там же, 1917, 16 июня.
[155] Правда, 1917, 14 июня.
[156] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3873, л. 35.
[157] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 198—200.
[158] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3975, л. 53—54; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 200—201; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 116, 121—122.
[159] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 1, л. 46.
[160] Там же, л. 40.
[161] *Владимирова В.* Революция 1917 г.: Хроника событий. М.; Пг., 1923, т. 3, с. 66.
[162] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 2, д. 275, л. 404.
[163] Там же, оп. 10, д. 9975, л. 53—54; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 198; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 116.
[164] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 4, л. 49; ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 202.
[165] Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1965, т. 2, с. 184.
[166] Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 175.
[167] Революционное движение в России в мае—июне 1917 г., с. 525.
[168] Известия Петроградского Совета, 1917, 17 июня.
[169] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 198—199.
[170] *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 97.

[171] Известия Петроградского Совета, 1917, 20 июня.
[172] Там же.
[173] *Лацис М.* Июльские дни в Петрограде, с. 108.
[174] Известия Петроградского Совета, 1917, 20 июня.
[175] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 360.
[176] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. XV.
[177] Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 144.
[178] Известия Петроградского Совета, 1917, 20 июня.
[179] См. об этом: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 401—403; *Миллер В. И.* Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б) 16—23 июня 1917 г. — Военно-исторический журнал, 1967, № 6, с. 121—122.
[180] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 363—364.
[181] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964, с. 17.
[182] *Стулов П.* 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 г. — Красная летопись, 1930. № 3, с. 39.
[183] *Черняев В. Ю.* Большевики и гарнизон Петрограда в дни июньского кризиса 1917 г. — В кн.: Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981, с. 166.
[184] Известия Петроградского Совета, 1917, 22 июня.
[185] Голос солдата, 1917, 28 июня.
[186] Известия Петроградского Совета, 1917, 1 июля; Голос солдата, 1917, 1 июля.
[187] Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.; Л., 1927, с. 14—15.
[188] Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 169.
[189] *Ильин-Женевский А. Ф.* Июльские дни 1917 года в Петрограде. — Красная летопись, 1926, № 3, с. 44.
[190] Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 146.
[191] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 133—134.
[192] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 46.
[193] Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков. . ., с. 57.
[194] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 430.
[195] Цит. по: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 50.
[196] Июльские дни в Петрограде. — Красный архив, 1927, т. 4 (23), с. 14.
[197] Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 17.
[198] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3882, л. 59.
[199] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г. — Красная летопись, 1927, № 3, с. 197—202.
[200] Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959, с. 397.
[201] Июльские дни в Петрограде, с. 3—4.
[202] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966, с. 150—151.
[203] Цит. по: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 58.
[204] Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков. . ., с. 58.
[205] *Стулов П.* 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 г., с. 104.
[206] Июльские дни в Петрограде, с. 58.
[207] Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 18.
[208] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период

двоевластия : 27 февраля—4 июля 1917 г. Сб. документов. М., 1957, с. 342.

[209] *Стулов П.* 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 г., с. 104.

[210] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 89.

[211] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 120, л. 78—78 об.

[212] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 200.

[213] Июльские дни в Петрограде, с. 51.

[214] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 106.

[215] Июльские дни в Петрограде, с. 35.

[216] Известия Петроградского Совета, 1917, 4 июля.

[217] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 175.

[218] Известия Петроградского Совета, 1917, 4 июля.

[219] Там же.

[220] КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия, с. 98.

[221] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 78—79.

[222] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 28.

[223] Вторая и Третья петроградские общегородские конференции большевиков. . ., с. 58.

[224] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 90.

[225] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 227.

[226] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября, с. 154—155.

[227] Июльские дни в Петрограде, с. 49, 52.

[228] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 100.

[229] Революционное движение в России в июле 1917 года, с. 90.

[230] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября, 156.

[231] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 162.

[232] Октябрьское вооруженное восстание, кн. 1, с. 352—353.

[233] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 39; *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 156.

[234] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 524.

[235] Июльские дни в Петрограде, с. 26.

[236] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в июле и августе 1917 г., с. 206—207.

[237] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 103.

[238] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 11239, л. 264 об.

[239] ЦГАОРЛ, ф. 6276, оп. 269, д. 126, л. 230—232.

[240] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 34.

[241] Известия Петроградского Совета, 1917, 7 и 12 июля.

[242] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 40.

[243] Вестник Временного правительства, 1917, 8 июля.

[244] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 73—74.

[245] Там же, с. 74.

[246] На совещании в Ставке 16 июля 1917 г. эта цифра была уточнена и определена в 90 тыс. солдат (На фронте в предоктябрьские дни : По секретным материалам Ставки. — Красная летопись, 1923, № 6, с. 51).

[247] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 74.

[248] Там же.

[249] *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года, с. 218.

[250] *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 135.

[251] Голос солдата, 1917, 23 июля.

[252] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 258, л. 4.

[253] Там же, ф. 1343, оп. 10, д. 1877, л. 498.
[254] На фронте в предоктябрьские дни, с. 51—52.
[255] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 1875, л. 360.
[256] *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 147.
[257] Известия Петроградского Совета, 1917, 13 июля; *Половцов П. А.* Дни затмения, с. 165.
[258] *Злоказов Г. И.* Петроградский Совет на пути к Октябрю. М., 1978, с. 30, 41.
[259] Голос солдата, 1917, 23 июля.
[260] Там же.
[261] Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б)..., с. 23.
[262] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 207.
[263] Солдат, 1917, 20 авг.
[264] Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 66.
[265] Революционное движение в России в июле 1917 г., с. 223.

К главе пятой

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 13.
[2] Шестой съезд РСДРП (большевиков) : Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 59—66.
[3] Там же, с. 290.
[4] Солдат, 1917, 2 сент.
[5] Там же, 13 сент.
[6] *Сазонов И. С.* Большевистское слово. Л., 1978, с. 261—262.
[7] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) : Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 22—23, 26—27, 30.
[8] Пролетарий, 1917, 5 сент.
[9] *Кручковская В. М.* Выборы в Петроградскую городскую думу в августе 1917 г. : К истории большевизации народных масс. — В кн.: Проблемы отечественной истории. М., 1976, с. 98—99.
[10] Дело народа, 1917, 22 авг.
[11] Там же, 23 авг. За эсеров в этом районе голосовали 4252 человека, из которых 2185 были солдатами (там же).
[12] Единство, 1917, 5 авг.
[13] Воля народа, 1917, 5 авг.
[14] Единство, 1917, 5 авг.
[15] Голос солдата, 1917, 5 авг.
[16] Там же.
[17] Единство, 1917, 5 авг.
[18] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977, с. 117.
[19] *Половцов П. А.* Дни затмения. Париж, б. г., с. 180.
[20] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 258, л. 2, 4, 10.
[21] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре. — Красная летопись, 1927, № 2, с. 102—103.
[22] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году..., с. 117—118.
[23] *Керенский А. Ф.* Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918, с. 68.
[24] Революционное движение в России в августе 1917 г. : Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы. М., 1959, с. 424—425.
[25] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году..., с. 119, 130. Однако создать столь желанную Отдельную петроградскую армию Ставке так и не удалось, и генерал Крымов повел на Петроград III кон-

ный корпус (Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 133—134).

[26] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 434.

[27] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки ЛГУ, 1956, № 205. Сер. ист. наук, вып. 24, с. 66; ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 1877, л. 490.

[28] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 30, л. 1—4.

[29] Там же, л. 2—3.

[30] Там же, л. 3.

[31] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее: Известия ЦИК), 1917, 26 авг.

[32] ЦГАОРЛ, ф. 1000, оп. 73, д. 30, л. 4.

[33] Солдат, 1917, 26 авг.

[34] Корниловские дни : Бюллетени Временного военного комитета при ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с 28 августа по 4 сентября 1917 г. Пг., 1917, с. 123—124.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 121.

[36] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 474—475.

[37] Там же, с. 478—480.

[38] Там же, с. 479.

[39] Солдат, 1917, 29 авг.

[40] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году : Сб. материалов и документов. Л., 1932, с. 251—252, 254, 255—257; *Ахун М., Петров В.* 1917 год в Петрограде. Л., 1933, с. 88—89; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 289—290, 502—503, 515, 530, 531, 539—540; Великая Октябрьская социалистическая революция : Хроника событий. М., 1960, т. 3, с. 304, 322, 368—369, 392.

[41] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 289—290.

[42] *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 г. : Корниловщина. М., 1924, с. 165.

[43] Корниловские дни, с. 38.

[44] Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 151—152.

[45] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 497—498.

[46] Там же, с. 498.

[47] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 2, д. 197, л. 101.

[48] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 253.

[49] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3871, л. 45.

[50] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 518.

[51] Корниловские дни, с. 16.

[52] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 527.

[53] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957, с. 198.

[54] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 523—524.

[55] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году. . ., с. 182.

[56] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 260, л. 4—5; Корниловские дни, с. 7—8, 9—10.

[57] Корниловские дни, с. 11, 29—30.

[58] ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 260, л. 4.

[59] Корниловские дни, с. 29, 57.

[60] Там же, с. 17—18, 57.

[61] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3915, л. 6.

[62] *Энгельгардт Б. А.* Потонувший мир. — Военно-исторический журнал, 1964, № 5, с. 78.

[63] *Футорянский Л. И.* Казачьи части Петроградского гарнизона

накануне и в период Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981, с. 181.

[64] Известия ЦИК, 1917, 18 авг.

[65] Солдат, 1917, 31 авг.

[66] Корниловские дни, с. 34, 35; *Злоказов Г. И.* Петроградский Совет на пути к Октябрю. М., 1978, с. 117.

[67] *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году. . ., с. 176.

[68] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 260—262; Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 160—161; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 г. . . ., с. 175.

[69] *Мартынов Е. И.* Корнилов : Попытка военного переворота. М., 1927, с. 133—134.

[70] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 257—258.

[71] Корниловские дни, с. 43—44; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году. . ., с. 180, 188.

[72] *Футорянский Л. И.* Казачьи части Петроградского гарнизона. . ., с. 181.

[73] *Энгельгардт Б. А.* Потонувший мир, с. 78.

[74] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 146.

[75] Известия ЦИК, 1917, 1 сент.

[76] Дело народа, 1917, 2 сент.

[77] Известия ЦИК, 1917, 6 сент.

[78] Солдат, 1917, 4—8 сент.; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 265—277; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. : Общенациональный кризис. Документы и материалы. М., 1961, с. 395; Великая Октябрьская социалистическая революция, с. 430—431, 444, 512, 524.

[79] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 268—269, 270—271, 274—275.

[80] Там же, с. 266.

[81] ЦГВИА, ф. 1343, оп. 10, д. 3884, л. 5.

[82] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 543.

[83] Там же, с. 543—544.

[84] *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965, с. 172.

[85] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции : Сб. документов. М., 1977, с. 317—323.

[86] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 526.

[87] *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии. . ., с. 165.

[88] Там же, с. 165—166.

[89] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 526.

[90] Из истории Красной гвардии Петрограда. — Исторический архив, 1957, № 5, с. 135.

[91] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. — Исторические записки, 1955, т. 51, с. 11.

[92] Революционное движение в России в сентябре 1917 г., с. 403.

[93] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 11—12.

[94] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 258—273.

[95] Там же, с. 259.

[96] Там же, с. 262—263.
[97] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 2, л. 68.
[98] Там же, л. 37.
[99] Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 540.
[100] Революционное движение в России в сентябре 1917 г., с. 402—403.
[101] Там же, с. 408.
[102] Там же, с. 565.
[103] Солдат, 1917, 1 сент.
[104] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3874, л. 1, 20, 97 об.
[105] Там же, д. 3866, л. 20; *Хохряков А.* Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956, с. 84.
[106] Солдат, 1917, 17 сент.
[107] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 2, л. 95.
[108] Там же, л. 38.
[109] Там же, д. 1, л. 5.
[110] Там же, д. 2, л. 60 об.
[111] Там же, оп. 10, д. 3873, л. 1.
[112] Там же, оп. 1, д. 2, л. 68.
[113] Голос солдата, 1917, 9 сент.
[114] Известия ЦИК, 1917, 9 сент.
[115] *Злоказов Г. И.* Петроградский Совет на пути к Октябрю, с. 253, 256.
[116] Рабочий путь, 1917, 12 сент.
[117] Известия ЦИК, 1917, 14 сент.
[118] Голос солдата, 1917, 14 сент.
[119] Там же, 30 сент.
[120] *Старцев В. И.* Большевизация солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — В кн.: Революционное движение в русской армии в 1917 г. М., 1980, с. 176.
[121] *Гальперина Б. Д.* Петроградский Совет в сентябре—октябре 1917 года : Новые данные. — Вопросы истории, 1978, № 10, с. 29.
[122] *Поликарпов В. Д.* Из истории Петроградского ВРК : Новые источники. — Там же, 1977, № 11, с. 28—29.
[123] Там же, с. 29.
[124] *Артемьев С. А.* Партия большевиков и Советы рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. : Июль—октябрь. М., 1978, с. 237.
[125] Солдат, 1917, 8 сент.
[126] *Артемьев С. А.* Партия большевиков и Советы рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., с. 237.
[127] Солдат, 1917, 17 сент.
[128] *Потехин М. Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966, с. 38.
[129] *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976, с. 124—125.
[130] *Злоказов Г. И.* Петроградский Совет на пути к Октябрю, с. 254—255.
[131] *Артемьев С. А.* Партия большевиков и Советы рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., с. 140.
[132] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 306.
[133] Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1964, т. 1, с. 13.
[134] См. именной указатель депутатов районных Советов Петрограда в кн.: Районные Советы Петрограда в 1917 году. М.; Л., 1966, т. 3, с. 347—385.
[135] Рабочий путь, 1917, 10 окт.

[136] Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 240.

[137] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 2, л. 35 об.

[138] Там же, оп. 10, д. 3874, л. 18.

[139] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 262—263.

[140] Солдат, 1917, 16 сент.

[141] Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. М.; Л., 1927, с. 114.

[142] *Мехоношин К.* Боевой штаб Октябрьской революции. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание:Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 26.

[143] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 247.

[144] *Аникеев В. В.* 1) Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 года. — Вопросы истории КПСС, 1958, № 3, с. 96—118; 2) Военные организации РСДРП(б) в 1917 г. — Там же, 1964, № 10, с. 109—118; 3) Документы Великого Октября. М., 1977, с. 166—174; Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 167—169.

[145] Красный архив, 1933, т. 5 (60), с. 153.

[146] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 2, л. 79.

[147] Здесь и далее подсчеты сделаны нами на основании документов Военной организации большевиков, опубликованных В. В. Аникеевым (*Аникеев В. В.* Сведения о большевистских организациях. . .).

[148] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 260.

[149] Там же, с. 262.

[150] Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков. . ., с. 114.

[151] Шестой съезд РСДРП(большевиков), с. 66; Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957, с. 322.

[152] Шестой съезд РСДРП(большевиков), с. 66.

[153] *Соболев Г. Л.* Из истории большевизации Петроградского гарнизона. — В кн.: Пролетарская революция в России : Опыт и проблемы. М., 1985, с. 175—176.

[154] Дело народа, 1917, 13 окт.

[155] Борьба партии большевиков за армию. . ., с. 319.

[156] Солдат, 1917, 10 сент.

[157] Там же, 12 сент.

[158] См. об этом: *Смирнов А. С.* Земляческие организации рабочих и солдат в 1917 г. — Исторические записки, 1957, т. 60, с. 108—109.

[159] *Малявский А. Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981, с. 42.

[160] Составлено по: ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 1, д. 2, л. 68, 79, 81 об.; оп. 10, д. 3863, л. 114; д. 3865, л. 26, 35; д. 3874, л. 117; д. 3878, л. 4; д. 3888, л. 118; д. 3899, л. 2; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 265—313; 1917 год в Петрограде. Л., 1933, с. 98—109; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. 1917 год: Сб. документов и материалов. Л., 1948, с. 52—148; Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 289, 515, 539—544; Революционное движение в России в сентябре 1917 г., с. 397, 403—404, 423, 428—429, 434, 456; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962, с. 386—389; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957, с. 136, 138—140, 145—177, 208, 217, 220, 225.

[161] Так было, например, в 127-м Петроградском разгрузочном батальоне, куда дважды, 5 и 11 октября, приглашались для участия в собрании эсеры, и оба раза они не являлись (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 162—163).

[162] Революционное движение в России в сентябре 1917 г., с. 200.

[163] В связи с этим О. Н. Знаменский справедливо подчеркивает, что «осенью, особенно во второй половине октября, когда политическая атмосфера достигла высшего накала, когда классовые силы еще более поляризировались, будущее „всенародное" Учредительное собрание утратило даже призрачные шансы стать „хозяином земли русской"» (*Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание : История созыва и политического крушения. Л., 1976, с. 225).

[164] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 205.

К главе шестой

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 383.

[2] Там же, с. 265.

[3] Ленин — вождь Октября. Л., 1956, с. 191.

[4] См. об этом: *Кочаков Б. М.* К вопросу о составе, численности и расположении Петроградского гарнизона накануне Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964, с. 292—299; *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 254—275; *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в 1917 г. : Численность, состав, вооружение, расположение. — Исторические записки, 1971, т. 88, с. 56—90.

[5] *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в 1917 г., с. 76.

[6] *Кочаков Б. М.* К вопросу о составе, численности и расположении Петроградского гарнизона. . ., с. 293.

[7] Там же.

[8] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 256.

[9] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания : Документы и материалы. М., 1962, с. 372.

[10] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. — Исторические записки, 1955, т. 51, с. 12, 15.

[11] Известия ЦИК, 1917, 7 окт.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 348.

[13] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году : Сб. материалов и документов. Л., 1932, с. 298.

[14] Там же, с. 293.

[15] Известия ЦИК, 1917, 10 октября.

[16] См. об этом: *Токарев Ю. С.* К вопросу о создании Петроградского военно-революционного комитета. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание. М., 1964, с. 113—118; *Орехова Е. Д.* К изучению источников о создании Петроградского военно-революционного комитета. — В кн.: Источниковедение истории Советского общества. М., 1968, с. 9—55; *Поликарпов В. Д.* Из истории Петроградского ВРК : Новые источники. — Вопросы истории, 1977, № 11, с. 22—35; *Гальперина Б. Д.* Петроградский Совет в сентябре—октябре 1917 года : Новые данные. — Там же, 1978, № 10, с. 37—47; *Афанасьев И. Л.* Первый этап становления Военно-революционного комитета при Петро-

градском Совете. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980, с. 144—150.

[17] Известия ЦИК, 1917, 14 окт.

[18] На органическую связь между ВРК и гарнизонным совещанием первым обратил внимание Е. Н. Городецкий (*Городецкий Е. Н.* В. И. Ленин в Петроградском военно-революционном комитете. — В кн.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.; Л., 1964, с. 145—146).

[19] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы. М., 1957, с. 204.

[20] Там же.

[21] Там же, с. 204—205.

[22] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 20; *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 271—272.

[23] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 302—303.

[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 383.

[25] Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927, с. 319—324.

[26] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 303.

[27] Материалы по истории Октября. — Былое, 1918, № 12, с. 32—33.

[28] Составлено по: ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 9951, л. 38—43; 9952, л. 12 об. 13, 21, 45—46.

[29] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 261, 267, 274—275.

[30] *Кочаков Б. М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. — Ученые записки ЛГУ, 1956, № 205. Сер. ист. наук, вып. 24, с. 72.

[31] Цит. по: *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 24—25.

[32] Там же, с. 25.

[33] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 263.

[34] Там же, с. 257.

[35] Там же.

[36] Там же, с. 272—273.

[37] *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977, с. 254.

[38] См. об этом: *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1978, т. 2, с. 683—685; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977, с. 232—246.

[39] Вестник Временного правительства, 1917, 11 окт.

[40] Новая жизнь, 1917, 14 окт.

[41] Рабочая газета, 1917, 14 окт.

[42] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 260.

[43] Известия ЦИК, 1917, 17 окт.

[44] Протокол заседания Временного правительства 17 октября 1917 г. — Исторический архив, 1960, № 5, с. 84.

[45] Газета-копейка, 1917, 17 окт.

[46] ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 1, д. 257, л. 145.

[47] Из записок А. И. Козьмина. — Красный архив, 1933, т. 5 (60), с. 153.

[48] *Невский В. И.* В Октябре. — Каторга и ссылка, 1932, № 11—12, с. 33.

[49] Владимир Ильич Ленин : Биографическая хроника. Т. 4. Март—октябрь 1917. М., 1973, с. 384.

[50] *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965, с. 192.

[51] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 397—398.

[52] Там же, с. 398.

[53] Там же.

[54] *Авраменко Т. Ф.* Новые документы о составе и численности революционных частей Петрограда в октябре 1917 г. — Исторический архив, 1962, № 2, с. 227.

[55] Там же.

[56] Там же.

[57] Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г., с. 310.

[58] Там же, с. 311.

[59] Там же, с. 317.

[60] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б) : Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 95—96.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 394.

[62] Там же, с. 412.

[63] Там же, с. 411—412.

[64] Там же, с. 397.

[65] Рабочий путь, 1917, 20 окт.

[66] Там же.

[67] Солдат, 1917, 20 окт.

[68] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 265—266.

[69] Там же, с. 222.

[70] Известия ЦИК, 1917, 20 окт.

[71] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 270.

[72] Петроградский Военно-революционный комитет : Документы и материалы. М., 1966, т. 1, с. 55—56.

[73] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 107—108.

[74] Владимир Ильич Ленин, с. 396—397.

[75] О военной деятельности В. И. Ленина : Из воспоминаний Н. И. Подвойского. — Коммунист, 1957, № 1, с. 35.

[76] *Подвойский Н.* Красная гвардия в Октябрьские дни. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 30.

[77] Там же, с. 31.

[78] Там же, с. 31—32.

[79] Там же, с. 32—33.

[80] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 26.

[81] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 273.

[82] Там же, с. 274.

[83] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 26.

[84] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 270—271.

[85] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре : Материалы. — Красная летопись, 1927, № 2, с. 115.

[86] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 58.

[87] Большевизация петроградского гарнизона в 1917 году, с. 316; *Ахун М., Петров В.* 1917 год в Петрограде. Л., 1933, с. 110; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 228—229; Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 56, 60; Герои Октября. Л., 1967, т. 2, с. 719, 723.

[88] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 169—170.

[89] Голос солдата, 1917, 22 окт.

[90] *Бирзгал Я. П.* Крестный ход. — В кн.: Петроград в дни Великого Октября. Л., 1967, с. 287—288.

[91] Рабочий путь, 1917, 22 окт.

[92] Там же.

[93] Там же.

[94] Там же.

[95] См. об этом: Октябрьское вооруженное восстание : Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 278—279.

[96] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

[97] Рабочий путь, 1917, 25 окт.

[98] *Мехоношин К.* Боевой штаб Октябрьской революции. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 29.

[99] Рабочий путь, 1917, 24 окт.

[100] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 233—234.

[101] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 316—317; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 239—241; Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 64—65.

[102] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 317.

[103] Рабочий путь, 1917, 24 окт.

[104] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 204; т. 3, с. 44; *Антонов-Овсеенко В.* Октябрьская буря. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 102.

[105] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 278.

[106] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 98.

[107] Новая жизнь, 1917, 24 окт.

[108] Там же, 25 окт.

[109] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 67.

[110] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с.245; Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 75, 146; Герои Октября, т. 2, с. 719, 721; *Васильев С. С.* На Гутуевском острове. — В кн.: Петроград в дни Великого Октября : Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967, с. 345—346.

[111] *Благонравов Г.* Октябрьские дни в Петропавловской крепости. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 108—113.

[112] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 204.

[113] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 251.

[114] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре, с. 132.
[115] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 249.
[116] ЦГВИА СССР, ф. 1343, оп. 10, д. 3884, л. 50 об.
[117] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 891.
[118] Октябрьское вооруженное восстание, кн. 2, с. 285.
[119] *Антонов-Овсеенко В.* Октябрьская буря, с. 102.
[120] Новая жизнь, 1917, 24 окт.
[121] Рабочий путь, 1917, 25 окт.
[122] Там же.
[123] День, 1917, 24 окт.
[124] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 280—282, 328.
[125] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 336.
[126] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 327.
[127] Там же, с. 328.
[128] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 334.
[129] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 339.
[130] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 320; Петроградский военно-революционный комитет, т. 1, с. 90.
[131] Рабочий путь, 1917, 25 окт.
[132] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 277—278, 593—594; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976, с. 74—76.
[133] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 119—120.
[134] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 86.
[135] Там же, с. 83.
[136] Там же, с. 84—85.
[137] *Подвойский Н.* Октябрьские дни. — Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 79.
[138] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 291—293.
[139] Там же.
[140] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 124.
[141] Там же, с. 452—456.
[142] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 310.
[143] Там же, с. 312.
[144] Там же, с. 316.
[145] *Елов Б.* Роль Петроградского гарнизона в Октябрьские дни. — Красная летопись, 1923, №6, с. 118.
[146] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 124.
[147] *Благонравов Г.* Октябрьские дни в Петропавловской крепости, с. 115.
[148] См. об этом: *Подвойский Н. И.* Год 1917. М., 1958, с. 123—128; *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 355—360.
[149] *Подвойский Н.* Красная гвардия в Октябрьские дни, с. 39.
[150] *Чаадаева О. Н.* Солдатские массы Петроградского гарнизона. . ., с. 35—37; *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 359—360.
[151] «Было бы неправильно полагать, — пишет в связи с этим И. И. Минц, — что в восстании, в котором участвовали десятки тысяч

людей, все основные пункты города занимались только по приказам ВРК и искать эти приказы в его материалах» (*Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 926).

[152] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 85.

[153] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 290.

[154] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966, с. 256; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 345.

[155] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 320.

[156] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 380.

[157] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 926.

[158] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 347—348.

[159] Новая жизнь, 1917, 26 окт.

[160] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре, с. 126.

[161] *Керенский А. Ф.* Издалека. Париж, 1922, с. 201.

[162] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре, с. 126.

[163] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 403.

[164] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 110.

[165] *Дрезен А. К.* Петроградский гарнизон в Октябре, с. 132.

[166] *Еремеев К.* Осада Зимнего дворца. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 162.

[167] *Тебелев П. А.* Броневой щит революции. — В кн.: Петроград в дни Великого Октября : Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967, с. 331.

[168] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 112.

[169] *Елов Б.* Роль Петроградского гарнизона в Октябрьские дни, с. 110.

[170] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 379.

[171] Там же, с. 402.

[172] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

[173] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 404.

[174] Там же, с. 405.

[175] В окружении и занятии Мариинского дворца, в котором заседал Предпарламент, участвовали солдаты Литовского и Кексгольмского полков, матросы гвардейского флотского экипажа (Речь, 1917, 26 окт.).

[176] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 409.

[177] Подробно об этом см.: *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 428—457; Октябрьское вооруженное восстание; кн. 2, с. 336—360.

[178] *Рид Д.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 97—98.

[179] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 407—408.

[180] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 342—398; Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 78—126; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде :

Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 30—48; Герои Октября, т. 2, Л., 1967, с. 811—822.

[181] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы, с. 398.

К Послесловию

[1] См. резолюции воинских частей гарнизона столицы в кн.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1957, с. 432, 439, 459, 461, 474, 498, 524, 533—534 и др.

[2] Петроградский Военно-революционный комитет. М., 1966, т. 1, с. 518—519.

[3] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде : Документы и материалы. М., 1957, с. 609.

[4] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году. Л., 1932, с. 340—341.

[5] *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. — Архив русской революции, 1922, т. 1, с. 163—164.

[6] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 180.

[7] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 678—680.

[8] *Лутовинов И. С.* Ликвидация мятежа Керенского—Краснова. М., 1965, с. 26—27.

[9] *Фрайман А. Л.* Форпост социалистической революции. Л., 1969, с. 58.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 36.

[11] Там же, с. 37—38.

[12] Там же, с. 39.

[13] *Ильин-Женевский А. Ф.* Совещание полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г. — Красная летопись, 1927, № 2 (23), с. 223—224; Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 347—348.

[14] *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России. М., 1976, с. 89.

[15] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1979, т. 3, с. 130—131.

[16] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 428.

[17] Там же.

[18] Подробнее о боевых действиях под Пулковым и Красным Селом см.: *Фрайман А. Л.* Форпост социалистической революции, с. 67—77; *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 3, с. 139—148.

[19] Правда, 1917, 2 нояб.

[20] Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 506.

[21] Правда, 1917, 3 нояб.

[22] *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. М., 1967, с. 201—202.

[23] *Футорянский Л. И.* Казачьи части Петроградского гарнизона накануне и в период Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981, с. 186—187.

[24] *Протасов Л. Г.* Солдаты тыловых гарнизонов и выборы в Учредительное собрание. — Там же, с. 143.

[25] См. об этом: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 3, с. 316—386.

[26] Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году, с. 373—374.

[27] Там же, с. 393—395.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
ЛПА — Партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС
РО ГБЛ — Рукописный отдел Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГАОРЛ — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда
ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Авдеев Н. Н. 273
Адлерберг 20
Алексеев М. В. 74, 75, 278
Алешечкин И. Г. 209
Андреев А. М. 268, 269
Андреев С. 249
Аникеев В. В. 294
Анохин 74
Антонов-Овсеенко В. А. 242, 244, 250, 251, 264, 298, 299
Анцелович Н. М. 119
Аргутинский-Долгоруков 87
Артемьев С. А. 277, 293
Афанасьев И. Л. 295
Ахун М. М. 291, 298

Багдатьев С. Я. 127
Багратуни Я. Г. 250, 258, 260, 261
Баденко В. И. 61
Балабин 141, 143
Баландин И. 210
Балашов И. В. 207, 208
Барков И. Г. 61
Баталов А. Н. 268
Батунов М. А. 201
Беклемешев 123
Белышев А. В. 255
Беляев М. А. 29
Белякевич И. И. 285
Беляков А. К. 44, 101
Бинасик М. С. 65, 141, 190
Бирзгал Я. П. 298
Благонравов Г. И. 249, 256, 298, 299
Блок А. А. 273—275
Бобрицкий 56
Богданов Б. О. 66, 135, 250
Богданов И. М. 272
Бойе 264
Борисов А. П. 61, 65
Бочкарева М. Л. 144
Бубнов А. С. 185, 238
Бурджалов Э. Н. 5, 6, 268, 269, 273, 275, 277, 279
Быков Я. 213

Вакуленко 61
Васильев А. 88
Васильев С. С. 298
Васильковский О. П. 187, 188, 205
Васин И. Н. 268
Васин К. Б. 272
Ватенин И. 207
Венгеров В. С. 65
Венгеров С. С. 83
Вербо Р. С. 65
Верховский А. И. 201, 205, 230, 233, 234, 250
Ветрова З. М. 286
Винокуров В. Б. 153
Вишневецкий Н. П. 100, 249
Владимирова В. Ф. 287, 291
Войтинский В. С. 178, 266
Волин Ю. 274
Волобуев П. В. 270, 271
Ворошилов К. Е. 64
Вьюшин П. И. 247, 249

Гаврилов Л. М. 270
Гальперина Б. Д. 293, 295
Гаркавенко Д. А. 6, 269, 271, 272
Гербач В. В. 274
Глебов Б. 271, 273, 274
Глотов 89
Голиков Г. Н. 283, 284
Голуб П. А. 268, 271, 276, 285, 296, 301
Голубев Б. В. 209
Горбатенко Л. В. 171, 204, 245
Городецкий Е. Н. 268, 283, 296
Гоц А. Р. 127, 250
Григорьев П. 88

Гриневицкий В. И. 270
Гучков А. И. 74, 77—79, 129, 137, 138

Далматов Д. И. 100
Дан Ф. И. 241
Данилов 77
Дашкевич П. В. 44, 210, 248
Дворжецкий 275
Дзевялтовский И. Л. 264
Дзенис О. П. 249
Дзержинский Ф. Э. 185
Диесперов Л. И. 207
Долуханов 89
Дрезен А. К. 274, 275, 288, 289, 290, 298—300
Дроздов М. И. 76
Дутов А. И. 267
Духонин Н. Н. 260

Евпак Б. 88
Евсеев Ф. З. 36
Егоров И. Н. (Орлов К.) 23
Елин Г. В. 36, 44, 49, 101, 259
Елистратов В. Ф. 209
Елов Б. 299, 300
Енукидзе А. С. 36
Еремеев К. С. 259
Ерманский О. А. 274
Ершов П. М. 36
Ерыкалов Е. Ф. 5, 226, 269, 294—296, 300
Ефимов Е. 274
Ефремов М. П. 207

Жилин А. И. 36, 76, 142, 165, 207
Жуков А. 122

Завадье В. С. 65, 142, 190, 205, 207
Заварин В. Г. 65
Зайцев И. Е. 245
Залежский В. Н. 64, 277
Залесская Ф. 286
Занкевич М. И. 51
Занько Б. И. 100
Заринг 90
Захаревский 66
Звинятский Б. С. 65
Злоказов Г. И. 277, 290, 292, 293
Знаменский О. Н. 5, 269, 288, 289, 295

Иванов Н. Я. 277, 290—292, 296
Иванов П. 106
Ильин-Женевский А. Ф. 44, 101, 166, 185, 208, 209, 245, 281, 285, 288, 301
Ильинский И. Н. 101
Ильницкий Д. А. 213
Ионенко И. М. 268
Ионов А. М. 5, 269
Исаев М. И. 209

Каледин А. М. 233, 267
Калинин М. И. 49, 153, 275
Капшуков С. Г. 269
Каюров В. Н. 34, 36, 38, 39, 273, 274
Квятковский 77
Кедров М. С. 147, 285
Керенский А. Ф. 4, 52, 69, 102, 103, 132, 137, 139, 140, 144, 155, 158, 161, 163—166, 176, 178—181, 188, 189, 191, 218, 227, 228, 242, 250, 251, 253, 258, 263—266, 290, 300
Кирпичников Т. И. 38, 45, 113
Киселев А. А. 101
Киселев Ф. Г. 245
Кишкин Н. М. 260
Кливанский С. А. 65
Клим Д. П. 100
Климчинский 62
Козеко 89, 92, 108
Козлов И. И. 28, 120
Козловский Е. И. 90
Козырев Г. С. 209
Козьмин А. И. 189, 211, 235
Коллонтай А. М. 97, 280
Кониченко 90
Копанев А. А. 285
Копяткевич А. А. 207
Кораблев Ю. И. 272
Корнилов Л. Г. 75, 76, 90, 127, 132, 133, 140, 141, 143, 187, 188, 191, 192, 194—198, 205, 277, 278
Королев А. 209
Коцюбинский Ю. М. 100, 245
Кочаков Б. М. 5—8, 226, 269—272, 291, 295, 296
Кошевой 157, 234
Краснов И. 275
Краснов П. Н. 263—266, 301
Кривошеина Е. П. 287
Крупская Н. К. 97
Кручковская В. М. 290
Крыленко Н. В. 238
Крымов А. И. 189, 290
Куделько И. В. 100, 210
Кудрявцев Ю. А. 61

Кузнецов К. А. 274
Кузьмин 89
Кузьмин А. 275
Кузьмина Т. Ф. 268
Кутепов А. П. 47, 48, 275

Лазимир П. Е. 194, 207, 241, 244
Лапицкая С. 286
Лацис М. И. 287, 288
Лашкевич 46
Левенсон И. З. 247
Лейберов И. П. 15, 271, 273—276
Ленин В. И. 3, 4, 58, 81, 96, 97, 110, 114, 116—121, 124—126, 129, 131, 133, 136, 149, 152—155, 163, 164, 167, 184, 198, 224—226, 228, 235, 236, 238, 239, 242, 246, 256, 257, 260, 263—265, 268, 272, 276, 278, 280, 282—284, 286—292, 295—298, 300
Леонов Е. 209
Лившиц П. З. 274
Линде Ф. Ф. 61, 135, 283, 284
Ломоносов Ю. В. 50, 275
Лукаш И. 275
Лурье М. Л. 286
Лутовинов И. С. 301
Любимов 90
Лямин 89

Малевский 258
Малыгин С. 203
Малявский А. Д. 283, 294
Маниковский А. А. 250
Мануйлов Г. А. 249, 255
Манусевич А. Я. 285
Марков М. 45
Мартынов Е. И. 269, 292
Матвеев Ф. Н. 119, 283
Матвеев Ф. П. 277, 282
Матушевский 94
Маяковский В. В. 56, 57
Медведев И. П. 245
Медзвецкий Н. А. 75
Менжинская Л. Р. 182
Менжинский В. Р. 185
Мехоношин К. А. 36, 44, 207, 210, 226, 246, 294, 298
Миллер В. И. 268, 276—278, 280, 288
Милюков П. Н. 124—129, 135, 177, 182
Мильчик И. 43, 274
Милютин Н. А. 36, 44
Минц И. И. 5, 10, 94, 268, 270, 272—276, 278, 280, 281, 286, 288, 289, 296, 299—301
Мительман М. И. 271, 273, 274
Митрофанов 207
Молотов В. М. 57
Морозов Е. 123
Мстиславский С. Д. 52, 276
Мягков 56

Назимов 87
Нахимсон С. М. 207
Невский В. И. 152, 153, 185, 193, 213, 236, 238, 242, 297
Николай II 20, 40, 95, 139, 160, 270, 272
Новиков А. 204
Ногин В. П. 152

Огурцовский Е. И. 181, 189, 206
Олехнов А. 150
Орехова Е. Д. 295
Орлов К. см. Егоров И. Н.

Павлуновский И. П. 207
Падерин А. Н. 44, 61, 64, 94
Петраш В. В. 275, 282, 288—300
Петриковский С. И. 36, 44
Петров В. А. 272, 291, 298
Петров В. И. 41
Петров И. 249
Питулько А. А. 5, 269, 281, 286
Платонов Н. Ф. 272
Плотников А. И. 153, 209
Плясунов В. И. 274
Подвойский Н. И. 36, 99, 101, 152, 167, 174, 182, 184, 185, 212, 242, 244, 254, 256, 264, 280, 281, 297, 299
Поливанов А. А. 78
Поликарпов В. Д. 293, 295, 299, 301
Полковников Г. П. 205, 227, 232—234, 240, 246, 248, 252, 258, 259, 260
Половцов П. А. 56, 77, 140—142, 144, 145, 147, 161, 162, 178—180, 187, 188, 269, 271, 276, 278, 285
Попов 66
Потехин М. Н. 208, 277
Протасов Л. Г. 268, 270, 271, 301
Протопопов А. Д. 27, 30, 35, 40

Рабинович С. Е. 284
Рахья И. А. 36
Рид Дж. 261, 300
Родзянко М. В. 20, 56, 75, 272

Розенталь И. С. 275
Роцкан П. Э. 207, 209
Рошаль С. Г. 23
Рудник Я. М. 245
Ручьевский А. 45
Рябов 149

Савинков Б. В. 180
Садовский А. Д. 36, 44, 61, 64, 142, 194, 207, 244
Сазонов И. С. 290
Сапелкин Т. 213
Сахаров В. В. 146, 148
Свердлов Я. М. 152, 185, 192, 246
Свешников Н. Ф. 273, 274
Семашко А. Я. 164, 166
Семенов 94
Сиверс 56
Скалов Г. Б. 65, 207
Скобелев М. И. 52, 127, 155
Скоморохов 94
Скороходов А. К. 36
Сметанка В. 208
Смирнов А. С. 283, 294
Смольников А. С. 268
Соболев Г. Л. 278, 284
Совокин А. М. 286
Сойфер Д. И. 268
Соколов 61, 202
Соколов Н. Д. 61, 190
Сомов А. В. 65, 187, 207
Сорокин Ф. 276, 279
Ставровский 94
Станкевич В. Б. 92, 130, 260, 280
Старцев В. И. 284, 292, 293, 297
Стеклов Ю. М. 73, 135
Степанов З. В. 271
Стрельцов П. 213
Стулов П. 288, 289
Сухарьков Г. Н. 244

Тайми А. П. 36
Тебелев П. А. 300
Тер-Арутюнянц М. К. 100, 210, 237, 247, 249
Терещенко М. И. 180
Токарев Ю. С. 74, 276, 277, 282—284, 293, 295
Толмачев Н. Г. 36
Треногова Т. К. 283

Ульянский А. 271, 273, 274
Усенко 208
Утгоф В. Л. 67, 72, 94

Феофанов М. А. 102
Филатов М. Г. 39
Филипповский В. Н. 52
Флеер М. Г. 284
Фоменко 102
Фрайман А. Л. 301
Футорянский Л. И. 291, 301

Хабалов С. С. 29, 30, 35, 40, 47, 49—51
Хиожновский С. 213
Хохряков А. 204, 293
Худяков И. И. 36

Церетели И. Г. 78, 109, 278, 282, 284

Чаадаева О. Н. 5, 269, 292, 295—297, 299
Черемисов В. А. 250, 258, 261
Черепанов С. А. 36, 44
Черняев В. Ю. 286—288
Чудновский Г. И. 245, 262, 264
Чхеидзе Н. С. 52, 103

Шавельский Г. 272
Шаляпин Ф. И. 111
Шкаратан О. И. 15, 271
Шляпников А. Г. 272—274, 276, 279, 282
Шмидт В. В. 23
Шульгин В. В. 54, 56, 276
Шутко К. И. 36

Энгельгардт Б. А. 55, 57, 196, 198, 274, 291, 292

Якупов Н. М. 268
Ярославцев 94

УКАЗАТЕЛЬ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Запасные бригады
- 1-я гвардейская пехотная 9, 140, 232, 243
- 2-я гвардейская пехотная 9, 140, 243, 244
- 3-я гвардейская пехотная 9, 140, 243
- 4-я гвардейская пехотная 9
- 19-я пехотная 10, 226, 249
- 15-я ополченская 84
- 67-я ополченская 211
- 1-я тяжелая артиллерийская 13, 139
- 2-я гвардейская артиллерийская 118
- 8-я конно-артиллерийская 117

Запасные полки
- 1-й пехотный 10, 17, 20, 21, 26, 36, 55, 61, 99, 115, 138, 139, 146, 148, 154, 164, 171, 173, 175, 179, 188, 197, 204, 211, 254, 256
- 3-й пехотный 10, 138, 148, 156, 164, 173, 175, 179, 202, 217, 239, 254, 255
- 171-й пехотный 114, 197, 205, 222, 265
- 176-й пехотный 10, 81, 95, 139, 148, 162, 167, 169, 175, 179, 188, 197, 217, 247, 259, 265, 277, 282
- 177-й пехотный 16
- 178-й пехотный 16
- 180-й пехотный 10, 11, 16, 21, 42, 50, 54, 99, 100, 104, 106, 107, 126, 138, 139, 145, 148, 151, 156, 162, 164, 168, 171, 175, 178, 179, 188, 197, 201, 209—211, 219, 227, 255, 257
- 181-й пехотный 27
- 1-й пулеметный 10, 11, 53, 76, 101, 121, 128, 142, 147, 151, 154, 156, 162, 164, 167—173, 175, 179, 194, 201, 211, 215, 254, 262, 287, 288
- 2-й пулеметный 10, 52, 104, 110, 143, 175, 179, 197, 210, 211, 216—218, 220, 221, 254, 259

Резервные гвардейские полки
- Волынский 192, 197, 199, 204, 211, 215—219, 222—224, 239, 244, 245, 256, 262
- Гренадерский 188, 194, 197, 203, 204, 211, 213, 220, 222, 243, 245, 257, 264
- Егерский 185, 199, 201, 209, 210, 218—220, 222, 223, 239, 240, 265, 271
- Измайловский 196, 197, 199, 201, 202, 208, 210, 211, 215, 216, 219, 220, 222, 228, 244, 245, 257, 265
- Кексгольмский 197, 211, 215, 220, 239, 249, 254, 257, 259, 262, 264, 300
- Литовский 192, 197, 199, 201, 205, 211, 254, 256, 262, 300
- Московский 188, 190, 197, 201, 202, 204, 218, 236, 243, 249, 257
- Павловский 190, 194, 196, 197, 204, 210, 216, 223, 237, 239, 243, 249, 261, 265
- Петроградский 197, 199, 202, 204, 210, 215, 218, 221, 254, 257, 258, 265
- Преображенский 192, 196, 199, 202, 219, 245, 262
- Семеновский 194, 199, 202, 216, 239, 244, 245

Финляндский 197, 202, 219, 228, 243, 245, 249, 255, 266
1-й стрелковый 61, 197, 199, 200, 222, 239, 247, 254
2-й стрелковый 197, 199, 219, 254, 259, 265
3-й стрелковый 171, 179, 197, 217, 220, 254
4-й стрелковый 254
резервный стрелковый полк увечных воинов 231, 252
Казачьи и кавалерийские полки
1-й Донской 12, 32, 35, 39, 77, 140, 195—197, 212, 232, 244, 245, 254, 258
4-й Донской 12, 31, 32, 39, 41, 77, 140, 163, 196, 197, 232, 254, 258, 267
14-й Донской 12, 32, 196, 232, 246, 254, 258, 260, 263
9-й запасный кавалерийский 12, 32, 56, 166, 176, 196, 212, 239, 247, 249
Запасные батальоны
гвардейского Волынского полка 9, 22, 29, 38, 41, 45, 46, 49, 56, 82, 87, 89, 90, 94, 102, 114, 144, 157, 159, 171, 176
гвардейского Гренадерского полка 9, 21, 35, 48, 56, 64, 82, 88, 92, 94, 99, 100, 104, 139, 140, 143, 147, 150, 152, 163, 166, 168, 170, 174, 175, 179, 180, 277, 278
гвардейского Егерского полка 9, 11, 50, 55, 81—86, 89, 92, 94, 95, 104, 108, 113, 131, 145, 146, 157
гвардейского Измайловского полка 9, 11, 21, 36, 49, 50, 62, 82, 83, 89, 90, 108, 113, 118, 128, 130, 133, 139, 144—146, 152, 154, 161
гвардейского Кексгольмского полка 9, 18, 32, 33, 35, 50, 82, 91, 94, 106, 107, 113, 126, 146, 152, 159, 160, 163, 168
гвардейского Литовского полка 9, 11, 22, 41, 46, 50, 66, 81, 84, 91, 92, 94, 157, 159, 176
гвардейского Московского полка 9, 21, 35, 46, 48, 53, 82, 91, 99, 100, 102, 106, 109, 120, 121, 126, 138, 140, 143, 151, 154, 156, 162, 168, 170, 171, 173, 175, 179
гвардейского Павловского полка 9, 11, 22, 29, 33, 41, 48, 50, 90, 99, 105, 120, 122, 126, 138, 139, 144, 147—149, 151, 157, 159, 171, 176, 179
гвардейского Петроградского полка 9, 11, 21, 29, 82, 83, 94, 99, 110, 111, 113, 114, 118, 139, 146, 159—161, 169
гвардейского Преображенского полка 9, 22, 29, 41, 43, 46, 56, 61, 81, 82, 87, 90, 94, 113, 139, 145, 146, 151, 157, 161, 163, 169, 176, 178
гвардейского Семеновского полка 9, 11, 29, 42, 48, 82, 87, 88, 94, 96, 113, 138, 139, 145, 148, 161, 163, 182
гвардейского Финляндского полка 9, 11, 20, 35, 38, 50, 53, 61, 91, 94, 95, 99, 100, 108, 115, 125, 126, 135, 140, 154, 174
1-го гвардейского стрелкового полка 9, 88, 95
2-го гвардейского стрелкового полка 9
3-го гвардейского стрелкового полка 9, 35, 94, 139
4-го гвардейского стрелкового полка 9
гвардейский саперный 12, 221, 249, 255
воздухоплавательный 12, 28, 55
1-й железнодорожный 12
2-й железнодорожный 12
3-й железнодорожный 12, 21, 215, 255
4-й железнодорожный 12, 21, 255
5-й железнодорожный 12, 21, 255
«Кольта» 249
моторно-понтонный 12, 89, 106, 154, 221, 236
огнеметно-химический 12, 21, 101, 199, 208, 212, 216, 218, 222, 245, 257, 264
самокатный 53, 232, 249, 252
127-й Петроградский разгрузочный 151, 194, 219, 295
6-й саперный 12, 16, 22, 46, 61, 66, 84, 92, 101, 138, 139, 170,

171, 175, 179, 188, 192, 197, 199, 204, 212, 215, 217, 222, 254, 256
электротехнический 12, 55, 85, 112, 120, 135, 197, 209, 212, 213, 239, 266
добровольческий Обуховского завода 232
женский ударный 144, 226, 252, 261
Запасные батареи
гвардейской артиллерии 176
конно-артиллерийская 252
тяжелая артиллерийская 13
Запасные дивизионы
броневой автомобильный 12, 21, 49, 83, 84, 99, 101, 106, 119, 130, 177, 212, 231, 232, 237, 254, 259, 262
1-й конно-артиллерийский 13, 132, 219
3-й гвардейский артиллерийский 13, 176, 197, 239
отдельный артиллерийский 157, 158, 218
Экипажи
гвардейский флотский 11, 50, 54, 55, 89, 144, 146, 166, 177, 222, 258, 259, 279, 300
Второй Балтийский флотский 10, 11, 18, 38, 55, 61, 81, 84, 106, 126, 139, 147, 166, 175, 177, 197, 221, 239, 254, 257, 262, 264
Воздухоплавательный парк Северного фронта 12, 86, 212
Запасные роты
1-я автомобильная 12, 26, 87, 101, 131, 132, 139, 146, 197, 212, 216, 245
3-я автомобильная 12, 220
артиллерийская рота главного артиллерийского полигона 13
отдельная рота петроградской крепостной артиллерии 13
4-я самокатная 26, 113
гвардейского саперного полка 12
химическая 12
Пешие дружины
85-я Вологодская 10, 255
86-я Вологодская 10, 255
87-я Вологодская 10, 255
89-я Вологодская 10, 21, 239, 255
90-я Вологодская 10, 21, 222
148-я Вологодская 10
348-я Вологодская 10, 211, 213, 221
343-я Новгородская 10
308-я Петроградская 10
342-я Петроградская 10, 211
16-я Ярославская 10, 211, 221, 237
Автомобильно-авиационная дружина 12
Отряды
4-й автомобильный санитарный 117
Петроградский партизанский 232
Сводный отряд действующей армии 178
Команды
аэродрома Северного района 217, 249
Охтинского завода взрывчатых веществ 219
ездовых 10-го понтонного батальона 218
крейсера «Аврора» 49, 54, 216, 255, 257, 262
мастеровых при Петроградском военном округе 216
Морского полигона 136
Охтинская маршевая 199, 215
Охтинская пехотная 86
Петроградская автомобильная 12
Петроградская конвойная 128
Петроградского военного телеграфа 12
Петроградской станции искрового телеграфа 12
телеграфа Главного штаба 212
Мастерские
броневая автомобильная 12, 107, 122, 204, 212, 217
Петроградская усиленная автомобильная 199, 200, 215
6-я автомобильная 146
химическая 12
Склады
артиллерийский склад Петропавловской крепости 212
броневой автомобильный 12
Главный склад по формированию автомобильных отрядов 249, 255

Петроградский артиллерийский 13, 209, 255
Петроградский склад воздухоплавания 12
Петроградский склад огнестрельных припасов 13, 255, 256
Военные академии
Артиллерийская 13
Военно-медицинская 13, 236
Военно-юридическая 13
Генерального штаба 13
Инженерная 13
Интендантская 13
1-й кадетский корпус 13
2-й кадетский корпус 13
Пажеский корпус 13
Военные училища
Владимирское пехотное 13, 57, 196, 209, 231, 237, 252, 264
Военно-топографическое 13
Константиновское артиллерийское 13, 181, 195, 231, 236, 252, 255, 264
Михайловское артиллерийское 13, 57, 132, 148, 166, 170, 195, 212, 231, 236, 249, 260, 261, 264
Морское 166, 209, 212
Николаевское инженерное 13, 195, 231, 255, 264
Николаевское кавалерийское 13, 57, 166, 195, 212, 231, 245, 255
Павловское пехотное 13, 57, 195, 252, 264
Военные школы
автомобильная 14, 56, 57, 131
артиллерийская 14
воздухоплавательная 14
моторных машинистов 14, 212
разведчиков-мотоциклистов 12
шоферов 12, 20
электротехническая 14, 199, 215
1-я Ораниенбаумская школа прапорщиков 13, 231, 261
2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков 13, 196, 231, 240
1-я Петергофская школа прапорщиков 13, 240, 244, 259
2-я Петергофская школа прапорщиков 13
3-я Петергофская школа прапорщиков 13, 196
Петроградская школа прапорщиков инженерных войск 13, 166, 196, 212
прапорщиков Северного фронта 13, 261

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. **Петроградский гарнизон накануне и в период Февральской революции** 6
Численность, состав, вооружение и размещение Петроградского гарнизона 6
В годы империалистической войны 22
Петроградский гарнизон переходит на сторону восставшего народа 31

Глава вторая. **В борьбе за демократизацию старой армии (март—апрель 1917 г.)** 59
Солдатский вопрос в Петроградском Совете 59
Петроградский гарнизон и Временное правительство . . 73
Казарма на обновленных началах 81

Глава третья. **На начальном этапе политической борьбы** 97
Особенности формирования политических представлений солдат после свержения самодержавия 97
«Революционное оборончество» 109
Ленинский курс на социалистическую революцию. Начало прояснения политического сознания солдат 116

Глава четвертая. **Петроградский гарнизон в период политических кризисов** 124
Апрельский кризис: взрыв возмущения солдат империалистической политикой Временного правительства . . 124
На пути изживания мелкобуржуазных иллюзий . . . 136
Июньская демонстрация 152
Июльский кризис: размежевание борющихся сил . . 164

Глава пятая. **Большевизация Петроградского гарнизона** 184
Борьба солдат против контрреволюции в августе 1917 г. Разгром корниловщины 184
На большевистские позиции 198

Глава шестая. **Октябрьское вооруженное восстание** . . . 225
Мобилизация солдатских масс на вооруженное восстание 225
Петроградский гарнизон в решающие дни борьбы за власть Советов 244

Послесловие . 263

Примечания . . 268

Список сокращений . 302

Указатель имен 303

Указатель воинских частей, учреждений и организаций . 307

Геннадий Леонтьевич Соболев

**ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН
В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ ОКТЯБРЯ**

*Утверждено к печати Ленинградским отделением
Института истории СССР АН СССР*

Редактор издательства Т. Н. Богданова
Художник А. И. Слепушкин
Технический редактор Н. А. Кругликова
Корректоры Е. А. Гинстлинг, К. С. Фридлянд
и Т. Г. Эдельман

ИБ № 21262

Сдано в набор 27.03.85. Подписано к печати 14.08.85. М-18346.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная
Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 16.38. Усл. кр.-отт. 16.82.
Уч.-изд. л. 19.09. Тираж 1900. Тип. зак. 285. Цена 3 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

3 р. 20 к.

Издательство „Наука"
Ленинградское отделение